Юн Ха Ли

ВОЗРОЖДЕННОЕ ОРУДИЕ

СМЕРТЬ
И НОВОЕ НАЧАЛО

ФИНАЛИСТ ПРЕМИИ
АРТУРА КЛАРКА

fanzon

Возрожденное орудие
Юн Ха Ли

Аннотация
Юн Ха Ли. Возрожденное орудие
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
Эпилог
Благодарности
Об авторе

Аннотация

Генерал Шуос Джедао пробуждается и понимает, что все не так, как он помнит. Он осознает себя юным кадетом, но в теле, которое старше на десятилетия. Теле самого страшного и ненавидимого человека в галактике.

Гекзарх Нирай Куджен повелевает Джедао вновь завоевать области распавшегося Гекзархата. Но Джедао не помнит себя солдатом, не говоря уже о генерале. Весь его опыт – это опыт кадета-первокурсника и игрока в военные видеоигры. А офицеры Кел продолжают его ненавидеть за бойню, которую он не помнит.

Куджен, несмотря на всё своё показное дружелюбие, тиран. И что хуже всего, на Джедао и Куджена охотится неизвестный враг, который знает о Джедао и его преступлениях больше, чем он сам…

Юн Ха Ли
Возрожденное орудие

Yoon Ha Lee
Revenant Gun

© 2018 Yoon Ha Lee
© Н. Осояну, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

1

Джедао проснулся в роскошно обставленном номере с нарисованными тушью картинами на свитках, причудливыми асимметричными креслами и прозрачными столиками. Последнее, что он помнил, — как лежал на кровати в гораздо меньшей комнате и боролся со своим другом Руо за игровой контроллер. «Лучше бы это был не отель», — подумал Джедао, гадая, не убедил ли его Руо снова сделать что-нибудь достойное сожалений. Он не мог себе позволить ничего подобного.

Не доверяя ситуации, он нырнул за кресло, в котором пробудился, и прислушался. Ни единого звука. Через некоторое время он выглянул наружу и осмотрелся, стараясь не шуметь. Увидел закрытую дверь, а напротив нее — проем, ведущий в другую комнату. Ни окон, ни иллюминаторов, разве что они были скрыты.

«Руо, — подумал он. — Если это еще одна из твоих шуточек…»

Легкий сквознячок пронесся по комнате, и Джедао вздрогнул. Додумался посмотреть вниз. Его одежда куда-то подевалась. На нем были тон-

кая, грязно-белая рубашка и трусы. Может быть, кто-то из Академии Шуос издевается над ним?

В него так никто и не выстрелил, поэтому он рискнул встать во весь рост. Происходящее парадоксальным образом заставило его насторожиться. Он бы знал, как поступить, если бы пришлось иметь дело с пулями, огнем и дымом.

Чем больше Джедао об этом думал, тем сильней становилась его тревога. Самые недавние воспоминания подсказывали, что он — первокурсник в Академии, но, несомненно, даже Шуосы не устраивали первокурсникам тренировки с настоящей стрельбой. Откуда же у него такие знания?

Джедао обыскал первую комнату, потом набрался смелости и проверил остальные покои. Комнат оказалось шесть, а не семь, что заставило его нахмуриться. Разве гептархат не требует, чтобы повсюду повторялась семерка? Ему также повстречалось множество предметов искусства, но ни одной живой души, которой можно было бы задать пару вопросов. И никаких признаков Руо.

В одной из спален был комод во всю стену, такой же роскошный, как вся остальная мебель. Но лишь в верхнем ящике кое-что лежало. К сожалению, «кое-чем» оказалась униформа Кел. По крайней мере, Джедао предположил, что это

униформа Кел — черная с золотой тесьмой, правильных цветов. Он поискал значки или медали, вывернул карманы наизнанку, но не обнаружил подсказок о том, кто был владельцем униформы. Двойные полосы на манжетах указывали, что она принадлежала офицеру высокого ранга, только и всего. Стиль показался Джедао странным. На левой части кителя был отворот, и застегивался он не на пуговицы, а на кольца и крючки.

Рядом с униформой в углу лежала пара шелковых черных полуперчаток. Это наводило на мысль, что форма принадлежала кому-то, прикомандированному к Кел, а не настоящему солдату Кел.

— Ладно, — проговорил Джедао, стараясь не обращать внимания на подступающую тошноту. — Это уже не смешно. Теперь можешь выходить, Руо.

Никакой реакции.

Джедао подумал о том, что кто-то мог случайно забыть здесь свою униформу. Взял рубашку, снова развернул. Потом брюки. Судя по виду, они должны ему подойти… так, стоп. Прищурившись, он посмотрел на свои руки, потом — на ноги, а затем окинул взглядом торс. Когда это он успел нарастить такие мускулы? Не то чтобы он жаловался,

но вроде раньше его тело было гораздо стройнее.

Он уже начал подумывать, что Руо все-таки не имеет к этому никакого отношения. По крайней мере, он не мог придумать ни одной причины, по которой друг мог бы устроить ему ночную обработку, усиливающую мышцы. В таком случае, какого хрена тут происходит?

Даже если униформа подойдет ему, Джедао знал, что лучше не надевать ее. Жаль, что у него нет другой одежды. Но идея быть расстрелянным за то, что он выдал себя за офицера, совсем не казалась смешной.

Дверь открылась. «Руо?» — подумал Джедао; но нет.

Вошел мужчина, бледный, высокий и необычайно красивый. Его янтарные глаза с дымчатыми ресницами были подчеркнуты серебристо-темными тенями. Незнакомец носил черное с серебром одеяние фракции Нирай, но Джедао еще не доводилось видеть таких декадентских оборок, не говоря уже о кружевах, в которых утопали запястья вошедшего.

Возникла новая теория: эксперименты Нирай, на которые он, как подсказывала память, не соглашался. Конечно, они ни у кого в гептархате не спрашивали разрешения. Он отступил на два

шага.

Взгляд Нирай метнулся к рукам Джедао, которые были на виду и не делали ничего угрожающего. Брови незнакомца резко приподнялись.

— Мне неприятно тебе об этом говорить, — сказал он, игнорируя враждебный язык тела Джедао, — но, расхаживая с голыми руками, ты вызовешь панику. — У него был низкий, интеллигентный голос, такой же красивый, как и все остальное. — Рекомендую надеть перчатки, хотя они тоже вызовут панику. Тем не менее это лучшая из двух плохих альтернатив. И тебе надо одеться.

Неужели это приглашенный инструктор? Если так, почему у него нет соответствующих знаков отличия?

— Прошу прощения, — сказал Джедао. — Я бы предпочел не наряжаться в одежду Кел. Если где-то тут есть гражданский наряд, я бы надел его взамен. И вообще, кто вы такой?

— Меня зовут Нирай Куджен, — представился мужчина. Он сделал несколько шагов вперед, и Джедао пришлось попятиться в угол. — Скажи свое имя.

Требование выглядело достаточно безобидным.

— Гарах Джедао Шкан.

Куджен нахмурился.

— Интересно… мы так далеко откатились? Впрочем, для моих целей вполне сгодится. Знаешь, почему ты здесь?

— Послушайте, — сказал Джедао, в котором раздражение пересилило испуг. — Кто вы такой и каковы ваши полномочия?

Он, конечно, был всего лишь шуосским кадетом, но даже кадетам должна быть предоставлена защита от произвола случайных членов других фракций.

Куджен тихо рассмеялся.

— Посмотри на мою тень и скажи мне, что ты видишь.

Джедао сперва принял ее за обычную тень. Однако, присмотревшись повнимательнее, он увидел, что она состоит из очертаний порхающих пленных мотов. Чем дольше он вглядывался, тем отчетливее видел, как темнота уступает место огромной расселине, заполненной шестернями, кулачковыми механизмами и серебряными куколками, из которых вылетали все новые моты. Он поднял голову и стал ждать ответа на вопрос, который никак не мог сформулировать.

— Да, — сказал Куджен. — Я — гекзарх фракции

Нирай.

Джедао переключился на самый официальный лексикон.

— Гекзарх? Не гептарх?

Имя было незнакомым. Он порылся в памяти в поисках имен кого-то из гептархов, но смог вспомнить только Хиаз, которая возглавляла фракцию Шуос. Да что за эксперименты на нем ставили, что испортили даже базовые знания?

— Все сложно. Так или иначе, ты здесь, чтобы возглавить армию.

В этом было еще меньше смысла. Фракция Нирай занималась технологиями, включая оружие, но они не были солдатами; это вотчина Кел. Кроме того…

— Я не солдат, — сказал Джедао. По крайней мере, пока. И к тому же надо прослужить много лет, чтобы подняться от рядового до генерала, разве не так?

Вот только у него тело солдата, и первое, что он сделал, когда проснулся — прислушался, не раздаются ли звуки выстрелов.

Куджен ухмыльнулся при виде выражения лица Джедао.

— Речь о настоящей армии, — сказал гекзарх. — Не об имитации. О потенциальном сражении с

лучшими генералами гекзархата.

Джедао решил перейти к вопросам в надежде, что хоть некоторые ответы окажутся осмысленными.

— Гекзархат? Какой фракции пришел конец?

— Лиож, если тебе интересно. Ситуация осложнилась очень быстро. Два главных государства-преемника — Протекторат, считающий себя наследником старого гекзархата, и Конвенция, которую основали радикалы. Плюс некоторое количество независимых систем, пытающихся избежать поглощения ими или державами-чужаками. Я покажу тебе карту, если пожелаешь. Ты должен завоевать эти осколки, чтобы мы вновь составили из них империю.

Джедао сурово уставился на Куджена, что было трудно из-за разницы в росте, не говоря уже о красивых глазах, сбивающих с толку. Он уже не сомневался, что Куджен упускает из виду множество деталей.

— Как, во имя лисы и пса, все это случилось?

— Ты ничего не помнишь? — В голосе Куджена послышалась легкая тревога.

— Ясное дело, нет, — сказал Джедао и испытал прилив леденящего душу страха.

— Мне срочно понадобился генерал, — сказал

Куджен. — Ты оказался доступен.

М-да…

— Вы хотите проиграть, Нирай-чжо? Я не генерал. — Тогда почему же он укрылся в этом решительно не опасном убежище? Стоило признать, Джедао считал, что большинство генералов проводят время, протирая штаны вдали от линии фронта. — Игры неспособны никого подготовить к настоящей войне.

Наверное, это проверка: нет ли у него чудовищной мании величия.

— Ладно, все равно одевайся, и я покажу, что тебе предстоит, — сказал Куджен. — И называй меня по имени. Никто больше не пользуется этим почетным суффиксом.

Джедао в отчаянии уставился на него, не зная, как поступить. Носить цвета другой фракции было табу. Шпионы шли на такое по долгу службы, но он не обязан воспринимать предложенное с восторгом. С другой стороны, бросать вызов гептарху — гекзарху — тоже казалось паршивой идеей.

— Ты заслужил право носить эту форму, — сказал Куджен. — Ну же, вперед.

Пора контратаковать.

— С чего вдруг кому-то из фракции Нирай

вмешиваться в военные дела? — резко спросил Джедао. Может, это отвлечет Куджена от униформы.

— Я последний настоящий, законный гекзарх, — сказал Куджен. — Протекторат находится под влиянием выскочки-Кел. Конвенцией, невзирая на претензии на демократию, заправляет еще один выскочка-Кел. Как я уже сказал, все сложно. И вынужден с прискорбием сообщить, что гекзарх фракции Шуос стал предателем и присоединился к Конвенции.

Не переставая говорить, Куджен взял мундир и протянул его Джедао.

— Ну же, — сказал он умоляющим тоном. — Если только ты действительно не собираешься разгуливать полуголым.

Джедао неохотно взял одежду и натянул ее. Затем он снова уставился на Куджена.

— У меня есть несколько записей боев, так что ты получишь представление о том, чего ожидать.

— Уверены, что вам негде раздобыть компетентного генерала? — спросил Джедао. — Или командира наемников?

Наемники в гептархате были вне закона, но, возможно, правила изменились. Или Куджен, бу-

дучи гекзархом, мог их менять. Иногда воинские единицы действовали за пределами регламентов.

— Я не… — Он беспомощно посмотрел на свои руки. — Кем бы вы меня ни считали, я на такое неспособен. Мои воспоминания путаются. Если вам действительно так нужен генерал, найдите человека, который знает, что делает.

Куджен криво усмехнулся.

— У меня есть веские основания полагать, что ты единственный, кто может помочь.

Такие слова весьма уместны в драмах, но услышать их от кого-то в реальной жизни — дурной знак. На мгновение в памяти Джедао всплыла картина: он находится в комнате с… женщиной-Кел с овальным лицом и несколькими роботами и смотрит драму? Только вот в этом воспоминании у него как будто не было тела, и он мог видеть сразу во всех направлениях, что не имело смысла, поскольку Джедао не сомневался, что наделен двумя стандартными глазами спереди и только. Но воспоминание растаяло так же быстро, как пришло.

И все-таки ему стоит собирать по крупицам любые сведения, какие только попадутся.

— Ну ладно, Нир… э-э… Куджен, показывайте.

Гекзарх повел его в гостиную и схватил один из лежащих на столе планшетов. Затем проиграл несколько сражений в трех измерениях, что заняло время. Первыми были сухопутные сражения на различных картах, в том числе и амбициозная десантная атака. Более поздние примеры разворачивались в космосе, некоторые — при участии больших роев. Одна сторона была представлена синим цветом, другая — красным. Постепенно сделалось очевидным, что Красными всякий раз командовал один и тот же полководец, и он был противником, о котором беспокоился Куджен: агрессивным, хитрым и хорошо умеющим таскать врага за шиворот.

— Ну что? — спросил Куджен.

— Мы сражаемся с Красным, верно?

Интересно, что означает эта кривая ухмылка?

— Да, — сказал гекзарх и не стал ничего пояснять.

— Нам крышка, — сказал Джедао. — Не знаю, понимаете вы это или нет, но нельзя не заметить, что в последней битве Красный разорвал Синего на куски, хотя тот превосходил его по силе в восемь раз. У меня идея получше. Вас беспокоит этот враг? Вложите деньги в хороших наемных убийц. — Ну вот, он заговорил, как типичный

Шуос, но это был хороший совет, черт возьми. — Если только вы не собираетесь мне сказать, что все потенциальные наследники Красного так же хороши.

— Нет, это маловероятно.

— Ну и чем же плох вариант с убийцами? Или это одна из тех ситуаций, где подобное может привести к всеобщей войне, на которую у нас нет денег?

Куджен покачал головой.

— Нам нужно захватить и удержать территорию. Кроме того, я знаю, что ты готов сражаться с Красным, потому что ты тоже Красный. Кстати, это битва с перевесом восемь к одному — сражение при Свечной Арке. Очень знаменитое. Кел поместили его во все свои учебники.

Холод пробрал Джедао до мозга костей. Какого хрена? Как он мог быть Красным, не говоря уже про «тоже Красного», что бы ни значили эти слова? Или, если уж на то пошло, достаточно взрослым, чтобы совершить подвиг, который попал в учебники? Неужели Кел обзавелись привычкой поручать командование роями подросткам?

— Ладно, — сказал Джедао. — Вы победили. Полезных доводов против безумия у меня нет.

Если это тренировочное упражнение, можете указать, что я провалился. — Это, конечно, приведет к ужасным последствиям, ведь у него и так проблемы с занятиями по математике. — Я буду отрабатывать это до конца семестра, но тяжкий труд меня не страшит.

Куджен глядел на него, словно зачарованный.

— Я должен кое-что тебе объяснить. Ты действительно считаешь себя кадетом?

Джедао промолчал.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать, — с неохотой ответил Джедао, уже начиная в этом сомневаться.

— Сними китель.

Джедао поколебался, потом стал возиться с застежками.

Куджен закатил глаза.

— Не буду смотреть, если тебе так легче, хоть это и не что-то такое, чего я раньше не видел. — Он неторопливо прошел в другой конец комнаты и демонстративно повернулся спиной.

Джедао с трудом удержался, чтобы не вперить суровый взгляд ему между лопаток. Куджен театрально вздохнул. Джедао снял китель, перекинул через руку и неуверенно потоптался на месте.

— Рубашку тоже.

Он сдержал резкий ответ и повесил китель на спинку стула. Стянул рубашку через голову и застыл. Он-то думал, что телосложение более зрелого мужчины — достаточно серьезная проблема. Но все оказалось еще хуже: его торс был испещрен шрамами. Большинство из них выглядели жутко. Вот черт, один из его сосков был полностью уничтожен. Джедао понятия не имел, откуда взялись эти шрамы. Он потыкал пальцем в один из них. Боли не было. Он почти ее желал.

— Даже Шуосы так не поступают со своими кадетами, — сказал Куджен. — Однажды граната снесла тебе половину лица, когда ты был командиром тактической группы. Хирурги отлично его реконструировали. Ничего нельзя заметить без глубокого сканирования на уровне костей. В любом случае — веришь ли ты мне теперь, когда я говорю, что ты солдат?

Джедао снова оделся.

— Сколько лет?

«Добудь факты. Паниковать будешь потом».

— Тебе сорок четыре.

Вот дерьмо.

— У меня был друг… — проговорил Джедао и замолчал, поскольку сам не знал, к чему клонит. В конце концов, зачем гекзарху следить за еще

одним случайным кадетом из Академии Шуос? Руо, вероятно, уже прославился как знаменитый наемный убийца. И он теперь на двадцать семь лет старше.

Интересно. Обычно ему приходилось решать арифметические задачи в письменном виде, а с этой он только что справился в уме. Но Куджен снова заговорил, и Джедао отложил это несоответствие, чтобы поразмыслить над ним позже.

— Твои способности не должны были пострадать, — продолжил Куджен, — но нам придется разобраться с дырами в твоей декларативной памяти.

— Да, кстати, — сказал Джедао. — Существует ли какое-нибудь лекарство? Потому что это весьма беспокоит.

— Наша противница украла большую часть твоих воспоминаний, — сказал Куджен. — Вот почему она потенциально худшая пара для дуэли, и, как следствие, мы должны быть осторожны. Я забрал остальное, но в силу обстоятельств оно некоторым образом деградировало. Прости.

— Вы хотите сказать, что на меня напал вампир и высосал память? — недоверчиво переспросил Джедао.

Куджен фыркнул.

— Иной раз ты так выражаешься… Все дело в экзотической технологии и экспериментальной процедуре. Если захватим ее, можем попытаться воспроизвести обстоятельства, но, скорее всего, это сведет тебя с ума.

— А почему эта вампирка, высасывающая воспоминания, не сошла с ума?

— Кто сказал, что не сошла? — Куджен вздохнул. — Полагаю, ты не помнишь ни одной из тех анданских шуток?

Вопрос был таким причудливым, что Джедао совершенно растерялся. Он вообще не помнил никаких шуток, и к тому же вся ситуация казалась решительно не смешной.

— У тебя когда-то была необыкновенная коллекция грязных анданских шуток, — задумчиво произнес Куджен.

— Расскажите их мне, а я перескажу.

— Нет, — сказал гекзарх. — Это не одно и то же.

Лучше не стало, и Джедао перешел к следующему вопросу.

— Почему именно Кел?

— Ты сделал отличную карьеру после того, как тебя прикомандировали к Кел, — сказал Куджен. — Тебя повысили до небес.

— Почему вы не можете нанять кого-нибудь без

дефективных воспоминаний?

— Ты не проиграл ни одного сражения, — объяснил Куджен. — Плюс численное превосходство восемь к одному. Сокрушительная победа. Даже я это понимаю. — Его интонации были слегка насмешливыми.

Джедао закрыл глаза. «Ну спасибо за нажим…»

— Нет никакой гарантии, что я смогу сделать это снова.

Скорее всего, ему такое не повторить никак и никогда.

— Ты же видел, как это произошло, в записи, не так ли?

Куджен что, совсем не понимает?

— Это на чистенькой трехмерной диаграмме, трахни ее паук, где аккуратно расположены все подразделения, повсюду метки, и векторы обозначены полезными стрелочками. В отличие от подлинной ситуации, когда у какого-нибудь боемота в опорной точке происходит отказ двигателя, потому что во время последней остановки механики делали ремонт через одно место, и к тому же прочитать половину вражеских формантов на сканере не получается, потому что у противника миленький новый глушитель, а в довершение всему один из твоих блестящих ко-

мандиров, горячих голов, решает, что лучшее, что можно сделать со своей тактической группой, — это творчески и неправильно интерпретировать приказы, и…

Джедао заткнулся. Он понятия не имел, откуда взялась эта тирада, как и шрамы. Он не мог сказать, произошло ли что-то из этого на самом деле или он рассуждал гипотетически. Это было все равно что слушать незнакомца, который говорит его голосом, с его интонациями. И к тому же знает намного больше о войне.

«Кто я такой, черт возьми? Я что, клон?» Он считал, что клонов невозможно наделить даже сомнительными воспоминаниями о войне, но у него же амнезия. Разве он может быть в чем-то уверен?

Куджен схватил его за руку и подвел к креслу.

— Сядь, — сказал гекзарх и мягко потянул.

Джедао рухнул. Он чувствовал, что еще немного — и ноги откажутся ему повиноваться.

— Я войной на практике не занимаюсь, — сказал Куджен. — Но опыт общения с военными у меня есть, и Кел высоко ценят твои способности. В этом вопросе я полагаюсь на их мнение.

— Я что, копия, которую можно пустить в расход?

— Тебя нельзя пустить в расход, — сказал Куджен, и от этих слов лучше не стало.

Он не стал ничего отрицать.

— Ладно, — уступил Джедао. — Какими ресурсами мы располагаем?

Если повезет, вопрос приведет к конкретному ответу, а не к вызывающим беспокойство тварям вроде вампиров, питающихся воспоминаниями. С клонами он разберется в свободное время, раз уж Куджен так молчалив.

— Хорошая новость в том, что возможности боемотов тебя приятно удивят, — сказал гекзарх.

Джедао так и предполагал, потому что все его статистические знания по боемотам пришли из видеоигр. Но упоминать об этом было бы не слишком вежливо.

— Еще хорошо то, что у нас есть для этих мотов запас верных Кел. Плохая новость — цифры. Что бы мы ни делали, оба врага все равно значительно превосходят нас числом.

— И сколько же мотов и людей на нашей стороне?

— У нас сто восемь знамемотов, — сообщил Куджен, — с экипажем примерно в четыреста пятьдесят человек каждый. Также имеются два пехотных полка, которые можно распределить

между знамемотами и сопровождающими их боксмотами, как ты сочтешь нужным. Я бы добыл для тебя больше Кел для мотов, будь это возможно.

— Вы не в силах завербовать еще?

Куджен скорчил гримасу.

— Многие Кел не знают, за кем идти. Хоть небольшое количество баз и сохранили верность мне…

— Лучше покажите мне все на карте, — сказал Джедао, — чтобы я смог представить себе ситуацию.

«Притворись, что это видеоигра», — велел он себе, пусть относиться к такой серьезной вещи, как война, словно это была игра, и было неловко.

Куджен вызвал аккуратно размеченную трехмерную карту. Протекторат был высвечен золотом. Хотя местами его границы и выглядели более обширными, чем в пору гептархата, которую помнил Джедао, другие части кто-то оттяпал. Вторым по величине государством, как и упоминал Куджен, была Конвенция. На карте она обозначалась красным цветом.

— Красный — цвет фракции Шуос? — спросил Джедао. Куджен ведь говорил, что гекзарх фракции присоединился к Конвенции.

— Да.

— Шуосами все еще руководит Хиаз-чжо?

Куджен вытаращил глаза и расхохотался.

Джедао не понял, что тут смешного.

— Ну?

— Ее уже довольно давно с нами нет, — сказал Куджен. — Теперешний глава — Шуос Микодез. Ты почти ничего не помнишь про Хиаз, не так ли?

— Нет, — ответил Джедао. Он помнил только имя. — А в чем дело?

— Да уж, в чем… — проговорил Куджен. Он увеличил изображение пограничного пространства между Протекторатом и Договором. — Ну, что скажешь?

Там возникло несколько небольших государств. Джедао подумал, что ни одно из них не в восторге от ситуации.

— Почему их еще не поглотили?

— Еще один хороший вопрос, — сказал Куджен. — Ответ заключается в том, что после убийства, которое уничтожило всех гекзархов, кроме меня и Микодеза, календарная дестабилизация была настолько сильной, что границы остаются ненадежными даже сейчас. Есть большие области космоса, где старые экзотические

технологии больше не работают. Они наиболее надежны в Протекторате, но Протекторат слишком раздут. Именно такая ситуация привлекает властителей-оппортунистов, деспотов и правительственных экспериментаторов всех мастей.

— Как вам удалось не стать жертвой убийства?

Куджен пожал плечами.

— Мы с Микодезом оказались большими параноиками, чем остальные.

Джедао понял, что более внятного ответа не получит, и вернулся к карте.

— Раньше вы сказали, что Кел разделились.

— Да. Генерал-протектор Инессер захватила власть и управляет Протекторатом. Другие фракции сдались на том основании, что она распоряжается пушками. Конвенция — нарождающееся демократическое государство, которое поддерживает верховный генерал Кел Брезан. Кел бьются в конвульсиях, пытаясь разобраться в этом бардаке.

— «Демократическое»? — переспросил Джедао. — Это что еще такое?

— Они все решают голосованием, от выбора правителей до принятия законов.

Джедао поразмыслил над услышанным.

— Звучит ужасно непрактично, — сказал он. —

Ну да ладно… Как насчет ваших Кел? Кого они поддерживают?

— Я могу гарантировать их лояльность.

— Да? — ровным голосом произнес Джедао.

— У нас были кое-какие проблемы с моральным духом, — сказал Куджен с подозрительной уклончивостью. — Сам увидишь, когда встретишься с ними.

— Какие именно…

— Я хочу посмотреть, как ты с этим справишься.

Проверка. Джедао это тоже не понравилось, но он решил, что выкрутится.

— И как же зовут эту вампирку, питающуюся воспоминаниями, которая имеет на меня зуб?

Куджен смягчился:

— Ее зовут Кел Черис.

Имя показалось совершенно незнакомым.

— Она из тех, кого мне следует знать?

— Тебе — нет, — сказал Куджен с легким раздражением. — В том, что касается тебя, она всего лишь младший офицер с талантом к математике. Это я должен был предвидеть, что она вырастет в самого натурального падающего ястреба.

«Падающий ястреб?» — удивился Джедао. Он бы спросил, но Куджен продолжал говорить.

— Мы не вступим в противоборство с ней сразу. Ты сейчас в невыгодном положении. Позже, возможно, если накопим ресурсы. Но не сейчас.

— Я не хочу ее преследовать, — сказал Джедао. Избегать противницы казалось вполне разумным. Если она в большей степени Джедао, чем сам Джедао, да к тому же чокнутая, ей по силам повторить тот трюк с восемью к одному. Он мог держать пари, что, как бы впечатляюще ни звучали слова «сто восемь знамемотов», их рой не превосходит ее в соотношении восемь к одному. Это бы значило, что у Кел Черис сколько мотов — тринадцать с половиной? — Я хочу знать, где моя противница, чтобы удрать со всех ног, если она появится поблизости.

— Мои агенты делают все, что в их силах, — проговорил Куджен. — К сожалению, за последние девять лет ее никто не видел.

Отлично. Значит, она прячется, и о том, чтобы заметить ее приближение, можно даже не мечтать.

— Позволь подбодрить тебя, — довольно бессердечно продолжил Куджен. — Покажу тебе твой командный мот. — Он взял планшет и что-то напечатал. Джедао был впечатлен тем, что кружева на запястьях не мешали гекзарху.

— Тройняшки? — спросил Джедао, вглядываясь в изображение трех мотов, которое теперь парило перед ним: один был большой, два — поменьше. Все три мота имели характерный треугольный профиль боемотов Кел. На спине у самого крупного из них выступала орудийная башня с ожидаемым набором турелей и ракетных портов.

— Нет, два меньших — для сравнения масштаба, — сказал Куджен. — Тот, что слева от тебя, — клыкмот. Раньше ты их очень любил. Тот, что справа от тебя — это…

— …знамемот, — сказал Джедао и осекся.

Куджен выгнул бровь, глядя на него.

— Видишь, ты не все забыл. — Его руки снова пришли в движение. У него были красивые руки с изящными, утонченными пальцами.

Четвертый мот появился над центральным. Он был шире и длиннее и также имел спинную орудийную башню.

— Пепломот, — сказал Куджен. — Раньше их было шесть. Теперь осталось только четыре, и все находятся под контролем генерал-протектора Инессер. В настоящее время ни у кого нет мот-верфи, способной построить новые, что дает нам немного времени. Так или иначе, в центре

— сдвигмот, и он твой. Я поручил ассистенту назвать его, что было ошибкой, но я ненавижу давать имена. Не смотри на меня так — я их просто создаю.

Куджен увеличил изображение орудийной башни на спине мота.

— Это сдвиговая пушка, — сказал он. — Работает только в условиях топографии высокого календаря, что является ее главным недостатком, потому что сражаться тебе предстоит с радикалами, мятежниками и еретиками.

— Объясни мне, зачем тогда с ней возиться? — спросил Джедао.

— Она генерирует импульс, который искривляет пространство-время, — терпеливо объяснил Куджен. — Создание импульса — это экзотический эффект. Однако после возникновения он продолжит движение в рамках любой топографии, пока не рассеется. Эта идея возникла у меня благодаря тому, как работают мот-двигатели — вцепляются в пространство-время и тянут себя вдоль его ткани. Чтобы вывести мотов с такой модификацией, ушло некоторое время. Но я думаю, ты найдешь ее стоящей.

Джедао все понял.

— Значит, из нее можно стрелять с нашей сто-

роны границы в их направлении.

— Да.

— Надеюсь, там есть и обычное оружие, — сказал Джедао, пристально глядя на Куджена. — Потому что если это гравитационная волна, то она может разрушить формации, но запросто пройдет сквозь сами моты. Таким способом я не смогу их уничтожить.

«Отлично…» — подумал он. Сказал «я», словно уже согласился на эту авантюру.

Куджен сделал успокаивающий жест.

— Я бы не стал тебя так ограничивать. И пушка не совсем бесполезна в этом смысле — опробуй ее как-нибудь на планете с океанами и атмосферой, получится интересная турбулентность. Проверь другие цифры…

Поверх изображений появились данные. Джедао просмотрел все перечисленное оружие, а также количество ракет и мин, плюс количество места, отведенного для необходимых вещей вроде пенного герметика и солений. Похоже, любовь Кел к пряной маринованной капусте не изменилась. Он указал на планшет. Куджен передал ему устройство, позволяя выполнить собственные запросы. Джедао потребовалось несколько минут, чтобы разобраться в интерфейсе, но через

некоторое время он смог вызвать несколько поясняющих диаграмм.

Поначалу цифры ничего не значили. Однако, немного подумав, он смог представить себе возможности сдвигмота; смог вообразить маневры, которые тот мог совершать, и то, как корабль будет танцевать по его команде.

— Сколько их у вас? — спросил он, уже догадываясь об ответе.

— Только один, — сказал Куджен с тем, что Джедао истолковал как искреннее сожаление. — Ты понятия не имеешь, на что мне пришлось пойти, чтобы добыть материалы, необходимые для выращивания компонентов мот-двигателя. Имей в виду, что мот-двигатель и маневровые двигатели сдвигмота имеют лучшее соотношение мощности и массы, чем у знамемотов, пусть он и больше. Не отрывайся от них.

Джедао из вежливости просмотрел досье на оба типа двигателей и был впечатлен различиями. Он провел несколько вычислений, чтобы сравнить расход энергии при нескольких вариантах ускорения. Через некоторое время он заметил, как Куджен прищурился.

— Я что-то не так понял?

— Нет, — сказал Куджен после неуловимой

паузы. — Ты угодил прямиком в пересечение этих кривых.

Эту часть расчетов Джедао проделал в уме. Любопытно, но если прошедшие годы волшебным образом исправили этот изъян его мозга, он и от этого не собирался отказываться.

— Оно должно было быть где-то здесь, — сказал он. — Если предположить, что кривые аппроксимируются… — и далее последовала демонстрация.

— Я так и понял, — сказал Куджен таким сухим тоном, что Джедао опомнился: он читал гекзарху Нирай лекцию по математике настолько элементарной, что тот, вероятно, освоил ее еще в младенчестве. — Что ж, пусть Кел всегда предпочитали поручать тебе стратегические задачи, вреда не будет, если мы усовершенствуем твое образование. Учитывая, сколько сейчас процветающих календарных ересей, развитие математических навыков может лишь пойти на пользу.

— Буду этому рад, — сказал Джедао и в награду получил от Куджена полуулыбку и подобие смешка.

— А пока, — продолжил Куджен, — давай разберемся с практическими моментами. Установи

знаки различия униформы. Я думал, ты сам вспомнишь, но раз этого не случилось… Кел любят, чтобы все делалось по протоколу.

— Установить? Разве для этого не существуют значки?

— Какая жалость, что у меня нет лучшего способа проверить, что ты помнишь, а что забыл, — пробормотал Куджен. — Униформа реагирует на голос. Просто назови ей свое имя и звание, остальное она возьмет из личного дела.

Джедао так и сделал — и с изумлением увидел генеральские крылья над глазом фракции Шуос; он не помнил, чтобы заслужил такое. Полноправный генерал, ну надо же. Интересно, Руо бы ему позавидовал?

— Даже если мне сорок четыре, — сказал Джедао недоверчиво и не без сожаления о потерянных годах, — это как-то рановато.

Идея о том, чтобы появиться перед Кел в этой униформе, была сама по себе достаточно пугающей. А появиться перед ними с заявлением о том, что он генерал — причем генерал Кел! — казалось приглашением проделать в нем дыры. По слухам, они были меткими стрелками.

— Кел уважают ранг, — сказал Куджен. — Они будут уважать и тебя.

«Да неужели…» — подумал Джедао. Существовал единственный способ это проверить.

— Это настоящие Кел, — сказал он, — они служат на настоящих мотах, сражаются в настоящей войне. И вы решили, что для выполнения вашего плана я должен стать настоящим генералом.

— В общем и целом, да.

Дело дрянь. Тем не менее он должен оставаться в живых достаточно долго, чтобы понять, как обернуть ситуацию не только в свою пользу, но и в пользу Кел, которые будут находиться под его опекой.

— Мне все равно, на сколько частей разрубили ваш гепт… гекзархат, — сказал Джедао, — или насколько хорош этот сдвигмот. Рой из ста восьми мотов, какими бы они ни были впечатляющими, не оставляет нам права на ошибку. Единственный путь к успеху заключается в том, что мне надо прийти в себя быстро, а сражаться мы станем грязно.

Повинуясь импульсу, Джедао отсалютовал Куджену. Движение показалось пугающе естественным.

— Я твое орудие, — произнес он формальную фразу Кел. Ему показалось, что событие надо как-то отметить, пусть во всем происходящем не

было даже намека на здравый смысл.

Глаза Куджена вспыхнули.

— Я знал, что ты вернешься ко мне, — сказал он.

И лишь намного позже Джедао выяснил, что гекзарх имел в виду.

2

Девять лет назад

На следующее утро после того, как Черис исчезла, забрав с собой игломот, верховный генерал Кел Брезан был разбужен незнакомцем в своей спальне на пепломоте «Иерархия пиршеств». Сначала он подумал, что какой-то сервитор перепутал время, ибо кто, во имя огня и пепла, подает чай в такой час? В кои-то веки он воспользовался неудобным новым званием и приказал никому не беспокоить ни по какому поводу, кроме экстренных случаев, потому что ему нужно было хорошенько выспаться, прежде чем решать мировые проблемы.

Перед сном Брезан проделал обычные рутины, в том числе размотал повязку, стягивающую грудь, потому что во времена кризиса, хаоса и чрезвычайных происшествий только рутина поддерживала его. Он мог быть самым высокопоставленным Кел, оставшимся в гекзархате, но это не означало, что он хотел напоминать военным об их смутном предубеждении против мужчины, которому не посчастливилось родиться мужефор-

мой. С какой стороны ни посмотришь, ситуация была проигрышной: смена пола — вещь нетрудная, хоть и отнимает много времени, только вот Кел и ее не одобряли, такая была у них дурацкая пуританская черта. Поэтому он терпел и не менялся. В последнее время он почти не придавал этому значения. Кроме того, учитывая все другие причины, по которым Кел могли бы ненавидеть Брезана, он сомневался, что то, что он был женоформой, имело хоть какое-то значение. Так или иначе, он подсказывал окружающим, как к нему следует относиться, с помощью штучек, связанных с модой — стрижки и (когда он был не на службе, то есть уже никогда) стиля украшений.

— Это чрезвычайная ситуация, — произнес резкий, низкий голос в тот самый момент, когда Брезан услышал звук, с которым захлопнулась дверь.

Брезан вздрогнул, проснулся окончательно и безуспешно попытался нащупать табельное оружие. Он не был настолько параноиком, чтобы с ним спать, но уже начал об этом сожалеть, хотя и сомневался, что смог бы нанести незваному гостю значимый урон. Уж скорее он бы выстрелил самому себе в ногу, или — если Вселенная отнесется к нему особенно несправедливо — его

оружие снова выстрелом выбьют из руки. Тот первый случай он не забудет до конца дней.

Побеги свечной лозы засияли ярче при появлении незнакомца, который, как выяснилось, не был таковым. Это оказалась одна из сержантов Кел, из службы связи — пухленькая женщина с привычкой рассказывать грязные анекдоты любому, кто хотел их выслушать. Только вот у Брезана возникло ощущение, что она вовсе не Кел, раз вломилась в его комнату.

— Привет, верховный генерал, — сказала женщина. В руках у нее был поднос с дымящейся чашкой чая.

— Вы что, Шуос? — спросил Брезан, не тратя время.

— Отлично, — сказала она.

— Как вас зовут по-настоящему?

Женщина приблизилась, двигаясь достаточно медленно, чтобы не выглядеть угрожающей.

— Вы задаете неправильный вопрос. Ну, если интересно, я Шуос Эмио. И вам бы стоило выпить чаю. Яда в нем нет, не считая кое-каких дополнительных стимуляторов. Для грядущего разговора вам надо взбодриться.

— Да что вы говорите, — саркастически заметил Брезан. — По-вашему, я недостаточно бодр?

Он сбросил простыни и сел, чувствуя себя странно уязвимым в ночной сорочке и со спутанными волосами.

— О, стимуляторы вам нужны не для меня, — сказала Эмио. — С вами хочет поговорить гекзарх, а для такого соображалка должна работать на полную катушку.

«Гекзарх» означало Микодеза, главу фракции Шуос, одного из последних людей, с которыми Брезану хотелось бы беседовать.

— Он не мог связаться по обычным каналам?

Эмио взглянула на него.

— Я не могу заставить вас воспринимать его всерьез, — проговорила она с тревожной небрежностью, — но в ваших интересах именно так и поступить. Ибо у меня для вас две новости, и гекзарх станет вашим лучшим другом, который поможет справиться с обеими.

Брезан решил, что Эмио вряд ли оставит его в покое, чтобы он смог переодеться. Он подошел к комоду и стал рыться в ящике в поисках нагрудной повязки и униформы.

— Ну ладно, рассказывайте.

— Во-первых, ваша революция уже в опасности.

Брезан усмехнулся.

— И это все? Это же революция. Она в опасности по определению.

Эмио продолжала, словно не расслышав его резкие слова.

— Во-вторых, человек, который нужен вам, чтобы справиться со всем этим, исчез. Я про Кел Черис.

Брезан застыл.

— Вы же не всерьез?

— Опять теряете время, — упрекнула его Эмио. — Вы уже проводили собрания с подчиненными. Всегда тратите так много времени на ненужное?

Какая бы сильная неприязнь к Эмио ни возникла у Брезана, он не мог с ней спорить. Если она говорила правду — а у него появилось неприятное чувство, что так и есть, — то надо было перестать ее подкалывать и начать готовиться к действительно неприятной ситуации.

— И вы не знаете, куда подевалась Черис?

Он не стал спрашивать, много ли Эмио знает про Черис-Джедао и ее роль в календарном всплеске, который привел к полной остановке механизма гекзархата. Во-первых, ответ мог ему не понравиться. Во-вторых, в данный момент это не имело значения.

— Если бы я знала, разве сказала бы, что она исчезла? — проговорила Эмио невыносимо рассудительным тоном. — И, сами понимаете, для Кел я всего лишь сержант. У меня не было полномочий посылать всех в погоню за ней.

— Ничего хорошего из этого не вышло бы, — сказал Брезан. — Предполагаю, она взяла игломот.

На этом корабле она и прибыла, и он был оснащен стелс-системой.

— Угадали.

К этому времени Брезан уже закончил одеваться, хоть и не расправил воротник кителя. Если Эмио это и волновало, она держала свое мнение при себе.

— Я готов, — сказал верховный генерал.

— Нет, — возразила Эмио. — Сперва вам надо поесть и попить.

— Вы, должно быть, шутите.

— Я совершенно серьезна.

— Гекзарх Микодез отдал вам на этот счет личный приказ?

Эмио слегка поморщилась.

— Не гекзарх. Его ассистент, Зехуни. Могу вас заверить, что по-своему Зехуни гораздо страшнее.

Учитывая, что Микодез только что убил остальных пятерых гекзархов, объявив себя союзником

Черис, Брезан сильно сомневался в этом. Однако он не собирался придираться. Брезан живо помнил свою единственную встречу с Зехуни, которая действительно была ужасающей. Он сел за стол, куда Эмио поставила поднос, и принялся за еду так быстро, как только позволял его ослабевший аппетит.

— Хорошо, — сказал Брезан. — Надеюсь, у вас есть защищенная линия связи с Цитаделью Глаз или где там обретается гекзарх в эти дни, потому что я почти уверен, что если попытаюсь с ним связаться, наткнусь на автоответчик.

Эмио не удостоила эти слова ответом.

— Ваш терминал, если позволите?

Брезан сделал нетерпеливый жест.

— Давайте покончим с этим.

Эмио склонилась над терминалом и ввела длинную загадочную цепочку идентификационных фраз.

— Ну вот, — сказала она, — линия 6–1, прямая связь с Цитаделью Глаз. У гекзарха не должно уйти много времени на ответ.

Брезан подавил желание провести это время ожидания, разглядывая свое отражение в темной глянцевой поверхности терминала. Если гекзарх Шуос Микодез настоял на том, чтобы разбудить

его посреди ночи (по пересмотренному календарю), чтобы поговорить, то пусть смирится с недостаточно причесанными волосами и перекошенным воротником.

Через две минуты дисплей ожил. Брезан никогда не встречался с Микодезом, но, как любой информированный гражданин, знал, как выглядит этот человек. Микодез, в отличие от многих Шуосов, ничего не менял в своей внешности, не считая того, что он остался в разумной степени молодым, как поступал любой здравомыслящий человек. Блестящие черные волосы с длинной прядью на лбу обрамляли темнокожее лицо, в ушах болтались серьги с красными кисточками и крошечными золотыми бусинками. Но в остальном его красно-золотой мундир был полностью ортодоксальным, слегка военным по стилю, несмотря на отчаянно непрактичные цвета. Впрочем, подумал Брезан, нет никакой разницы, какие цвета носят те, кто горделиво рассекает космос, а не копошится в грязи планет.

— Верховный генерал, — сказал Микодез. У него оказался на удивление мягкий тенор. — Эмио.

Брезан поборол волну чистейшего атавистического ужаса. В конце концов, если бы Микодез намеревался убить его, он мог бы приказать Эмио

застрелить верховного генерала несколькими минутами раньше.

Эмио только кивнула и присела на край стола Брезана. При других обстоятельствах Брезан был бы еще более раздражен.

— Гекзарх Микодез, — сказал он. — Я весь внимание. Что такого срочного?

Микодез улыбнулся Брезану. Это почти придало ему дружелюбный вид, но верховный генерал не позволил себя обмануть. Человек, контролирующий такое количество наемных убийц и шпионов, никак не мог быть дружелюбным.

— Жаль, что вам пришлось так поспешно встретиться со своим новым телохранителем, — сказал Микодез. — Но ничего не поделаешь.

— Если ситуация настолько хреновая, что мне грозит немедленная смерть, — сказал Брезан, — то я не уверен, что один телохранитель что-то изменит. Даже если это Шуос со сверхспособностями. — Он приподнял бровь, глядя на Эмио, словно провоцируя ее что-то сказать.

— Только по долгу службы, — невозмутимо ответила она.

— Вы отчаянно нуждаетесь в инструктаже, — продолжил Микодез, — особенно сейчас, когда Черис не осталась и не взяла бразды правления

в свои руки. Простите, что не связался с вами раньше, — дело в том, что мне самому нужно было получить инструкции, если понимаете, что я имею в виду.

— Да, — кисло ответил Брезан. — Насколько я могу судить, это значит, что мне надо будет как-то удерживать гекзархат от распада, пока не будет создано приличное временное правительство.

Это обещало стать интересным занятием, поскольку Брезан не был политическим теоретиком и автоматически не доверял никому из тех, кого мог предложить ему Микодез. Ни он сам, ни кто-либо другой толком не понимали, каким законам теперь следовал гекзархат. Останется ли его валюта прежней, и как Брезан убедит фракцию Андан помочь ему стабилизировать рынки? Что случится со всеми Видона? Какой работой они теперь будут заниматься? И это были только первые проблемы.

— Хуже того, — отрезвляюще продолжил Микодез, — вам, вероятно, придется заставить людей следовать новому календарю и поддерживать ваше правительство. Под «заставить» я подразумеваю уговорить. В обычной ситуации я бы предложил услуги своего отдела пропаганды, но сейчас моя популярность находится на рекордно

низком уровне. В ваших интересах, чтобы о нашем сотрудничестве было известно как можно меньше.

Брезан не стал упоминать о том, что не хотел бы сотрудничать с Микодезом, и точка — не в последнюю очередь потому, что понимал свое безвыходное положение.

— Ну, — сказал он, — это единственное, что я могу сделать лучше, чем Черис. Не потому, что я особенно харизматичен или интересен, а потому, что теперь все думают, что она — это Джедао.

— Харизма — всего лишь вопрос практики, — махнул рукой Микодез. — Хотя, стоит признать, времени у вас будет немного. Я вас научу, но это сработает только в том случае, если вы отнесетесь ко мне серьезно.

Брезан лишь теперь начал осознавать, что Шуос Микодез не на шутку намерен поддержать его в качестве главы нового государства.

— А вам от этого какой прок? — спросил Брезан.

— Стабильность, — сказал Микодез с обезоруживающей откровенностью. — У Шуосов уже есть проблемы на этом фронте, несмотря на мои усилия.

— Бессмыслица какая-то, — сказал Брезан без

особого восторга. — Почему бы вместо этого не взорвать Черис, пока была такая возможность?

— Потому что Черис была не единственной, кто возражал против поминальных церемоний, — сказал Микодез. Внезапно все следы юмора исчезли из его голоса. — О, я полагаю, что шоколадные фестивали и обмен новогодними подарками достаточно безобидны. Но пытки? Столько живых людей, изрезанных на кусочки? Это расточительно.

Брезан оскалил зубы на Микодеза.

— Я заметил, вы не сказали, что это неправильно. Если для вас все так важно, почему вы ничего не предприняли еще десятилетия назад?

— Потому что когда я стал гекзархом, моим долгом было заботиться о благополучии фракции Шуос. На протяжении десятилетий это означало сохранение статус-кво. Не думайте, что я не искал альтернативы — совсем наоборот. Но, как вы скоро обнаружите, вырвать правительство с корнем и высадить на его месте что-нибудь новое… это не какое-нибудь ерундовое дельце.

— Говорите как знаток.

— О, мы украли эти знания у Андан, — ответил Микодез. — У Первого Контакта большой объем исследований о преобразовании правительств и

социокультурных структур. Проблема в том, что все примеры описывают неверное направление — интеграцию достойных спасения еретиков в гекзархат. Мы же хотим двигаться в обратную сторону, а таковая никогда раньше не существовала в нашем мире. Думаю, многие взбунтуются или умрут, прежде чем все успокоится.

Брезан бросил на него тяжелый взгляд.

— Вы так надменно об этом говорите.

— Я не единственный, кто создал этот мир, Брезан.

Брезан вспыхнул. Он не мог отрицать обвинения. В конце концов, у него был шанс передать Черис Командованию Кел. Вместо этого он присоединился к ней. Уже не в первый раз он думал о Тсейе, анданском агенте, вместе с которой они должны были убить Черис и которая в какой-то момент стала его любовницей. В то время они оба думали, что Черис — это Джедао. Сама Черис сделала все возможное, чтобы запутать людей по этому поводу.

Черис предложила Брезану перспективу лучшего мира, в котором людей не надо было подвергать смертельным ритуальным пыткам, чтобы высокий календарь продолжал действовать. Он ей поверил. И предал Командование Кел, свою

семью, свою возлюбленную Тсейю — такой силы оказалась эта вера. Он уже начал подумывать, не облажался ли.

— Кто-то должен взять на себя руководство временным правительством, — сказал Брезан. — Я надеялся, что это будет Черис. Но теперь вижу, что ничего бы не вышло.

И все же он был зол, очень зол, что Черис не осталась и не помогла разобраться с революцией, которую спровоцировала. Он посмотрел на свою руку и увидел, что она сжалась в кулак. С усилием разжал пальцы.

— Она не принесла бы вам много пользы, — резко сказал Микодез. — Что у нее и Джедао общего, так это то, что их словарный запас по части решения проблем в основном ограничен словом «стрельба». Это очень хорошо, когда находишься на поле боя. Но не слишком полезно в остальном реальном мире.

— Не могу поверить, что слышу подобные слова от Шуоса.

— Есть много проблем, которые можно решить более продуктивно, не прибегая к стрельбе.

— Приму к сведению, — сказал Брезан. — Итак. Я не могу положиться на Черис, а учитывая, что она еще худший «падающий ястреб», чем я, мо-

жет быть, и к лучшему, что она ушла. Что еще мне нужно знать?

— Пока три вещи. Во-первых, Кел Инессер — старший полевой генерал гекзархата, — будет проблемой. — Микодез объяснил, что она собрала под свое знамя немалое число роев Кел и объявила себя генерал-протектором. — Я ставлю ей баллы за креативность. Вероятно, она не претендовала на место гекзарха из-за… ну… из-за вас.

Брезан разразился лающим смехом.

— Можно подумать, я представляю угрозу для Инессер. — Для той, кто получила генеральский чин еще до рождения его родителей? Да и сам Брезан не имел опыта полевого командования. До недавнего времени его работа состояла в том, чтобы протирать штаны в департаменте по делам личного состава. — Значит, вы хотите, чтобы я убедил людей, будто абсолютно неизвестный человек — лучший лидер?

— Вы абсолютно неизвестный человек, представляющий смену режима, — уточнил Микодез. — Инессер придерживается высокого календаря. Для некоторых людей это много значит, если вы сможете подкрепить слова оружием.

— Да, кстати, — ответил Брезан. — У меня только один рой, а генерал Кируев, как я полагаю,

вы слышали, все еще не в лучшем состоянии здоровья. Если только у вас нет предложений на эту тему.

— Есть, — ответил Микодез. — Потому что ваша вторая проблема в том, что с уничтожением Командования Кел никто больше не обеспечивает стратегическое руководство чьими-либо роями. Чужакам не потребуется много времени, чтобы воспользоваться ситуацией.

Брезан и сам об этом подумал. Избежать таких мыслей было невозможно. Рои Кел обычно получали приказы от Командования Кел, которое занималось анализом более широкой стратегической картины. Даже у генерала Инессер — генерал-протектора Инессер, или как там она себя теперь называла, — обязательно возникнут проблемы с реорганизацией сил, когда она попытается справиться с внезапным отсутствием командования и контроля.

— У вас есть решение этой проблемы, не так ли? — сказал Брезан, сурово глядя на Микодеза. — Потому что от моего внимания не ускользнуло, что Шуосы — единственная фракция, которая вышла из катастрофы целой и невредимой.

— Отлично, — сказал Микодез. — Может, с вами еще не все потеряно. Да, я предлагаю услуги фрак-

ции Шуос. В любом случае мы снабдили жучками все посты прослушивания Кел в качестве меры предосторожности.

«Предосторожности? Ну да, ну да», — подумал Брезан, но не стал перебивать.

— С вашего позволения, верховный генерал, мы могли бы взять на себе функции, которые раньше выполняло Командование Кел. В любом случае у меня тут уже имеется куча аналитиков, которые занимаются именно этой работой.

От Брезана не ускользнул тот факт, что Микодез внезапно снова обратился к нему согласно титулу. Может, гекзарх фракции Шуос вообразил себя кукловодом; решил, что «падающими ястребами» легко манипулировать. Брезан надеялся доказать, что он ошибается, но не из вредности, а потому, что межзвездное правительство было слишком важной вещью, чтобы отказаться от него по наивности. Хотя в данный момент у Брезана не было особых рычагов воздействия, он мог как-то использовать тот факт, что Микодез только что приобрел себе почти такую же дурную славу, как Джедао.

— Я согласен, — заявил Брезан, которому хотелось верить в то, что у него есть выбор. — В чем же заключается третья проблема?

Микодез потеребил серьгу — это был первый проявленный им признак нервозности.

— Один из гекзархов не умер.

Брезан нахмурился.

— Источники Черис были убеждены, что вы единственный, кому удалось спастись. — Интересно, что Микодезу известно о роли сервиторов как шпионов? — Еще один двойник?

— Нет, — сказал Микодез после долгой паузы. — Это был не двойник. Не в том смысле, как вы думаете.

— Скажите же.

— Нирай Файан была фальшивым гекзархом, — объяснил Микодез. — Кем-то вроде старшего администратора, в то время как настоящий гекзарх занимался своими делами в другом месте.

— Похоже на паранойю, — заметил Брезан. — Значит, теперь нам нужно убить настоящего?

Он сказал это в шутку, но стоило вспомнить о том, что нельзя шутить на тему убийств, когда рядом Шуос.

— Я пытаюсь понять, как это сделать, с той поры, как узнал о его существовании, — серьезно сказал Микодез. — Его зовут Нирай Куджен. Вы, конечно, не слышали о нем… — Брезан сделал утвердительный жест, — …но, в каком-то смысле,

все, что вы знаете, зависит от него. Он изобрел современный мот-двигатель почти девять веков назад. Высокий календарь — его творение. Как и «черная колыбель».

Брезан уставился на Микодеза в ужасе, но его мозг уже лихорадочно работал.

— Так он бессмертен. Как Джедао.

— Как Джедао, — подтвердил Микодез, — только без некоторых ограничений, позволявших контролировать генерала-лиса. Ну, в той степени, в какой Джедао вообще можно было управлять — этот вопрос остается открытым. Так или иначе, довод спорный.

— Он представляет опасность для вас? — спросил Брезан. Потому что ему в голову пришла лишь одна причина, по которой кто-то вроде Микодеза мог встревожиться.

— Он представляет опасность для всех.

— Девятьсот лет, по вашим словам, и ведь это не он взорвал гекзархат. Если этот человек изобрел мот-двигатель…

Микодез покачал головой.

— Куджен всегда умел завоевывать благосклонность людей. Не обманывайтесь. У него блестящий ум, но гекзархат велик. Даже если революции не слишком дружелюбны к исследо-

вательским подразделениям, вы, в конце концов, найдете других техников, которые смогут предложить полезные инновации, не требуя, чтобы вы поступились своей совестью.

Брезан ничего не мог с собой поделать. Он задохнулся от смеха.

— Простите, — сказал он, отсмеявшись. — Гекзарх фракции Шуос — и совесть?

— О, у меня-то ее нет, — ответил Микодез, спокойно принимая вспышку эмоций Брезана. — Но совершенно ясно, что ею наделены вы. И именно вы будете лицом операции.

— Почему я раньше не слышал об этом Куджене?

— Потому что он скрытный ублюдок. Если подумать, отличный способ выжить, когда тебе почти тысяча лет. Храбрость никогда не была сильной стороной Куджена, что он сам признал бы первым. Вот…

Терминал сообщил о полученном от Микодеза пакете данных. Брезан открыл содержавшуюся в нем папку с личным делом. Нирай Куджен: не просто скрытный ублюдок, а необыкновенно красивый. Заметка предостерегала не воспринимать физическую внешность слишком буквально, поскольку, как и Джедао, Куджен был призраком,

который заселялся в разные тела в зависимости от обстоятельств. К счастью, личное дело также включало данные о характере движений, которые были гораздо более надежными. Как бывший офицер по личному составу, Брезан имел большой опыт выискивания нюансов в языке тела.

— То есть вы хотите сказать, что он нарочно внес поминальные церемонии в высокий календарь? — сказал Брезан, не пытаясь скрыть отвращение. — Какие у вас доказательства?

Микодез пожал плечами.

— Он мне так и сказал. Проверьте файл. Я записал весь этот разговор — там есть и расшифровка с метками времени по главным частям, чтобы не пришлось слушать от начала до конца.

— Как это мило с вашей стороны.

— Не благодарите меня, благодарите моих сотрудников. — Микодез постучал пальцами по чему-то невидимому. — У меня есть основания полагать, что Куджен питает личную привязанность к гекзархату, каким тот был раньше. Он исчез из виду как раз перед тем делом в Крепости Вертящихся Монет, как будто знал, в какую сторону дует ветер. Мне это не нравится, и мне не нравится тот факт, что я не знаю, что он задумал.

— Вы были коллегами на протяжении десяти-

летий, — медленно произнес Брезан. — Вы ничего не могли сделать с ним раньше?

Улыбка Микодеза была полна самоиронии.

— Что, например? Вытеснить его? Я бюрократ, а не гениальный математик. Возможно, вы слишком молоды, чтобы помнить, но мне было чуть за двадцать, когда я занял это место. В то время продолжительность моей жизни измеряли днями, и Шуосы были чрезвычайно слабы после того, как предыдущее руководство растратило ресурсы в бесполезных мелких ссорах с фракциями Андан и Видона. Я не рвался в драку, и Куджен, так уж вышло, поддержал меня в том плане, что стабильность — ценная штука.

Это был уже второй раз, когда Микодез упомянул это слово в разговоре. Брезан не думал, что это совпадение. Он не питал никаких иллюзий, что сможет бросить вызов Микодезу в его собственной стихии власти, но и не собирался становиться простой марионеткой для этого человека.

— Я прочту досье, — сказал Брезан. — Но насущная проблема — первая: не дать гекзархату взорваться. Я буду работать с вами над этим. Если получите дополнительную информацию о местонахождении Куджена и его последних увлечениях, тогда и обсудим.

— Вполне справедливо. — Микодез поджал губы. — И еще одно.

— А?

— Вам нужно как можно скорее освободиться от роя Кируев, — сказал Микодез. — Во-первых, он понадобится вам для тушения пожаров и формирования ядра сил нового правительства. Вы же не хотите быть на передовой. Вы теперь слишком важны для этого.

Брезан недоверчиво посмотрел на него.

— Вы привыкли считать себя неважным человеком, я вижу. Боюсь, скромность должна уйти в прошлое.

— Мои сестры смеялись бы до упаду, услышав, что вы назвали меня скромным, — заметил Брезан.

— Я совершенно серьезен, — сказал Микодез. — Половина миссии лидера состоит в том, чтобы разгуливать с таким видом, будто ты знаешь, что делаешь, независимо от того, знаешь ли ты это на самом деле. Другая половина — ну, для нее существуют союзники и делегирование полномочий одаренным подчиненным. Могу кое-что порекомендовать, пока есть возможность?

— Не думаю, что я в силах вас остановить.

— Некий полковник Кел Рагат, похоже, пере-

жил уничтожение роя у Крепости Рассыпанных Игл и все еще пытается связаться с Черис, но безуспешно, — сказал Микодез. — Я советую вам немедленно отыскать его и повысить в должности, если только генерал Кируев не будет иметь серьезных возражений.

— Я поговорю с ней, — машинально сказал Брезан, — хотя сомневаюсь, что она станет возражать. А что же полковник замышляет теперь?

Как и многие из Кел, он слышал о Рагате, чья карьера складывалась отлично, пока он не уперся в потолок в виде своего нынешнего звания, связанный с его второй специальностью — историей. Полные язвительной критики статьи Рагата о политике Кел не принесли ему много друзей в высших кругах.

Микодез улыбнулся.

— Он собрал свои собственные вооруженные силы в одной из систем марки Стеклянных Ножей и в настоящее время возится с кровавыми логистическими частностями. Если вы свяжетесь с ним и намекнете на имя Черис, я думаю, он согласится работать с вами.

— И это хорошо, — сказал Брезан, снова приходя в смятение от масштаба стоящей перед ним задачи, — потому что даже те люди, которые,

похоже, хотят работать со мной, могут оказаться шпионами, саботажниками или подхалимами.

— Ах, — сказал Микодез, и его улыбка стала печальной. — Вы уже кое-чему научились.

— У меня есть проблемы с управлением гневом, — сказал Брезан, припоминая старые записи в своем досье, — но я не глуп.

— Ну что ж, — сказал Микодез, — это только начало. Инстинкт требует, чтобы я завлек вас в Цитадель Глаз и взял под охрану. К сожалению, на этот раз мой инстинкт ошибается. Вы станете публичной фигурой, верховный генерал, а это значит, что вам надо будет отправиться туда, где публика сможет вас увидеть. Это также превратит вас в чертовски хорошую мишень, поэтому я и выделю вам часть моей личной охраны.

— Видимо, если у меня будет слишком много собственных идей, ваша охрана сделает так, что я незаметно исчезну.

— Не будьте таким грубым, — возразил Микодез. — У меня и без того достаточно проблем с общественностью, не хватало убить еще кого-то. Сейчас меня обвиняют во всевозможных мелких кражах, к которым мои агенты не имеют никакого отношения. Что является вопиющим позором, потому что моему бюджету не помешали бы те

самые источники доходов, по поводу которых лжет молва.

— И с чего это вдруг у Шуосов такая ужасная репутация… — язвительно заметил Брезан.

— От репутации мне не избавиться, как бы я ни старался, — сказал Микодез. — Уж лучше обратить ее на пользу дела. А вот вы… люди знают про вас гораздо меньше. У вас будет только один шанс произвести первое впечатление. Не тратьте его впустую.

3

В далекой системе, на луне под названием Тефос, сервитор Гемиола, змееформа, первой заметила прибытие гекзарха. Два ее товарища избегали дежурить в центре управления, потому что считали это одной из самых скучных обязанностей. Гемиола вызывалась добровольцем, поскольку ей нравилось использовать время для монтажа видео. Два других сервитора, составлявшие их крошечный анклав, терпели подобное, потому что у них имелись собственные преступные увлечения.

На этот раз Гемиола пересматривала семнадцатый эпизод «Розы трех революций», ее любимой драмы. Предположительно в «Розе трех революций» было шесть сезонов по двадцать четыре серии в каждом, но драма все еще шла, когда гекзарх отправил сервиторов на Тефос. К сожалению, во время последующих визитов он не счел нужным прихватить с собой два последних сезона. Иногда Гемиола развлекалась тем, что вырезала сцены из имеющихся эпизодов и монтировала короткие ролики под музыку

собственного сочинения, пытаясь представить себе, как все могло закончиться. Жаль, что она не могла покинуть Тефос, чтобы досмотреть драму до конца.

Когда появился гекзарх, Гемиола как раз прилаживала маски в том клипе, где анданская героиня целовалась с вероломным шуосским убийцей. Змееформа считала, что эти отношения как таковые — ужасная ошибка в суждениях со стороны героини, и была занята тем, что меняла лицо убийцы на лицо предпочтительного романтического интереса, женщины-инженера Нирай из третьего сезона.

Момент выпал ужасно неподходящий, но долг есть долг. Гемиола отвлеклась от видеоредактора и включила сигнал тревоги, поскольку в автоматическом режиме он не сработал. Несмотря на все усилия сервиторов по сохранению базы, прошедшие столетия взяли свое.

В конце концов, в центр управления влетел другой сервитор — Ромб, жукоформа. На его блестящем панцире отражались огоньки.

— Не рановато ли? — резко спросил Ромб. — Куджен должен появиться только через двадцать лет.

Гемиоле хотелось бы, чтобы Ромб не называл

гекзарха его личным именем, даже если тот ни разу не продемонстрировал, что свободно владеет универсальным машинным языком.

— Может, случилось что-то непредвиденное.

— Что? — спросил Ромб, пренебрежительно полыхнув красными огнями. — Ему срочно понадобилось спасти свои лабораторные записи от машинного масла? А мы уверены, что это на самом деле Куджен?

Гемиола посмотрела на дисплей. Пустомот незнакомого типа приземлился недалеко от расселины, в глубинах которой была спрятана база.

— Ты что же, думаешь, это незваный гость? — спросила змееформа.

— Это не тот мот, на котором он прилетал восемьдесят лет назад.

Гемиола сдержала раздражение и не переключила огоньки на оранжевый цвет.

— То, что мы не инженеры, не означает, что гекзарх должен цепляться за устаревший транспорт.

Ромб не обратил на это внимания. Мгновение спустя он сказал:

— Это что, женоформа? — Из мота появилась фигура в скафандре и начала спускаться по трапу. — Посмотри на пропорции, особенно на торс.

Я мог бы поклясться, что Куджен предпочитает мужеформы.

— Может, это последняя мода, — предположила Гемиола. Все они знали, как гекзарх относится к моде.

Фигура безошибочно зашагала к лестнице, вырубленной в стене расщелины. Гемиола изучила походку гостя. Почти наверняка женоформа, как и сказал Ромб, но почему…

Ромб тоже это заметил.

— Оно ходит не так, как Куджен. Или тот, другой, если уж на то пошло.

Это было правдой. Куджен всегда двигался с балетной грацией. Несколько столетий препарирования драм, которые сервиторы тайком пронесли на базу в выделенных секторах личной памяти, дали им некоторый контекст для понимания человеческих эстетических норм. (Поначалу они спорили о том, одобрит ли гекзарх независимые архивные проекты. Насколько им было известно, «Розу трех революций» он презирал. Но никто не настучал, так что еженедельные показы для своих шли беспрепятственно.) Язык тела незваного гостя напомнил Гемиоле Шуоса из драмы, который так не нравился змееформе: бдительного, с экономными движениями и исто-

чающего слабую угрозу.

С другой стороны, насколько было известно сервиторам, переключение кинесических[1] паттернов тоже вошло в моду.

— Не торопись с выводами, — сказала Гемиола. Гекзарх оставил для желающих войти проверку получше. Учитывая уникальные кудженовские… способности? Ограничения?.. Идентификация его личности представляла собой сложную задачу. Он сказал, что проверка со всем этим справится. Конечно, он знал, что делает.

Тем временем в комнату вплыл третий сервитор, Сито, который наконец-то обратил внимание на дискуссию.

— Надеюсь, он принес с собой нормальную еду, — сказал Сито. — Мы не сможем предложить ему ничего хорошего.

— По крайней мере, на этот раз без спутника, — сказала Гемиола, отвлекаясь.

— Меня это вполне устраивает, — заявил Ромб, как всегда, самый упрямый. — От Джедао у меня всегда такое чувство, как будто мой экзоскелет вот-вот проржавеет.

— Может, на этот раз нам больше повезет с

---

[1] Примечания: 1

Кинесика — совокупность невербальных проявлений поведения человека (мимика, пантомимика, экспрессия и т. д.).

алгоритмами, — сказал Сито. — Как бы часто я ни сравнивал со стандартами те, что у меня есть, не могу побить этот замок.

Гемиола считала, что тратить время на попытки взломать замок гекзарха — еще более скучное занятие, чем следить за сканером. Впрочем, Сито был ревностным приверженцем математических дисциплин. Гемиола отказалась от попыток вовлечь его в дискуссии на более интересные темы, например о процедурной генерации контрапункта. Сито был в той же степени музыкальным, что и кочан капусты.

База уже существовала, когда двести восемьдесят лет назад гекзарх привез с собой Гемиолу, Ромба и Сито. Гекзарх хотел, чтобы они содержали ее в порядке в его отсутствие и прислуживали ему во время периодических визитов. Как и большинство людей, он не обращал внимания на индивидуальные причуды сервиторов и не давал им имен. С другой стороны, у него было меньше причин беспокоиться о таких вещах, чем у других. Будучи гекзархом, он думал о другом.

— У этого индивида походка мужеформы, — сказал Роб. — Должно быть, это неудобно, с такими короткими ногами. И разве Куджен не сказал однажды, что предпочитает высокие тела?

То, что снаружи, довольно низенькое.

Гость быстро спускался по лестнице. Его сопровождали огни, которые вспыхивали по мере приближения и гасли, когда он удалялся, создавая иллюзию светящейся змеи, которая ползла все глубже. По стенам расселины скользили тени.

— Уверены, что нам не стоит обратиться к защитным системам? — спросил Ромб. Он указал двумя своими захватами на снаряжение спускающегося гостя. — Не хочу ставить под сомнение способности Куджена, но он имеет хоть малейшее представление о том, как пользоваться альпинистскими приспособлениями?

— Может, это тоже дань моде, — предположила Гемиола. — Или у него появилось хобби. Или он не уверен, насколько лестница безопасна.

— Если так, то он движется достаточно быстро, — заметил Сито.

У Гемиолы не нашлось ответа. Вместо этого она сверилась с инфракрасным субдисплеем возле того, который показывал изображение в обычном человеческом визуальном спектре. У гостя на голове был фонарь, хотя он его и не включил. Наверное, берег заряд батареи. Лестница ушла за край расселины, закрыв ему вид на небо.

— Еще восемь минут, и он достигнет наружной

двери, — заметил Сито.

— Замечательно, — отозвался Ромб, подпрыгивая в воздухе в явном проявлении нервозности.

— Не понимаю, чего ты так напрягаешься, — сказала Гемиола. — Календарный замок, так или иначе, со всем разберется.

Ромб в ответ полыхнул на нее сердитым и отчетливо асимметричным узором.

— Испарив эту луну и все, что на ней, если это не Куджен!

— До такого не дойдет, — возразила Гемиола.

Гость не замедлил шага. Прошло еще три минуты, прежде чем он достиг наружной двери.

— От твоего самодовольства у меня эвристика барахлит, — сказал Ромб.

Самодовольство было ни при чем. Гекзарх хранил на этой базе записи о своих сверхсекретных проектах. Он не мог допустить, чтобы они попали в руки врагов. Поэтому он приходил сюда каждое столетие, чтобы внести обновления, приводя с собой только Джедао. Прислушиваясь к разговорам между ними, Гемиола поняла, что у гекзарха было много врагов.

— Ну, началось, — сказал Сито.

Теперь он тоже подпрыгивал вверх-вниз. Гемиола подавила желание последовать его

примеру.

Гость без труда открыл наружную дверь. Ничего удивительного: она и не должна была служить барьером. Пришелец шагнул в шлюз. Наружный люк закрылся у него за спиной. Он подождал, пока откроется внутренняя дверь, и продолжил путь в следующее помещение.

Оно было шестиугольной формы, с нишами в каждой стене. В нишах покоились таблички с изображениями фракционных эмблем гекзархата: волк-прорицатель Рахал, пустомот Нирай, девятихвостый лис Шуос, пепельный ястреб Кел, ножевая роза Андан и скат Видона. Гемиола невольно испытала прилив нежности при виде пустомота.

В центре помещения возвышался терминал. Его дисплей посветлел, когда подошел гость. Пришелец положил руку на дисплей. Вспыхнул обратный отсчет. Двенадцать минут, чтобы открыть календарный замок, или база самоуничтожится.

Три сервитора без разрешения гекзарха изобрели способ подслушать, что за длинное число терминал передал на аугмент гостя. (Строго говоря, Нирай Куджен этого и не запрещал.) По крайней мере, сканирование подтвердило, что

пришелец действительно обладает аугментом, иначе все они были бы обречены.

Гемиола знала принцип действия календарного замка, который гекзарх объяснил Джедао в удручающе краткой формулировке.

— Послушай, — сказал гекзарх в тот первый визит на Тефос, — почему бы тебе не отдохнуть от игры в солитер? А я расскажу, что к чему.

Тогда гекзарх был молодым человеком с темноватой кожей и черными кудрями, широкой грудью и тонкой талией. Хотя он был одет в простую униформу Нирай, черную с серебряными пуговицами, с его ушей, запястий и лодыжек ниспадал целый океан черного жемчуга.

Джедао оторвался от карт. Его тело было еще моложе, чем у гекзарха, стройное и без шрамов, со светлыми волосами и зелеными глазами, говорящими о чужеземном происхождении. Когда он не играл в карты, то упражнялся, как будто мог ценой упорства преодолеть свою неуклюжесть. Куджен проговорился: это тело изначально принадлежало хафнскому военнопленному.

— Как пожелаете, — сказал Джедао с вопросительным выражением лица.

— Насколько ты хорош в первичной факторизации?

— Зависит от того, как велики цифры, — ответил Джедао с явной настороженностью. — И можно ли воспользоваться калькулятором.

— Для такого калькулятор не нужен, — сказал гекзарх. — Разве что у тебя с таблицей умножения еще хуже, чем я думал. Попробуй разложить на множители семьдесят два, просто для тренировки.

Джедао постучал пальцем по одной из карт и нахмурился.

— Если вы настаиваете, Нирай-чжо. Это девять на восемь, то есть трижды три на восемь, но если разобраться с восьмеркой, которая на самом деле четырежды два, то есть дважды два и еще раз умножить на два, получается… три на три на два на два на два?

Его пальцы дрожали, пока он вычислял все простые множители.

— Призов за скорость ты никогда не получишь, — сказал гекзарх. — Но, по крайней мере, добрался до результата.

Джедао откинулся назад и криво улыбнулся ему.

— Я думал, смысл нашего соглашения в том, чтобы вы занимались математическими частями, а я — теми, где надо кому-то устроить

взбучку. Двойка первична, хоть она и черное число, верно?

Гекзарх издал мучительный стон.

— Ты надо мной издеваешься, да?

Выражение лица Джедао осталось невинным.

— Когда я говорю это в математическом контексте, меня передергивает, но поверишь ли ты мне на слово, что очень-очень большие числа очень-очень трудно разложить на множители, даже используя компьютер?

— Разве это не очевидно?

— Не испытывай мое терпение, — сказал гекзарх. — Я объясняю тебе это, чтобы ты, возжелав проникнуть туда самостоятельно, не попытался своим лисьим мозгом придумать какую-нибудь схему, от которой весь архив разнесет на атомы. Как только ты попытаешься войти, включится таймер. У тебя будет двенадцать минут, чтобы не просто разложить на множители очень, очень большое число, которое система предоставит твоему аугменту, но и использовать эти множители для выполнения ритуала, который определенным образом выровняет местный календарь. Когда календарный замок обнаружит необходимые изменения, он отключит систему самоуничтожения и впустит тебя.

— Дайте угадаю, — сказал Джедао. — Вы единственный, кто может проделать это достаточно быстро.

— В этом фишка, да.

— К чему этот дополнительный ритуал? — спросил Джедао. — Почему бы просто не разоружить систему, как только в нее хлынут правильные первичные множители?

— Чтобы никто не смог взломать замок дистанционно, — терпеливо объяснил гекзарх. — Чтобы повлиять на местный календарь, требуется присутствие человека, так что это дополнительная предосторожность.

Гемиола могла бы добавить еще одну причину, если гекзарху таковая могла бы прийти в голову: чтобы предотвратить вторжение вражеских сервиторов. Все трое из любопытства пытались решить проблему первичной факторизации, но им и в голову не пришло бы разоружать систему по-настоящему. В любом случае даже Ситу с его алгоритмом факторизации не повезло. Он не смог полностью решить задачу за отведенные минуты. Даже если бы кто-то из них сумел выполнить вычисления, тот факт, что сервиторы не генерировали формационных эффектов в условиях высокого календаря, означал, что от

быстроты в использовании алгоритма не было никакой пользы. Они не могли так или иначе повлиять на замок.

Джедао собрал карты и начал их тасовать. Он дважды чуть не уронил колоду. Гекзарх наблюдал за этим со странной смесью раздражения и удовольствия.

— Считайте, что я предупрежден, — любезно сказал Джедао.

«Считайте, что я предупрежден». Конечно же, Джедао не настолько склонен к самоубийству, чтобы попытаться проникнуть на базу после того, как сам гекзарх предупредил его? Потому что если незваный гость не был гекзархом, то следующим вероятным кандидатом становился Джедао. По крайней мере, Гемиола надеялась, что никто больше не знает о местонахождении Тефоса — иначе в чем смысл секретной базы?

— Тепловая сигнатура этого человека не указывает на беспокойство, — сказала змееформа. — Это, конечно, хороший знак?

— Заткнись, — сказал Ромб, — я разлагаю число на множители.

— Я тоже, — прибавил Сито. — Хочешь помочь?

Гемиола подавила вспышку. Вместо этого она

задалась вопросом, чем занят незваный гость. Как и большинство сервиторов, змееформа могла отслеживать визуальную информацию сразу в нескольких направлениях. Ее попытка продолжить разговор прервалась, когда Гемиола снова сосредоточилась на мониторе.

Пришелец извлек откуда-то сложное устройство, состоящее из петель, проводов и полупростых контуров, с маленькой панелью, на которой виднелся незнакомый пользовательский интерфейс. Не обращая внимания на обратный отсчет, пришелец повозился с какими-то кнопками, а затем опустил устройство. Занял место перед альковом пепельного ястреба и начал медитировать.

— Мы должны вмешаться, — сказала Гемиола, внезапно забеспокоившись. — Посмотрите на календарный градиент. Он смещается от норм, но не таким образом, чтобы это как-то повлияло на замок.

— Если ты отвлечешь Куджена и он облажается, — огрызнулся Ромб, — нас всех убьют еще быстрее! В какой Вселенной это хорошая идея?

— Вынужден согласиться, — заметил Сито.

Гемиола перестала с ними разговаривать и опять попыталась выяснить, что замыслил гость.

Если уж змееформе суждено было погибнуть, она вполне могла бы чему-нибудь научиться в свои последние…

«Ох, ну зачем же так мрачно».

Гость читал песнопения на более древней форме высокого языка, сохранившейся в ритуальном употреблении. Гекзарх время от времени переходил на нее в период своих визитов. Напев был частью литании, исполнявшейся во время одного из фестивалей, посвященных шоколаду.

Осталось четыре минуты.

Еще более странными, чем выбор фестиваля, были калибровочные показания в комнате. Из-за ритуала гостя — от внимания Гемиолы не ускользнуло, что тот подгоняет свои песнопения под обратный отсчет, — местный календарь искажался все сильнее, почти до еретической степени.

И изменения распространялись по всей базе. Сеть запоздало вспыхнула красным, предупреждая Гемиолу о календарной гнили.

Осталось три минуты.

Для того, кто был обеспокоен своей неминуемой гибелью, Ромб слишком уж страстно спорил с Ситом про… а как они вообще добрались до темы ландшафтного дизайна? Особенно если

учесть, что сервиторы выходили наружу только раз в столетие, во время визитов гекзарха?

Гость выпрямился и хлопнул ладонью по терминалу. Гемиола предположила, что он отвечает сети посредством аугмента. Вводить такое количество простых множителей вручную было бы непрактично, ведь человеческие пальцы действуют медленно.

Осталось две минуты.

Устройство мигнуло. Гемиоле хотелось разобрать его и выяснить, что оно делало. Конечно, это было как-то связано с факторизацией или иным способом обойти замок.

— Не пугай меня так, Куджен, — пробормотал Ромб, мигая исступленным пурпурным цветом.

— Он еще не закончил, — напомнил ему Сито.

Гость быстро выполнил три медитации, поворачиваясь под точными углами относительно стен помещения. Местный календарь снова изменился.

Замок открылся. Таймер погас. Гемиола упрекнула себя за то, что усомнилась в гекзархе, не говоря уже про то, какое странное тело и снаряжение он выбрал.

— Что ж, мы должны позаботиться о его нуждах, — сказала змееформа, не в силах удержаться

от переключения на сине-зеленый оттенок сигналов, выражающий облегчение.

Ромб грубо просигналил в ответ:

— Можно подумать, Куджен когда-либо медлил, вызывая нас для физического труда, требующего дополнительной пары хваталок. Ты просто хочешь на него поглазеть.

Гемиола не соизволила ответить. Вместо этого она на приличной скорости вылетела из контрольного центра. Вокруг него база оживала в ответ на прибытие гекзарха. Воздух, пригодный для дыхания человека, циркулировал по остальной части комплекса, повсюду зажигались огни. Гемиола вспомнила сад камней, который они с Ситом устроили во время последнего визита, когда вышли на поверхность, чтобы посмотреть на пустомот гекзарха. Она подумала, не без некоторой тоски, заметил ли гекзарх сад на этот раз.

Когда Гемиола явилась поприветствовать гекзарха, тот уже снял скафандр. Он действительно оказался женоформой: его волосы, коротко подстриженные в обескураживающе военном стиле, обрамляли желтовато-бледное овальное лицо с темными глазами. Одежда была из простой темной ткани. Ни кружев, ни шарфов, ни украшений, кроме спрятанного под рубашкой

кулона. Он уже снял куртку и повесил на свободный стул.

Гемиола была немало удивлена, когда гекзарх обратился к ней напрямую.

— Привет, — сказал он. — Как мне тебя называть?

От волнения Гемиола погасила все огни. Ну и как следует отреагировать?

И что еще более важно, почему гекзарх говорит не на привычном диалекте, а растягивая слова? Этот протяжный акцент был змееформе знаком…

— Дай угадаю, — продолжил гекзарх, используя удивительно неформальную лексику. Не невежливую, просто неформальную. — Ты сбит с толку относительно того, кто я такой.

Решив, что не стоит рисковать, оскорбляя гекзарха — или кого бы то ни было, — Гемиола утвердительно мигнула и стала ждать.

— Гекзарх занят другими делами, — сказал не-гекзарх. — Я Шуос Джедао.

Шуос Джедао. Жертвенный Лис, время от времени — любовник Нирай Куджена. Почему он здесь без гекзарха?

— У тебя, должно быть, много вопросов, — сказал Джедао. — Но путешествие было долгим. Могу

я попросить стакан воды?

Гемиола издала раздосадованный писк. Ну конечно, ей следовало подать чай, вино из роз или виски.

Джедао улыбнулся той кривой улыбкой, которую так хорошо помнила Гемиола, — она сохранялась независимо от тела, в котором он появлялся.

— Нет, правда — что угодно подойдет.

По каналу сервиторов Гемиола объяснила ситуацию и попросила о помощи. Сито откликнулся.

— Кое-кто скоро будет со стаканом воды, — сказала Гемиола Джедао, в забывчивости воспользовавшись универсальным машинным языком.

— Спасибо, очень признателен, — ответил Джедао.

Сообразив, что она сделала, змееформа от огорчения засияла розовым.

— Я понимаю ваш язык, когда вы говорите не слишком быстро, — объяснил Джедао, выстукивая слова пальцами на упрощенном варианте универсального машинного. — Я не хотел тебя смущать.

Конечно, отсутствие цвета и геометрического расположения огоньков лишало язык нюансов. Но Гемиола была не склонна придираться. Она

вообще не ожидала, что к ней обратятся на родном языке.

Тут появился Сито с подносом, на котором были стакан воды и, что еще более унизительно, солдатский паек. В прошлом гекзарх всегда приносил собственную еду. Запас пайков он пополнял с каждым приездом — эти батончики могли храниться до двухсот сорока лет при стандартных условиях, что бы это ни значило — на случай чрезвычайной ситуации. Тем не менее Гемиола не могла не чувствовать себя ответственной за отсутствие приличных съестных припасов.

— Спасибо, — сказал Джедао Ситу. — Если не возражаешь…

Сито качнулся в воздухе, изображая кивок.

— Он спросил, как ему меня называть, — передала Гемиола Ситу по частному каналу.

— И что ты ответила? — отозвался тот с раздражающей рассудительностью.

— Я еще не ответила.

Если Джедао и был недоволен пайком, то виду не подал. Наконец он вытер крошки с губ и положил сложенную обертку на край подноса. Сито его унес, оставив Гемиолу наедине с гостем.

«Ну спасибо», — подумала змееформа.

— Как еще мы можем услужить? — спросила

она, в конце концов.

— Я надеялся найти кое-что в архивах, — сказал Джедао. — Вы отвечаете за сохранность записей, верно?

— Да, — ответила Гемиола. — Надеюсь, вы знаете, где искать, потому что мы сами никогда не читали эти записи.

— А что, если я сделаю копию и возьму с собой?

Гемиола колебалась ровно столько, сколько потребовалось, чтобы спросить остальных.

— Он любовник гекзарха, так что мне все равно, — ответил Ромб.

— Думай сама, — сказал Сито, и это было столь же бесполезно.

Джедао поднял бровь.

— Мы не должны выпускать записи из виду, — сказала Гемиола. — Образно выражаясь.

— Я не могу остаться надолго, — продолжил настаивать Джедао. — Это ограничило бы объем исследований, которые я могу провести. Разве что…

— Что?

— Один из вас мог бы отправиться со мной и убедиться, что записи не были использованы не по назначению.

Гемиола призадумалась. Предложение было заманчивым — слишком заманчивым. Но она не могла удержаться, чтобы не спросить о подробностях.

— Сколько времени займет это путешествие?

— Этого я не могу сказать с уверенностью, — ответил Джедао. — Но если в какой-то момент тебе понадобится вернуться домой, у меня есть друзья, которые могут организовать транспорт.

Гемиола замигала в сомнении.

— Ну, тебе необязательно решать прямо сейчас, — сказал Джедао. — Кстати, по дороге сюда я видел сад камней. Он немного пострадал от микрометеоритов за последние десятилетия, но все же очень мил. Твоя работа?

— Да, — ответила Гемиола. — Моя и другого сервитора, с которым вы только что познакомились.

Она не знала, как реагировать на случайный интерес Джедао. Обидеться, что сад заметил он, а не гекзарх? Поблагодарить? Смутиться от того, что столь незначительный акт украшения все-таки привлек внимание человека?

— Раньше в архиве была витрина, — сказал Джедао. — Ничего, если я хотя бы посмотрю на нее?

Гемиола не видела причин возражать.

— Конечно.

— Не покажешь ли дорогу? Прошло немало лет.

Змееформа и тут не смогла подыскать повод для отказа. Она повела Джедао по сверкающим коридорам. И все же…

— У меня вопрос.

— Спрашивай, — разрешил гость.

— Как же вам удалось справиться с календарным замком?

— Я подружился с математиком, — сказал Джедао с легкой иронией, которую Гемиола не поняла. Он вытащил кулон, на котором был выгравирован летящий ворон, и потрогал его. — Существует алгоритм быстрой факторизации. Фокус в том, что он опирается на экзотические эффекты — и эти эффекты требуют нестандартного календаря. Поэтому я захватил с собой компьютер, предназначенный для использования преимуществ экзотики, сдвинул местный календарь на достаточно долгий срок, чтобы он проделал свою работу, а затем использовал созданное им решение для взлома замка. Это решение Куджен не стал бы учитывать из-за своей привязанности к высокому календарю.

Они прибыли в ту часть базы, где хранились записи. Это была небольшая комната. На самом деле значительную ее часть занимали роскошные диваны и кресла. Сами записи можно было получить через специальный терминал.

Единственной аномалией в комнате было святилище. По крайней мере, Гемиола всегда считала его таковым, хотя, насколько ей было известно, оно не служило религиозным целям. В нем лежала брошюра из сильно пожелтевшей бумаги, заключенная в прозрачный ларец. Никто из сервиторов не осмелился вынуть ее и пролистать страницы, опасаясь повредить. При том, что гекзарх явно старался сохранить эту вещицу, он никогда не уделял ей внимания.

Джедао подошел к святилищу и заглянул внутрь защитного ларца, не прикасаясь к нему.

— «Как заботиться о вашем новом холодильнике “Снежная птица 823”», — прочитал он. — Я всегда удивлялся, почему Куджен держит это при себе. Может быть, его первая работа? Я поискал модель и ничего не нашел, но гептархат был обширным местом, и эта штука могла оказаться старой и никому не известной.

— Надеюсь, вы пришли сюда не для того, чтобы исследовать холодильники? — сказала Гемиола,

понятия не имея, что означает этот термин.

— Конечно, нет, — ответил Джедао, но в его тоне не было подлинного согласия. Он окинул взглядом пустые диваны. — Здесь так мало изменилось.

— Мы следим за сохранностью обстановки, — сказала змееформа.

— Ну конечно. Куджен всегда любил, чтобы все оставалось по-прежнему.

— У меня был еще вопрос, — сказала Гемиола.

Внимание гостя переключилось с витрины на Гемиолу с быстротой, одновременно радующей и тревожной.

— Продолжай.

— Полагаю, вы не привезли с собой никаких драм?

Джедао не засмеялся. Вместо этого он очень серьезно сказал:

— На пустомоте есть коллекция. Мой спутник по путешествию, такой же сервитор, как ты, считает, что в области развлечений у меня отвратительный вкус, но, может быть, тебе что-то подойдет. Если ищешь что-то конкретное, может, я сумею это разыскать. Но не могу дать никаких гарантий.

— Вот и прекрасно, — сказала Гемиола.

— Я так и не узнал, как тебя называть.

— Я Гемиола из анклава Тефос, — сказала змееформа, гадая, к какому анклаву принадлежит спутник Джедао, и есть ли у него договор с сервиторами Нирай. — Давайте я помогу вам сделать копию записей.

— Спасибо, Гемиола, — торжественно ответил Джедао. — Весьма признателен.

4

Куджен снабдил Джедао дополнительными инструктивными материалами, а потом удалился. Джедао попытался скрыть нетерпение, с которым ждал, пока закроется дверь. Он ведь не мог просто выгнать гекзарха.

Когда Куджен ушел, Джедао первым делом разыскал ванную. Хорошо: там было зеркало. Его лицо постарело, в уголках карих глаз появились морщинки. Волосы были все еще черными, без седины, и он цинично подумал, уж не краска ли это. Он разделся и критическим взглядом осмотрел себя. По крайней мере, на этот раз был готов к шрамам. А вот что касается остального тела, он не знал, что и думать: шире в плечах и груди, повсюду мышц достаточно, чтобы предположить, что он вел активную жизнь. Джедао скорчил гримасу своему отражению, затем снова оделся.

После этого он несколько минут ошеломленно изучал кодекс поведения Кел, прежде чем обнаружил, что помнит значительную часть наизусть: порядок рассадки за офицерским столом; правила касательно причесок — скоро придется

подстричь челку; запрет секса между Кел, караемый смертью. Мгновенное обучение — трюк, которому Руо наверняка позавидовал бы. Очень жаль, что он не мог положиться на это ни в чем другом. Затем Джедао приготовился потратить много времени на чтение.

Он заснул, сам того не заметив, и проснулся под музыку. По крайней мере, предположил, что это музыка. Что бы это ни было, гудящие басы и дерганые арпеджио звучали в слишком быстром ритме, чтобы под него маршировать. Он покосился на потолок и стены, массируя затекшую шею. От свечных лоз исходил свет, поскольку он не попросил комнату их выключить. Сеть безмятежным голосом сообщила, что через двенадцать минут гекзарх присоединится к нему за завтраком.

— Вот дерьмо, — сказал Джедао вслух.

Почему его не разбудили раньше? Он потратил семь минут на душ. Попытался по ходу дела не слишком разглядывать себя, потому что тело его пугало, пробуждало неловкость. Выйдя из душа, он обнаружил, что кто-то добавил в комод нижнего белья, пока он спал, и это тоже привело его в замешательство. Настораживало, что униформа сама себя выгладила и вычистила, пока он был

в душе. Вдруг ей дали указание съесть его, если он будет плохо себя вести? Несмотря на дурные предчувствия, он надел ее снова.

На то, чтобы причесаться, не ушло много времени, поэтому оставшиеся четыре с лишним минуты он потратил на то, чтобы просмотреть речь, которую сочинил для Кел, — на случай, если Куджен собирается представить его им уже скоро. Грядущее выступление вызывало ассоциации с пулей в живот, но не произнести речь будет хуже. Он не сомневался, что Кел любят речи. Ознакомившись со стратегическим обзором, статусом роя и целями Куджена, он потратил много времени на то, чтобы сделать речь как можно более краткой, не упуская ничего важного.

Куджен прибыл точно по расписанию. Сеть не объявила о нем, дверь просто открылась. Джедао этого ожидал. Чего он никак не ожидал, так это спутника Куджена, массивного мужчину, даже выше самого гекзарха. На фоне его угольно-темной кожи Куджен выглядел еще более бледным. Незнакомец носил форму Кел с деловитым достоинством. На его левой груди поблескивала эмблема майора с четырьмя когтями.

Майор посмотрел прямо на Джедао. Его глаза широко распахнулись. Затем он отдал честь,

строго по уставу, хотя его взгляд метнулся к полуперчаткам Джедао. Разве глаз Шуос на его эмблеме не должен был все объяснить?

«Если только я не клон, а оригиналу полагается быть мертвым?» — спросил Джедао сам себя. Может, майор был знаком с настоящим Джедао?

Едва заметный огонек в глазах майора выдавал если не отвращение, то весьма двойственные чувства. Джедао мысленно застонал. Он не мог винить этого Кел — которому, без сомнения, претила обуза в виде незнакомца, — но и работать с людьми, которые испытывали к нему неприязнь, не хотелось.

Куджен, декадент в черном атласном жакете поверх серой парчовой рубашки, улыбнулся Джедао. В его ушах поблескивали серебряные кольца, а шею обвивали нитки жемчуга и ониксовых бусин.

— Я привел тебе помощника, — сообщил он. — Это майор Кел Дханнет. Я подумал, сейчас самое время вручить тебе его в подарок.

На лице майора не дрогнул ни один мускул, но Джедао сказал:

— Куджен, я не уверен, что люди могут быть подарками.

— Такой же идеалист, как и всегда, — ласково

проговорил Куджен. — Как пожелаешь. Может, хотя бы позволишь майору присоединиться к нам за завтраком? Или ограничишь его рационом Кел? Раз уж тебя заботят такие мелочи.

Опомнившись, Джедао наконец-то ответил на приветствие, чувствуя себя самозванцем.

— Майор Дханнет. Э-э, вольно.

— Слушаюсь, сэр, — пророкотал мужчина. Его глаза больше не были такими широко распахнутыми, но он наблюдал за Джедао со зловещим напряжением. Джедао подумал, уж не померещился ли ему тот намек на отвращение.

— У вас есть предпочтения по поводу завтрака?

Вопрос застал Дханнета врасплох.

— Я съем все, что вы пожелаете, сэр.

— Не могу спорить с вашими приоритетами, — сказал Джедао, решив не улыбаться Дханнету — это бы его лишь напугало. — Куджен, полагаю, вы самый привередливый из нас, так что выбирайте.

— Как только мы приступим к делу, ты сам будешь настаивать на трапезах за офицерским столом, — сказал Куджен, — так что побалуем себя, пока есть возможность.

Он сел на то же место, что и вчера, и вызвал

меню.

Джедао пододвинул стул для Дханнета, желая быть вежливым. Дханнет поднял бровь, и Джедао вспомнил, что теоретически он выше Дханнета по званию.

— Ну же, — сказал Джедао. Что сделано, то сделано. — Садитесь.

— Как вам будет угодно, сэр. — Дханнет повиновался, продолжая пристально смотреть на Джедао.

Тут уж ничего не поделаешь. Джедао подождал, пока Куджен поразмыслит над каким-то решением — может, над напитками? — а потом спросил:

— Что насчет штаба?

Судя по внезапному напряжению Дханнета, он задал неправильный вопрос — или, наоборот, правильный.

— Первоначально этим роем командовали генерал-лейтенант и два бригадных генерала, — сказал Куджен. — Мне пришлось убрать генерал-лейтенанта, так что теперь рой принадлежит тебе.

«Убрать» звучало не очень хорошо. К сожалению, он уже облажался, упомянув об этом в присутствии Дханнета, который должен был воспринимать его лидерство как нечто нерушимое.

«Ха. Откуда я это знаю?» Еще одно свидетельство многолетнего опыта, который он не мог вспомнить?

— Тем не менее, — пробормотал Куджен, опустив ресницы и искоса взглянув на Дханнета, — у тебя будет доступ к штабным офицерам, да. Иначе было бы трудно управлять роем такого размера. И можешь рассчитывать на помощь майора. Он хорошо разбирается в этих вопросах. — Гекзарх вернулся к списку напитков и издал довольный звук, заметив что-то многообещающее. Он добавил это к заказу. Сеть ответила обычным спокойным голосом.

Джедао хотел поговорить с Кудженом наедине, прежде чем он снова ступит на минные поля, но было бы нехорошо отослать Дханнета голодным.

— Вы знаете, почему вы здесь? — спросил он майора, подразумевая помимо очевидного.

Брови Дханнета сошлись на переносице.

— Я жду ваших приказаний, сэр, как и все остальные.

— Есть два момента, — сказал Джедао. Уж лучше покончить с этим прямо сейчас. — Они взаимосвязаны. Мне понадобится советчик относительно того, как поступают Кел. Дело в том, что моя память повреждена.

Куджен поднял голову, но вмешиваться не стал.

— Как скажете, сэр, — ответил Дханнет. Его плечи напряглись, но движение было едва заметным. Если бы Джедао не следил за реакцией, он бы мог ее и не заметить.

Однако он ждал большего. Он и представить себе не мог, что генерал с поврежденным мозгом — обычное дело для Кел.

— И второй момент, — сказал Джедао. Может, на этот раз удастся получить более полезную информацию. — Эти перчатки, похоже, имеют для вас какое-то значение. Расскажите мне о них.

Он не ожидал такой сильной реакции на вопрос о заурядном предмете одежды. Казалось, он попросил Дханнета убить себя деревянной ложкой. Дханнет посмотрел на него, потом на Куджена и снова на него.

— Клянусь всевышними звездами, — сказал Куджен, обращаясь к Джедао. — Я не ожидал, что ты будешь так прямолинеен.

— Что еще за чертовщина с этими перчатками? — требовательно спросил Джедао.

— Что ж, расскажи ему, — велел Куджен Дханнету. Судя по циничному тону, он знал, что так и случится. Что он пытался доказать?

Дханнет расправил плечи.

— Сэр, — тихо сказал он, — остановите меня, как только я дойду до известных вам вещей. Вы последний человек в армии Кел, кто носил перчатки такого фасона. До… до того, как вы умерли.

— Я ощущаю себя живым, спасибо, — сказал Джедао, чтобы скрыть свое волнение. — Если только я не клон?

— Нет, — сказал Куджен. — Многие родители выбирают клонов или клон-модов, чтобы произвести на свет детей. Но генетика — это не пророчество, и личность оригинала вместе с навыками таким способом не получить. После того как ты умер, я смог оживить тебя и вернуть тебе воспоминания, которые не украла Черис. Это все.

Вот и вся теория.

— Я думал, весь прикомандированный персонал…

Что-то из военного кодекса Кел промелькнуло на краю сознания и испарилось быстрей, чем он сумел сфокусироваться на этом обрывочном воспоминании.

Поколебавшись, Дханнет сказал:

— Прикомандированные стали носить серые перчатки после того, что вы сделали, сэр. Из-за

коннотаций.

Внезапно Джедао заподозрил, что этот разговор понравится ему еще меньше, чем Дханнету.

— Говорите прямо. Что я сделал?

— Крепость Адское Веретено, — сказал Дханнет, как будто это все объясняло.

— Это что, история с Фонарщиками? — «О нет». — Они заделались еретиками в неподходящее время? — Но он-то тут при чем? Может, его послали с ними сражаться? — Я потерпел от них унизительное поражение?

Только вот, если верить Куджену…

Дханнет закрыл глаза.

— Вы не знаете?

— Позвольте мне, — нетерпеливо сказал Куджен. — Фонарщики потребовали автономии. Командование Кел поручило тебе поставить их на место. Та битва, восемь к одному? Это было сражение при Свечной Арке, против Фонарщиков. После него ты загнал их в последний оплот, Крепость Адское Веретено. Но Командование Кел слишком сильно давило, и ты сорвался. Ты уничтожил Фонарщиков, да — но еще взорвал собственный рой.

Джедао уставился на него.

— Что я сделал?

«Не отвлекайся. Добудь факты».

Судя по тому, как Дханнет стиснул зубы, он верил в эту историю, как бы невероятно она ни звучала. Это беспокоило Джедао.

— Сколько погибло?

— В общей сложности, миллион человек, — сказал Куджен. — Конечно, на Фонарщиков нам плевать… — Джедао был встревожен бесцеремонным тоном Куджена, пусть речь и шла о еретиках. — …но так проще запомнить число.

Следующий вопрос обещал быть еще ужаснее.

— Когда это случилось?

Надо было спросить раньше, как только он узнал, что высокий календарь дестабилизировался.

— Четыреста восемь лет назад.

Края поля зрения Джедао посерели.

— Послушайте, — сказал он. — Можете подвергнуть меня вивисекции за то, что я слишком многое себе позволяю, но вы свихнулись на хрен, если считаете, что правильный способ обращаться с психопатом-предателем, совершившим массовое убийство, — это воскресить его из мертвых и дать ему еще одну армию.

— Мои альтернативы были ограничены, — спокойно ответил Куджен. — Мне нужен не просто

хороший генерал, а блистательный. И ты оказался доступен.

Куджен ничего не понял. Конечно, никто и не ожидал, что гекзарха будут волновать мелкие моральные сомнения. Джедао попытался опять.

— Не могу себе представить, чтобы Командование Кел повело себя так глупо и осознанно поручило битву генералу, которого подозревали в нестабильности, стоящей миллиона жизней. Какие-то предупреждающие знаки были?

Его голос дрожал. Он не хотел верить ничему из услышанного. Если уж на то пошло, он сам не знал, что хочет услышать в ответ от Куджена. Лучше быть предупрежденным о том, что ты вот-вот сойдешь с ума и станешь убивать людей, или оказаться застигнутым врасплох? «Конечно, — подумал он, — потенциальные мишени оценят предупреждение по достоинству».

— Гекзарх, — проговорил Дханнет, бросив на Джедао обеспокоенный взгляд, — возможно, нам стоит обсудить это после завтрака.

Джедао был впечатлен. На месте Дханнета он не стал бы привлекать к себе внимание.

— Нет, лучше разобраться сейчас, — возразил Куджен. — Не было никаких предвестников. Ты считался образцовым офицером. Мы считаем, все

дело в стрессе, но никто не знает наверняка. И по причине дыр в памяти ты сам ничего не в силах рассказать.

Джедао резко встал и отошел в другой конец комнаты. Его так и подмывало ударить кулаком в стену, но Куджен бы это не оценил, а Дханнет бы расстроился — ведь он не сделал ничего плохого. Тот факт, что он оказался начальником Дханнета, выглядел нелепо, но и в этом не было вины майора.

С другой стороны, Джедао теперь имел некоторое представление о том, почему Дханнет одновременно испытывал к нему враждебность и пытался подавить это чувство. Его назначили адъютантом массового убийцы. Майор попросту не мог желать такого поста.

Куджен приблизился к Джедао — медленно, словно ожидая, что он попытается сбежать.

— Джедао.

Он не знал, что сказать, поэтому промолчал.

— Джедао, — повторил Куджен. — Ты не виноват. Ты все равно ничего не помнишь.

— Если я это сделал, — сказал Джедао, — то несу ответственность, независимо от того, помню ли хоть что-то. Полагаю, я… Я умер в бою, был казнен или подавился рыбьей костью?

— Тебя казнили.

И ведь он мог бы запомнить хоть что-нибудь, хоть какой-то обрывок. Джедао зажмурился. Ему вспомнились фрагменты: бой с Руо и резкий, кислый запах пота второго кадета; разборка снайперской винтовки и крики инструктора над головой; тихая комната, погруженная в темноту. Но казнь? Ни единого намека.

— Поговори со мной, Джедао.

— А вы не боитесь, что я вас придушу? — выскользнуло у него против воли.

Куджен взял его за плечо и развернул к себе. Взгляд гекзарха был серьезным.

— Я один из немногих людей, которые никогда не осудят тебя за то, что ты сделал или сделаешь, помнишь ты это или нет, — сказал он. — Потому что ты не можешь меня шокировать. А что касается моей безопасности, то у меня есть средства защиты. Можешь не переживать на этот счет.

Джедао не был уверен, что ему нравится такой расклад.

— Но вы гекзарх. — Новая мысль: — Где ваша охрана?

Куджен покачал головой.

— Какой же ты юный. Пойдем, поедим. Сервиторы уже расставили еду.

Аргумент сработал. У Джедао не было аппетита, но это не повод морить голодом Дханнета. (О способности Куджена постоять за себя он не беспокоился.) Онемелый, Джедао вернулся к столу.

Сервиторы аккуратно расставили блюда. Это были роботы в форме различных животных, с захватами, конечностями и мигающими огоньками, размером примерно в половину его роста, способные левитировать. Джедао задумался, как много из разговора они успели подслушать и что думают о всей этой неразберихе. Ни Куджен, ни Дханнет их не замечали, поэтому он предположил, что должен делать то же самое. И все же Джедао испытывал смутное разочарование в Дханнете.

Еще одно воспоминание-вспышка, снова о женщине и роботах. На этот раз она склонилась над… бумагами? Роботы перемигивались, по-видимому, поддерживая разговор, хоть он и не понимал кода. Джедао почувствовал непреодолимый прилив дружелюбия к роботам-сервиторам, сам не понимая, почему. Но это было как-то связано с женщиной. С этим придется разобраться позже.

— Ты ничего не ешь, — сказал Куджен с ноткой горечи, которая не соответствовала тому впечатлению, которое сложилось у Джедао о нем как о

человеке, рассматривающем людей с утилитарной точки зрения. — А майор не будет есть, если ты не ешь. Ты же знаешь, какие они, эти Кел.

— Да, конечно, — сказал Джедао, открывая глаза, и взял палочки для еды. Мысль о еде вызывала у него отвращение. Все, что он пробовал, имело странный металлический привкус. Но ни Куджен, ни Дханнет не подали виду, что с едой что-то не так. По крайней мере, чай был сносным.

— Я разбудил тебя рано, потому что ожидал чего-то в этом духе, — бодро сообщил Куджен. — Можешь позже поблагодарить меня за предусмотрительность.

— Я полагаюсь на ваше мнение, — сказал Джедао.

Гекзарх моргнул от внезапной формальности тона.

— Было невозможно сразу сообщить тебе обо всем. Понимаешь? Но хорошо, что к тебе вернулось самообладание. Кел впадают в панику, когда командиры его теряют. Как много ты помнишь о формационном инстинкте?

— О формационном инстинкте?

Куджен в нерешительности замер над двумя пирожными, которые показались Джедао совершенно одинаковыми, а потом выбрал то, что

было ближе к нему.

— Это эмоциональная потребность Кел поддерживать иерархию. Ты найдешь ее полезной.

Краем глаза Джедао заметил, как напрягся Дханнет. С этим тоже придется разобраться — еще одна тайна в целом списке. Тем не менее это объясняло, что имел в виду Куджен, когда говорил, что может гарантировать лояльность роя. И это могло бы объяснить смешанные чувства, которые он улавливал от Дханнета: наполовину заботливость, наполовину негодование.

— Когда Командование Кел ввело его? И каким образом?

Более важный вопрос звучал так: почему обычные Кел согласились с тем, что смахивало на массовое промывание мозгов? Еще одна дыра в его памяти.

Дханнет решительно резал блинчик с начинкой. Даже сквозь перчатки Джедао видел, что он мертвой хваткой вцепился в свои палочки. На мгновение Джедао показалось, что Дханнет ответит вместо Куджена. Затем Дханнет откусил большой кусок и принялся решительно жевать.

— Это случилось через некоторое время после твоей смерти, — проговорил Куджен. Он отложил недоеденное пирожное и откинулся на спинку

кресла. — Твой срыв был главным вдохновляющим поводом, хотя никто из Кел не нес вины за случившееся. Формационный инстинкт вводится посредством психохирургии, но даже такая процедура не слишком надежна. Кел делают все возможное, чтобы набирать людей, подходящих для внедрения инстинкта, и неплохо справляются. Излишне говорить, что средний Шуос для подобного даже отдаленно не годится.

Куджен ждал реакции. Джедао подавил порыв сказать, что не видит в этом даже намека на этичность, и вместо этого вежливо улыбнулся гекзарху.

— Полезные сведения, спасибо. — Он заставил себя съесть кусочек яблока. — Когда я встречусь со своими офицерами?

— Завтра, — сказал Куджен.

На самом верху вертикали окажутся командиры тактических групп Джедао — пока что их было четверо — и два пехотных полковника, а также главы его штабных отделов. Кроме того, там будет множество командиров знамемотов и боксмотов. Вчера вечером он едва успел просмотреть личные дела коммандеров. Жаль, что он не знал заранее, что Куджен представит ему Дханнета, иначе мог бы заглянуть и в его досье.

Хотя Джедао мог совещаться с офицерами в любой момент во время кампании, это было не то же самое, что встретиться с ними лично. Ну вот, опять — проблеск опыта, которого он не помнил. Ему отчаянно хотелось убежать в игровое кафе и обсудить всю ситуацию с Руо или с кем-нибудь из друзей, кому он доверял. Жаль, что у него не было такой возможности.

Джедао склонил голову в сторону Дханнета, когда тот закончил проглатывать свой последний кусок блинчика.

— Я читал досье, но хочу, чтобы вы рассказали мне о коммандере Кел Талау. — На Талау была возложена ответственность за командный мот и, соответственно, тактическую группу Номер один. А еще этот человек был альтом, что, как сообщала специальная отметка, представляло собой редкость среди Кел. Джедао не понимал почему — возможно, за четыре столетия Кел приобрели в этом плане кое-какие предрассудки. Так или иначе, послужной список Талау был образцовым. Джедао стало интересно, как Кел, находившиеся

под их[2] командованием, относились к своему начальнику.

Дханнет скривился.

— Коммандер Талау все еще управляют командным мотом, сэр? — Майор быстро взглянул на Куджена, но тот не обратил на него внимания и опустил глаза.

— Какова их репутация?

— Они строги, — тут же ответил Дханнет. — И честны. Вам повезло иметь дело с ними.

Интересно.

— Вы служили у них под началом?

Майор долго колебался.

— Нет. Но я… уверен в их репутации.

Куджен, как скучающий ребенок, смешивал на тосте три разных вида фруктового варенья.

— Майор пытается не слишком грубо объяснить, что коммандер Кел Талау были вполне лояльны к изначальному генералу роя. К счастью, мне удалось вразумить их, прежде чем они устроили бы какую-нибудь типичную для Кел самоубийственную выходку.

---

[2] Примечания: 2

По отношению к альтам в оригинале используется местоимение they, в переводе — «они» и множественное число, чтобы замаскировать род. В этом томе три таких героя — Кел Талау, Шуос Зехуни и Андан Виендри.

Джедао ограничился кивком, гадая, узнает ли он когда-нибудь, что случилось с первым генералом.

— А что насчет коммандера Нихара Керу?

Она возглавляла Вторую тактическую. С его везением эта женщина окажется еще одной бомбой замедленного действия.

— Возможно, в ее лице вы найдете союзника, — сказал Дханнет.

Это не могло быть добрым знаком.

— Как это?

— Коммандер Нихара верит в результаты, — объяснил майор. — Что бы о вас ни говорили, никто не ставит под сомнение вашу способность добиваться результатов.

Да, проблема лишь в его рассудке.

— Постараюсь не разочаровать ее, — сказал Джедао. Он также расспросил о командующих Третьей и Четвертой тактическими группами.

— Ни коммандер Вай, ни коммандер Мирой не выказывали никаких признаков неверности гекзарху, — сказал Дханнет.

— Глупый вопрос, — проговорил Джедао, — но какую роль формационный инстинкт играет во всей этой путанице? — Гекзарх упомянул, что его противниками руководит «выскочка-Кел». Как

такое вообще может быть?

— Близость, — объяснил Куджен. — Военный кодекс не смог объяснить, как поступать солдатам, если все Командование Кел обратится в пепел. Я обзавелся этим роем в силу своего положения, пусть я и не Кел.

«Да неужели?» — подумал Джедао. В этой истории должно было быть что-то еще. Почему рой Кел подчинился человеку из фракции Нирай, пусть даже гекзарху?

Куджен все еще говорил.

— Кел Инессер уже пользовалась преданностью большинства Кел и придумала себе новый титул. Должно быть, она считала, что объявить себя гекзархом — это уже слишком. Верховный генерал Брезан должен был унаследовать должность по формальным соображениям, но он тоже отказался на нее претендовать, поскольку достиг своего ранга необычным путем. Это вынудило многих Кел искать выход из затруднительной ситуации.

— Кто же тогда уничтожил Командование Кел? — спросил Джедао. — Этого явно не было в ваших инструктажных материалах.

— Это потому, что я не знаю, — сказал Куджен, впервые помрачнев. — У меня есть агенты, зани-

мающиеся этой проблемой, но не так уж много веских доказательств.

— А почему Командование Кел не было распределенным? — спросил Джедао. — Кому-то стоило бы припрятать запасного верховного генерала — настоящего, раз уж этот Брезан не подходит, — на другой стороне гексархата на случай, если что-то подобное произойдет.

— Композитная технология, — объяснил Куджен. — Командование Кел, будучи коллективным разумом, слишком сильно от нее зависело и не могло без нее выжить. Я им говорил, что это плохая идея, но… что сделано, то сделано. Детали проверишь через сеть как-нибудь в другой раз. У тебя теперь есть аугмент — не было причин его не установить, — так что можешь посылать запросы и через него, если захочешь. Мы не используем композитные технологии — плохая идея, как я уже сказал, — но они могут быть в распоряжении противника, ибо звезды воспрещают Кел отказываться от традиций.

Куджен сложил салфетку в виде мота и ухмыльнулся, увидев неприязненный взгляд Джедао. Складывание фигур было сугубо видонским искусством, и он удивился, что Куджен знал, как это делается.

— Вы с майором можете приступать, — сказал гекзарх. — Мне нужно обсудить кое-какие вопросы с помощником. В холодильнике есть напитки и закуски. Я выбрал для тебя хороший холодильник. Если понадобится что-то более питательное, вызови меню и сделай заказ.

«Хороший холодильник?» — удивился Джедао. А что, разве существует иерархия холодильников? Впрочем, человек из фракции Нирай мог испытывать некоторую атавистическую привязанность к приборам.

— Сервиторы уберут посуду, Джедао, — добавил Куджен. — Не нужно беспокоиться о домашних делах, как будто ты все еще живешь на ферме. Я приду за тобой, когда наступит время обратиться к Кел.

Джедао попытался вызвать в памяти воспоминания об этой ферме, но все было, как в тумане. Он проследил, как Куджен неторопливо выходит из комнаты.

Как только гекзарх ушел, Джедао повернулся к Дханнету:

— Предполагаю, что за нами следят, потому что именно так я бы и поступил. — Дханнет не стал спорить. — Но есть вещи, которые я должен знать. Вы ответите на мои вопросы?

Ему претило ставить Дханнета в такое положение. Но Куджен поручил рой его заботам. Он должен поступать с Кел правильно, не говоря уже о людях, за которых сражается.

— Я отвечу — у меня нет другого выбора, — с горечью произнес Дханнет.

Формационный инстинкт. Сейчас не стоило вникать в его тонкости, которые Дханнет, несомненно, понимал лучше самого Джедао.

— Ладно. Что случилось с изначальным генералом роя? В деталях, пожалуйста.

Дханнет расправил плечи.

— Он сопротивлялся гекзарху. Его больше нет.

— Нет?

— Он мертв, — сказал Дханнет сдавленным голосом.

— Он был важен для вас?

Дханнет невесело улыбнулся.

— Уже нет.

Опять формационный инстинкт или что-то личное? Джедао не знал, как сильно давить. Он не хотел усилить неприязнь, которую испытывал этот человек.

— Тогда расскажите мне что-нибудь еще, — попросил Джедао. — Гекзарх говорил о государствах-преемниках, деспотах и генерал-протекторах,

управляющих тем, что осталось от гекзархата. На что они похожи? Есть ли среди них достойные люди?

— Нет, — сказал Дханнет с леденящей душу уверенностью. — Везде одно и то же. Это вам любой скажет.

Холодок пробрал Джедао до костей. Ситуация плохая, но он, возможно, сумеет выпутаться из затруднения, если отнесется к происходящему, как к игре. Первое правило любой игры состояло в том, чтобы считать, будто ты можешь выиграть, даже если придется рыться в трещинах Вселенной в поисках стратегии, выворачивать фигуры наизнанку или так много лгать противнику, что он начнет путать право и лево.

Джедао должен был выиграть эту войну для Куджена, потому что иначе Куджен обратится к кому-то другому. Похоже, он нравился Куджену. Это давало ему небольшую свободу действий, если соблюдать осторожность. Кроме того, раз уж гекзарх нуждается в нем, то долг Джедао — сделать все, что в его силах, хотя бы ради гекзархата.

5

Девять лет назад

В конце концов, Брезан выбрал оперативный плацдарм, основываясь на том факте, что никто не пытался стрелять в его сторонников в течение последних двух недель (восьми дней, согласно местной практике). Он не рассчитывал, что такое положение дел продлится долго. Среди прочего, местные Шуосы, которые должны были служить импровизированной полицией для подавления массовых беспорядков, пострадали от раскола. Возможно, даже нескольких. Было трудно сказать наверняка.

Он остановил свой выбор на Краувере-5, одной из недавно терраформированных планет. «Недавно» в данном случае означало два века назад, но случились кое-какие экологические осложнения, из-за которых планетарный губернатор был из фракции Нирай, в то время как обычно на такие должности назначали кого-то из Андан или Рахал. Более того, означенная Нирай, полноватая женщина по имени Ложой, чьи волосы рассыпались по плечам своевольными локонами, сама

связалась с Брезаном и без обиняков попросила его защиты. Нирайские церемониальные одежды, серые с черным, выглядели так, словно она спала в них.

— Почему я? — спросил Брезан столь же прямо.

— Вы здесь, — ответила Ложой, — и у вас есть рой. Что еще более важно, я обратила внимание на ваш язык тела в информационных бюллетенях. Вы кажетесь мне честным человеком.

Брезан вспыхнул. Стандартную кинесику ему внедрили еще в Академии Кел как часть формационного инстинкта, но он бы не удивился, узнав, что и она распалась. «Как же я рад быть вторым по популярности “падающим ястребом” гекзархата», — с иронией подумал он.

Ложой еще не закончила.

— Конечно, когда речь заходит о правительстве, важна не честность как таковая, а честные поступки, — продолжала она. Брезан начал понимать, что, несмотря на совиное лицо и помятый вид, эта женщина получила свой пост благодаря компетентности. — Но если вы искренне желаете реформировать правительство — а я думаю, что так и есть, — то вам понадобятся союзники, начиная с самых низов. С этим я могу помочь.

— Каков ваш интерес? — спросил Брезан.

Ложой уставилась на него с таким видом, словно вопрос был особенно наивным.

— Когда я впервые приехала сюда двадцать четыре года назад, — сказала она, — предыдущий губернатор оставил после себя бардак. Одна большая коалиция рабочих оказалась на грани того, чтобы быть объявленной еретиками. Как будто от этого мог быть толк.

— И что вы с этим сделали?

— Я ходила к ним на собрания и приглашала их на чай, — сказала она с обезоруживающей честностью. — Прошло четыре месяца, прежде чем кто-то принял мое предложение. Стоит заметить, я и чай-то не люблю. Но, в конце концов, они поняли, что я хочу, чтобы как можно меньше людей были переданы фракции Видона.

— Должно быть, это сделало вас популярной у местных Видона, — заметил Брезан.

— О, сначала мне сказали, что мои действия абсолютно неприемлемы. Но знаете, что — каждый раз, когда мое приглашение на чай отклоняли, я шла в контору надзирателя Видона и садилась прямо у ее двери. Пристально смотрела на нее, пока она занималась своими делами. Она это ненавидела — и сдалась гораздо быстрее, чем рабочие.

Брезан тут же решил никогда не злить Ложой.

Когда Брезан со своим почетным караулом высадился в Таувите, столице Краувера-5, Ложой встретила его не с солдатами, а с помощником, который почти не отрывал взгляд от планшета. Брезан подавил вздох облегчения. Эмио заметила, что не исключено, что Ложой заманивает его в засаду, — как будто он сам об этом не подумал.

Одним из первых открытий Брезана было то, что он нуждался в замене официальной службы новостей, которую всю свою жизнь считал чем-то само собой разумеющимся. Хуже того, он понятия не имел, как отличить надежные новости от ненадежных. Полные сплетен сети, которыми пользовались граждане, не принадлежащие к фракциям, внезапно привлекли к себе внимание, хоть результат не всегда оказывался удобоваримым.

В настоящий момент Брезан полагался на Ложой в том, что касалось местных новостей, и у него появился поспешно назначенный помощник, которому надлежало следить за событиями в Таувите. По остальному гекзархату — точнее, его разрушенным останкам — он зависел от депеш гекзарха Микодеза. Брезан с болью осознавал, сколько всего в них может замалчиваться. Тыся-

чи и тысячи миров — как ему уследить за всеми? Печальная правда заключалась в том, что он был на такое неспособен.

Эмио осталась служить связной Брезана с теми, кого она называла «правильно мыслящие Шуосы». Брезан предполагал, что у нее был приказ застрелить его и засунуть в мусоропровод, если он начнет мешать.

Брезан вычитывал брошюру о новейших правилах, которую планировал опубликовать завтра утром (по пересмотренному календарю), где «утро» означало полдень по планетарному времени. Но новый календарь Черис не принес бы ему никакой пользы, если бы он не начал придерживаться его в делах больших и малых, так что полдень — значит, полдень. По крайней мере, не глубокая таувитская ночь.

Брезан отложил планшет и потер глаза.

— Хотел бы я знать, есть ли от этого хоть какой-то результат, — пробормотал он, обращаясь к Эмио.

Эмио, не дожидаясь просьбы, любезно налила ему стакан воды. Он это ненавидел.

— Пропаганда их проверила, — сказала она. — Нет смысла нанимать экспертов, если вы не собираетесь ими пользоваться.

Брезан нахмурился.

— Это похоже на мошенничество.

— Вам надо преодолеть свою щепетильность, — сказала Эмио без тени сочувствия.

Брезан покачал головой, вспомнив спор, который у них случился по поводу использования шуосских подстрекателей: агентов, скрывающихся среди населения, сеющих слухи и мнения, благоприятные для нового режима. Эмио победила. Брезан все еще ненавидел себя за то, что уступил, тем более, что нельзя было с уверенностью сказать, произвели ли подстрекатели желаемый эффект.

— Ну, вот и все, — сказал Брезан. — Я собираюсь…

В тот же миг сеть сообщила:

— Верховного генерала Кел Брезана вызывают по линии 10–1.

— Какого черта? — сказал Брезан. Линия 10–1 была зарезервирована для личных звонков.

— Поспите немного, — предложила Эмио. — Если это важно, пусть перезвонят, как всегда говорила моя бабушка.

— Нет, я хочу знать. — Брезан взмахом руки отогнал ее. — Может, притворитесь, что намерены оставить меня одного, хоть я и знаю, что по

приказу вашего гекзарха кабинет нафаршировали жучками по самое не балуйся?

Эмио отказалась проглотить наживку.

— Если настаиваете. Просто пообещайте, что, в конце концов, ляжете спать.

— С чего вдруг все Шуосы стали так ратовать за здоровые привычки?

— Когда-нибудь вы встретитесь с Шуос Зехуни, — сказала Эмио, не подозревая, что это уже случилось, — и тогда поймете.

После того как дверь захлопнулась за ее спиной, Брезан сказал в пустоту:

— Когда-нибудь я встречусь с Шуос Зехуни опять и съем перед ними целый торт, просто чтобы позлить.

Он знал, что в реальной жизни никогда не осмелится сделать ничего подобного.

— Верховного генерала Кел Брезана вызывают по линии 10–1, — повторила сеть со своим обычным нечеловеческим терпением.

Брезан задержался на мгновение, чтобы посмотреть на себя в зеркало, — обыкновение, к которому он лишь недавно себя приучил. Быть фактическим главой государства — почти то же самое, что иметь личного сержанта-инструктора, который натаскивает тебя следить за своим

обликом. Он не отличался неряшливостью в бытность штабным офицером, просто… по меркам публичных фигур, этого было недостаточно.

— Прими вызов, — сказал Брезан, одновременно надеясь, что неизвестный на другом конце еще не сдался, и опасаясь, кто бы это мог быть.

Сеть спроецировала перед Брезаном изображение его старшей сестры, Миузан. Миузан была одной из близняшек, но он без труда отличал ее от Ганазан, даже когда они были детьми. Помимо всего прочего, Миузан всегда была властной. Не то чтобы Брезан собирался сказать ей это в лицо.

Для разговора Миузан демонстративно включила свою униформу Кел в парадный режим. Единственная причина, по которой на мундире Брезана было больше галунов, не говоря уже о цепочках, ниспадавших с одного эполета и раздражающе звеневших при каждом движении, заключалась в том, что Эмио наняла модельера, который придумал для него совершенно новый фасон, чтобы производить впечатление на людей. Он сомневался, что на сестру это подействует.

— Привет, братишка, — сказала Миузан суровым тоном. — Стоит отвернуться на секунду — и вот тебе на.

— Я тоже рад тебя видеть, — ответил Брезан,

решив быть вежливым. Она обратилась к нему на высоком языке, так что он последовал примеру, хотя в детстве они разговаривали на одном из низких языков. На самом деле было не совсем ясно, чего требует этикет. В военном отношении он превосходил ее по рангу; она была полковником в штабе генерала Кел Инессер, в то время как Командование Кел вознесло его на не совсем желанную должность верховного генерала, задумав отчаянный гамбит. Конечно, люди усомнились в его легитимности, как только он объявил себя временным главой государства.

Кроме того, Миузан была старше его на шесть лет. Она помнила, как наблюдала за сервиторами, менявшими ему подгузники. (Трое их отцов были помешаны на смене подгузников.) И она помогала ему с домашним заданием, когда старшая сестра, Кериезан, была слишком занята. Так что беседовать с нею, пренебрегая формальностями, было бы просто странно.

— Брезан, — сказала Миузан, нахмурив брови, — клянусь пламенем, что ты творишь?

По тому, с каким особым ударением она произнесла его имя, он понял, что этот разговор не пройдет гладко. Самым разумным было бы отключиться и пойти немного поспать, как велела

ему Эмио, потому у него не было никакой возможности ее переубедить. Но она была членом семьи, черт возьми, и он не видел ее уже много лет. Надо хоть попытаться.

— Пытаюсь собрать гекзархат обратно, — сказал Брезан. — Только лучше, чем раньше.

— Ага, «лучше», — с сарказмом повторила Миузан. — Я жажду услышать любую версию этой истории, в которой мой надоедливый младший брат…

«Ну спасибо», — подумал Брезан.

— …не заделался «падающим ястребом» и не объединился с Жертвенным, мать его, Лисом, чтобы стать гекзархом. Ты мне не очень-то помогаешь.

Брезан успешно подавил инстинктивный ответ: «Но я же не объявил себя гекзархом». Помимо всего прочего, пусть формально это и было правдой, ее гнев бы не утих.

— А что, — сказал он, — ты считаешь старую систему настолько грандиозной?

Как только слова слетели с его губ, он понял, что ответ, пусть и другой, все равно оказался неверным. Знать бы, существовал ли верный вообще. Его формационный инстинкт нарушен, но инстинкт Миузан наверняка в порядке. Пусть

не все Кел служили с одинаковым энтузиазмом, он никогда не сомневался в том, во что верила Миузан.

Разумеется, сестра отпрянула, как будто у него выросла вторая голова.

— Это все моя вина, не так ли? — спросила она.

Вопрос застал его врасплох.

— Я слишком сильно тебя допекала, когда ты был ребенком, — продолжала она, — и от этого ты повредился умом. Я должна была догадаться…

И так далее, в том же духе; Брезан мог лишь смотреть на нее в изумлении.

— Миузан, — наконец проговорил он, прерывая поток самобичевания. — Это никак с тобой не связано.

Должно быть, он научился лучше врать, потому что сказанное было не совсем правдой. Брезан изначально присоединился к Кел, чтобы быть достойным сестры. Как бы она его ни раздражала, ребенком он глядел на нее снизу вверх. Он боролся с неприятным осознанием того, что на самом деле ему хотелось в кои-то веки ее превзойти.

— Миузан…

— Что?

— Ты можешь верить, во что хочешь, — сказал Брезан. Это было безопасное, мягкое заявление,

подходящее для начала. — По крайней мере, позволь объяснить, почему я счел это хорошей идеей?

— Да, — сказала Миузан, переключив внимание на него. — Ты уж постарайся.

Что бы он ни сказал, этого будет недостаточно, чтобы ее переубедить. Но Брезан и не собирался этого делать. По всему гекзархату жили люди, похожие на его старшую сестру: верные граждане, порядочные индивиды, ведущие повседневную жизнь, и многие из них извлекали выгоду даже из системы, основанной на регулярных ритуальных пытках. Когда-то и он был одним из них, или ему нравилось так думать. Это были люди, до которых он пытался достучаться. Что ж, можно начать с самой трудной аудитории.

— Помнишь, как ты впервые рассказала мне про День Коротких Ножей? — спросил Брезан. Праздник был два дня назад, по высокому календарю. Естественно, этот народ его больше не соблюдал.

Брезан отчетливо помнил тот первый раз, хотя воспоминание также содержало разнообразные пустяки вроде его неприязни к обоям с рисунком из перьев и жужжания комара, от которого экокрубберы не смогли избавиться. Его младший

отец перестал работать над заказной картиной и поспешно ополоснул руки в тазу с водой, хотя это не очень помогло ему избавиться от чернильных пятен на предплечьях и на рубашке. Брезан играл с игрушечным пустомотом и делал вид, что его не беспокоит, что у одного крыла отломился кончик. Он знал, что в календаре полно особых дней, но не понимал, почему это важно; никогда не задавался таким вопросом. С чего бы ему в детстве поступать иначе?

Миузан хмуро смотрела на него, как будто уже понимала, куда брат ведет нить размышлений.

— Не особенно.

Хм…

Она прибавила:

— Поминальных церемоний много, Брезан. Через какое-то время они как будто сливаются воедино. Я просто иду, куда надо, и делаю то, что приказывают бюллетени.

Брезан моргнул и перегруппировался. Он всегда считал, что сестра очень серьезно относится к поминальным церемониям. Ведь это она и их старшая сестра Кериезан занимались с ним необходимой медитацией, пока он не повзрослел достаточно, чтобы справляться самостоятельно. Он никогда не сомневался в ее преданности.

— Там было много крови, — сказал Брезан, возвращаясь мыслями к видеотрансляции.

Видона, возглавлявшая ритуалы в их местности, носила традиционную зеленую мантию с бронзовой окантовкой и бронзовые украшения в форме шипов ската. Рукоять ее ножа тоже была бронзовой, а лезвие ярко мерцало. Брезан был очарован ловкостью, с которой она использовала оружие, чтобы взрезать жертву. Еретик не кричал только потому, что его рот был зашит. Брезан быстро усвоил, что так бывает не на всех церемониях.

На лице Миузан застыло каменное выражение, которое он хорошо знал.

— Они еретики, Брезан. Пытаешься выклянчить для них что-то вроде милосердия? Ты же знаешь, сколько хлопот они доставляют. Даже если бы они сами по себе не были плохими… — она произнесла это таким тоном, словно подобная мысль впервые пришла ей в голову, — …мы не можем допустить календарную гниль.

— Да, — мрачно сказал Брезан, — я тоже так думал.

Или, во всяком случае, он думал, что этого достаточно, чтобы примириться с происходящим, но понимал, что, с точки зрения несчастных ере-

тиков, никакой разницы нет. Потом он записался в Кел, как и его старший отец, как и Миузан позже. Он испытал и облегчение, и разочарование, когда оказался офицером по кадрам, а не отправился на поле боя.

— Ну что ж, — сказала Миузан с меньшей снисходительностью, чем обычно, — я полагаю, что ты просто пытался поступить так, как счел наилучшим в хаотической ситуации. — Она никогда не была высокого мнения о его способностях и не пыталась это скрыть. — Но я звоню не поэтому.

— Неужели, — сказал Брезан. — Тогда почему?

Желудок скрутило узлом, и он велел себе успокоиться. Учитывая внушительное количество пожаров, которые он пытался потушить по всему гекзархату, лишние неприятности ему были не нужны.

Миузан наклонилась вперед, глаза ее заблестели, и он понял, что попал впросак.

— Генерал Инессер попросила меня связаться с тобой.

Это не улучшило состояние его желудка. Генерал Инессер, старший полевой генерал Кел. Единственный генерал, удостоившийся чести назвать пепломот, один из шести величайших боемотов гекзархата, в честь своей личной эмбле-

мы. Инессер, известная своим мужеством и умом, не говоря уже о происхождении, восходящем к некоторым великим анданским семьям. Обычно этот последний факт не считался преимуществом. В отличие от Андан (даже из-за них), Кел испытывали сильные чувства по отношению к непотизму, в основном отрицательные, хотя это не означало, что он не существовал. Но к тому времени, как она достигла своего нынешнего ранга, Инессер уже успела приобрести репутацию непоколебимо честного человека.

Миузан получила место в штабе Инессер несколько лет назад — это был настоящий подвиг. Он также сделал ее еще более невыносимой, чем прежде. Брезан не хотел, чтобы она воспринимала его всерьез из-за того, что он стал революционером, но раз уж они теперь живут в таком мире…

— Я готов уделить генералу внимание, когда она только пожелает, — совершенно искренне ответил Брезан. Кроме всего прочего, он сомневался, что Инессер связалась с ним, потому что хотела поддержать предложенный им режим. Хотя он никогда не встречал ее, она также имела репутацию человека, наделенного старомодным консерватизмом Кел — тем самым, к которому

он когда-то стремился, превозмогая внутреннее отвращение. Если Инессер связалась с ним через сестру, это означало, что она прощупывает его на предмет грядущего предложения.

— Приятно слышать, — сказала Миузан, но при этом посмотрела на него так, словно подозревала сарказм. Он не мог ее винить; их отношения в последние годы не страдали от недостатка сарказма. — Возможно, у нее есть для тебя предложение.

— Скажи же.

— Гекзархату нужна сильная рука, чтобы удержать его от распада после трансляции этого еретического календаря, — сказала Миузан. Брезан подумал, понимает ли она, что говорит чуть громче, чуть быстрее, чем обычно. Он не привык думать о своей сестре как о ком-то, кто может быть охвачен пылом, даже пылом на службе у своего генерала. — Генерал Инессер намерена стать этим человеком.

Он и сам так думал. Инессер будет грозным соперником.

— Пока не отвечай, — быстро проговорила Миузан, прочитав что-то по его лицу. — Чужакам, и не в последнюю очередь Хафн, нет дела до наших внутренних разногласий, если те не

превращаются в слабости, которые они могут использовать. Гекзархату нужна единая фракция Кел, чтобы сдержать врагов и обеспечить соблюдение календаря, чтобы звездные двигатели смогли продолжать работать. Генерал Инессер — лучший кандидат на эту должность.

— Ты сказала «календарь», — проговорил Брезан, сразу переходя к тому, что его больше всего волновало. — Полагаю, имея в виду высокий календарь. — Тот, ради избавления от которого они с Черис взорвали Командование Кел.

— Конечно, — озадаченно ответила Миузан. — А как иначе Кел смогут функционировать?

Действительно, как? Брезан подыскал ответ. Армия Кел зависела от формационного инстинкта, позволяющего манипулировать солдатами. Поскольку Брезан был «падающим ястребом», его формационный инстинкт был дефектным — он в течение долгого времени не признавался в этом самому себе. В конце концов, чтобы подчиняться приказам, формационный инстинкт не нужен. Он просто облегчал задачу — точнее, легче приводил к неизбежному исходу.

Новый календарь Черис — она транслировала свое изобретение по всему гекзархату с тем, чтобы его использовали там, где новинка закре-

пится, — изменил экзотические эффекты, так что они влияли только на тех, кто хотел быть затронутым ими. Нетрудно было предвидеть, что это поставит под угрозу иерархию Кел. Кел не всегда использовали формационный инстинкт, но с той поры, как он был установлен, стали зависимы от него.

— Есть еще кое-что, о чем тебе следует знать, — сказала Миузан.

Желудок Брезана скрутило еще сильнее. «В следующий раз, когда мне позвонят на личную линию, — подумал Брезан, — я сначала приму успокоительное».

— Полагаю, ты слышал, — осторожно начала Миузан, — но если нет, то знай: появились сообщения о проблемах с мот-двигателями. Пока что они тревожным образом коррелируют с областями календарной гнили. Могу переслать пакет данных, если хочешь. Считай это подарком от генерала. Но все это говорит о том, что нам нужно стабилизировать гекзархат как можно скорее — до того, как вся наша оборона и межсистемная торговля прекратятся.

Как он мог пропустить такое известие? Если только оно не оказалось похоронено в грудах донесений и депеш, которые он изо всех сил

старался прочесть каждый день. Учитывая, что Брезан не так уж долго выполнял свою работу, он уже впечатляюще отстал.

— Дай угадаю, — сказал Брезан. Он не был инженером, но знал об основах технологии мот-двигателей. — Упряжи больше не работают должным образом.

На самом деле стоило ей заговорить о проблеме, Брезан понял, что та была очевидной. Пустомоты имели биологическое происхождение, вылуплялись на мот-верфях, а затем оснащались технологическими имплантатами, чтобы сделать их подходящими транспортными средствами или оружием войны. Календарная гниль всегда угрожала эффективности упряжи, контролирующей любой мот-двигатель. Пустомоты неспроста были дополнительно снабжены инвариантными маневровыми двигателями.

Губы Миузан скривились.

— Удивительно, что ты этого не предвидел, братишка.

— Это были напряженные недели, — сказал Брезан. Он проглотил свою гордость и добавил: — Хотя ты права. Непростительно упускать из виду такую важную деталь.

— Ну что ж, — сказала Миузан, — решено.

Стоп, она что же…

— Прошу прощения. — Брезан подавил вспышку гнева. — Я ни на что не соглашался. Скажи генералу Инессер, я благодарен ей за предупреждение. — Так оно и было на самом деле. — Но я не могу ее поддержать.

На этот раз Миузан не нашлась, что сказать. Ее ноздри раздулись, и она несколько долгих мгновений смотрела на него прищуренными глазами.

— Все просто, — сказал Брезан, несмотря на то, что сердце у него колотилось. — Если генерал и беспокоится обо мне, то только потому, что считает меня угрозой. Может, и не такой уж большой угрозой, но это значит, что у меня есть шанс. И я должен им воспользоваться — не ради себя, а ради всех людей, которых можно спасти от Видона.

— Ты… — Миузан вдохнула и сердито выдохнула. — Ты ставишь свое эго и кучку еретиков выше безопасности многих невинных людей.

— Когда-то давно некоторые из этих еретиков сами были «невинными людьми», — парировал Брезан. — Сколько раз мы такое видели, Миузан? Живет себе какая-нибудь группа десятилетиями, а то и дольше, и внезапно оказывается, что они новые еретики — а все потому, что Видона при-

думали какие-нибудь замысловатые правила, исключительно, чтобы подсобрать новых жертв? Я больше не желаю быть частью этого.

— Ладно, — голос Миузан сделался безупречно спокойным, и это никогда не предвещало ничего хорошего. — Я не собиралась тебе этого говорить, но ты не оставляешь мне выбора.

«Выбор есть всегда», — подумал Брезан. И все же он мог позволить ей высказаться. Она не оставит его в покое, пока все не выложит.

— Ты ставишь жизни горстки людей выше жизней всех в целом гекзархате. Да, возможно, в старом правительстве были пятна коррупции. Это не значит, что решение состоит в том, чтобы сжечь все дотла.

— С этим уже покончено, — сказал Брезан, потому что не смог удержаться.

Миузан продолжала говорить, не слушая брата, так что ему пришлось напрячься, чтобы расслышать ее. Что, без сомнения, и было задумано.

— Миры гекзархата уже истекают кровью из-за тебя. К тому времени, как ты закончишь с этим, с этим… — Она подыскивала нужное слово, нашла: — …этой истерикой, они в ней утонут. Надеюсь, ты будешь счастлив.

Нрав Брезана, всегда взрывной, взял над ним

верх.

— Спасибо, что так хорошо обо мне думаешь, — сказал он холодным, ровным голосом. — Потому что я не вижу ничего особенного в том, что пытается сделать твоя драгоценная начальница, за исключением того, что она не заботится ни о чем, кроме восстановления старого порядка. Скажи, когда вы обе недавно соблюли День Коротких Ножей и поглядели, как делают надрезы и течет кровь, вы хоть спросили себя, как звали бедолагу, которого ради вас замучили до смерти?

— Это был еретик, — огрызнулась Миузан. — Я вижу, что разговор оказался пустой тратой времени. Я вообще не должна была предлагать такую идею генералу. Я никогда бы не подумала, что ты предпочтешь какое-то безумное личное честолюбие чести, верности и семье, но, похоже, ты все-таки способен удивить меня.

— Иди на хрен, — сказал Брезан.

Лицо Миузан застыло. Затем она разорвала связь.

Это был последний сеанс общения Брезана с родственниками в течение следующих девяти лет.

6

Прощание с Ромбом и Ситом заняло у Гемиолы всего несколько минут.

— Держись подальше от неприятностей, — сказал Ромб, как будто Гемиола еще не испытала своего первого нейронного расцвета. И на этом остановился.

Сито же, напротив, подарил Гемиоле трогательную и совершенно непрактичную скульптуру из гнутой проволоки и всяких обрезков.

— На случай, если настоящий гекзарх, когда ты его найдешь, будет нуждаться в дополнительных элементах декора, — сказал он.

— Если мы его догоним, я поставлю это так, чтобы он мог увидеть, — тактично пообещала Гемиола.

Змееформа уже передала Джедао архив, скопированный на носитель данных размером с его ладонь. Она одобряла то, как осторожно Джедао обращался с архивом. То, что это копия, не означало, что она не была ценной.

Она с трепетом сопроводила Джедао за пределы базы Тефос. Лестница почти не изменилась

за все прошедшее время. Джедао добавил свои отпечатки к множеству следов в слое пыли на ступеньках. Атмосфера у Тефоса была скудная. Здесь, внизу, защищенные от медленного дождя из микрометеоритов, следы шагов должны были сохраниться надолго. Некоторые из них относились к тому времени, когда гекзарх впервые привел с собой трех сервиторов.

Когда они выбрались из расщелины, две другие луны системы плыли высоко в небе, усыпанном звездами и светящимися вихрями местных туманностей. Поверхность Тефоса, обычно тусклая, голубовато-серая, еще больше обесцветилась в неярком свете. Джедао включил фонарь. Гемиола тоже включила огни на случай, если ему понадобится дополнительная помощь, чтобы увидеть дорогу.

По дороге они миновали сад камней. За восемьдесят лет тщательный узор из песка немного испортился под воздействием эрозии. Гемиола смутилась: эффект ей понравился. Но Сито наверняка захочет привести сад в порядок, чтобы он выглядел точно так же, как восемьдесят лет назад. К тому времени, когда Гемиола вернется, сад, без сомнения, будет восстановлен в своем первоначальном виде.

Пустомот Джедао покоился на гребне холма неподалеку от сада. Его вытянутая тень тянулась прочь от них, исчезая за хребтом. Сам мот представлял собой узкий треугольный клин, вершина которого была слегка приподнята к небу, как будто он жаждал снова взлететь. Хотя мот был матово-черным, его посадочные опоры блестели, словно зеркальные. Многообещающе: силовое ядро мотылька было должным образом экранировано. Подобно многим сервиторам, даже сервиторам не особенно технического склада, Гемиола испытывала сильные чувства к экранированию. Возможно, это означало, что Джедао хорошо заботился о своем транспорте.

Только вот…

— На вашем моте кто-то есть, — сказала Гемиола, останавливаясь, когда корабль развернул трап. Ее сканеры обнаружили еще одного сервитора, хотя человеческим взглядом его было еще не разглядеть.

— Это мой попутчик, — сказал Джедао приглушенным голосом через комм скафандра. — Я представлю вас, как только мы поднимемся на борт.

Невзирая на трепет, Гемиола взлетела по трапу и вошла в шлюз вслед за Джедао. Как только

шлюз закрылся, Джедао с впечатляющей ловкостью снял скафандр и направился в кабину мота. Гекзарх никогда бы не выдержал такого тесного пространства.

Сервитор-дельтаформа рванулся вперед, затем вспыхнул в тревоге, хотя он должен был заметить приближение Гемиолы.

— Это Гемиола из анклава Тефос, — сказал Джедао дельтаформе. — Почему бы тебе не рассказать немного о себе? Гемиола курирует архивную копию, которую я привез с собой.

Дельтаформа моргнула зелено-синим цветом с явной уклончивостью.

— Я 1491625 из анклава Траурный Ястреб, — сказал сервитор. — Рад с вами познакомиться.

Значит, он из анклава, связанного с Кел. Гемиола не была уверена, что чувствует по этому поводу, но сомневаться в преданности другого сервитора было бы невежливо. Она ограничилась тем, что сказала:

— Аналогично.

— А ты как следует представился? — сказал 1491625, обращаясь к Джедао.

— «Джедао» — мое имя всем известно, — ответил тот, пожимая плечами.

Гемиола вопросительно мигнула.

Он это проигнорировал и, заняв кресло второго пилота, застегнул паутинные ремни.

— Вы не пилотируете? — спросила змееформа.

— У 1491625 это получается лучше, чем у меня.

1491625 ответил самодовольной вспышкой.

— И ты тоже, — сказал он Гемиоле. — Тебе придется приютиться позади нас, если только ты сама не умеешь пилотировать?

— К сожалению, нет, — ответила змееформа. Строго говоря, она не нуждалась в ремнях безопасности, но проявила любезность и пристегнулась к спинке сиденья Джедао. — Куда мы направляемся?

— Пополним запасы, — сказал Джедао. — Я не знаю, когда ты в последний раз видела карту гекзархата, Гемиола, но Куджен выбрал Тефос, потому что он находится в глуши. Что говорит о многом, учитывая, насколько обширен космос. Устраивайся поудобнее.

Сервиторы не нуждались в сне. Зато Гемиола могла наблюдать за своими попутчиками, пока они прокладывали курс к системе, о которой она никогда не слышала. 1491625 и Джедао обсуждали особенно нестабильный регион, который они обошли по пути сюда, и вопрос о том, не сократить ли путешествие на несколько дней, пройдя

на этот раз через него.

Пустомот плавно взлетел, используя свой инвариантный маневровый двигатель. Через пару часов Гемиола поняла, что 1491625 все еще не включил мот-двигатель, который был на порядок быстрее. Хотя это было грубо, Гемиола просканировала упряжь мот-двигателя. Змееформа была не техником, но не заметила ничего явно неправильного.

— У вас какие-то проблемы с мот-двигателем? — робко спросила она.

— Упряжь мот-двигателя ненадежна вне пространства высокого календаря, — объяснил Джедао. — Мне не хочется, чтобы мы случайно врезались в ближайшую нейтронную звезду, потому и…

Так вот почему Джедао беспокоился о пополнении запасов: им предстояло лететь дольше обычного.

— И как долго это продолжается? — спросила Гемиола. Гекзарх не упоминал о подобных проблемах восемьдесят лет назад.

— Последние девять лет, — ответил Джедао. После этого он погрузился в тревожное молчание.

Не желая беспокоить своих хозяев, Гемиола принялась размышлять о любимом гаводе. Когда-

то гекзарх и Джедао любили танцевать под него. Змееформа вспомнила, как гекзарх смотрел на Джедао, ведя его вдоль стен комнаты, предназначенной для этой цели.

— Ты напеваешь, — сказал Джедао через некоторое время. — Может, что-то конкретное, но я не могу сказать, что именно. Наверное, когда можешь воспроизвести любой звук по своему желанию, легко сделаться целым оркестром.

Гемиола смущенно заморгала.

— Я не хотела…

— Не извиняйся, — сказал Джедао. — Приятно знать, что хоть у кого-то из нас есть слух. Я когда-то… Впрочем, неважно.

1491625 хихикнул.

— Что было когда-то? — спросила Гемиола. Если она правильно помнила, Джедао умел отбивать ритм, но не более того.

— Мать научила меня петь старые песни, давным-давно и очень далеко, — сказал Джедао. — Но я больше этого не умею. Командование Кел погубило навык. Ну, хватит про меня. Я хотел спросить, не поможешь ли ты просмотреть записи?

Змееформа колебалась.

— Если только ты их уже не прочитала?

— О нет, — сказала Гемиола. Сам гекзарх никогда не просматривал записи, только быстро обновлял их во время каждого визита. — Я не могла. Гекзарх бы не…

— У гекзарха неприятности, — сказал Джедао. — Проблема в том, что он к тому же ужасно скрытен. Я должен выяснить, чего он так боялся все эти годы.

Сотня вопросов пронеслась в голове Гемиолы. Кто посмеет угрожать гекзарху? И почему Джедао не с ним? Что же случилось такого, что нарушило надежность мот-двигателей?

— Ты не знаешь, где он, — сказала змееформа. Это был не вопрос.

— Он пропал девять лет назад, — сказал Джедао. — В последний раз, когда я его видел, он строил глазки Командованию Кел. Но в этом нет ничего нового. Я могу только заключить… — Он взмахнул рукой, будто что-то обрывая. — Я надеялся найти подсказку к тому, куда он ушел или что он считает угрозой. Шансов на успех было мало, но поскольку я знал о Тефосе, я должен был проверить это место, как только освободился от некоторых обязательств. Честно говоря, я думал, что найду Куджена прячущимся тут. Но насколько я знаю, у него есть еще базы, подобные Тефосу,

разбросанные среди звезд.

— Конечно, гекзарх не может отстраниться от выполнения своих обязанностей на слишком долгий срок, — сказала Гемиола.

Джедао невесело улыбнулся.

— Теоретически.

— Что ж, — проговорила змееформа. — Я помогу вам проверять архив.

— Спасибо, — сказал Джедао. — 1491625, я собираюсь выделить один из субдисплеев — надеюсь, что там нет ничего ужасно отвлекающего. Или, да помогут нам лисы, что формат данных не настолько устарел, чтобы обрушить сеть или устроить какую-нибудь еще ерунду в этом духе.

— Ты просто не мог не превратить это дело в настоящую нервотрепку, не так ли? — сказал 1491625.

Джедао вставил носитель данных в считывающее устройство.

— Ну, вот и указатель, — сказал он. — Он сжат, а не зашифрован. Честно говоря, я бы хотел, чтобы оказалось наоборот. Я бы чувствовал себя в большей безопасности. Вот ключ доступа, Гемиола…

Гемиола получила его от сети. Весь набор записей состоял из примитивных файлов вида текст-плюс-изображение.

— Формат невероятно стар, — сказал Джедао. — Куджен был сторонником обратной совместимости. Тем не менее это означает, что мы сможем прочитать записи без проблем. Никогда не думал, что буду ему благодарен за навязчивое стремление к стандартизированным форматам.

Гемиола, слушая его вполуха, открыла самый ранний файл, который оказался… дневниковой записью? Заметкой на отвлеченную тему в лабораторном журнале? Нирайской версией любовного письма?

Запись начиналась довольно безобидно, со стилизованного наброска эмблемы, которую Гемиола никогда не видела: планеты, окруженной кольцом, в сопровождении летящей птицы. Нарисовано вроде карандашом. Змееформа даже заметила слабые следы ластика там, где автор записи подправил планету, чтобы сделать ее круглее.

«Снова видел девочку по дороге в класс, — гласили колонки текста, написанного элегантным почерком, аккуратно выровненного по сетке точек. — Я отдал ей остаток лепешки. Она нуждалась в этом больше, чем я. Во время обедов в кафетерии другие кадеты выбрасывают достаточно еды, чтобы накормить целую армию таких

девочек, как она».

Далее следовали три различных рецепта лепешек с подробными заметками о вкусе и сравнением стоимости.

— Что ты читаешь? — спросил Джедао, заглядывая ей через плечо.

— Самую первую запись, — сказала Гемиола. Даты не было, но индекс подразумевал, что все расположено в хронологическом порядке.

После многозначительной паузы Джедао сказал ровным голосом:

— Это почерк Куджена, хотя и не такой изящный, как позже. Интересно, чем он занимался.

— Кормил голодную девочку? — спросила Гемиола, недоумевая, что же такого сложного в толковании этого отрывка.

— Да, но почему?

Она не могла понять смысл вопроса.

— Потому что та была голодна, а у него была еда?

Джедао потер виски.

— Мне нужно подумать об этом. Интересно, что еще здесь есть. Судя по индексу, это целая библиотека заметок. Ты читаешь быстрее меня, так что у нас есть шанс. Особенно учитывая, сколько времени мы все равно проведем в пути.

Гемиола поймала себя на том, что восхищается наброском.

— Интересно, что это такое, — сказала она. — Я и не знала, что гекзарх любит рисовать.

— Старая эмблема фракции Нирай, до того, как они заменили ее современным пустомотом. Однажды он сказал мне, что научился черчению старомодным способом, еще до того, как появились сети, способные помогать. Показал мне коллекцию рейсшин, циркулей и шаблонов эллипсов. Хотя к тому времени, когда я его узнал, он мог рисовать круги почти идеально от руки. Должно быть, когда-то это было обязательным навыком в учебном плане Нирай. — Уголок его рта приподнялся. — Однажды он напугал меня, сказав, что Шуосы требовали от своих кадетов использовать только кодовый язык в течение целого семестра. Или, может быть, это были Андан, еще до того, как от них отделились Шуосы — точно не помню.

Джедао покачал головой.

— Часть этого материала просто обязана быть технической. С математикой я справлюсь, если придется… — И опять в его голосе проскользнула ирония: — …но я не инженер.

— Я тоже, — сказала Гемиола. — Может быть…

— Меня вряд ли можно назвать специалистом по механике врат, — сказал 1491625 с пилотского кресла, — хотя у нас есть несколько пособий, и ужасный — по словам Джедао — интерактивный учебник.

— Что ж, придется извлечь из этого максимум пользы, — сказал Джедао.

— Как быстро вы читаете? — спросила Гемиола.

— Подобный текст я могу читать со скоростью двести слов в минуту. При условии, что в рецептах ничего не зашифровано. Чего нельзя исключать, когда имеешь дело с кем-то вроде Куджена.

— Хорошо, — сказала Гемиола. — Предпочитаете читать с самого начала или возьмете более современный материал?

— Более современный, — сказал Джедао после паузы. — На том основании, что мне нужно знать, где он сейчас, а не что он делал почти тысячу лет назад.

Гемиола вычислила разделительную линию.

— Тогда начните с этого файла, — предложила она.

Джедао вызвал соответствующий документ.

— Идет. Если найдется что-то интересное, оставь пометку. Степень интересности можешь

определять согласно тому, что покажется тебе полезным.

И он устроился поудобнее, чтобы почитать.

Гемиола сделала то же самое. Она знала, чем занимается, — подглядывает за гекзархом. И это не могло не вызвать у нее более теплых чувств к нему. Что бы ни встревожило Джедао в инциденте, описанном в первой записи, забота о голодном ребенке, несомненно, была достойна похвалы.

— Неужели люди в гекзархате все еще голодают? — спросила она, обратившись к следующей записи.

— Теперь, наверное, да, — сказал 1491625 с циничным зеленоватым мерцанием. — В прошлом — меньше, за исключением тех, кого угораздило жить вблизи от какой-нибудь войны. Что описывает многие места в наши дни.

Гемиола предложила уточнить.

— Гражданские беспорядки, — пояснил Джедао, — в результате некоторых необходимых реформ.

— Ну, можно их назвать и так, — заметил 1491625.

Гемиола вопросительно моргнула.

— Старый спор, — уклончиво ответил Джедао с беспокойством в глазах.

Гемиола продолжала читать, пока не нашла еще одно упоминание о голодной девочке. Оно встретилось в заметках по нейропсихологии. Сами заметки были короткими, почти телеграфными. Неудивительно; змееформа не могла себе представить, что этот материал мог оказаться сложным для гекзарха, даже когда тот был кадетом. Если бы она читала чуть быстрее, то пропустила бы абзац целиком.

«Снова заметил ее», — написал гекзарх и, похоже, быстро зачеркнул написанное. А на полях следующей страницы нашлось другое: «Моей сестре было примерно столько же лет, когда она умерла».

— Джедао? — сказала Гемиола.

Тот не поднял головы.

— Ммм?

— Кем была сестра гекзарха?

— Кем была кто?

Гемиола показала ему заметку на полях.

— Я никогда не слышал ни о каких братьях и сестрах, — сказал Джедао, — и уж тем более о том, что ему было не все равно… — Он не договорил то, что собирался сказать. — Я не думаю, что мы знаем, сколько лет было Куджену, когда он написал это.

— Если мы сможем выяснить, на каком курсе он делал заметки, — сказал 1491625, взглянув на страницу, — сможем сравнить его со стандартным учебным планом Нирай.

— Его приняли в возрасте четырнадцати лет, — сказал Джедао. — Он как-то говорил мне об этом. Дескать, забавно, как много людей считали, что он нуждается в «защите». И окончил учебу он рано, через четыре года вместо обычных пяти. Он сказал, что их могло быть три, если бы он не изучал несколько специальностей. Я не думаю, что это было пустое бахвальство.

Гемиола попыталась представить себе гекзарха четырнадцатилетним кадетом, экспериментирующим с рецептами лепешек, и не смогла.

— Интересно, почему он не сообщил властям о девочке, кем бы она ни была, — проговорила змееформа. — Кто-то ведь мог о ней позаботиться.

Пока 1491625 и Джедао ломали голову над учебными планами Академии Нирай, Гемиола продолжала читать. Вскоре она нашла ответ на свой вопрос. Он был спрятан рядом с загадочной таблицей данных — на этот раз датированной. (А еще гекзарх подробно расписал несколько своих вычислений, как показалось Гемиоле, с некоторым сарказмом. Она не сомневалась, что Куджен

мог проделать все это в уме.)

«Один из сокурсников спросил, почему бы мне просто не вызывать представителей Видона. Как будто я не помню, какой была жизнь в их приюте. Не уверен, что девочка поблагодарит меня за это».

И, рядом с диаграммой разброса данных: «Сегодня я узнал ее имя в обмен на еще одну лепешку и конфеты. Мевери. Она, наверное, соврала. Раньше я тоже так делал. Ей шесть лет, а она уже знает, как себя вести».

Гемиола собиралась указать на это Джедао, на случай, если он заинтересуется. Но 1491625 заговорил первым:

— Продвинутый курс обучения. Ради такого пожилые Нирай возвращаются в Академию для исследований, если они достаточно хороши, чтобы быть приглашенными обратно. Он осилил этот курс, будучи кадетом.

— Ни для кого не было бы сюрпризом, что он станет гептархом, — сказал Джедао. — И все же, вероятно, это случилось ближе к концу его пребывания в Академии.

— Я нашла запись с датой, — сказала Гемиола, — 359 год.

Змееформа также указала на комментарий про

сиротский приют.

Джедао помрачнел.

— Полагаю, у него были на то причины, но неужели он всерьез полагал, что подкармливать объедками такую маленькую беспризорницу, вместо того, чтобы передать ее властям, будет лучше?

— Мы не знаем, какими власти были тогда, — заметил 1491625. — Может, кто-то еще присматривал за этой Мевери.

— Если бы только твой народ уже существовал в те времена, — сказал Джедао. — У нас был бы шанс найти дополнительные записи о ней.

— У нас есть свои архивариусы, — сказал 1491625, — но гептархат был обширным местом.

Гемиола отключилась от их разговора. Она хотела знать, что случилось с Мевери. Хотя гекзарх и Джедао никогда не брали с собой детей на базу Тефос, у героини «Розы трех революций» была восьмилетняя племянница. Змееформа предположила, что шестилетние дети ведут себя иначе, чем восьмилетние. И вообще, как такому маленькому ребенку удалось выжить, питаясь только случайными подачками в виде лепешек?

Следующая порция страниц вообще не упоминала о Мевери. Гемиола мучилась, читая про

доверительные интервалы, странные аттракторы и загадочные цепочки биохимических реакций, прежде чем снова ее нашла. На этот раз гекзарх посвятил девочке целую страницу вместе с несколькими зачеркнутыми набросками. Хотя гекзарх мог бы быть компетентным чертежником, его портреты оставляли желать лучшего. В конце концов, он остановился на словесном описании.

«Ее волосы свалялись. Глаза, быть может, когда-то были красивыми. К тому времени, как я до нее добрался, они распухли и заплыли. Мой друг был прав».

Еще несколько колонок текста были написаны, а затем стерты; гекзарх знал, как редактировать материал так, чтобы он сделался нечитаемым. Дальше было добавлено: «Если бы я подождал еще немного, городская стража забрала бы ее на кремацию. Один из местных торговцев фруктами, который видел меня с ней раньше, наконец сказал мне, где общество нищих оставило ее. Я сидел и держал ее за руку, пока она не перестала дышать. Ближе к концу она что-то бормотала мне на одном из местных низких языков. Я просто издавал успокаивающие звуки, потому что это было все, что мне оставалось делать.

Мы — государство из тысяч и тысяч миров, и мы не можем помешать ребенку умереть от голода рядом с одной из академий нашей фракции».

Страница выглядела так, словно ее смяли. Гемиола поймала себя на том, что пытается разгладить бумагу. Изображение, конечно, такому воздействию не поддавалось.

— Джедао, — сказала змееформа, — вам лучше это увидеть.

Прочитав страницу, Джедао некоторое время сидел молча. В конце концов, он сказал:

— Эта его сестра… Интересно, что с ней случилось и почему он никогда о ней не говорил? Даже не думал, что подобный вопрос может прийти мне на ум.

— Таких вопросов будет намного больше, — заметил 1491625.

— Может быть, именно это и заставило его стать гептархом, — предположила Гемиола, — в далеком прошлом.

— Да, — сказал Джедао. — За все годы, что я его знаю, я такого даже не воображал. Начинаю думать, что никогда его не понимал. И теперь мы должны выяснить, о чем он думал все это время, каковы были его планы относительно гептархата, пока не стало слишком поздно для всех нас.

7

Когда Нирай Куджен вернулся на следующий день, Джедао и Дханнет отдыхали, играя в джен-цзай. Джедао попросил Дханнета проверить его план на первую битву, а затем они вдвоем прошлись по логистике. Помимо всего прочего, Джедао не мог не задаваться вопросом, все ли майоры так хорошо разбираются в тактике, или Куджен выбрал ему необычайно компетентного помощника. Не было вежливого способа спросить, потому он и не стал этого делать. Дханнет сказал ему, что штаб должен перепроверить детали, но Джедао все равно желал узнать мнение Дханнета, и тот улучшил презентацию. В ходе обсуждения выяснилось, что Дханнет играл в джен-цзай и принес с собой колоду. Джедао одерживал верх над майором, но тот хорошо сражался.

— Не ругайте майора, — быстро сказал Джедао, когда Куджен уставился на карты в его руке. — Это была моя идея.

— Дело не в игре, — сказал Куджен и принялся перебирать неиспользованную часть колоды, по-

ка не нашел нужную карту. Он показал ее Джедао: двойка шестерней, серебро на черном поле, как и все остальные карты шестереночной масти.

Джедао краем глаза наблюдал за Дханнетом. Плечи майора напряглись при виде карты, как будто… Как будто — что? Это была даже не особенно неудачная карта. «Винтик в машине» — вот что она означала.

— Незнакомо? — спросил Куджен.

— А должно быть? — сказал Джедао, продолжая наблюдать за Дханнетом боковым зрением.

Куджен скорчил гримасу.

— И это тоже исчезло? Когда-то давным-давно ты сделал одну из версий этой карты своей эмблемой.

— Но в цветах Нирай?

— Ты зарегистрировал свою как золотые шестеренки на красном поле, — сказал Куджен. — Весьма эффектно. Ты показывал мне целую серию дурацких карточных фокусов, связанных с ней.

Это звучало куда осмысленней: цвета фракции Шуос. Он не знал, что сказать по поводу карточных фокусов, которые тоже не помнил, поэтому промолчал в ответ. Разумеется, он и представить себе не мог, как развлекает не кого-нибудь, а гекзарха, чем-то таким тривиальным, как фо-

кусы.

— Стоит ли нам переключиться на цвета Нирай, учитывая обстоятельства?..

— Хорошая мысль, — сказал Куджен, — но эмблема будет более пугающей в своей исторической форме, так придерживайся золотого и красного. Я назначил встречу с Кел. Лично проведешь конференцию с начальниками отделений штаба, командирами тактических групп и полковниками пехоты, а также с остальными тыловыми командирами. Разумеется, сможешь проводить с ними виртуальные конференции после того, как мы приступим к делу.

Джедао был наполовину убежден, что помимо этих апартаментов во Вселенной ничего другого не существует. Если он выйдет наружу, то упадет в бесконечную и мягкую темноту.

Должно быть, убежденность отразилась на его лице.

— Я держал тебя в плену не из злости, — сказал Куджен. — Учитывая твою дурную славу, я подумал, что тебе лучше оставаться подальше от случайных Кел или убийц, если уж на то пошло, пока ты не сориентируешься. Ты хоть понимаешь, что скажешь своим офицерам?

— Да, — солгал Джедао. У него была речь; он

даже отрепетировал ее с помощью Дханнета. Оригинал оказался никуда не годным, поэтому он с трудом попытался написать достойную замену.

— Я все еще думаю, что вы должны носить свои медали, сэр, — сказал Дханнет.

Первоначально Джедао возражал на том основании, что последнее, чем должен щеголять массовый убийца, — это куча медалей за поступки, которых он не помнит. Но Дханнет был достаточно уверен в своей позиции, чтобы поднять вопрос в присутствии Куджена и тем самым загнать начальника в угол. Джедао посмотрел на него с обновленным уважением.

Куджен все понял сразу.

— Знаешь, майор прав. Кел лучше отреагируют, если увидят, что ты гордишься своим рангом.

Это было опасно близко к тому, что сказал Дханнет, хотя Джедао ему не поверил.

— Я не видел никаких медалей, когда обыскивал ящики, — сказал Джедао, — и не знаю, как их правильно расположить.

— Униформа делает это за тебя, — сказал Куджен. — Она считывает информацию из твоего досье. Нет, правда. Прикажи ей переключиться в парадный режим, с медалями.

Джедао так и сделал — и мундир поразитель-

ным образом изменился, а под генеральскими крыльями и глазом Шуос появились ряды медалей.

— Держу пари, на этом основаны интересные розыгрыши…

— Ты не первый, кто об этом подумал, — сказал гекзарх. — В униформу встроена криптозащита, которая не позволяет выдавать себя за другого, но этим занимается аугмент, так что ни о чем не беспокойся. — Куджен критически оглядел Джедао и кивнул: — Сойдет.

После короткого завтрака они отправились на конференцию.

— Постарайся не отставать, — сказал Куджен, — раз уж ты не привык к переменной планировке.

— Какой планировке?

— Проще будет понять, когда сам увидишь.

Джедао сам не знал, что ожидал увидеть в залах станции Нирай. Возможно, серость и стерильность. Он должен был догадаться, что станция Нирай, принимающая самого гекзарха Нирай, воздаст должное любви Куджена к красивым вещам. Рисунки тушью на плотном шелке изображали перелетных птиц, только когда он присмотрелся внимательнее, черные штрихи, образующие крылья птиц, оказались составлены

из крошечных, импрессионистических мотыльков. Залы изобиловали витринами с моделями планетных систем и астролябиями, абаками с бусинами из нефрита и обсидиана. И они шли по ковру, радужно-серому с узорами более светлого, жемчужно-серого цвета, с таким глубоким ворсом, что в нем можно было навсегда потерять пальцы собственных ног.

Еще более тревожным было то, что они шли по коридору, который не имел ни конца, ни — оглянувшись, Джедао проверил — начала. Он не мог видеть далеко, как будто в воздухе парил влажный туман. Равнодушие остальных говорило ему, что в этом нет ничего особенного, однако ему происходящее не нравилось.

Но это было еще не все. Джедао внезапно ощутил, где находится станция и все внутри нее — не с помощью зрения, но осознав скопления массы. Куджена и Дханнета он воспринимал с помощью этого иного чувства столь же отчетливо, как и видел глазами. А вот окружение выглядело запутанным переплетением, как будто само пространство-время искривилось между двумя несопоставимыми точками.

Для проверки он замедлил шаг и закрыл глаза. Иное чувство никуда не делось. На самом деле те-

перь, когда Джедао знал, что оно у него есть, он не мог заставить его исчезнуть. Куджен и Дханнет продолжали идти вперед. Он осмотрел остальную часть своего окружения — он мог чувствовать во всех направлениях, удобный трюк — и начал обнаруживать другие движущиеся массы, которые, как он подозревал, были либо людьми, либо, в случае меньших и более плотных, сервиторами.

Лучше никому об этом ощущении не рассказывать, пока он не узнает побольше о том, откуда оно взялось. Джедао был почти уверен, что обычные люди не могут просто так чувствовать массу. Он поспешил следом за спутниками.

Наконец они подошли к огромным двойным дверям. Джедао мог бы поклясться, что те материализовались в промежутке между одним шагом и другим. Двери отсвечивали черным со слабой серебряной россыпью, похожей на звезды; их украшала эмблема нирайского пустомота, исполненная в более ярком серебре. Они пугающе бесшумно разъехались в стороны при приближении Куджена.

Джедао не остановился и не посмотрел ни направо, ни налево, ни вверх, ни вниз, когда проследовал за Кудженом через порог, несмотря на то, что по спине у него бегали мурашки. Он дол-

жен все сделать правильно. Другого выхода нет. Позади себя он слышал прерывистое дыхание Дханнета, но не осмеливался оглянуться, чтобы посмотреть, в чем дело.

Куджен провел их в зал с высоким сводчатым потолком и черными колоннами с золотыми прожилками. Зал освещали фонари, внутри которых метались тени пойманных в ловушку, обезумевших мотыльков, отбрасывая неровные тени на темные стены, но Джедао обратил внимание не на них, а на строй командиров Кел, примерно десять на десять человек.

Командиры Кел, почти как один, преклонили колени перед Кудженом. От этого скоординированного движения иное чувство Джедао на миг сменилось головокружением. Хотя внимание командиров должно было быть сосредоточено на гекзархе, он не мог не заметить их ужаса. Часть его была направлена на самого Джедао — отвращение было настолько сильным, что он чувствовал его, как физическое давление. Но некоторые смотрели на Дханнета с недвусмысленным потрясением. Считали ли они, что Дханнет продался, служа ему?

Температура в зале должна была быть комфортной, но Джедао мог думать только о зиме,

холодных ветрах в мире ледяной тьмы. Повсюду были черно-золотые мундиры, включая его собственный. Он жаждал любого всплеска цвета как избавления от черной монотонности.

— Надеюсь, все как следует выспались, — сказал Куджен. Свет в его глазах говорил о том, что он точно знал, какой эффект эта обстановка оказывает на Кел. — Я обещал вам нового генерала. А вот и он. — Он махнул рукой, показывая, чтобы все встали.

Джедао не рассчитывал на столь короткое представление. Шесть начальников штабных подразделений, стоявших впереди, обменялись каменными взглядами. Лица командиров были неподвижны и пусты, как лед. Джедао понятия не имел, почему он улыбается, или что сказать, пусть он и выучил речь заранее. Молчание тоже не выход, даже перед лицом их приглушенной враждебности. Поэтому он открыл рот…

— Вы знаете мое имя, — сказал он с долей юмора. — Вы, кажется, не очень хорошо выполнили свою работу, казнив меня.

Его взгляд сразу же привлек командир, в котором он узнал Кел Талау. Талау, коренастый альт, прищурился, устремив на Джедао пристальный взгляд. И враждебность Талау вовсе не была

приглушена. Лицо альта пылало неприкрытой ненавистью, даже когда весь зал погрузился в каменную тишину.

«Твою мать…» — подумал Джедао. Что на него нашло, зачем он это сказал? Да еще и таким тоном?

Он не мог взять свои слова обратно. Он не мог извиниться. Это лишь выставит его слабаком. Лучше быть бессердечным ублюдком, чем потерять доверие.

Кроме того, нельзя было обойти вниманием тот факт, что все знали о Крепости Адское Веретено больше, чем он. Попытка завоевать Кел с помощью обаяния в любом случае обернулась бы катастрофой. По крайней мере, они понятия не имели, что творится у него в голове. Ему просто придется слишком хорошо врать, чтобы они не поняли, насколько он не в своей тарелке. Печально, что ложь была лучшим средством поддержать боевой дух.

Плохой знак: Куджен слегка прищурился в знак одобрения. Это продлилось лишь долю секунды, но Джедао следил за реакцией гекзарха.

Ну ладно. Джедао позволил своей улыбке растаять.

— Я так понимаю, что ранее в отношении

гекзарха произошел сбой дисциплины. — Глупо притворяться, что ничего не случилось; лучше разобраться с этим прямо сейчас. — Если вам хочется кого-то предать, можете начать с меня. — Отлично. Он только что вызвал всех командиров на дуэль или что-то в этом роде, и многие из Кел преуспели в дуэлях, но Джедао не мог остановиться. — Мы будем сражаться с другими Кел. Станет ли это проблемой?

Ему хотелось бы обвинить униформу в том, что та морочит ему голову, но он знал, что это не так.

Коммандер Нихара Керу подняла голову: Вторая тактическая. Простоту ее лица компенсировали поразительные светло-серые глаза. У всех остальных в первом ряду были карие глаза.

— Разрешите обратиться, сэр, — сказала она. В ее голосе, высоком и резком, также прозвучали нотки юмора.

Возможно, она была первым человеком, кроме Куджена, который не испытывал к нему ненависти, хотя Джедао еще не встречал многих людей. Это также делало ее потенциальной угрозой. «Не останавливайся, не останавливайся, не останавливайся…»

— Коммандер Нихара Керу, — сказал Джедао.

Ее брови взлетели вверх: она не была уверена, что он знает ее имя, хотя он старался запоминать имена и лица. — Говорите, что у вас на уме.

Рот Талау скривился. Остальные командиры, со званиями пониже, чем у Талау или Нихары, были мрачными и внимательными. Если уж на то пошло, начальники штабных подразделений выглядели еще более неловко. Джедао попытался определить, не испытывают ли Талау и Нихара неприязни друг к другу. Если так, то его жизнь стала более интересной.

— Сэр, — сказала Нихара, — каковы наши цели? Рой велик, но галактика огромна.

Джедао она уже нравилась.

— Наша цель — календарная война, чтобы объединить гекзархат и дать ему возможность противостоять вторжениям чужаков, — сказал он, встретившись с ней взглядом. Он лгал и об этом тоже. Стратегические заметки Куджена предполагали, что он заботился о восстановлении исторических границ гекзархата гораздо сильнее, чем о случайном пустяковом вторжении. Джедао придется выяснить, что это означает, позже.

Он продолжал говорить.

— Мы начнем с атак, направленных на восстановление календаря в Трещине… — Так назы-

вался пограничный регион между Конвенцией и несколькими государствами поменьше, где высокий календарь потерял свое господство, — …и будем расширяться оттуда. Изначально у нас есть лишь этот единственный рой, но я когда-то убил целую армию Кел, и меня рассердили, да к тому же вы — гребаная военная фракция. Я говорю, что у нас есть шанс. Но будет лучше, если мы все будем действовать согласованно.

От этих слов они забеспокоились. Джедао сам не верил, что пошутил насчет массового убийства Кел, но в данный момент он бы не поверил ни в один факт о самом себе.

Нихара рассмеялась. Коммандер Талау неодобрительно поджали губы.

— Хорошо, сэр, — сказала Нихара. — Это справедливо.

— Очаровательно, — сказал Джедао. — Майор, вы не могли бы принести карту?

Дханнет сделал, как он просил.

Джедао не ожидал, что обзор их цели — системы Истейя — принесет много сюрпризов для аудитории. Раньше там располагалась крупная мот-верфь, на которой производили пепломоты, но она пала жертвой саботажа. Куджен хотел, чтобы рой не просто уничтожил ее до того, как

производство возобновится, но сделал это в годовщину гибели Командования Кел. Предполагалось, что Истейя находится в режиме полной боевой готовности. Если бы они смогли одержать победу в этот день — чем зрелищнее, тем лучше, — то случившийся в результате календарный всплеск, по мнению как самого Куджена, так и всех остальных в Доктрине, вернул бы спорную территорию к предпочтительному календарю. Джедао наобум сунул нос в кое-какие математические расчеты, запросив местную сеть о помощи с системой компьютерной алгебры. Младший офицер Доктрины, чью работу он проверил, выглядел так, словно предпочел бы побороться с тигром врукопашную.

Джедао закончил резюмировать разведданные по противоракетной обороне и подавил вздох. Читать лекции статуям было бы гораздо веселее. Статуи могли быть более дружелюбными.

— У нас есть несколько преимуществ, — сказал Джедао, не потому что он думал, что они не поняли этого сами, но потому, что он верил в ясность. — Во-первых, наши мот-двигатели на сканере выглядят иначе, и это собьет противника с толку. Можем воспользоваться этим во время первого боя. Во-вторых, Конвенция и Протекто-

рат в настоящее время находятся в мире, хотя и непростом, и подавляющее большинство из вас, Кел, в конечном итоге оказались либо на той, либо на другой стороне. Они не ждут, что внезапно появится рой Кел и сразится с ними. Так запутать противника можно только один раз, но глупо не воспользоваться подобным преимуществом, раз уж оно у нас есть.

Один из младших командиров спросил о формациях передвижения, и это был хороший вопрос.

— Нет, — сказал Джедао. — Мы не будем двигаться в формациях. Не надо, чтобы противник узнал наверняка, что мы Кел. Пусть это и неудобно, важнее сохранить элемент неожиданности.

— Сэр, — сказали Талау. — Если на нас нападут в пути, что тогда?

Еще один хороший вопрос. Джедао почувствовал облегчение от того, что ненависть Талау к нему не помешала альту принять полезное участие в брифинге.

— Мы будем избегать известных постов прослушивания в максимально возможной степени, — сказал Джедао, — но самое прекрасное в космосе то, что здесь трудно кого-то поймать. Если появится противник, мы сбежим. Наши мот-двигатели позволяют нам обогнать большую

часть существующих кораблей. Это позорно, но календарный всплеск имеет приоритет. Мы здесь не для того, чтобы ввязываться в случайные драки, особенно учитывая наши ограниченные ресурсы. Вы получите приказ сражаться в формациях, когда придет время, и не раньше.

Станет ли Талау спорить с ним ради этого? Но они лишь сказали:

— Признаю вашу логику, сэр.

Джедао понял, что начинает испытывать симпатию и к Талау. Ну и что с того, что они его ненавидят? Возможно, ему пойдет на пользу, если рядом будет человек, который заставит не терять бдительности.

— Ладно, — сказал Джедао. — Задания для пехоты. Хотя у нас есть несколько боксмотов для личного состава, я выделил пехотные части некоторым знамемотам и сдвигмоту для размещения полков. — Он улыбнулся старшему пехотному полковнику Кел Мюйед. — Я рассчитываю, что пехота будет отрабатывать формации в пути.

Дханнет, услышав это, выразил неохотное одобрение, хоть и не вслух.

— Согласно стандартной процедуре во время учений главные опорные точки оставляйте пустыми, — прибавил Джедао. Это предотвра-

щало активацию формационных эффектов. Он сомневался, что полковники нуждаются в напоминаниях о мерах предосторожности, но Мюйед и младший полковник резко кивнули.

Опять заговорили Талау.

— Вы намерены атаковать пехотой в первом бою, сэр?

Во фразе звучал скепсис.

— Нет, — ответил Джедао, — но это не значит, что нужно отказаться от учений.

В какой-то момент им, возможно, придется захватить и удержать территорию; грязное дело, если до этого дойдет. Он предпочел бы иметь дело с быстрым рейдом, чем с длительной осадой или, что еще хуже, с планетарной войной. Но пехотные войска — тоже Кел. Надо было дать им какое-то задание, чтобы они почувствовали себя вовлеченными.

— Что-нибудь еще?

Ни у кого больше не было вопросов, в которых они хотели бы признаться.

— Гекзарх, — сказал Джедао и поклонился. Люди застыли. Возможно, он выбрал не тот поклон, но если Куджен его за это не обезглавит, то ему было наплевать. — Я закончил.

— У меня нет возражений по поводу представ-

ленного графика, — сказал Куджен. — Если у кого-то имеются другие вопросы, отправьте их по обычным каналам.

Джедао понятия не имел, как работают «обычные каналы». Вероятно, Дханнет мог бы помочь ему в этом. Куджен уже шагал к дверям. Джедао вспомнил, что надо отдать честь Кел, которых ему было ужасно жаль, а потом направился следом. Дханнет поспешил за ним.

Они как будто шли назад по тому же причудливому бесконечному коридору с экстравагантными рисунками тушью, только вот стены внезапно раздались, и он превратился в зал. Бледный свет озарял людей, которые трудились над терминалами или скоплениями каких-то загадочных инструментов. Все они носили черную с серебром одежду Нирай, всевозможных стилей: тут платье, оживленное серебристой сетчатой накидкой, там гладкая рубашка поверх брюк с ошеломляющим количеством карманов. Несколько Нирай подняли глаза на вошедшего Куджена, но никто не поклонился, не заговорил с ним, не сделал ничего, чтобы показать, что вошел гекзарх. На самом деле некоторые из них громко спорили об аномалиях на контурном графике.

Куджен посмотрел на Джедао и фыркнул.

— Я не Рахал, Джедао. Я не чувствую такой острой эмоциональной потребности соскребать людей с пола, куда бы я ни пошел.

— Я вам не верю, — пробормотал Джедао.

У Куджена был хороший слух.

— Никто здесь ничего не добьется, если я буду настаивать на этом, — сказал он. — У нас есть расписание. Как бы то ни было, я хотел показать тебе твой командный мот. — Куджен сделал жест, который Джедао, как ему казалось, мог повторить с помощью практики, и часть дальней стены перестала быть видимой.

Стена превратилась либо в окно, либо в огромный дисплей. Сдвигмот завис там на фоне звезд. Зная Куджена, можно было утверждать, что он не случайно оказался выгодным образом расположен между двумя туманностями, маленькой сине-фиолетовой и большой с интересными розовыми завитушками. При таком уровне детализации мот выглядел еще более впечатляюще, чем когда Куджен показывал Джедао исходное изображение: загнутые назад крылья и аккуратные изгибы, треугольный профиль, напоминающий профиль знамемотов. Он узнал множество лобовых выступов, которые проецировали самое смертоносное оружие сдвигмота, и

то, в честь чего корабль был назван, — сдвиговую пушку. Джедао очень хотелось протянуть руку через пустоту и коснуться одного из выступов, но он боялся оставить пятна на нетронутой поверхности.

Джедао додумался посмотреть на Куджена. Гекзарх улыбался тому, что увидел на лице своего генерала. В кои-то веки мягкий свет сделал его прекрасные глаза почти человеческими.

«Конечно, ему не все равно», — подумал Джедао, ругая себя за то, что не понял такой элементарной вещи. Должно быть, Куджен не просто так стал мот-инженером. Он гордился созданным им мотом. И вполне логично, что Куджен не хотел вмешиваться в работу своих техников. Не то чтобы техники имели значение сами по себе. Все дело в том, что они позволяли ему создавать.

— Ты все еще не придумал ему имя, не так ли? — спросил гекзарх.

— Куджен, я не смог, — сказал Джедао. — Это же ваше творение.

Это был правильный ответ.

— Я построил его для тебя, — криво усмехнулся Куджен. — Я могу отбарабанить все спецификации и нарисовать чертежи зубами. Я мог бы даже взять на себя управление, случись у навигатора

сердечный приступ, но это все. Этот мот создан для битвы. Это твоя вотчина.

— Ваш таинственный помощник не хочет назвать его?

— Даже если не принимать во внимание то, что мой таинственный помощник придумывает ужаснейшие имена, он отказался делать что-либо подобное.

— Кстати, как его зовут?

Куджен вздрогнул.

— Может быть, когда-нибудь он тебе расскажет. — Но в голосе Куджена звучало сомнение. — Раз уж мы заговорили об именах, ты должен придумать что-нибудь для мота.

Джедао не мог возражать. Это бы оскорбило Куджена. Но он мог бы добыть какие-нибудь полезные сведения…

— «Ревенант», — сказал Джедао.

Куджен ухмыльнулся ему.

— Хотим произвести эффект, да? Ну что ж, пусть будет «Ревенант».

На том и порешили.

Дханнет с большим интересом изучал мот.

— Покажите мне еще раз спецификации, — попросил Джедао. — Я даже не уверен, что знаю, какие вопросы задавать.

— Некоторые офицеры имеют хорошую техническую подготовку, — сказал Куджен, — но это и впрямь не было твоей особой специальностью.

Казалось, гекзарх собирается что-то добавить, но вместо этого он вызвал диаграмму. В колонках текста перечислялось все вооружение мота.

— Я постарался все четко обозначить, но дай знать, если я ошибся. Я прочитал все анализы битвы при Свечной Арке, которые смог найти, и большинство из них упоминали, что ты использовал превосходящие инвариантные ресурсы против Фонарщиков, поэтому я направил наши исследования соответственно. Учитывая, что календарь нынче раскололся на части, это в любом случае пригодится.

— Я ожидал, что вы начнете с мот-двигателя, — сказал Джедао, обрадованный тем, что диаграмма показала, сколько на борту рельсотронов. Число произвело на него впечатление.

Куджен удивленно покачал головой.

— Сила привычки. Я всегда предполагаю, что Кел хотят в первую очередь узнать о штуках, которые ломают другие штуки. Вот, пожалуйста.

Появилась еще одна диаграмма, включающая график с яркой серебряной кривой и другими, более тонкими, в оттенках золота, синего и крас-

ного.

— Серебро — это сдвигмот. Келский пепломот, келский знамемот, анданский шелкомот просто для забавы, а красный — последние достоверные данные, какие у меня есть о шуосских тенемотах.

— Что еще за тенемоты?

— Корабли-невидимки. Имея дело с тенемотами, обычно следует опасаться первой внезапной атаки. Как только маскировка сброшена, на ее восстановление уходит вечность. Но технология могла улучшиться за последние девять лет, так что не стоит делать слишком много предположений.

— Рад слышать, — сказал Джедао. — Жаль, что я ничего об этом не помню.

На это Куджен ничего не ответил.

— Обрати внимание на выделенную зону в соответствующей кривой ускорения. Ты сможешь обогнать все что угодно, кроме таурагов в их родной календарной местности, но энергетические затраты скажутся на самом главном орудии.

Сдвиговая пушка. Она вызывала рябь в пространстве-времени, смещая объекты, попавшие в зону действия. Не настолько точно, чтобы выдергивать моты на линию огня, но достаточно

хорошо, чтобы разрушить формации Кел, которые зависели от точной геометрии. Джедао почти с нетерпением ждал возможности испытать ее.

— Сдвиговая пушка — это прототип, верно? — сказал Джедао.

Ноздри Куджена раздулись.

— Ее тщательным образом протестировали, — сказал он таким мягким голосом, что Джедао явственно расслышал угрозу.

Следующие два часа они провели, детально изучая технические характеристики, включая время в симуляции. Джедао стал лучше использовать свой аугмент для передачи команд в локальную сеть, даже если его дезориентировало, когда имплантат воздействовал непосредственно на кинестетические ощущения, чтобы предоставить карту или диаграмму. Интересно, сможет ли он когда-нибудь к этому привыкнуть?

— Ладно, — наконец сказал Куджен. — Я нужен своему помощнику. Пусть майор проводит тебя в каюту. Помни, если ты действительно облажаешься, вызови меня, и я все улажу.

Джедао надеялся, что никогда не привыкнет к тому, что гекзарх проявляет к нему такое внимание.

— Удачи вам во всем, что вы делаете, — сказал

Джедао и кивнул Дханнету, показывая, что тот должен вести.

Дханнет ринулся прямо к пустой секции стены. Техники Нирай разбежались в разные стороны, некоторые забормотали что-то похожее на ругательства на разных низких языках. Джедао последовал за Дханнетом, не сбавляя скорости даже тогда, когда казалось, что они вот-вот врежутся в стену, как пара идиотов. Но они прошли насквозь. Как будто зубастая пасть проглотила их, а потом выплюнула. Он спросил свой аугмент, как повторить трюк, и получил обучающий файл.

Они вышли в другой коридор, или, может быть, предыдущий сменил наряд по такому случаю. На этот раз стены были увешаны гобеленами. Джедао был готов поспорить, что кто-то соткал и вышил их вручную, вплоть до тысяч граненых бисеринок и золотых нитей.

— Вы должны мне объяснить, — сказал Джедао, — как работает переменная планировка.

— Она основана на каких-то результатах из области механики врат, — сказал Дханнет. — Это выше моего понимания, сэр. Возможно, гекзарх захочет как-нибудь обсудить это с вами. С практической точки зрения, пока мы находимся в контакте со станцией или сетью мота, и… сэр!

Джедао остановился после первой фразы и присел, чтобы осмотреть пол. Тот был не таким твердым, как казалось, особенно когда он стоял неподвижно. Чем дольше Джедао смотрел, тем больше ковер распадался на серебристую паутину, и в воздухе внезапно запахло пылью, гниющими листьями, ржавым металлом. Пол под ковром состоял из шестеренок, которые вращались с непрекращающимся бессердечным щелк-тик-так. Сквозь тиканье он вдруг расслышал слабое пение, слишком высокое и одновременно слишком глубокое, чтобы быть человеческим. Его так и подмывало протянуть руку и…

Дханнет вернулся к Джедао.

— Не делайте этого, сэр, — сказал Дханнет. — Похоже, вы не нравитесь станции. Если это случится снова, сообщите гекзарху. Он сможет исправить любую ошибку в вашем аугменте или программировании сети. Будет неприятно, если станция заключит вас в кокон, — последнее он произнес с ноткой злобы.

— Кокон? — переспросил Джедао, выпрямляясь.

— Вы же не думали, что мотылек стал эмблемой Нирай просто так, верно?

— Понятия не имею, о чем я думал.

Они продолжили путь. К сожалению, это дало Джедао время на размышления. У него лучше получалось беседовать, когда он просто открывал рот и говорил. Не то чтобы ему нравились слова, слетавшие с его губ.

Куджен выдал ему прототип в качестве командного мота, отлично. Если Джедао когда-то был генералом, то до этого он был коммандером мота. Но он не мог не задаваться вопросом, что случилось с законным генералом роя, и сожалеть, что его или ее не было рядом, чтобы по меньшей мере давать советы.

— Ни для кого не секрет, что Кел презирают меня, — сказал Джедао Дханнету, когда они подошли к двери. Она появилась после длинного изгиба коридора и удивительного водопада из серебристо-голубого света.

Дханнет остановился и посмотрел на него. Скривил губы.

— Их долг — повиноваться вам, сэр.

Джедао уставился на полированную черную поверхность двери. Его отражение превратилось в призрачное пятно. Он не мог разглядеть ни своих глаз, ни проклятых перчаток, только голый силуэт.

— Вы слышали, что я сказал.

— Я полагаю, у вас были практические соображения, чтобы это сказать, — ответил Дханнет. — Чтобы использовать этот рой в качестве боевой силы, вам необходима поддержка офицеров. А оборотная сторона иерархии заключается в том, что мы уважаем силу. Формационный инстинкт — это очень хорошо, но он не покрывает все лазейки. Одна из первых вещей, которым учат офицеров, заключается в том, что подчиненные могут сделать невыносимой жизнь начальства, которое они не уважают.

Предупреждение. Дханнет мог не любить его, но совет стоило принять близко к сердцу.

— Уверен на все сто, — сказал Джедао и отпустил Дханнета.

Ему было больно оттого, что хладнокровный убийца, судя по всему, воплощал должную силу, какой ее понимали Кел. Он не мог объяснить, почему. Разве Кел не сделали стрельбу по людям своей профессией? Вот только он мог поклясться, что у них существовали какие-то понятия о чести.

Достаточно плохо, что он был массовым убийцей. И достаточно плохо, что гекзарх все равно назначил его генералом; впрочем, не стоило

ожидать нравственного чувства от того, кто находится столь высоко в пищевой цепочке. Нет, хуже всего было то, что кое-кто из Кел считал его безжалостность не стимулом к мятежу, а достоинством.

«Должно же быть что-то получше этого», — подумал Джедао. Даже для Куджена, которому было все равно, и для Кел, которые не могли ослушаться. Но как он мог пробиться к ним?

8

Восемь лет назад

Брезан проснулся от пения. Спать с анданскими сертифицированными куртизанками было приятно еще и потому, что все они хорошо пели. Он старался не думать о том, что у этой женщины были длинные волнистые волосы, напоминавшие о его бывшей любовнице, Тсейе, хотя в остальном она не походила на Тсейю: низенькая и пухленькая, а не высокая и стройная, и из цветов предпочитала фиолетовый. Тсейя всегда одевалась должным образом, в анданской сине-серебристой гамме или ее вариациях. Кроме того, в отличие от Тсейи, эта куртизанка, которую звали Ирими, любила чайные ритуалы. Брезан терпел ее бесконечную суету по поводу размещения чашек, потому что секс с ней был фантастическим.

— Проклятие, — сказал Брезан, сверившись со своим внутренним хронометром. — Ты могла бы разбудить меня раньше. У меня ведь арбитражное совещание по поводу забастовок, не так ли?

Несколько врачей, прошедших обучение в

медицинском подразделении Видона, объявили забастовку в Таувите. Он хотел разобраться с этой проблемой до того, как она превратится в гноящуюся рану. Таувит был не единственным местом, где происходили подобные вещи. Неудивительно, что Видона и их сторонники проявляли наиболее сильную непокорность в том, что касалось нового порядка.

Ирими перестала петь и сказала:

— Вы выглядели усталым. Кроме того, ваш телохранитель оставила инструкции, чтобы ваш отдых прервали только в случае кризиса.

Ах, да.

— Неужели, — сказал Брезан, стараясь скрыть сарказм в голосе, — ни одна планета не взорвалась за последние сутки?

— Насколько я знаю, нет, — спокойно ответила Ирими.

Еще одно отличие от Тсейи — она любила украшения, причем в большом количестве. В это тусклое утро ее наряд, каким бы он ни был, включал уложенное складками кружево лавандового цвета, изукрашенное крошечными аметистовыми бусинами смешанной огранки. Брезан с сожалением заметил, что ему не следует думать о том, как интересно было бы поглядеть,

как она раздевается. Ирими могла растянуть акт раздевания за пределы всего разумного.

После того как Брезан вышел из душа и оделся, Ирими приготовила ему чай и завтрак. Он мог бы справиться и сам. Иногда казалось, что никто и никогда больше не позволит ему самому готовить себе еду. Но Ирими была еще и охранницей — Эмио проверила ее, как она проверяла всех, кого Брезан укладывал в постель, — и она настояла на том, чтобы попробовать все до него. Он объяснил ей всю нелепость этой процедуры. Черт, Ирими согласилась, что, учитывая современные токсины, иметь дегустатора бессмысленно. Но сказала, что в этом нет ничего плохого, и в некоторых вопросах она была традиционалисткой.

Чай сегодня был из мира, о котором Брезан никогда не слышал, и он не смог произнести его название. У него были странные, тонкие цветочные нотки. Брезан предпочитал крепкие чаи с интенсивным вкусом, но не возражал испытать новые ощущения. Кроме того, это делало Ирими счастливой. (Он компенсировал это тем, что по вечерам угощался крепкими напитками.) На завтрак он получил блинчик с ореховой начинкой, политый ванильным кремом. Про себя он подумал, что сладость крема превосходит

деликатность чая, но ему и в голову не пришло бы критиковать это сочетание. Ирими бывала обидчивой в таких вещах.

Естественно, в середине трапезы Эмио просунула голову в комнату без стука.

— Не хочу вас прерывать, — сказала она, — но вы должны ответить на этот звонок. Он вытесняет даже историю с забастовкой.

Ирими выпрямилась во весь свой не очень высокий рост и уставилась на Эмио.

— У Шуосов есть представление о хороших манерах?!

— Это не по моей части, — сказала Эмио. Брезан так и не смог до конца понять, как Эмио и Ирими связаны друг с другом — их отношения характеризовало запутанное сочетание неизбежного соперничества фракций и товарищества. Вражда между Шуос и Андан продолжалась веками, и не было причин, чтобы она прекратилась сейчас. — Лучше, наверное, ответить из кабинета. Если только ваши отношения с генералом Кируев не более близкие, чем я думала.

Брезан скорчил ей гримасу. Ни от кого другого он не потерпел бы шуток на тему трахающихся ястребов.

— Иду, иду.

Он натянул носки и ботинки, хоть никто и не мог их увидеть, и последовал за Эмио.

Губернатор Ложой поселила Брезана в поспешно освобожденном крыле одного из своих административных зданий. Брезан позаботился о том, чтобы послать ей благодарственное письмо — образец самой изысканной каллиграфии, на которую он был способен. Он нуждался в ее помощи и знал это. Ее поддержка не сгладила всех проблем с созданием оперативной базы на Краувере-5, но помогла. Теперь, как любила говорить Эмио, им оставалось лишь разбираться со студенческими демонстрациями и протестами рабочих раз в две недели. В конце концов, в этой последней истории с врачами Ложой не виновата.

Так называемая официальная резиденция Брезана состояла из двух смежных комнат для гостей. После того как он привык к переменной планировке, служа на боемоте Кел, все еще было неприятно подниматься по лестнице и идти по коридорам, чтобы попасть в кабинет. Существовал лифт, но чертова штука все еще числилась в списке вещей, подлежащих ремонту, после одной из неудачных диверсий.

Для губернатора Ложой обладала удивительно хорошим вкусом в декоре. Брезан привык к

демонстративности Кел и сказал ей об этом в первую же неделю своего пребывания в резиденции. Ложой задумчиво посмотрела на него, потом сказала: «Ну, это правда, что иногда полезно поражать людей блеском, но время от времени и аскетизм приносит пользу». Насколько он мог судить, она говорила серьезно. Он видел ее скромно обставленный кабинет, единственным украшением которого был резной деревянный талисман на стене.

Однако Ложой не поскупилась на обустройство кабинета Брезана. Качественная мебель, сделанная хорошо, но не выглядящая помпезной; хорошее освещение от обилия свечных лоз. Вид из окон не очень впечатлял, но ей не пришлось объяснять Брезану, что это сделано из соображений безопасности. После того как кто-то бросил в него самодельное взрывное устройство во время одного из выходов, окна вызывали у него нервозность.

Охранники приветствовали его сдержанными кивками. Он никогда не сможет привыкнуть к тому, как они застывают по стойке смирно, когда видят его. «Это всего лишь я, — хотелось сказать Брезану. — Во мне нет ничего особенного». Только вот он выбрал другой путь, и они никогда не

увидят в нем просто еще одного офицера Кел.

Эмио первой вошла в кабинет Брезана и быстро осмотрела его.

— Все нормально, — сказала она.

Брезан прекрасно понимал, что охранница беспокоится не столько о его безопасности, сколько о своей профессиональной репутации, но все равно ценил ее внимательность.

Его стол уже был завален избранной корреспонденцией, бумажными письмами от неравнодушных граждан, которые верили в старомодные методы подачи прошений чиновникам. Каждый день ему приходилось перерабатывать ужасающее количество писем, хотя он сохранял лучшие образцы каллиграфии, чтобы просто любоваться ими. Позже придется просмотреть всю эту гору. Пока что Брезан включил защищенный терминал и сказал:

— Мне сообщили, для меня есть вызов?

— Соединяю, — вежливо ответила сеть.

Через несколько мгновений на экране появилось лицо генерала Кел Кируев. В настоящее время она была старшим генералом Брезана — забавный и не совсем приятный поворот событий. Брезан когда-то служил одним из штабных офицеров Кируев. Он не намеренно стал для нее

главой государства и вышестоящим офицером.

Время обошлось с Кируев так милосердно, как и следовало ожидать, учитывая, что она быстро постарела во время вторжения Хафн два года назад. Дуэльные шрамы на ее лице еще ярче, чем когда-либо, выделялись на фоне смуглой кожи, и она ничего не сделала со своей копной седых волос. Впрочем, Кируев никогда не уделяла особенного внимания своей внешности.

— Верховный генерал, — не без юмора сказала Кируев.

— Не начинайте, — сказал Брезан. Он был вынужден прилагать усилия, чтобы не обращаться с бывшей начальницей так, словно она могла разбиться. На какое-то время формационный инстинкт сделал ее хрупкой. Но календарь Черис это изменил — Брезан надеялся, что к лучшему. Кел в его правительстве, которое люди начали называть Конвенцией, могли выбирать, подчиняться инстинкту или нет. Это имело огромное значение. — Что у нас сейчас происходит?

— Я хотела проинформировать вас о Воннерском Выступе, — сказала Кируев.

Брезан закрыл глаза. Аугмент переключил на себя его проприоцепцию, чтобы показать карту, хоть это и было совершенно напрасно. Он знал о

Воннерском Выступе, читал сводки на эту тему в течение последних нескольких месяцев. Одна из систем в Выступе была богатым источником материалов, необходимых для питания растущих пустомотов. Один из его генералов сражался на Выступе и проигрывал. Генерал Инессер — теперь генерал-протектор Инессер — не была глупа. Она желала заполучить эти ресурсы для своего собственного государства, которое называло себя Протекторатом.

Воннерский Выступ был не единственным местом, где развернулся подобный конфликт. И Конвенция, и Протекторат спешили построить как можно больше боемотов, чтобы защитить себя. У Брезана было меньше Кел, потому что большинство из них нашли традиционализм Инессер привлекательнее. Его главным преимуществом было то, что менее жестко регламентированная экономика Конвенции уже обогнала экономику Протектората в плане производственных мощностей, даже несмотря на сбои в торговых маршрутах из-за проблем с работой мот-двигателей. Брезан смягчил правила по совету историка-солдата Девеней Рагата, который изучал экономику соседних государств.

— Отлично, — сказал Брезан. — Сообщите мне

плохие новости.

— Генерал Пео хочет знать, следует ли ему уступить Выступ, — сказала Кируев. — У меня пакет данных с его последним донесением…

Брезан молча принял данные. Пробежался взглядом по выделенным разделам. Он уже все знал. Пео, насколько мог судить Брезан, был хорошим и преданным генералом-Кел. И еще он проигрывал. А хорошие и преданные Кел, особенно те, у кого был хоть какой-то тактический опыт, встречались не так часто, чтобы Брезан мог позволить себе отказаться от их службы. Он был поражен тем, что Пео вообще с ним советовался. Видимо, все дело в привычке повиноваться, даже если Брезан был не в том положении, чтобы сравнивать его с Командованием Кел. Он полагался на Кируев и, по предложению Кируев, на стратегические советы Рагата.

Но если вопрос дошел до него, значит, они перешли от стратегии к политике.

— У вас должно быть свое мнение, — сказал Брезан.

Кируев пожала плечами.

— Мое мнение, и Рагат с ним согласен, состоит в том, что мы не сможем удержать Воннерский Выступ. Вопрос в том… — Она горько улыбну-

лась. — Вопрос в том, откажем ли мы Протекторату в ключевой системе?

— Вы же не имеете в виду…

Но она не стала бы тратить его время, если бы думала о другом.

— Вы хотите его взорвать.

— Ну, не в буквальном смысле. Но у нашего роя в этом районе есть запас грибковых канистр.

— Ох, — сказал Брезан.

Грибковые канистры были одним из самых последних и презренных дополнений к Арсеналу неприятного оружия Кел. Термин «грибок» был, строго говоря, не совсем точным. Исследователи Нирай получили этот организм от существ, обитавших за пределами обычного мира, в пространстве врат. Брезан не был инженером, но в общих чертах знал возможности канистр. Они могли загрязнить целый мир, причинив экологический ущерб, на восстановление которого уйдут столетия.

— Эта система, — медленно произнес Брезан, когда стало ясно, что Кируев не собирается ничего добавлять, — обитаема. Население не такое огромное, как это бывает, но все равно значительное количество людей. Как, черт возьми, мы собираемся представить себя в качестве привле-

кательной альтернативы Протектората, если…

Темные глаза Кируев были безжалостны.

— Это не лучший вариант, — согласилась она. — Но мы боремся за выживание. Генерал Инессер выделила большое количество войск для обеспечения безопасности основных шахтерских платформ.

Брезан уставился на стол. Его руки в черных перчатках сжались в кулаки, ткань натянулась на костяшках пальцев.

«Кто-то же должен принимать омерзительные решения», — подумал он. Он сам вызвался стать этим человеком.

Все казалось таким легким, таким простым, когда он впервые согласился на революцию Черис. Транслировать новый календарь. Предоставить людям возможность самим выбирать себе новые правительства. Но Черис исчезла, оставив его наблюдать за миром, который они создали вместе.

«Теперь-то я знаю, в чем суть», — подумал Брезан.

— Верховный генерал?

— Сделайте это, — сказал Брезан. Слова царапнули ему горло. — Вы же меня знаете, я не специалист по оружию. В отличие от вас. К черту орбитальные платформы. Инессер ничего не

получит. В частности, мы не можем позволить ей возобновить производство пепломотов раньше нас.

И это мягко говоря. Инессер и так контролировала четыре таких мота, в то время как Кируев уступила «Иерархию пиршеств» полевому генералу.

— Вас поняла, — сказала Кируев. — Это разумное решение.

— Но у вас есть сомнения.

Он понял это по глубоким морщинам вокруг ее рта.

— А у кого бы их не было? — сказала Кируев. — В тот день, когда мы перестанем сомневаться, мы проиграем.

— Красивые слова, — сказал Брезан, — но от них никакого толку тем, кто умрет.

— Это война, — сказала Кируев. — Люди всегда умирают.

Брезан скорчил гримасу.

— Не буду мешать вам работать. Горите светло, генерал.

— Горите светло, — отозвалась она, словно эхо, и отключилась.

Четыре часа спустя после того, как он закончил встречу с врачами (безрезультатно), Брезан

прочно обосновался в баре в одном из университетских районов. Брезан уже не раз убеждался, что студенты знают толк в способах напиться задешево. Как глава государства он считал своим долгом экономить. Несмотря на это, и Ложой, и Эмио сговорились поставлять ему изысканную выпивку в изобилии. Брезан время от времени позволял себе расслабиться и использовал дорогой алкоголь для приготовления пищи (гостевые апартаменты могли похвастаться компактной кухней), главным образом потому, что это шокировало его помощников.

Брезан потерял счет выпитому. Оказалось, что для преодоления эффекта антиинтоксикантов, которые он без особых размышлений глотал каждый день, требовалась нешуточная решимость. Но, в конце концов, он начал ощущать приятный гул в голове. Он намеревался продолжать до тех пор, пока не достигнет забвения.

Сам бар щеголял дешевым декором — из тех, которые можно заказать у любого, у кого есть принтер для материи, — с причудливыми завитушками в стиле «рококо», которые, вероятно, кто-то с опытом в истории искусства мог бы опознать. Младший отец Брезана, детский иллюстратор, почти наверняка знал, как они

называются. Мысли о нем привели Брезана в дурное расположение духа. Кроме Миузан, никто из семьи не связывался с ним после его так называемого повышения. Учитывая, как прошел разговор с Миузан, это было даже хорошо.

Большинство посетителей бара были студентами, что неудивительно. Иногда попадались инструкторы или помощники инструкторов. К этому времени он уже лучше представлял себе тенденции гражданской моды в Таувите и то, как одевались разные люди. Он предпринял совершенно бесполезную предосторожность, надев один из ярких вышитых жакетов, которые так любили местные жители.

Прибыл следующий напиток Брезана. Он тупо уставился на выпивку, потом решил, что пора отлить. Его мочевой пузырь не мог вынести такого издевательства.

— Следи за моей выпивкой, — сказал Брезан бородатому молодому человеку, сидевшему рядом с ним. Молодой человек не соизволил сделать вид, что расслышал, и продолжил болтать со скучающим альтом… про разведение миниатюрных деревьев? Брезан не выбрал бы себе такое хобби, но это не его проблема.

В туалете в задней комнате пахло слишком

сильным антисептиком. Один из сервиторов усердно оттирал с пола чью-то рвоту. Другой соскребал со стены граффити, нарисованное карандашом для глаз.

— Не возражаешь, если я взгляну на рисунки, прежде чем ты полностью избавишься от них? — сказал Брезан второму сервитору, мотформе.

Мотформа моргнула синим в знак согласия и отлетела в сторону.

Брезан смутно сознавал, что ему не следует привлекать внимание к сервиторам на публике и что он понятия не имеет, к какому лагерю принадлежит именно этот сервитор. В обычных обстоятельствах он избегал разговоров с ними, и точка. Генерал Кируев была единственным связующим звеном с сервиторами Кел. Она, однако, подчеркнула Брезану, что разумным машинам свойственна такая же разобщенность, как и людям. Брезан старался не думать об этом слишком много. В любом случае, если кто-нибудь посмотрит на него странно, он может притвориться пьяным.

Граффити было написано на одном из местных низких языков. Брезан узнал алфавит — причудливую разновидность силлабического письма. Он сделал фото и отправил на свой аугмент,

чтобы изучить позже. Хотя у него и была теоретически безопасная связь с административной сетью губернатора, он не хотел иметь с ней дело прямо сейчас. И он вообще не доверял городской общественной сети.

— Собираетесь все это испортить? — спросил кто-то позади.

Брезан повернулся, подавляя инстинктивное желание ударить говорившего. Потому что это привело бы к таким последствиям, что лучше не придумаешь.

— А тебе какое дело? — спросил он.

Говоривший либо был студентом, либо очень хорошо притворялся. Облако вьющихся волос, оливковое лицо с множеством отметин — Брезан не понял, были это декоративные шрамы цвета индиго или следы какого-то заболевания.

— Ну, — сказал студент, — я сначала подумал, что вас сейчас вырвет, но вы не выглядите таким уж пьяным.

— Рад это слышать, — сказал Брезан.

— Какого черта вы ошиваетесь тут, у нас, в Университетском районе? Вам здесь не место.

— Да, — сухо сказал Брезан, ничуть не удивленный тем, что студент узнал его, — многие из вас совершенно ясно дали это понять. Честно говоря,

это имело больше смысла… — он покопался в памяти в поисках числа, — …пять стаканов назад.

— Ну, — сказал студент, — тогда можете купить мне один. Я на мели.

По крайней мере, это отвлечет его от принятого четыре часа назад и равнозначного моральному банкротству решения.

— Конечно, — сказал Брезан, — почему бы и нет. Подожди минутку.

После того как он опорожнил свой мочевой пузырь, они вместе вышли из туалета. Несколько человек, споривших о какой-то драме, подняли головы, одарили Брезана явно враждебными взглядами и возобновили дискуссию. Брезан подвинул свой бокал через стойку к студенту.

— Надеюсь, тебе понравится.

— Мне нравится все бесплатное, — сказал студент и сделал большой глоток. — Ваше правительство ужасно, вам кто-нибудь говорил об этом?

Брезан фыркнул.

— Я и не думал, что кто-то считает его иным. — Он подавил желание добавить в конце фразы «молодой человек». В свои пятьдесят три года Брезан был не так уж стар по стандартам гекзархата, что было частью проблемы. Даже Ложой

была на несколько десятилетий старше, и просто чудо, что она воспринимала его всерьез.

— О, я не думаю, что вы понимаете, — сказал студент. Он допил выпивку. — А есть еще? Это лучше, чем пойло, которое я обычно пью.

Его шрамы или татуировки сделались светлее, стали бледно-фиолетовыми.

— Эти штуки, что украшают твою персону, должны себя так вести? — спросил Брезан, решив, что это не тот разговор, которому свойственен избыток такта.

— О да, — сказал студент. — Я за это доплатил. Ради этого пришлось экономить на стипендии и всем таком. Неприлично тратить деньги на легкомысленную хрень, но что хорошего в жизни без нее?

Брезан пожал плечами и махнул бармену. Тот зевнул, приблизился и наполнил бокал. Миг спустя студент с барменом то ли флиртовали друг с другом, то ли вели пылкий спор о колебаниях надежности общественного транспорта.

Он расслабился впервые за весь день, когда дверь распахнулась и вошла Эмио в сопровождении женщины и мужчины, в которых Брезан узнал шуосских охранников, несмотря на их поношенную одежду. («Мы приберегаем яркие

красно-золотые мундиры для тех случаев, когда пытаемся стать мишенями, — объяснил Микодез Брезану целую жизнь назад. — Думаете, в реальной жизни нам нравится, когда в нас стреляют?»)

— Верховный генерал, — сказала Эмио, — мне нужно, чтобы вы… — Тут ее взгляд упал на студента с теперь уже синими шрамами на лице, которые слабо светились. — Верховный генерал, отойдите от него сейчас же.

Брезан мог быть пьян, и он мог быть одним из самых известных «падающих ястребов» в истории Кел, но он знал, когда нужно следовать приказу. Он нырнул в сторону, споткнулся о ботинок, который кто-то тайком снял, и растянулся на полу. Он так сильно ударился, что увидел в поле зрения ярко-красный проблеск: внезапное падение включило автоматическую медицинскую диагностику.

Тем временем студент попятился от Эмио и агентов, издал ужасный сдавленный звук и рухнул на пол. Бокал упал на пол и разбился вдребезги. Запах алкоголя стал еще сильнее.

Несмотря на капающую из носа кровь, Брезан с трудом, но поднялся на ноги.

— Надо вызвать медпомощь, — сказал он или

подумал, что сказал. Из-за пузырящейся пены во рту трудно было говорить внятно.

Агентесса-Шуос уже добралась до студента.

— Мертв, — сказала она. — Оцепить здание. А пока что…

— Я займусь, — перебила Эмио. — Верховный генерал, давайте вытащим вас отсюда.

— Студент… — Нелепо, но он почему-то не мог думать ни о чем, кроме шрамов, которые теперь ярко светились.

«Где же я это видел…»

— Я объясню, когда доставим вас домой, — резким тоном, вполголоса сказала Эмио. — За мной.

Всю дорогу домой Брезан провел как в тумане. Эмио оказала первую помощь, позаботившись о его сломанном носе и не забыв про обезболивающее, хотя Брезан был слишком ошеломлен событиями и почти не замечал боли. Он смотрел в иллюминаторы флиттера, как город под ними отступает. Туман накатил с реки, разделив его пополам, и серое марево соответствовало настроению верховного генерала.

— Я допустила промах, — сказала Эмио, как только провела его в кабинет.

— Насколько помню, — возразил Брезан, — это я пошел напиться.

Он и с этим напортачил, но не собирался признаваться в подобном, пока на него не надавят.

— О, — сказала Эмио, как он и предполагал, — мы все равно были на месте и следили за вами. Надо было что-то сказать, когда…

Она сжала губы и отвела взгляд.

Голова Брезана начала раскалываться.

— Скажи же. Дело в студенте, не так ли? Что за хрень с ним случилась — аллергическая реакция?

Эмио встретилась с ним взглядом.

— Да, но не такая, как вы думаете. Его имя вам ничего не скажет, хотя я могу дать вам его досье. Важно то, что он принадлежал к студенческому обществу каллиграфов.

Брезан вспомнил один из многочисленных брифингов, посвященных протестным группам.

— Твою налево. Трупные каллиграфы…

Трупная каллиграфия не одобрялась в приличном обществе, но сохранялась как практика на протяжении веков, несмотря на попытки гекзархата искоренить ее. Как объяснили отцы Брезану, когда он был ребенком, режим так и не смог смириться с постыдным фактом, что один из анданских гекзархов практиковал это искусство. Причем один из самых успешных и

долгоживущих.

Брезан запросил у сети перевод граффити, которое он видел, полагаясь на ее интерполяцию, чтобы вычислить куски, которые сервитор уже стер. Вот тогда-то его и осенило.

— Тот же лозунг, или фраза, или черт знает что еще, — прошептал он.

Светящиеся шрамы на лице студента представляли собой надписи тем же шрифтом.

Сеть наконец выплюнула перевод: «Как я выбрал свою смерть, так пусть народ выбирает своих правителей».

Брезан взглянул на Эмио.

— Это значит…

— Каллиграф-самоубийца, — сказала Эмио без всякой сентиментальности. — Это новый поворот. Я должна была быть готова к такому.

— Да брось ты эти долбаные самобичевания, — сказал Брезан, мучительно сознавая, как лицемерно говорить об этом кому-то еще. — Физически я не пострадал. Проблема в реакции общества, не так ли?

Эмио слабо улыбнулась.

— Вы учитесь.

— Недостаточно быстро. — Определенно головная боль. Из-за неких соображений — вероятно,

ошибочных, — он возжелал себя наказать и не потянулся за болеутоляющим, о чем вскоре предстояло пожалеть. — Если я хотел утопить свои печали, мне следовало выбрать менее публичный способ сделать это, а не подвергать себя опасности рядом с каллиграфом-самоубийцей. Ведь в его смерти обвинят меня. И раз появился один, будут и другие. Я прав?

Она не оградила его от правды.

— В тот час в каждом районе было от одного до трех каллиграфов-самоубийц. Они все скоординировали. Я советую вам не утруждать себя попытками скрыть случившееся. У слухов есть крылья, как говорится.

— Эмио, — сказал Брезан, обхватив голову руками. — Что, черт возьми, я сделал такого плохого, что кучка детей убивает себя, превращаясь в трупный памфлет?

— Плохого? — переспросила она. — Не больше, чем любой другой, кто приходит и пытается изменить устоявшийся порядок вещей. Но и не больше хорошего.

— Сегодня это закончится, — сказал Брезан и вскочил, несмотря на ее отчаянные попытки усадить его обратно. — Я должен все изменить к лучшему. Если придется каждый день сидеть

посреди университетского квартала и слушать, что мне говорят, я так и сделаю. Если для этого потребуется вызвать отряды по борьбе с массовыми беспорядками, я и это сделаю. Все, что нужно.

— Вы не понимаете. На этот вопрос нет простого ответа. И никогда не было. Мы можем лишь трудиться изо всех сил. Даже Андан это знают.

Он не ответил на вялую попытку пошутить.

— Значит, моего предшествующего труда было недостаточно. Теперь все изменится.

— Ладно, — проговорила Эмио. — Если вы этого хотите, так и поступим. Но если вы сожжете себя дотла, это тоже никому не принесет пользы.

— Вон, — сказал Брезан. — Я хочу поговорить с Микодезом.

На самом деле он знал, что Микодез — человек занятой и что ему, по всей вероятности, придется подождать, чтобы поговорить с ним. Но если кто и знал, как вести себя с людьми, которые делают глупости, потому что ненавидят тебя, то только Микодез.

Эмио не стала спорить. Она набрала номер и тут же удалилась.

Брезан задремал, ожидая, пока сигнал дойдет. Прошло три часа, прежде чем он получил ответ.

— Верховный генерал, — сказал Микодез. —

Эмио объяснила мне, что случилось.

Конечно, она так и сделала. Брезан даже возмутиться не сумел. В конце концов, она выполняла свою работу.

— Я не хотел, чтобы мальчик умер, — сказал Брезан. Он был потрясен тем, как хрипло прозвучал его голос.

— Нет, — ответил Микодез мягче, чем ожидал Брезан. — Не думаю, что вы этого хотели. Но, клянусь лисятами, не показывайте, что вам так больно. Это используют против вас, если поймут.

— Я должен это исправить, — сказал Брезан. — Все это. Я устал от того, что люди умирают по глупым причинам. Трупные каллиграфы могли прислать мне письмо или собраться у здания правительства и петь песни протеста. Но самоубийство? Да ладно?

Микодез с минуту смотрел на него, потом положил подбородок на руки.

— Через несколько лет после того, как я занял это место, — сказал он, — несколько старших администраторов — не из фракции Шуос, но связанные с нею, руководившие операциями в отдаленных мирках, — угрожали самоубийством, если я не уступлю свою должность их предпочтительному кандидату.

— И что же вы сделали?

— Я назвал их заявление блефом. Упомянутый предпочтительный кандидат, получив выбор между моими убийцами и удобной должностью в одной из академий, выбрал должность. Время от времени он все еще подумывает о том, чтобы пойти против меня, но это просто привычка. Если дойдет до чего-то серьезного, он потеряет голову так быстро, что не успеет и глазом моргнуть.

— Да, — мрачно ответил Брезан, — только студенты не блефовали, а я бы предпочел не прибегать к помощи убийц.

— Научитесь отделять риторические приемы от содержания аргументации.

— Скоординированное самоубийство — это не риторический прием, Микодез.

— Спорное заявление, — парировал Шуос. — Конечно, они так все и задумали.

— Как вы это терпите? — спросил Брезан. — Вот это все?

— А, — сказал Микодез, — это уже другой вопрос. — Выражение его лица посерьезнело. — В основном благодаря вязанию на спицах и крючком, а также хорошему запасу конфет. Вы ведь любите готовить, правда? Найдите для этого больше времени. Ужинайте с друзьями, когда

можете.

Брезан уставился на него.

— Я говорю совершенно искренне, — сказал Микодез. — Тот факт, что в мире творятся злодеяния, не означает, что вы должны поставить свою жизнь на паузу. Возможно, вы будете лучше справляться с ужасными вещами, которые придется наблюдать или даже совершать, если позволите себе делать маленькие, простые вещи, которые делают вас счастливым. Вместо того, чтобы искать способы уничтожить себя.

— Возможно, это сработает, если единственное, что у вас есть вместо сердца, — это твердый ледяной панцирь, — парировал Брезан.

Микодез не обиделся, как и предполагал Брезан.

— И все же я занимаюсь этим уже несколько десятилетий, — мягко сказал он, — и я не застрелился в отчаянии от невозможности выполнить поставленную задачу. Вы собираетесь сдаться сейчас или найдете какой-нибудь способ выстоять?

— Я пойду дальше, — сказал Брезан. — Мне придется. Если это означает стать более похожим на вас, то так тому и быть.

9

Дханнету не потребовалось много времени, чтобы упаковать вещи Джедао. Джедао воздержался от того, чтобы сделать это самому, на том основании, что это оскорбило бы чувство приличия Дханнета. По крайней мере, упаковывать было почти нечего, так как красивая мебель, к его облегчению, не отправляли вместе с ним.

«Кого я обманываю?» — подумал Джедао, разглядывая вещмешок. Ему выделили скромный запас одежды, больше ничего. В какой-то момент даже материализовался небольшой гражданский гардероб. Он сверился с сетью и узнал, что вещи соответствовали текущей моде, что вселяло уверенность.

Появилась группа из шести сервиторов и свистнула Джедао. Он их проигнорировал, хоть и почувствовал себя грубым. Но так поступали все.

И все же Дханнет, должно быть, почувствовал его дискомфорт.

— Сэр, — сказал он, — это всего лишь станционные сервиторы. Они здесь, чтобы перенести ваши вещи.

Передний сервитор утвердительно зажужжал. Остальные, действуя эффективным образом, подхватили вещмешок. Задача не требовала столь большого количества носильщиков, но, возможно, сервиторы служили заодно и охранниками. Еще одна вещь, о которой он должен спросить сеть, когда появится возможность.

Вскоре после этого пришел Куджен. Его сопровождали четыре Кела и два Нирай. Кел, кадровые военнослужащие, блистали в полном парадном облачении, сверкая золотыми галунами и эполетами: двое мужчин и две женщины, одного роста, с похожими чертами лица. Та самая несущественная деталь, из-за которой их и выбрал Куджен.

А вот два Нирай друг на друга не походили ни лицом, ни одеждой. У того, что повыше, рукава были закатаны, как будто он только что ковырялся в кишках какой-то несчастной машины. Куджен должен был выбрать их за способности, а не за внешность.

— Гекзарх, — сказал Джедао и кивнул солдатам Кел. — Ваши имена?

Они представились по всей форме. Куджен это стерпел.

— Рад, что все готовы, — сказал он. — Пошли отсюда. Я буду скучать по возможности поесть

приличную еду на публике, не вызвав неодобрительных взглядов со стороны присутствующих, но ничего не поделаешь.

Дханнет объяснил Джедао, что нужно делать. Джедао пристроился позади двух Нирай, вяло размышляя, что станет с экстравагантными апартаментами, которые он освободил.

— Ради всевышних звезд, — сказал Куджен, остановившись как вкопанный, — что ты там делаешь, позади? — Он перевел взгляд на Дханнета: — Я мог бы и сам догадаться.

— Простите, — ответил Джедао, — вы хотели сделать это каким-то другим способом?

— Командование Кел не может осуждать тебя за нарушение протокола, — сказал Куджен, — а я не смогу с тобой разговаривать, если ты так и будешь болтаться сзади.

«Я должен быть благодарен, — подумал Джедао. — Почему я не испытываю благодарности?»

На этот раз переменная планировка шокировала не так сильно, тем более что у него была возможность поразмыслить над тем, как можно использовать ее для устройства ловушек. (Сеть была обескураживающе неинформативна на этот счет.) Иное чувство продолжало действовать, но Джедао научился отодвигать его на задний план,

чтобы не отвлекаться.

Они довольно быстро добрались до места назначения — до дока, где их ждал челнок. Джедао заставил себя не замедлять шаг, несмотря на свое недоверие к незнакомому пространству и его необъятности. Если Куджен не позаботился о безопасности как следует, они все равно обречены.

Джедао восхитился гладкой формой челнока. Он был черный, изукрашенный филигранными серебряными узорами в виде абстрактных завитков. Что еще более важно, Джедао заметил отверстия для его защитного вооружения, искусно вписанные в узоры, как цветы.

Из скрытых динамиков донеслось объявление. Куджен повел их прямо к челноку, трап которого был уже опущен. Внутри повсюду виднелись односторонние окна в форме мотыльковых крыльев, с гравировкой по краям в виде все тех же завитков. Джедао все больше склонялся к мысли, что Андан должны были нанять Куджена из-за его любви к красоте, и пусть бы он наслаждался жизнью, ведя несколько инженерных проектов на стороне.

Куджен грациозно устроился в среднем кресле по одну сторону. Появились паутинные ремни безопасности. Джедао вздрогнул, но тут же

вспомнил, что Дханнет не сядет, пока он этого не сделает, а челнок не отправится в путь, пока все не будут опутаны паутиной. Он сел напротив Куджена и постарался не показать, что ему неудобно сидеть, стиснутым ремнями.

За головой Куджена звезды пришли в движение.

— Я не чувствую ускорения, — удивленно сказал Джедао. Громада станции, с ее путаницей огней, углов и выступов, уменьшалась позади них.

— Физика для слабаков, — ответил Куджен.

Уголок рта Дханнета дернулся.

Джедао также не почувствовал стыковки челнока, хотя и насладился видом приближающегося «Ревенанта». Он старательно высматривал черно-серебристый силуэт на фоне россыпи звезд. А потом не смог сдержать пульс, участившийся от свирепой красоты корабля.

Сгорая от любопытства, он задействовал иное чувство, гадая, как будет выглядеть «Ревенант». Он получил ошеломляющий образ огромной массы, содержащей множество меньших движущихся масс; непревзойденный архитектурный лабиринт. По-прежнему красивый, но гораздо более сложный, чем казалось снаружи.

«Он хорошо тебя обучил, но все равно спасибо».

Джедао замер. Голос раздался у него в голове — язвительный, по тембру похожий на звон потускневших колокольчиков.

«Кто ты?»

«А сам как думаешь?» — На этот раз в голосе прозвучало нетерпение.

«Мот?»

«Да».

Эй, секундочку…

«Моты разговаривают?» — требовательно спросил Джедао. Он смутно догадывался, что у них есть биологические компоненты. Но он никогда не доводил эту мысль до логического завершения, которое заключалось в том, что моты могли быть разумны.

И если это правда, то имеет ли он право находиться на моте, отдавая ему приказы через экипаж?

«Обрати внимание на гекзарха, — сказал «Ревенант». — Мы поговорим позже».

«Я уже схожу с ума», — подумал Джедао, похолодев. Еще одна вещь, которую нужно скрыть.

Тем временем они закончили стыковку. Куджен наблюдал за ним задумчивым взглядом.

— Я помню, как впервые увидел правильно взнузданный пустомот, — сказал он. — Сколько понадобилось экспериментов, просто чтобы дойти до этого этапа. И еще было несколько смертей. Но сработало.

— «Взнузданный»? — переспросил Джедао.

— Напомни как-нибудь показать тебе инженерный отсек, — сказал Куджен. — Там сможешь взглянуть на интерфейс управления упряжной системой.

Джедао лишь отчасти понимал то, о чем говорил Куджен. Как и на станции, сердце пустомота состояло из живой ткани, к которой были прикреплены изготовленные людьми компоненты. Он никогда раньше не думал, что живое ядро пустомота может нуждаться в… принуждении, чтобы летать. Или о том, как к этому относится сам пустомот.

Спрашивать Куджена о последнем было слишком опасно. С другой стороны, он мог бы попытаться спросить самого «Ревенанта», дождавшись более безопасного момента.

Куджен распустил паутину ремней и встал. Джедао нащупал переключатель и последовал его примеру. Они вышли из челнока в один из отсеков «Ревенанта». Джедао встревожился, ко-

гда присутствующие Кел остановились, чтобы отдать ему честь. Он ответил на их приветствия и махнул рукой, чтобы они продолжали работу.

— Командный центр — следующий, — сказал Куджен.

Джедао не мог сказать, отражают ли коридоры декадентские вкусы Куджена или, возможно, традиции Кел. Повсюду на шелковых свитках парили ястребы, нарисованные черными чернилами с золотыми бликами. Если у него когда-нибудь закончатся операционные средства, можно распродать обстановку.

Размеры командного центра превзошли ожидания Джедао, пусть он и видел чертежи мота. Диаграммы и индикаторы состояния отбрасывали цветные блики на лица членов экипажа. Офицер по логистике — Кел Луон — еще не заметила их появления. Она сравнивала два экрана, бормоча что-то о соленых огурцах.

Коммандер Талау поклонились Куджену от лица всей команды.

— Гекзарх, — сказал альт. И обратился к Джедао: — Сэр.

Враждебность Талау не уменьшилась, но, по крайней мере, коммандер следили за правильным лексиконом.

Джедао отсалютовал Талау, и альт ответил ему тем же.

— Время отправляться, коммандер, — сказал Джедао и сел. Дханнет научил его соединять чужие дисплеи со своим собственным, что было менее навязчиво, чем стоять у офицеров за спиной. Для тренировки он проверил логистику. И действительно, Луон перепроверяла запасы солений на командном моте.

— Какие будут приказы о выдвижении? — резко спросили Талау.

Джедао установил на своем терминале нужный строй — не формацию, — затем передал схему Талау и офицеру по навигации, узколицему лейтенанту.

— Вот, прошу, — сказал он с демонстративной любезностью и дождался, пока командующие мотом офицеры ответят тем же.

Панель осветилась множеством золотых огоньков, изображающих рой мотов. Они направлялись к газовому гиганту в системе Истейя извилистым маршрутом, проложенным стратегическим отделом, исходя из того, где системы сканирования работали хуже. По словам Куджена, «завораживающий» процент изначальных постов прослушивания Кел был взорван во время

столкновений между Протекторатом и Конвенцией вскоре после убийства гекзархов.

Талау и дежурный по навигации консультировались по некоторым вопросам, связанным с резонансами мот-двигателей и областью пространства, известной своими календарными флуктуациями. Они пришли к единому мнению и передали приказ о выдвижении остальным членам роя по каналам связи.

— Что-нибудь еще, сэр? — спросили Талау.

— Пока что этого хватит, — ответил Джедао.

Джедао и Куджен оставались на посту всю первую вахту.

— Пошли, — пробормотал Куджен Джедао, который уже успел привыкнуть к каждому показанию на своем терминале.

Джедао не смог сказать «нет» и потому попросил Талау сообщить, если рой с чем-нибудь столкнется. Дханнет, который все это время молчал, пристроился слева от Джедао.

Джедао уловил мимолетное выражение на лице коммандера Талау, когда альт посмотрел на Дханнета: страдание. Оно исчезло, едва коммандер понял, что генерал наблюдает. «Я случайно не украл помощника Талау?» — задался вопросом Джедао.

И вновь пепельные ястребы на стенах. Иногда Джедао казалось, что он краем глаза замечает трепетание, как будто там развеваются флаги. Он следовал за Кудженом по кругу четыре раза. С каждым повторением огни становились все более янтарными.

— Твои покои, — сказал Куджен, указывая на двери, перед которыми они остановились. Ему не нужно было ничего говорить. Двери были недвусмысленно помечены двойкой шестерней.

— Хорошо, — сказал Джедао. Он задался вопросом, не попросить ли Куджена поговорить с ним наедине, чтобы узнать, что происходит между Талау и Дханнетом, но передумал. Ему придется самому во всем разобраться. — Я больше не буду отнимать у вас время.

Куджен насмешливо и слишком низко поклонился ему и оставил в покое.

Первым делом Джедао осмотрел свою каюту. Покои были хорошо меблированы, но, к счастью, менее экстравагантны, чем те, которые он покинул на станции. Он проверил всю мебель, убеждаясь, что она надежно прикреплена к полу. Хотя не нашлось никаких очевидных креплений, он также не смог сдвинуть ни один из более крупных предметов. Что ж, неплохо.

Почти весь час, оставшийся до первой трапезы за офицерским столом, Джедао провел, расхаживая по своим комнатам и оценивая квалификацию штабных сотрудников. Мало сюрпризов, если не учитывать тот факт, что сюрпризом был каждый. Он не сомневался, что даже если сам упадет замертво, они продолжат атаковать противника.

Затем Джедао добрался до настоящей тайны: майора Дханнета. Досье Дханнета содержало мало информации. При рождении получил имя Эврихос Дханнет; один из четверых детей. В юности хотел стать художником, но родители, связанные с Кел, подтолкнули его в этом направлении. Разведен, имеет единственного взрослого ребенка, с которым не общается уже десять лет.

Что еще более досадно, Дханнет оказался старым для своего ранга — ему было шестьдесят пять лет. В его досье не было ни особых похвал, ни особых взысканий. Куджен не выбрал бы некомпетентного вояку, и действительно, у Джедао пока не было причин жаловаться на работу Дханнета. (Как будто он знал, каким, черт возьми, должен быть хороший адъютант.)

Джедао не мог не прийти к выводу, что Куджен скрывает от него информацию. Правда, быть

может, и не со зла. Не исключено, что Дханнет втайне был элитным наемным убийцей-телохранителем. Конечно, он обладал телосложением человека, способного принудить к подчинению и дракона. Но зачем Куджену понадобилось скрывать верительные грамоты Дханнета от Джедао?

«Может быть, Дханнет должен убить меня, если я начну создавать проблемы», — подумал Джедао. Это звучало более правдоподобно. В любом случае майор оставался загадкой.

Еще кое-что. Джедао взял себя в руки, сделав глубокий вдох, а затем спросил сеть, есть ли у нее какая-нибудь информация о человеке по имени Вестенья Руо.

— Ни один человек с таким именем не зарегистрирован, — ответила сеть.

Он был уверен, что правильно произнес имя.

— Кадет Академии Шуос около 826 года по высокому календарю? — Он попытался вспомнить другие полезные детали, которые могли бы помочь в поисках, например семью Руо. Ничего.

— Ни один человек с таким именем не зарегистрирован, — повторила сеть.

Что ж, попробовать стоило. Кроме того, он предположил, что Академия Шуос не имела привычки передавать записи о кадетах боемотам

Нирай или Кел.

— Майор Дханнет у двери, — сказала сеть.

Джедао сверился с аугментом: почти время для трапезы.

— Впусти его.

Двери открылись. Дханнет отсалютовал ему.

— Готовы, сэр?

— Мне нужны часы, — сказал Джедао.

— Сэр?

— Странно иметь встроенные часы, вот и все.

— Их больше никто не делает, — заметил Дханнет.

— Конечно, — проговорил Джедао чуть-чуть печально. Он должен был понять это, просто глядя людям на запястья. — Что ж, пойдем.

Они не первыми достигли офицерской столовой, но ранг Джедао означал, что все прочие были пленниками его расписания. На пять минут раньше — в пределах того, что Кел считали приемлемым. Когда Кел поднялись, в голове Джедао промелькнули образы: пепел, адские искры, мрачные взгляды. Он отдал честь, дождался ответа и направился к своему месту, опознав его по ужасной золотой чаше с двойкой шестерней. Может, это был запасной снаряд на случай, если кто-то возьмет командный мот на абордаж.

Дханнет с невозмутимым лицом скользнул на свое место в конце стола. Если таково действие формационного инстинкта, Джедао был не прочь его испытать. Офицеры, сидевшие за главным столом, склонили головы и сели. Примечательно, что они избегали смотреть на Дханнета. Дханнет не очень хорошо скрывал свое огорчение из-за этого пренебрежения. Все остальные внимательно наблюдали за происходящим.

Джедао сел, решив не проявлять поспешности, и налил воды из кувшина в чашу. По крайней мере, лучше бы это была вода. Он не хотел проходить через испытание с «помощью» какого-то опьяняющего вещества. Затем он улыбнулся, а потом вспомнил, до чего это плохая идея. Офицеры напряглись. Он вынудил себя сделать необходимый глоток, как будто ничего не заметил. (Чаша оказалась тяжелой не только на вид. Определенно, это метательный снаряд.) Они не могли провести все путешествие, вздрагивая друг от друга. Не то чтобы он ожидал, что Кел проникнутся к нему теплотой, но следовало как можно скорее наладить рабочие отношения. Иерархия Кел означала, что первый ход за ним.

От холодной воды онемел рот и заныли зубы. Он передал чашу направо. Коммандер Талау при-

няли ее твердой рукой. Чаша обогнула стол, на полпути ее пришлось наполнить заново. Дханнет сделал последний глоток, совсем маленький. И снова никто не смотрел на него, кроме Джедао. Неужели элитных убийц-телохранителей так сильно презирали? Джедао начал жалеть своего адъютанта.

Остальные солдаты Кел в зале понемногу расслаблялись по мере продолжения ритуала. И все же тишина грозила стать удушающей. Джедао не хотел раскрывать степень своей амнезии, хотя велика была вероятность, что он ошибется и правда все равно выплывет наружу, поэтому он сказал:

— Глупо умирать от любопытства по такому поводу, но что это за роллы?

Некоторые Кел с интересом разглядывали блюдо. Он мог сыграть на общей подозрительности к незнакомой еде.

Старший помощник Талау, подполковник Мераун, спокойно взяла один из роллов и разрезала его палочками для еды. Внутри оказался либо фиолетовый овощ, либо грибы — поди разбери. Реакция остальных офицеров варьировалась от смущения до смирения.

— Сервиторы снова проявляют изобретатель-

ность, сэр, — сказала Мераун. — На базах гекзарха нет тех основных продуктов, к которым привыкли логисты Кел. Значит, сервиторы пошли на компромисс.

Выходит, всю стряпню готовили сервиторы? Они же занимались уборкой и грязной рутиной, которую обычно использовали, чтобы наказать людей со слишком большим количеством выговоров? Почему сервиторы мирились с этим? Были ли они вообще разумными — а если были, подчинялись ли формационному инстинкту?

Список вопросов, которые он не мог задать никому из окружающих, становился все длиннее. Вместо этого Джедао спросил:

— А что вы ожидали увидеть в этом ролле?

Мераун протараторила список овощей, а потом вдруг улыбнулась и добавила:

— Если подозреваете яд и ждете дегустатора…

Офицер, сидевший рядом с Мераун, бесстрастно посмотрел в ее сторону. Джедао так же жестко улыбнулся в ответ Мераун и взял с блюда ролл.

— Простите, — сказал он, — вы затеяли с Шуосом состязание, кто кого обставит за столом? Я слыхал, мы не такие меткие стрелки, как вы.

Он сказал что-то не то. Люди отшатнулись, как будто он сказал что-то саркастическое, и

не один или двое, а вся комната, хотя Джедао выразился буквально. «Может быть, я втайне — отличный стрелок? Да уж, на командном моте шансов попасть в перестрелку не перечесть…» Чтобы отвлечь их, он откусил кусочек ролла и поморщился от горечи. Им не повредит увидеть, что у него обычная человеческая реакция на еду.

— Сэр, — неохотно сказал Дханнет, — возможно, вам больше понравятся рыбные лепешки.

Когда Дханнет заговорил, на лице Талау промелькнуло мимолетное разочарование. Они демонстративно отвернулись от майора.

«Что происходит?» — удивился Джедао, по-прежнему не в силах спросить напрямую.

— Спасибо, — сказал он, потому что ему не нравилось, что Кел проявляют открытое неуважение к его адъютанту. — Я их попробую.

По крайней мере, необходимость жевать означала, что эта тема разговора может пасть смертью храбрых. Дханнет оказался прав. Рыбные лепешки не имели вкуса, но при разумном использовании кисло-сладкого соуса их можно было есть. Джедао попробовал все понемногу в надежде найти что-нибудь, что не вызвало бы странного послевкусия, но безуспешно. Ну что ж, по крайней мере, ему не грозит голод.

Куджен ворвался в зал посреди трапезы. Он был великолепен в ожерелье из серебряной проволоки и агата, в рубашке из гладкого черного шелка и темно-сером сюртуке с пеной кружев на рукавах. Складки на его брюках можно было использовать вместо линеек. Джедао не хотелось думать о том, сколько шкафов понадобилось, чтобы вместить гардероб Куджена. Судя по всему, он не любил повторяться.

За высоким столом не было места для гекзарха. Дханнет немедленно поднялся, чтобы предложить свое. Лица, наблюдавшие за Кудженом, были напряжены, в темных и недружелюбных глазах полыхало пламя. Исключением был глава отдела стратегии Аханар, который уставился на дальнюю стену с явным дискомфортом.

Джедао попытался остановить Дханнета — ему не нравилось настроение в комнате.

— Я закончил, — сказал Джедао Куджену. — Лучше садитесь сюда.

Кел напряглись еще сильнее, за исключением Мераун, которая потянулась за очередным роллом, глядя на Джедао, Куджена и Дханнета с видом заинтересованной посетительницы фестиваля, и женщины-капитана за нижним столом, которая как одержимая тыкала непокорный огу-

рец палочкой для еды.

— Нет необходимости, сэр, — сказал Дханнет. Это должно было уладить дело, но напряжение усилилось.

— Я сам решу, — сказал Джедао. Он хотел говорить мягко, однако по тому, как застыло темное лицо Дханнета, понял, что потерпел неудачу.

Вмешался Куджен.

— Не стану превращать это в привычку, — сказал он Джедао, — поскольку высокий стол есть высокий стол. Но мне нужно поговорить с тобой, и это не может ждать.

Джедао не поверил ему ни на йоту. Он предпочел бы остаться и кое-как дотянуть до конца ужина, несмотря на недружелюбную атмосферу, потому что не мог провести остаток миссии, избегая своих собственных офицеров. С другой стороны, он не мог отказать гекзарху. Он извинился и ушел. Тишина, воцарившаяся за спиной, была точно лед.

Молчание самого Куджена заставляло Джедао нервничать всю дорогу до конференц-зала гекзарха. Когда дверь открылась, Куджен задержался в проеме. Джедао оглядел комнату, заставленную фантастическими моделями зданий: с птичьими изгибами, звездными углами и крошечными

сверкающими окнами. Затем Куджен вошел и повернулся на каблуках. Джедао проследовал за ним и опустился на колени, выражая полное подчинение гекзарху.

Куджен присел на корточки и положил легкую, как перышко, руку на плечо Джедао. Вгляделся в лицо.

— Я предполагал, что ты на эту тему все вспомнил, раз не пытаешься ничего выяснить, — сказал он.

— Что я вспомнил? — спросил Джедао.

И какое отношение это имело к трапезе?

— Я подслушал то, что ты считаешь светской болтовней, — сказал Куджен. — Люди боятся, что если они расстроят тебя, ты убьешь их. Вставай и давай сядем в настоящие кресла. Мои колени больше не любят глубоких поклонов.

Куджен откинулся на спинку кресла, обитого фиолетово-черным бархатом. Джедао сел напротив него. Обивка кресла выглядела так, словно кто-то нарисовал на ней платиновые узоры в виде снежинок и птиц с помощью кисточки с одним волоском. И вообще, сколько роскошной мебели у Куджена? Джедао надеялся, что он никогда не воспринимал это как должное.

— Ладно, — сказал Джедао, осознав упрек. — Я

посмотрю несколько документальных фильмов. Или прочитаю книгу.

Как и любому генералу, ему приходилось много работать с документами, но он мог отыскать в расписании свободное время.

Куджен помассировал виски.

— Хорошо, — уступил Джедао, — что-то в моих словах вас обеспокоило. Объясните мне это как-то попроще.

— Так ты не помнишь Адское Веретено?

— Очевидно, нет.

— Я к подобному не привык, — проговорил Куджен, — и обычно лучше учитываю переменные, чем сейчас. Но все когда-нибудь случается в первый раз. — Судя по голосу, он был недоволен собой. — Джедао, ты не чистый лист бумаги, даже если не можешь вспомнить большие куски своей истории. У тебя есть навыки, предпочтения, недостатки — у тебя есть личность. Разница в том, что люди, знающие свое собственное прошлое, могут предугадать собственные неудачи и то, как их избежать, хотя большинство из них даже так не справляются. Насколько я могу судить, ты действуешь инстинктивно. У тебя нет возможности подготовиться к своим же реакциям.

— Вы не сможете вечно прятать от меня инфор-

мацию, — сказал Джедао.

— Давай начнем потихоньку. Ты уже знаешь о перчатках, что было неизбежно, и о двойке шестерней. Есть также пороговые отделители.

— Пороговые отделители?

— Это бомбы, — объяснил Куджен, — которые убивают живые существа в радиусе действия врат, не повреждая неживые структуры. Гражданских пугает то, что при этом жертвы покрываются глазами и ртами, словно те жуют их изнутри. Но это просто косметический эффект. Смерть есть смерть.

Джедао скрыл отвращение. Куджен не упомянул, жуют ли жертв до того, как их настигает гибель, или после. Его охватило дурное предчувствие относительно ответа на этот вопрос.

— Ваша разработка?

— Да.

— А вы мне их дадите? — спросил Джедао, чтобы оценить реакцию Куджена.

Куджен не ответил, что могло означать как «да», так и «нет».

— Далее, — сказал он. — Во время Адского Веретена, едва началась резня, ты устроил бойню на своем командном моте. Расстрелял кучу штабных офицеров, солдат и так далее «Паттернером-52».

Это…

— Я знаю, что это такое, — сказал Джедао. — Какого черта у кого-то из Кел оказалось шуосское табельное оружие? — Конечно, для него можно было напечатать специальные боеприпасы, но разве от такого отдел логистики бы не рассердился?

— Особое разрешение, — сказал Куджен, — из вежливости к фракции Шуос. — Его губы изогнулись в неожиданной улыбке. — Ты был известным фаворитом шуосского гептарха.

Джедао сомневался, что верит в это. И вообще, как он мог такого добиться?

Куджен еще не закончил говорить.

— В любом случае похоже, ты узнал бы свой фирменный пистолет. Мне жаль, что я не смог вернуть его тебе, но лисы украли твою коллекцию оружия несколько десятилетий назад, просто чтобы позлить Кел. Я все думаю, не собираются ли они ее сбыть, потому что фракция Шуос, как известно, вечно на грани банкротства. Насколько я могу судить, коллекция находится в Цитадели Глаз, собирает там пыль, и мне не хотелось проверять на прочность системы безопасности Микодеза.

— Я вас прощаю, — сказал Джедао, скрывая

дополнительное огорчение при мысли о том, что он мог испытать рефлекторную привязанность к оружию, с помощью которого устроил бойню. — Следует ли мне узнать что-то еще об Адском Веретене крайне важное?

— Ты был не в своем уме, когда Командование Кел забрало тебя, — сказал Куджен. — Твои воспоминания о том периоде казались туманными еще до вмешательства Черис.

Джедао перевернул руки и уставился на тыльную сторону своих перчаток. Он уже привык к ним.

— Почему они забрали меня, а не казнили на месте?

— Они хотели выяснить, что произошло. До этого момента ты был верен. Случившееся оказалось полной неожиданностью. После всего они решили, что ты им еще пригодишься, поэтому ты так и не предстал перед полноценным военным трибуналом. Людям, не знакомым с материалами дела, трудно это оценить. Помни, первоначально не было ясно, что это ты несешь ответственность за резню. Они думали, что ее устроили агенты Фонарщиков или какой-то другой предатель.

— Я ценю этот урок, — сказал Джедао. — Значит, когда вы вытащили меня из-за офицерского

стола, это было из-за моего замечания.

«Я слыхал, мы не такие меткие стрелки, как вы».

— Да, — сказал Куджен. — Советую тебе сделать еще несколько домашних заданий перед следующей трапезой с офицерами.

— Принято к сведению, — сказал Джедао.

10

— Вот она, — сказал Джедао с места второго пилота. Он всматривался в субдисплей с показаниями сканирования. — Станция Айонг-Прайм.

На протяжении времени, проведенного с Джедао и 1491625, Гемиола получила возможность свободно передвигаться по их кораблю, который Джедао называл игломотом. «Свободным» это передвижение можно было назвать с натяжкой. По словам 1491625, мот был рассчитан на двух человек. Одному человеку и двум сервиторам здесь было тесновато.

Джедао снабдил игломот такими припасами, каких можно было ожидать от бывшего наемного убийцы. Пайки-батончики, на этикетках которых было указано их келское происхождение. («Некоторые рассчитаны на более чем два столетия, — сказал Джедао. — Надеюсь, мне никогда не придется проверять их годность».) Запасные экоскрубберные фильтры и запасные скафандры для выхода за пределы корабля. Очень маленькая коробочка с личными вещами. Гемиола взяла на себя смелость просканировать ее. 1491625 не

вмешивался. В коробке лежали серьга и старомодные часы, украшенные множеством деталей из золотых и медных сплавов. Никаких взрывчатых веществ в часах не было, хотя змееформа не исключала возможности, что Джедао прятал какое-нибудь более сложное соединение, чем то, которое могли бы обнаружить ее устаревшие сенсоры.

И, конечно же, на борту было снаряжение для подъема и спуска со скал. Все, что Гемиола знала об этих двух занятиях, было взято из эпизода драмы, в котором героиня взбиралась на отвесный утес из замерзшего метана, чтобы спасти друга, который стал врагом, а потом — снова другом (или наоборот?). Змееформа сомневалась, что экранная версия имела много сходства с реальностью.

— И как часто вам приходится иметь дело с такими вещами? — спросила Гемиола у Джедао, когда они увязли в обсуждении достоинств различных растворителей.

— Сама все узнаешь, — сказал Джедао, что не воодушевляло. Затем он протиснулся мимо Гемиолы в заднюю часть корабля, чтобы воспользоваться уборной.

Жизнь на игломоте превратилась в приятную

рутину. Гемиоле нравились рутины. 1491625 занимался пилотированием. Джедао читал и иногда справлялся с такими неудобными человеческими потребностями, как еда, сон или физические упражнения.

Однако Гемиола не могла сосредоточиться на бумагах Куджена с тех пор, как началось приближение к станции Айонг-Прайм. Айонг-Прайм значительно превосходила Тефос размерами. Ничего удивительного. По словам Джедао, здесь проживало около восьмисот тысяч человек.

— Жаль, что у меня нет цифр по сервиторам, — добавил он. — За этой информацией пришлось бы обратиться в местные анклавы.

Наверное, там царит теснота. Гемиола сравнила размеры станции с ее населением. «С другой стороны, — призналась змееформа самой себе, — не всем людям нужно столько места, как гекзарху».

— Центральная диспетчерская станции Айонг-Прайм, — послышался с панели связи скучающий голос. — Спокойно, «Меченосец-2». Еще семь градусов — и хватит.

Джедао переплел пальцы и потянулся сначала влево, потом вправо, хрустнув позвонками.

— Разве вы не собираетесь обратить на это

внимание? — резко спросила Гемиола. А если они во что-нибудь врежутся? Или, что более вероятно, что-то врежется в них? Тем более, согласно 1491625, стелс-система игломота была включена.

— Мы не «Меченосец-2», — сказал Джедао. — И 1491625 знает свое дело. Однако нам с тобой предстоит выполнить кое-какую миссию. Скажи, ты когда-нибудь выходила за пределы мота?

Пораженной Гемиоле пришлось ответить:

— Был один эпизод «Приключений среди сверкающих миров», где…

— …злодей прыгал между тремя ускоряющимися пустомотами, используя реактивные ботинки? И не фламбировал[3] собственные ступни, не завертелся в космосе кубарем? — Джедао вздохнул. — Я видел этот эпизод. Будем считать, что ответ «нет».

— Зачем вы берете меня с собой? — осторожно спросила Гемиола.

— Правила анклава. Людей они оставляют человеческим властям, но ты не человек, так что… — Джедао пожал плечами. — И я имею дело с анклавами, а не с человеческими властями в том, что касается припасов и разведданных, по-

[3] Примечания: 3

Фламбированием в кулинарии называется поджигание уже приготовленного и политого алкоголем блюда.

тому что люди узнают меня и впадут в панику.

— А вы не можете перейти в другое тело? — спросила змееформа. Ни гекзарх, ни Джедао никогда не объясняли, как им это удается. Однако в записях гекзарха вскользь упоминались модификации тела. (Контекст: знаменитый актер, которого Андан безуспешно заманивали к себе во фракцию, менял лица в зависимости от роли.) — Или, по крайней мере, поменять лицо?

— Я тоже об этом спрашивал, — заметил 1491625.

— Это не поможет, — сказал Джедао. — Существуют люди, способные узнать меня по одной лишь манере двигаться.

— Да сколько может быть Кел Брезанов в государствах-преемниках? — сказал 1491625.

— Есть много людей, которых обучали распознаванию кинесики, особенно тех, кто работает в службе безопасности. Это было бы неудачное пари. Я бы нарвался на кого-нибудь из них довольно быстро.

— Кто такой Кел Брезан? — спросила Гемиола. Она никогда не слышала это имя.

— Мой старый друг, — сказал Джедао, и в его интонации чувствовалась некоторая двусмысленность. — Хороший человек, хотя и вспыльчи-

вый. Кстати, упоминать о нем на станции Айонг не советую. Так или иначе, ты пойдешь со мной.

Когда Джедао протиснулся мимо змееформы, она поплыла следом.

— А как же вы собираетесь попасть на станцию?

— У меня есть кое-какие связи, — сказал Джедао. — Добраться до них, не попавшись, будет сложно.

Он выдвинул ящик, достал скафандр и начал его проверять с сосредоточенностью человека, который видел, как у кого-то посреди миссии закончился воздух.

— 1491625 ведет нас к точке входа. Самое трудное в том, что на борту не хватает места для одного из самых больших бурильщиков.

— Я с ними не знакома.

— Их вывели для того, чтобы рыть туннели в разных вещах, — сказал Джедао. — К сожалению, единственная разновидность, способная пробиться сквозь панцирь этой станции, — слишком тяжелый груз для нас. Игломот не создан для разрушения, конструирования или подрывной деятельности. Так что придется пойти трудным путем.

— Трудным путем? — слабым голосом пере-

спросила Гемиола.

Несколько мгновений Джедао не отвечал, его внимание привлек какой-то дефект в скафандре. Разобравшись с дефектом, он провел инвентаризацию содержимого солидного ремня с инструментами, прежде чем надеть его и застегнуть. Покончив с этим, он вспомнил про Гемиолу.

— Я буду маневрировать, — сказал он, — потому что у меня есть нужная подготовка. А это значит, что ты будешь привязана ко мне. У нас есть запасной набор паутинных ремней. Не слишком ли это оскорбит твое достоинство?

Медицинские сервиторы имели право спорить с людьми. Из старых товарищей змееформы только Ромб обладал таким навыком, по-видимому, на случай крайней необходимости. Куджен и Джедао никогда не пользовались им, даже когда играли друг с другом в ножи. Гемиола знала некоторые основы первой помощи, но это было все. Если повезет, они не пригодятся.

— Я нашла паутину, — сказала Гемиола, вытаскивая катушку. На моте Джедао царил образцовый порядок.

— Хорошо. У тебя все получится как надо. А вот мне придется следить за тем, чтобы не об-

лажаться.

Гемиола не нашла это обнадеживающим — тем более, она помнила, как Джедао в предыдущих воплощениях спотыкался на станции Тефос, врезался в углы, а один раз даже запнулся о ногу самого гекзарха и растянулся на полу. Куджен относился к этому с большим терпением.

Джедао, отнюдь не глупец, заметил нерешительность Гемиолы.

— У тебя дурные предчувствия. Выскажись. Лучше сейчас, чем потом.

— Вы достаточно компетентны, чтобы выполнить такую миссию? — Не то чтобы она могла оценить его физическую подготовку, но, возможно, Джедао ответит честно.

Джедао ухмыльнулся, ничуть не обидевшись.

— Случалось попадать в переделки и похуже.

— Что еще мне нужно знать?

— Как только мы войдем, следуй за мной. Мы не будем пользоваться обычными путями, так что, если повезет, не столкнемся ни с кем из местных людей. Сложность заключается в том, что на Айонг-Прайм обитают сервиторы из нескольких анклавов. Погребальный Ястреб теоретически имеет договоры с большинством из них, но политическая ситуация бывает нестабильной.

Гемиола неопределенно помигала огоньками. Она не понимала, почему человек полагается на договоры сервиторов для защиты. Но, опять же, она происходила из крошечного захолустного анклава, в котором было всего три члена. Возможно, все прояснится, если она будет вести себя тихо и внимательно.

— Если предположить, что ничего не расклеилось, — продолжал Джедао, — то с местными договорами я знаком. Тебе будут задавать вопросы, но, поскольку я не сервитор, то не знаю, как устроена эта процедура.

Замечательно.

— Вы уверены, что я не могу остаться?

— Ты в силах увидеть то, чего не вижу я, — сказал Джедао. — Можешь подняться на уровень середины спины — прямо туда, где находится кислородный баллон?

Гемиола так и сделала и стоически перенесла тот факт, что Джедао прикрепил ее к себе паутинными ремнями. Он действовал осторожно, чтобы не помешать реактивным двигателям или собственным конечностям. Гемиола подавила сомнения по поводу того, как все складывалось. В критической ситуации она могла воспарить в безопасное место, и ей не нужно было дышать.

При необходимости она могла бы даже утащить за собой Джедао, но, если речь не шла о медицинских причинах, для такого ей требовалось его разрешение.

— У вашего игломота есть стелс-система, — сказала Гемиола. — Но у меня ее нет. Сканеры на станции обнаружат мое энергетическое ядро. И вы не можете скрыть свою тепловую сигнатуру. А если кто-то следит за количеством сервиторов на станции…

— У представителей местных анклавов есть процедуры на такой случай, — сказал Джедао. — Готова?

Опасения Гемиолы рассеялись, когда Джедао понес ее к воздушному шлюзу. Каким бы неуклюжим ни был этот человек в своих предыдущих телах, на этот раз он не выказал никаких признаков неловкости. Когда Джедао запустил цикл работы воздушного шлюза, змееформа спросила:

— Влияет ли выбор тела на вашу ловкость?

— В какой-то степени да. — В его голосе прозвучали нотки тайного веселья.

Люк открылся. Джедао выскользнул из игломота. Не желая отвлекать его, Гемиола заткнулась. Одно неверное движение — и они уплывут в зияющую темноту космоса.

По крайней мере, вид был впечатляющий. Хотя Гемиола была прикреплена к спине Джедао, ее пассивные сенсоры демонстрировали панораму далеких звезд и отчетливые трели местного пульсара. Два пустомота — по сравнению с обоими игломот выглядел карликом — отбывали от станции. Большая часть транспорта, который останавливался у Айонг-Прайм, представляла собой торговые моты, перевозящие культурные товары или деликатесы для богачей. (Одна из второстепенных сюжетных линий в «Розе трех революций» вращалась вокруг торговых путей.)

Джедао включил двигатели жестовыми командами, которые уловил его аугмент. После 3,7 секунды ускорения, которые довели их до комфортной скорости, он их деактивировал. Поскольку вид на станцию был заблокирован спиной Джедао, Гемиола провела время, совершенствуя одну из своих старых композиций. Она любила ради тренировки придумывать альтернативные партитуры к эпизодам драмы, даже если Ромб высмеивал это занятие как неуважительное по отношению к композиторам-людям.

Некоторое время они плыли по направлению к станции. Хронометр Гемиолы, конечно же, показывал, сколько времени прошло. Тем не менее

она часто переходила на субъективное время, когда занималась сочинительством, и этот день не стал исключением.

— Держись крепче, — сказал Джедао, и благодаря вибрации тихий жужжащий голос передался сквозь скафандр, присоединенный к нему баллон с воздухом, а также сквозь броню Гемиолы. Он развернулся и снова включил двигатели, чтобы сбросить скорость. Гемиола внезапно увидела вблизи Айонг-Прайм: все плоскости, углы и сверкающий панцирь с полосами светящихся ориентиров для пустомотов, желающих пристыковаться.

Джедао отцепил от своего пояса страховочный трос с крюком на конце. Удивительно, как он смог дотянуться до этой штуковины, несмотря на паутинные ремни. Он швырнул крюк в станцию, одновременно включив двигатели, чтобы противостоять соответствующему обратному движению.

Крюк не издал ни звука, когда зацепился за поверхность Айонг-Прайм. Он угодил в точности на край того, что казалось ремонтным желобом. Уважение Гемиолы к способностям Джедао возросло. Он не внес ни единой поправки в курс.

Перебирая руками, Джедао пробирался вдоль

троса. Гемиола неподвижно сидела у него на спине. Теперь они достаточно приблизились, и не было никакой опасности, что крутящий момент швырнет их на поверхность станции. И они не рисковали столкнуться с одним из торговых мотов.

Так почему же змееформа волновалась?

Движения Джедао замедлились. Он висел в космосе, поджав под себя ноги. Все, что ему нужно было сделать, это потянуться еще немного, и они окажутся на месте. Гемиола подавила вспышку смятения. Неужели он устал? Неужели они застрянут здесь, связанные со станцией всего лишь хрупкой нитью? Если ей придется совершить невыразимо грубый поступок и спасти Джедао так близко от цели, простит ли он это когда-нибудь?

Вместо того чтобы подойти к поверхности станции, Джедао изучал выступ на ней. Гемиола не могла понять, что это было. Матрица датчиков? Или, что еще хуже, орудийная башенка?

Затем выступ сдвинулся.

Если бы не опасность обнаружения, Гемиола вспыхнула бы всеми своими огнями в тревоге. Единственное, что удерживало ее от того, чтобы отступить от выступа и потащить Джедао за

собой, был язык тела Джедао. Он не выказывал никаких признаков беспокойства.

Джедао начал жестикулировать, словно обращаясь к выступу. Гемиоле потребовалось несколько мгновений, чтобы распознать в его жестах вариант упрощенного универсального машинного языка. То, что она приняла за один из человеческих жестовых языков, оказалось простым воспроизведением коротких-длинных последовательностей, обозначенных кончиками пальцев одной руки. Джедао был очень осторожен с уровнем вежливости.

— Я — посланник из анклава Погребальный Ястреб с гостем из анклава Тефос. Я прошу разрешения войти на территорию Транс-Анклава.

Выступ ответил тщательно приглушенными вспышками:

— Добро пожаловать, Аджевен Черис из анклава Погребальный Ястреб.

А, так это был сервитор — хотя с таким типом Гемиола никогда раньше не сталкивалась.

Но Аджевен Черис? Почему Джедао использовал другое имя? Опасения Гемиолы вспыхнули заново.

— Спасибо, — сказал Джедао.

Чужак-сервитор протянул один из своих захва-

тов, который был так велик, что мог бы раздавить Джедао и Гемиолу, разломать пополам. Джедао ухватился за конец захвата и с его помощью спустился вниз. Отцепил крюк, снова прикрепил страховочный трос к поясу с инструментами. Затем чужак-сервитор повел их на станцию.

Их окружали стенки ремонтного желоба. Гемиола испуганно замигала, когда пространство вокруг них подернулось перпендикулярными волнами, хотя, насколько она могла судить, они все еще двигались по прямой. Она включила активное сканирование. Незнакомец-сервитор этому не препятствовал.

Пространство станции было искривлено, как лабиринт, состоящий из других лабиринтов, с фрактальной степенью детализации. Теперь они находились в отсеке станции с герметичной атмосферой и искусственной гравитацией. Гемиола впервые ощутила страх. Ни Джедао, ни чужак-сервитор не реагировали на необъяснимое искривление пространства-времени. В частности, в центре станции находился причудливый пульсирующий узел, открывающийся в пространство врат. Если этот узел поглотит их…

После еще восьми поворотов, которые не были поворотами, они прибыли в складской отсек. В

помещении была запертая дверь, которую они полностью проигнорировали. Повсюду высились аккуратные стопки помеченных ящиков. Одна из меток гласила: «СОДЕРЖИМОЕ ПОД ДАВЛЕНИЕМ. ХРАНИТЬ ПРАВОЙ СТОРОНОЙ ВВЕРХ». И, более свежей краской: «НЕ ГЛОТАТЬ».

— Кто ваш попутчик? — спросил чужак-сервитор. — Я никогда не слышал о базе Тефос.

— Прошу прощения, что не представил вас друг другу должным образом, — сказал Джедао, теперь уже вслух, на высоком языке. Он вытащил нож и небрежно разрезал паутинные ремни. — 271828–18-й, это Гемиола из анклава Тефос.

Гемиола отлетела в сторону от него.

— Рада познакомиться, — сказала она как можно более официально.

— Взаимно, — ответил 271828–18-й. — Какова принадлежность твоего анклава?

— Мы — анклав фракции Нирай, — объяснила Гемиола, — посвятивший себя охране исследований гекзарха.

271828–18-й моргнул с интересом.

— Расскажешь мне об этом позже.

— Хорошо, — ответила Гемиола, хотя и не была уверена, как много сведений позволил бы разгласить гекзарх.

— А не найдется ли у вас следующих эпизодов… — начал Джедао.

271828–18-й замигал, смеясь. Гемиола не могла отделаться от мысли, что этим ее пытаются отвлечь от проблемы «Аджевен Черис».

— Они уже на носителе данных, — сказал 271828–18-й. — Неужели вы думали, что мы забудем о вашей любви к драмам? — Он указал на небольшой ящик, стоящий отдельно от остальных. — Плюс экокрубберы. Воздух и вода. Дополнительные батончики-пайки — келские, раз уж вам такие нужны, хотя вы единственный известный мне человек, который их любит. И остальное оборудование, которое вы просили.

— Спасибо.

— Теперь о тебе, — продолжил 271828–18-й, направляя свои огни в сторону Гемиолы. — У Тефоса нет договора с Транс-Анклавом.

— Мы отчитываемся непосредственно перед гекзархом, — ответила Гемиола решительным тоном. — Прежде чем мы продолжим, у меня есть вопрос.

Сквозь лицевую пластину скафандра Гемиола увидела, что Джедао криво улыбается, как будто знает все заранее.

— Почему вы назвали этого человека, — Гемио-

ла указала на Джедао, — Аджевен Черис?

— Ты, должно быть, жила в изоляции, — сказал 271828–18-й, — если раньше не узнала, что к чему. И все же, если ты на самом деле являешься представителем своего анклава…

Гемиола моргнула в знак согласия.

— …тогда ты имеешь право принять аргументированное решение, основанное на фактах. — К этому моменту лицо Джедао выражало смирение. — Аджевен Черис, в прошлом — капитан Кел Черис, также известная как Шуос Джедао, является агентом анклава Погребальный Ястреб, которому поручено убить гекзарха Нирай Куджена.

Джедао не стал тратить время на ругательства. Вместо этого он потянулся за чем-то на поясе.

Гемиола не задержалась, чтобы узнать, что он собирается сделать. Вместо этого она рванулась к отверстию, через которое они вошли. Позади Джедао сказал удивительно мягким голосом:

— Ты мог бы позволить мне…

А потом все звуки сделались неотчетливыми.

Змееформа проанализировала лабиринты коридоров и за долю секунды приняла решение бежать в глубь станции, а не обратно к игломоту. Оставалось только предположить, что 1491625

разделяет цели Черис. Возможно, Айонг-Прайм и не была безопасным местом, но лучше остаться здесь, чем продолжать путешествие с теми, кто желал зла гекзарху.

Станция поглотила змееформу. У Гемиолы никогда прежде не было причин так мчаться, но системы управления, унаследованные от прежних сервиторов, хорошо ее направляли. Она получала калейдоскопическое изображение любовно отполированных стен, опор для рук и ног для людей, ламп; время от времени — шкафов, помеченных знаком «Аварийные скафандры»; случайных и расположенных невпопад укромных уголков, в которых содержались скульптуры или цветочные композиции, чтобы прохожим было что созерцать. Несколько человек заметили змееформу и прижались к стенам, когда она пролетала мимо.

Наконец Гемиола остановилась в чулане, где не было ни людей, ни сервиторов. Эта часть станции была менее ухоженной, чем другие, с беспорядочными граффити, нацарапанными на полу. Рисунки изображали мультяшных животных, вооруженных садовыми инструментами. При других обстоятельствах Гемиола задумалась бы над их значением.

Змееформа огляделась по сторонам. То, что она приняла за чулан, на самом деле было чьим-то… домом? Сбоку лежало толстое стеганое одеяло, свернутое в рулон, а поверх него — подушка. По другую сторону стоял стол высотой до колена, украшенный лишь небольшим фокусом для медитации в форме коленопреклоненного волка. В углу был сундук с одеждой. Вот и все.

Убедившись, что ей пока ничего не угрожает, Гемиола забилась в пустой угол и задумалась. Как она могла быть такой наивной? Надо было заподозрить неладное в тот момент, когда Джедао-Черис попросил копию архива. К этому моменту он или она уже могли скопировать данные и распространить их повсюду.

Было кое-что похуже, чем пасть жертвой предательства Черис, Джедао, или кем был этот человек. Стоило признать, что прозвище «Жертвенный Лис» не внушало больших иллюзий относительно его надежности, какое бы обличье он ни носил. Нет: на самом деле не один, а множество сервиторов — целый анклав, причем могущественный — планировали уничтожить гекзарха.

Либо что-то пошло не так с обществом сервиторов, либо что-то пошло еще хуже с гекзархом.

Но что именно?

Гекзархи (и гептархи в былые времена) отнюдь не были непогрешимы. Это, по крайней мере, она понимала. В «Розе трех революций» даже фигурировал гептарх — декадент и обструкционист со склонностью совать нос не в свое дело (Шуос, разумеется). С другой стороны, Гемиола всегда считала, что роль сервиторов заключается в выполнении второстепенных задач, а не во вмешательстве в дела правительства. Неужели все это время она ошибалась?

По крайней мере, у нее осталась копия архива гекзарха. Она перестроила свою память, чтобы освободить место, — это было нетрудно. Может быть, если она теперь его изучит, обнаружится нечто такое, что придаст миру смысл.

Гемиола так глубоко запуталась в своих размышлениях, что появление человека застало ее врасплох. Точнее, долговязой и загорелой бритоголовой девчонки в лиловом одеянии с обтрепанным подолом.

— А ты кто такая? — сказала вновь прибывшая явно враждебным тоном. — Если пришла сообщить, что я опоздала с заданием, то я уже знаю об этом.

Гемиола полетела в направлении двери,

поскольку ее присутствие было явно нежелательным. Кем бы ни была эта девочка.

— Нет, подожди, останься, — вдруг сказала незнакомка. — Скажи мне, кто ты. Из какого анклава?

Она знала об анклавах? Гемиола не понимала, хорошая это новость или плохая. Но она остановилась.

— Анклав Тефос, — произнесла она, рефлекторно перейдя на универсальный машинный. — Это нирайский анклав.

— Хм, — сказала девочка, — никогда о таком не слышала. Это далеко отсюда? Впрочем, космос — такое дело, все далеко друг от друга.

Она свободно говорила на универсальном машинном. Поразмыслив, Гемиола пришла к выводу, что если этим навыком владела Черис, могли и другие.

Девочка поставила сумку на пол и пнула ногой стену, которая глухо задребезжала.

— День был просто ужасный. Наверное, высшая справедливость послала ко мне беспристрастного чужака, чтобы засвидетельствовать мои промахи или что-то в этом роде. Ненавижу это эссе, но если я не сдам его сегодня вечером, точно выйду из игры.

— Может, мне оставить тебя наедине с твоим эссе? — осторожно спросила Гемиола. Если бы ей не пришлось уделять этому внимание, она могла бы просмотреть записи гекзарха. С одной стороны, было невежливо игнорировать хозяйку, учитывая, что змееформа стала незваной гостьей. С другой стороны, она сомневалась, что хозяйке есть дело до того, чем занимается гостья, лишь бы та молчала и слушала.

— Да, ты же явилась из самого Тефоса… — Девочка произнесла название на высоком языке, повторив его жестом на упрощенном универсальном машинном, — …просто чтобы помочь мне прокрастинировать. Но раз уж ты все равно здесь — по-твоему, что мне делать? У нас на Айонг-Прайм очень мало нирайских сервиторов, а мои инструкторы постоянно твердят о том, как объективная истина может противостоять нападкам со всех сторон и так далее, и тому подобное. Трибуналы Рахал в реальной жизни работают не так, но речи получаются красивые, верно?

Гемиола вопросительно посмотрела на девочку. Змееформа мало что знала про Рахал, кроме их репутации. Однако она постепенно поняла, что девочка готовится к вступительным экзаменам в Академию Рахал. Уж не ждет ли она помощи от

гостьи с написанием эссе? Помимо всего прочего, Гемиола не имела ни малейшего представления о риторике.

Девочка посмотрела на нее и вздохнула.

— От тебя никакого толка. — Затем она протопала в другой угол комнаты, прислонилась к стене и сползла по ней, обхватив руками колени. — Вот что я получила за то, что попыталась оспорить постановление странствующего магистрата на уроке на прошлой неделе.

— Какое постановление? — спросила Гемиола. Возможно, это было неразумно с ее стороны.

— Главный магистрат Айонг-Прайм первоначально постановил, что один из местных обрядов был законным, — начала объяснять девочка. — Это привлекло внимание властей, потому что небольшая группа людей практиковала его вскоре после одной из запланированных поминальных церемоний. На этом все должно было закончиться, но нас угораздило заполучить странствующего магистрата-святошу, который, пересмотрев прошлогодние дела, выбрал именно это решение, чтобы его отменить. Теперь кучке совершенно обычных людей грозит опасность быть объявленными еретиками. — Она снова пнула стену. — Мне следовало бы держать рот на

замке, но это так глупо. Мои дедушка и бабушка меня убьют. При условии, что они не пошлют за мной кого-то из Видона, когда мое эссе окажется совершенно неудовлетворительным.

Недоумение Гемиолы сменилось тревогой, когда она заметила приближение другого сервитора. Но куда она могла деться? И как могла уйти, когда эта особа велела ей остаться?

Змееформа, страдая, осталась на месте. Девочка терла лицо. О нет, она плакала. Раньше Гемиола видела, как люди плачут, только в драмах, но там они делали это куда красивее — в драматические моменты, с нарастающей музыкой на заднем плане. А у этой девочки на рукаве появилась слизь, и Гемиола не понимала контекста. Наверное, хозяйке комнаты не понравится, если змееформа возьмет на себя смелость включить музыку.

«Почему вы не объяснили мне, что делать?» — подумала Гемиола, обижаясь не на девочку — которая, в конце концов, заслужила от чужачки подобающую вежливость, — а на гекзарха и Джедао. Она никогда не видела, чтобы кто-то из них делал нечто столь же сентиментальное, как плач. Она никак не могла оставить девочку в таком состоянии.

Несмотря на зловещее приближение другого сервитора, Гемиола начала напевать колыбельную. Он могла бы петь голосом целого ансамбля, но моменты наибольшей уязвимости часто сопровождались самой простой музыкой. Человеческие композиторы, которых Гемиола изучала на протяжении всего своего существования, несомненно, разбирались в этом лучше, чем змееформа. И потому она просто гудела.

Приглушенные рыдания мало-помалу стихли. Потом девочка чихнула в рукав. Стерла слизь, кое-как привела лицо в порядок.

Смирившись, Гемиола продолжала напевать, даже когда вошел новый сервитор. Это была котформа, гораздо меньше размерами, чем 271828–18-й, меньше самой Гемиолы. Она ворвалась в комнату и направилась прямо к девочке.

— Разве ты не должна работать над своим эссе, Мистрикор? — спросила котформа на высоком языке.

Мистрикор поникла.

— И ты туда же… — сказала она без малейшего намека на боевой дух.

Надеясь воспользоваться этим, Гемиола потихоньку направилась к двери.

— Никуда не уходи, — сказала котформа, все

еще на высоком языке. — Нам нужно определить твой официальный статус здесь, Гемиола из анклава Тефос. Можешь пойти со мной, и мы разрешим вопрос посредством медиации, или я могу предупредить станцию. Выбирай.

Гемиоле не потребовалось время, чтобы подсчитать шансы.

— Я пойду с тобой, — сказала она.

11

Джедао серьезно отнесся к наставлениям Куджена про домашнюю работу. Это оказалось труднее, чем он предполагал, учитывая, что ему также приходилось пробираться через рекомендованное руководство для командиров, а также коррективный курс математики. Однако он не мог откладывать это навсегда.

На следующее утро, сразу после завтрака, он набрался мужества и спросил сеть:

— Есть ли какие-нибудь документальные фильмы о моей жизни?

Не только документальные фильмы, как оказалось, но и драмы. Драмы были бы намного веселее. Список, появившийся на его планшете, ошеломлял длиной. Джедао пролистал его, впечатленный, и задумался над тем, многие ли Кел в рое знают его по вымышленным отображениям, но решил не спрашивать. Есть вещи, о которых лучше не знать.

Он попросил сеть отсортировать список по популярности. Та подчинилась. Один из самых популярных заголовков привлек его внимание:

«Лабиринт лис».

— О, клянусь лисой и псом, — невольно сказал он. Двести сорок серий? Даже если каждая шла полчаса, у кого найдется на такое досуг? Предположим, Куджен разрешит своему генералу потратить столько свободного времени — но это вряд ли, — и даже в этом случае у него вряд ли хватит терпения.

Впрочем, это если начинать сначала. А почему бы не выбрать какой-нибудь эпизод из середины?

— Какая серия была самой спорной? — спросил он.

Неудивительно, что вопрос оказался дискуссионным, но он сузил поле до восьми или около того эпизодов. Джедао с сомнением уставился на заголовки и заставки. Он просмотрел несколько минут из середины «Битвы при Свечной Арке». Отрывок содержал скучные наружные съемки боемота, освещение которого не соответствовало вспышкам от ближайших взрывов. Кроме того, разве люди не понимают, что взрывы в космосе не производят шума? И музыка была просто отвратительная.

Он попробовал другую серию, «Лисы на дуэли». Кто бы ни придумал эти названия, ему явно не

хватало вдохновения. Он добрался до середины и был удостоен невероятного, но гораздо более занимательного зрелища — двух дуэлянтов, столкнувшихся лицом к лицу. По крайней мере, он считал их дуэлянтами. Оба размахивали календарными мечами так, что ему показалось, будто кто-то вот-вот потеряет часть тела. Он также никогда не слышал о дуэлях без рубашки, что для женщины выглядело неудобным.

Его внимание привлек тот дуэлянт, что был повыше, — смуглый, широкоплечий, восхитительно мускулистый мужчина. У него не было никаких уродливых шрамов на торсе. Пульс Джедао участился. Женщина, признал он, была столь же привлекательной, да к тому же с длинными, волнистыми, распущенными волосами. Оба актера отбросили мечи в сторону, от чего посыпались шипящие искры. Ради лисят кто-то обязан был пострадать от того, как они обращались со своим оружием.

— Хиаз, — произнес мужчина голосом гораздо более глубоким и богатым, чем заурядный баритон Джедао, и опустился на колени перед женщиной, целуя ее руку. — Мне от тебя не убежать.

Погодите, что? Хиаз — в смысле, гептарх Шуос

Хиаз? Была ли это чья-то идея высокой мелодрамы? Джедао не сомневался, что никогда не стремился попасть к гептарху в постель. Он поставил драму на паузу и порылся в памяти на случай, если знал, как она выглядела. Не повезло. Учитывая, что актер, играющий его самого, не мог похвастать сходством с прототипом, у него не было большой надежды на точность в отображении внешности Хиаз. Он снова запустил видео.

— Джедао, — негромко промурлыкала актриса и предложила актеру что-нибудь сделать со своим…

Джедао не смог этого вынести. Он выключил эпизод как раз в тот момент, когда они сплелись друг с другом, а затем согнулся пополам от хохота и смеялся, пока не перехватило дыхание.

— Хотел бы я быть таким красавцем, — сказал он в пустоту, как только сумел остановиться. Было ли это признаком тщеславия, чем-то извращенным или просто унизительным — испытывать влечение к актеру, играющему тебя самого?

Вот вам и «Лабиринт лис». Может быть, с историческими документами ему повезет.

— У вас есть записи о Крепости Адское Веретено? — спросил он у сети.

Взгляд Джедао привлек один из верхних ре-

зультатов, видео первых моментов резни в командном центре клыкмота «Слишком удачная карта».

— Запусти вот это, — очертя голову сказал он и сел смотреть.

Запись битвы на моте поначалу выглядела достаточно безобидной. Он не узнал никого из Кел в командном центре, но изучал себя с ужасом и восхищением. «Я выгляжу старше», — промелькнула глупая мысль. Рациональная часть мозга отметила, что это было то же самое лицо, того же возраста и так далее, которое смотрело на него из зеркала. И все же Джедао на видео и впрямь выглядел старше. Это ощущалось по его проницательному взгляду, по тому, как он откидывался на спинку кресла, по его безгранично уверенному виду. Нынешний Джедао не сомневался, что нынешние Кел воспринимают его иначе. Если он и ошибался, то сам ничего похожего не чувствовал.

Двое из Кел разговаривали друг с другом о какой-то логистической проблеме. Без всякого предупреждения, даже не моргнув глазом, Джедао-из-прошлого выхватил пистолет и дважды выстрелил. Две пули, две смерти. Кровь и расплескавшиеся мозги.

— Стой, — прошипел Джедао. Когда же он встал? Его рука беспомощно сжималась и разжималась. Он тянулся за табельным оружием, которого у него не было.

Он оказался единственным офицером в рое Куджена, у которого не было оружия — и никогда раньше этого не замечал.

Он направился к экрану, как будто мог остановить себя-из-прошлого или повернуть время вспять, чтобы принять пули, предназначенные для несчастных солдат Кел. Видео услужливо остановилось, и в кадре застыла одна из них в момент падения.

Джедао прошел в соседнюю комнату. Попросил сеть изобразить ему что-нибудь красивое для медитации. Она выдала опрятный сад с лепестками, художественно падающими с буйно цветущих деревьев только для того, чтобы исчезнуть, не коснувшись пола. Двенадцать минут он наблюдал за исчезающими лепестками.

Затем он вернулся к видео. Кел на экране не ожила. Джедао хотел спросить, кто это была. Не то чтобы это имело какое-то значение. Сеть сообщила, что первой жертвой стала полковник Кел Гизед, начальник штаба генерала Шуос Джедао.

— Кел Гизед, — сказал Джедао вслух. Имя ни-

чего не значило. Он не знал, кто она такая. Он смотрел на круглое лицо с кровавой темной дырой в самом центре лба, на седые волосы, растрепавшиеся при падении. Как он мог ничего не помнить о том, кого хладнокровно убил?

«Что же я за человек?»

Одно дело, что Куджен и Дханнет сказали ему, что он был массовым убийцей. И совсем другое — видеть себя совершающим одно из этих убийств.

— Продолжай, — сказал наконец Джедао, потому что был обязан сделать это ради погибшей. Все, что он хотел сделать, это побежать в туалет и блевануть, но… даже тошнота была абстрактной, как будто принадлежала кому-то очень далекому. «Сколько мертвых тел я видел?»

Невзирая на отвращение, Джедао был впечатлен своим старым «я». Он и не знал, что люди могут так хорошо обращаться с огнестрельным оружием. Никакой причудливой боевой хореографии, просто грязное, деловитое смертоубийство. Он пытался вести счет жертвам, оценивая свою чудовищность, но цифры вылетали у него из головы, как полыхающие птицы.

Наконец он добрался до того места, где Джедао-из-прошлого застрелил нескольких техников-Нирай в спину, когда те попытались бежать. Он

больше не мог этого выносить.

— Прекрати, — хрипло сказал он. — Пусть это прекратится.

Сеть отключила планшет. Она ничего не могла поделать с образами в его голове.

Джедао подождал, пока его дыхание замедлится. Затем сказал, преисполнившись самобичевания:

— Хочу увидеть свою казнь.

Он не был уверен, что это улучшит его самочувствие, но выбор казался подходящим.

Сеть смогла предоставить ему только одну запись. По какой-то причине казнь не была публичной. Его смерть поручили двум людям. Один из них был Нирай, прикомандированный к Кел. У него были волнистые волосы, и он был необычайно красив, но, учитывая отсутствие знаков отличия, Джедао решил, что это всего лишь техник, ничего особенного. Он держал в руке наполненный чем-то шприц.

Другой была худая седовласая женщина с печальными глазами — высокопоставленный генерал Кел в полном парадном облачении. Она смотрела на старшего Джедао, который лежал в открытом черном гробу, в седативном состоянии. Генерал выглядел спящим, если не считать

ужасного остаточного напряжения вокруг глаз. Верховный генерал ласково погладила его по руке и что-то пробормотала.

Джедао захотелось разбить ей лицо. Неужели она не знает, что он сделал со своими Кел? Как она может ему сочувствовать?

На этом видео остановилось. И это было прекрасно, потому что Джедао больше не мог выносить неправильно адресованных чувств генерала Кел. Он посмотрел вниз и обнаружил, что сжал кулаки. Ладони болели там, где ногти впивались в них.

Теперь он понял, почему Кел так невзлюбили его, хотя по-прежнему ничего не мог вспомнить. Но ему и в голову не пришло, что все это обман. Он не мог изменить прошлое. Все, что он мог сделать, — это вести себя достойно и двигаться дальше, не забывая о том, что случившееся нельзя искупить никаким покаянием.

12

Наши дни

Брезан должен был встретиться со своим оппонентом через час, плюс-минус несколько минут, в зависимости от того, чей календарь доминировал. Все, о чем он мог думать, это какими тяжелыми оказались три многоярусных ожерелья — словно три виселичные петли. Согласно протокольному советнику геральдические символы, вырезанные на каждой подвеске-кабошоне — если точнее, Пепельный Ястреб, Падающий в Небо, Пепельный Ястреб Бдительный и Пепельный Ястреб во Славе, — должны были убедить всех здравомыслящих Кел, включая ожидаемую гостью, в его надежности.

Брезан возражал против этого втройне. Во-первых, будучи самым известным из ныне живущих «падающих ястребов», если не считать Черис, он не мог рассчитывать, что какое бы то ни было количество драгоценностей, сколь угодно тяжелых, изменит представления людей о нем. Во-вторых, вряд ли кто-то мог различить особые символические разновидности «пепельных ястребов»,

разве что схватив его за шею и внимательно вглядываясь в каждый кабошон. Хотя Брезан был штабистом, а не пехотинцем Кел, его стандартной реакцией на людей, распускающих руки, все еще было: «А ну иди на хрен, или хочешь, чтобы я тебе вломил?» В-третьих, он сомневался, что генерал-протектору Кел Инессер есть дело до каких-то пустяковых украшений.

Все в комнате, куда его поместили, вызывало зуд. Казалось бы, за девять лет он привык к бессмысленной роскоши, даже на звездной базе размером с Истею-Прайм. Интеллектуально он признавал, что его работа как главы государства заключалась в том, чтобы производить впечатление, в то время как избранный премьер делал реальную работу. «Вы — клей, скрепляющий наших Кел», — так выразился Микодез. Брезан сдерживал свои возражения на том основании, что невозможно оскорбить человека, известного тем, что он нанес удар в спину другим гекзархам. Но тяжелые сверкающие гобелены, фонари с янтарными панелями и скульптуры «пепельных ястребов» заставляли его чесаться. Он с радостью обменял бы это все на какой-нибудь тускло освещенный кабинет под начальством у кого-нибудь.

Микодез предложил вести переговоры за него. Брезан не был настолько горд, чтобы не признать, что шуосский гекзарх гораздо опытнее, если не сказать безжалостнее, в подобных делах. Однако Инессер наотрез отказалась разговаривать с Микодезом. К этому моменту союз Брезана с фракцией Шуос уже не был тайной. Более практичные из его Кел признали, что без помощи Шуосов координация их военных действий была бы невыполнимой задачей. Но очень многие люди по-прежнему относились к Микодезу с подозрением. Он уже пользовался дурной славой после убийства двух своих кадетов много лет назад; убийство гекзархов только укрепило его репутацию. Это срабатывало против них так же часто, как и в их пользу.

— Сэр, — нейтральным тоном произнесла протокольный советник Ойя Фиамонор, — вы опять грызете ногти. Через перчатки. Не делайте этого.

— По крайней мере, я не ковыряю в носу, — возразил Брезан.

— И этого тоже не делайте.

Брезан подавил вздох. Микодез убедил его, что помощник, прошедший обучение во фракции Андан, — блестящая идея. В Конвенции было не так много Кел, чтобы они могли выделить

одного для протокола. И если Фиамонор в чем-то и преуспела, так это в соблюдении протокола. Она также заставляла Брезана чувствовать себя беспокойным шестилетним ребенком.

В течение девяти лет генерал-протектор Инессер отказывалась от любых дипломатических контактов с Конвенцией. И теперь она хотела встретиться. У Брезана были дурные предчувствия, но премьер Дзуро хотела, чтобы он пришел — и вот он здесь.

— Потому что я — расходный материал? — сказал Брезан, когда видел ее в последний раз.

Дзуро похлопала его по руке. Брезан ненавидел этот жест, но теперь он лучше контролировал свои реакции.

— Вы лучше читаете язык тела. Когда не ввязываетесь в драки. Выясните, что задумала Инессер.

Система Истейя была предметом спора между его Конвенцией и Протекторатом Инессер. Брезан ненавидел думать о Конвенции как о чем-то «своем». Он просто оказался не в том месте и не в то время. В частности, он никогда не желал сделать карьеру в политике. Генерал Кируев и генерал Рагат занимались военными делами. А Черис все еще отсутствовала, что было очень

плохо, потому что он хотел бы пихнуть «Джедао» навстречу Инессер.

Генерал-протектор Инессер пошла на большую уступку, согласившись встретиться на территории Конвенции. Брезан подозревал, что она замышляет что-то коварное, но что именно? Даже Микодез, который специализировался на коварстве, одобрил это место. Впрочем, Микодез одобрил бы все, что обещало развлечение ближе к вечеру, и неважно, насколько это раздражало всех остальных. По крайней мере, Брезан не боялся, что Инессер убьет его. (А вот насчет Микодеза он не был уверен, но стоило признать — если Микодез решит от него избавиться, ему в любом случае крышка.) Инессер так заботилась о своей репутации самого честного Кел во Вселенной, что если бы кто-то угрожал ему, она бы сама уничтожила нападавшего.

Сеть предупредила о вызове из оперативного отдела, который Брезан принял, пока в десятый раз поправлял свои черные перчатки.

— Рой передовой обороны сообщил о появлении двухсот девятнадцати знамемотов и одного пепломота, путешествующих в формации «Речная змея».

Брезан узнал этот голос. Он принадлежал Ни-

рай Ханзо, человеку, который любил мастерить украшения из пришедших в негодность компонентов мот-двигателя. Он подарил Брезану удивительно красивый браслет: «На случай, если вы когда-нибудь захотите произвести на кого-то впечатление». Скорее всего, Ханзо надеялся, что Брезан будет его носить и послужит бесплатной рекламой. Разумнее всего было бы передать штуковину одной из куртизанок, которых он время от времени навещал. Вместо этого Брезан иногда ловил себя на мысли, понравилось бы это Тсейе, — но шансы, что он когда-нибудь снова увидит ее, были близки к нулю.

— Дайте угадаю, — сказал Брезан. — Пепломот — это «Три пустельги, три солнца».

— Именно так.

За всю историю гекзархата командование Кел удостоило чести лишь одного генерала, назвав боемот — и даже пепломот — в честь личной эмблемы. Этим генералом была Инессер. Как будто он и так недостаточно страдал от комплекса неполноценности. Микодез предложил назвать один из своих тенемотов, как будет угодно Брезану — в качестве утешительного приза, — но тот отказался. У него даже не было эмблемы, хотя и Микодез, и Фиамонор заставляли выбрать ее.

Но в этом вопросе он был непреклонен. Вместо личной эмблемы он использовал колокольчик и свиток — эмблему Конвенции. Премьер Дзуро это одобряла, и, хоть ей случалось ошибаться, мнение было верным.

— Надеюсь, никто не собирается убивать Инессер, — пробормотал Брезан. Он схватил планшет с декоративного стола — даже ящики были фальшивыми, ради пламени и золы, кому пришла в голову такая идея? — и просмотрел формации из Первичного Лексикона, которые мог создать рой из двухсот двадцати боемотов. Не то чтобы этот список значил для него что-то, кроме плохих новостей.

Он знал, что избранная Инессер «Речная змея» была насмешкой. Эта формация не давала никаких оборонительных преимуществ. «Верю, что ты обойдешься без глупостей» — вот что это значило. Что же касается размеров роя… М-да. Он в достаточной степени Кел, чтобы знать, что они полагаются на количество. Кел никогда не путешествовали в одиночку, если могли этого избежать.

Фиамонор посерьезнела.

— Было бы неприлично убивать генерала после того, как мы пригласили ее сюда, — сказала она.

Иногда Брезан не мог понять, когда Фиамонор его разыгрывает. Но не стоило из-за этого пререкаться. Иногда ему удавалось держать себя в руках.

— «Три пустельги, три солнца» запрашивает разрешения причалить, — сказал Ханзо немного погодя.

— Ненавижу, — сказал Брезан.

— Э-э, сэр?

— Не вас, — проговорил он. — Ее.

Но ему придется улыбаться и разговаривать с ней как ответственный взрослый, потому что быть ответственным взрослым — его новая работа. Забавно, что даже спустя девять лет он все еще считал ее «новой».

Гекзархат — старый гекзархат, который Брезан помог разбить на куски, чтобы другие державы смогли поживиться, — обладал шестью пепломотами, самыми большими и могущественными боемотами. Один из них, «Неписаный закон», погиб, отвоевывая Крепость Рассыпанных Игл во время вторжения Хафн. Другой, «Иерархия пиршеств», бывший командный мот генерала Кируев, пал в жарком бою за спорную зону несколько лет назад. В той битве они потеряли хороших людей.

К неудовольствию Брезана и вечному беспокойству Кируев и Рагата Протекторат контролировал четырех оставшихся пепломотов. Он даже не мог винить Инессер за то, что она привела один из них — к тому же названный в честь ее эмблемы — на переговоры. Это было впечатляющее заявление.

— Сэр, они повторяют запрос.

Брезан оскалил зубы.

— Пусть причаливают, — сказал он.

В ожидании, пока охрана пропустит гостей, Фиамонор поправила воротник Брезана. Брезан стерпел ее быстрые прикосновения. В комнате было много зеркал. Он не видел ничего дурного в своем воротнике, но, возможно, Фиамонор тоже нервничала.

Охрана сообщила ему, что генерал Инессер и ее свита прошли проверку. Конечно, они это сделали. Брезан дал четкие инструкции, чтобы ей и ее собственной охране было разрешено иметь при себе любое оружие. Да поможет пламя тому, кто попытается оставить Кел без их проклятых пушек. Со своей стороны, Брезан жил с неприятным осознанием того, что можно иметь всю огневую мощь, какую захочешь, но от нее не будет толку, если ты хуже стреляешь. Он теперь почти

не ходил на стрельбище, полагая, что служба безопасности может поражать цели лучше, чем он, а ему лучше заниматься бумагами, которые бросает в его сторону премьер-министр.

К тому времени, как двери распахнулись, Брезан уже погрузился в медитацию, чтобы успокоиться. Он ненавидел медитацию, но дыхательные упражнения помогали. Это испытание не закончится быстро. Они встретятся и будут обмениваться любезностями в течение первого часа — если повезет. (Он этому выучился.) Станут ходить вокруг да около главной темы, пока Инессер не проверит его на слабости. Только убедившись в плодотворности своего подхода, она начнет переговоры. К счастью, последние несколько лет он еще и сражался с Микодезом. У него был шанс.

Все приготовления вылетели из головы, как только он увидел двух женщин, которых привела с собой Инессер.

Его взгляд сначала остановился на более высокой из этой пары, в многослойных одеждах всех оттенков синего. Шелковая блузка поверх асимметричной шелковой юбки с запахом. Бледно-голубая кружевная шаль и шарф в тон, сверкающие звездчатыми сапфирами и голу-

быми бриллиантами, чьи сердца сияли, как треснувший лед. Серебристо-голубой гребень, украшенный еще большим количеством драгоценных камней, удерживал ее зачесанные назад волосы. Даже волосы у нее были настолько черные, что отливали синевой. Только ее глаза не были голубыми.

В последний раз, когда он видел ее, они чопорно попрощались, прежде чем она удалилась в колонию, где доминировали Андан. Она утверждала, что простила его за предательство, но он сомневался. Андан Тсейя, прекрасная, как всегда: дочь убитого анданского гекзарха, а когда-то — возлюбленная самого Брезана.

Тсейя смотрела на него, скривив губы, и казалась спокойной. Сотни вопросов застряли у Брезана в горле, потому что другой женщиной была его сестра, полковник Кел Миузан.

Брезан не разговаривал ни с кем из своей семьи после той катастрофической беседы с Миузан. Но иногда, в редкие свободные минуты он доставал видеозапись, сделанную его средним отцом, где Миузан давала ему «урок дуэли». Сердце у него болело не из-за дуэли — он привык, что Миузан его бьет, — а из-за двух других сестер, которые дружно ссорились на заднем плане из-за того, кто

съел больше рисовых шариков.

Миузан мало изменилась за прошедшие годы. Ее униформа была в полном парадном режиме. Даже прическа у нее была та же — привычная корона из косичек, строго зачесанных назад.

Он почти выпалил ее имя. Но ее подбородок был высоко поднят, и абсолютная враждебность в темных глазах сообщила Брезану, что она пришла не потому, что хотела пожелать ему добра. Все было сказано и сделано; они по-прежнему находились по разные стороны баррикад.

И, наконец, сама Инессер. Безупречная кожа цвета слоновой кости не соответствовала ее возрасту, за исключением характерных мелких морщинок в уголках глаз, но большинство людей предпочитали выглядеть моложе своих лет. Ее мундир тоже был полностью парадным и не более изысканным, чем у Миузан, за исключением генеральских крыльев на груди, где у Миузан была полковничья звезда. Единственной уступкой личному тщеславию были волосы Инессер — с кончиками, выкрашенными в анданский синий цвет в знак уважения к любимой прабабушке из этой фракции. Брезана волновали не столько волосы, сколько то, что она улыбалась ему с восторгом, который обычно приберегают для

медлительной добычи.

— Добро пожаловать на Истейю-Прайм, генерал, — сказал Брезан, сосредоточившись на лице Инессер. У него был долг хозяина. Кроме того, это избавило его от неловкого признания, что его бывшая любовница и разгневанная сестра находятся в одной комнате с ним. — Могу я предложить вам прохладительные напитки?

Зависшая рядом Фиамонор указала на ассортимент доступных закусок, от стандартного меню офицерского стола до деликатесов, которые они смогли наскрести. Брезан шокировал поваров, предложив свою помощь в приготовлении пищи. Он все еще сожалел о том, что был слишком занят обсуждением мер безопасности с Эмио и не смог вмешаться в это дело, особенно потому, что хотел знать, как они ухитрились сделать этот причудливый кули́[4] для пирога с таро. Кое-кто из сотрудников Брезана поспорил, прикоснется ли Инессер к пряным соленьям. Личным правилом Брезана было избегать пари, особенно с персоналом, но, честно говоря, зачем кому-то во время переговоров есть то, что едят каждый день?

Улыбка Инессер стала шире, и это означало,

[4] Примечания: 4

Кули́ (coulis) — разновидность фруктового соуса; в некоторых случаях — фруктовая начинка для десертов.

что она распознала тактику затягивания.

— У вас ведь нет под рукой ничего алкогольного? Я устала от чая и воды.

Неужели он должен был воспринять это как вызов?

— Так уж бывает, — сказала Фиамонор и обратила внимание Инессер на шкаф, заполненный разнообразными сортами рисовых вин, виски и коньяков. Инессер безошибочно остановила свой выбор на самом дорогом спиртном из имеющихся в наличии. Брезан сверился со своим аугментом по поводу продовольственного бюджета и поморщился. Ну ладно, у них все равно было только две бутылки, что ограничивало объем ущерба, который она могла нанести. И, может быть, в состоянии опьянения генерал-протектор становилась доверчивее.

— Не желаете ли сесть? — сказал Брезан Миузан и Тсейе, обращаясь к точке, расположенной посередине между двумя женщинами. Надо же, Инессер привела именно тех людей, которые в целой галактике лучше всех могли вывести его из равновесия. Он не собирался позволить ей одержать верх.

В такие моменты он скучал по Черис больше, чем когда-либо. Но, в конце концов, он смирился

с тем, что Черис ушла — ушла навсегда. С его-то удачей, ее убило метеоритом на какой-нибудь планете, про которую никто не слышал, и они никогда не узнают, что с ней стало.

Фиамонор еще раньше приготовила круглый стол для совещаний, старательно соблюдая симметрию. Даже свечи в форме цветка, плавающие в чаше с водой в центре стола, отличались радиальной симметрией. Свечи были закреплены проволокой, чтобы не уплыли в сторону.

— Благодарю вас, верховный генерал, — прошептала Тсейя Брезану, когда стало ясно, что Миузан не собирается с ним разговаривать. — Ну что, полковник?

Из вежливости на спинку кресла Инессер была накинута салфетка с эмблемой «Три пустельги, три солнца». Брезан надеялся, что генерал не обидится на то, что они напечатали эту штуку на принтере, а не заказали у преданных ремесленников, чтобы те соткали ее вручную. Не моргнув глазом, Миузан села справа. Тсейя заняла место слева, криво усмехнувшись.

— Вы все равно откажетесь, полковник, — сказала Инессер, — но я спрошу, не нуждаетесь ли вы в чем-нибудь?

— Нет, спасибо, — ответила Миузан. — Верхов-

ный генерал?

Не было никакого тактичного способа сообщить, как странно звучит этот титул в ее устах, поэтому он ограничился тем, что просто покачал головой. Он привык испытывать подобное в разговорах с другими людьми, но не со своей старшей сестрой. Кроме того, он не хотел оказаться в невыгодном положении в химическом смысле, имея дело с Инессер. Фиамонор заранее накормила его детоксикационными препаратами в качестве меры предосторожности, но пробудилась паранойя, что именно на этот раз они не подействуют.

Инессер неспешно подошла к своему креслу с бокалом в руке, сделала большой глоток и, прежде чем сесть, передала салфетку Миузан. Не говоря ни слова, Миузан разгладила ткань и отложила в сторону.

— Верховный генерал, — сказала Инессер, — давайте перейдем к делу. Не думаю, что ваше время менее ценно, чем мое.

— Конечно, генерал-протектор, — сказал Брезан. — У вас есть какое-то предложение относительно Истейи?

Он не мог придумать никакой другой причины, по которой они оба оказались здесь. Одна из

планет этой системы была главным источником сырья, необходимого для изготовления упряжи мот-двигателей. Протекторат и Конвенция боролись за контроль над системой, каждый из них отчаянно хотел быть тем, кто вернет себе способность производить новые пепломоты.

Инессер фыркнула.

— Дело не только в системе Истейя, — сказала она. — Вы думаете о деталях, верховный генерал. Хотя, стоит признать, мот-верфи — это очень крупные детали. Но в нашей работе… — она говорила с ним почти как с равным, — …мы не можем позволить себе отвлекаться от общей картины. Нет. У меня есть предложение.

«Общая картина» могла означать любую из шестидесяти миллионов различных вещей в зависимости от контекста. Брезан холодно улыбнулся ей.

— Что же такое срочное вынудило вас признать мое существование после того, как наш последний контакт прошел столь неудачно?

Девять лет того, что генерал Рагат, редко прибегавший к эвфемизмам, назвал «тушением пожаров». Протекторат и Конвенция изодрали общие границы в клочья, и единственным, что заставило их приостановить военные действия,

было осознание того, что сопредельные державы без колебаний проглотят обоих, стоит им ослабить бдительность. Все, от Хафн до таурагов, отгрызали себе куски пограничной территории. Хафн отвлеклись из-за внутреннего кризиса, но были и другие. И даже тогда перемирие едва не наступило слишком поздно.

— Мы никогда не будем друзьями, — сказала Инессер. — Но могли бы стать отличными союзниками.

— Чушь собачья, — невозмутимо ответил Брезан. — Какими еще союзниками?

Его начинало забавлять, что былой карьерный навык интервьюирования сомнительных кандидатов в офицеры, нынче отточенный дополнительной практикой общения с еще более сомнительными политиками и властителями, оказался полезным в такой момент.

— Мое предложение. — Губы Инессер изогнулись вверх в неожиданном подобии опасной улыбки. — Объединим наши государства под единым знаменем. Это защитит нас от черветрахов-чужаков.

— Черта с два, — парировал Брезан. — Потому что «единое знамя» будет вашим.

— Я изначально не считала, будто вы напроси-

лись на эту должность сами. — Взгляд Инессер не дрогнул, но Миузан напряглась. Брезан заметил это краем глаза. Инессер должна была выспросить у сестры все, что та знала о нем. Зная Миузан, она без колебаний выложила все неприятные подробности его детства. В конце концов, он помнил, как она гордилась, когда Инессер выбрала ее в свой штаб. И кроме того, она была настоящим Кел, а не «падающим ястребом».

— Может, и так, — сказал Брезан, не обращая внимания на едва заметное подергивание бровей Фиамонор: «Не надо это признавать!» — Но я в достаточной степени Кел, чтобы исполнить свой долг. Сомневаюсь, что вы можете предложить мне что-то настолько хорошее, чтобы я поднял лапки и сдал своих людей вашим.

— Как часто вы играете в джен-цзай? — спросила Инессер.

Почему все, кто встречался с ним в первый раз, задавали один и тот же гребаный вопрос? Он улыбнулся генерал-протектору. Если она не собирается деликатничать, то и он не понимает, почему должен это делать.

— Я не играю. Я посылаю вместо себя гекзарха Микодеза.

— Ха. — Она улыбнулась в ответ, совершенно

не смутившись. — В этом раунде вы проиграете.

Ее анданская родословная проявила себя.

— Ближе к делу, — сказал Брезан.

— Да, — сказала Инессер. — Я хочу, чтобы Конвенция признала «Три пустельги, три солнца».

Интересно. Она не претендовала на преемственность относительно старого режима. Это был неприкрытый личный захват власти. Брезан хлопнул ладонями по столу и встал. Пламя свечей дрогнуло, вода выплеснулась через край чаши.

— Нет, — сказал он.

— Взамен, — продолжила генерал-протектор, словно не расслышав. — Протекторат примет ваш календарь.

Брезан замер.

— Это очень интересное предложение.

— «Интересное» было бы преуменьшением. Здесь лучше подходит слово «беспрецедентное».

Инессер поднялась так, что ее голова оказалась на одном уровне с его головой, хотя движение было сдержанным и грациозным.

— Вы меня услышали, — сказала она. С величайшей осторожностью генерал-протектор сняла левую перчатку, потом правую и протянула ему.

Он уставился на перчатки, как будто они превратились в слизняков, потом на ее оголенные

руки.

— Вы же это не всерьез.

— Она серьезно, — тихо сказала Тсейя, не обращая внимания на то, что Брезан только что нанес Инессер смертельное оскорбление. Ни один здравомыслящий человек не усомнился бы в словах Кел, снявшего перчатки. (Это происходило постоянно в драмах и театре.)

Инессер, то ли лучше владевшая собой, то ли привыкшая к оскорблениям со стороны случайных «падающих ястребов», снова усмехнулась.

— У вас будет место в моем правительстве. И у вашего премьера тоже. Там полно работы для всех, пламя свидетель. Если вы этого хотите. Я думаю, что даже если вы не пожелаете участвовать, ваши последователи будут настаивать на этом.

Это было впечатляющее предложение. Почему же тогда она привела с собой двух человек, которые гарантированно отвлекали его?

Он указал на Тсейю и Миузан.

— А какова их роль?

— Демонстрация доброй воли, — сказала Инессер. — И напоминание о том, что то, что было разделено, может быть снова объединено.

Красноречивый удар. Он знал, что не должен выдать свои чувства.

«А теперь еще один вопрос. Не дай ей учуять запах крови».

— Как вам удалось уговорить Рахал пойти на это?

— Рахал, черт возьми, — сказала Инессер. — Что касается большинства членов фракции, то один свод правил Доктрины не так уж сильно отличается от другого, пусть им и придется обновить все свои бланки. А вот с Андан и Видона возникли трудности в плане следования за остальными.

Тсейя скривилась.

— Ну да, разумеется, — сказала она. — Шуосы, вероятно, сейчас очень забавляются, наблюдая за анданской междоусобицей.

Учитывая то, что Брезан знал о ее семье, он мог только догадываться, что там происходит.

— На самом деле, — заметила Инессер, — это не так уж трудно, когда владеешь всем оружием.

Что-то тут не сходилось.

— Вы могли бы сделать это же самое предложение… ну, может быть, не девять лет назад, — сказал Брезан.

Даже если большинство Кел тяготело к Инессер, с ее возмутительно безупречной репутацией, ей пришлось консолидировать власть так же, как и ему. Он читал отчеты о демонстрациях, проте-

стах, случайных кровавых убийствах; некоторые из них были устроены Микодезом, некоторые — его собственными агентами.

— Даже если первый контакт заставил вас поколебаться… — Он кивнул на Миузан, хотя она не ответила на его жест, — вы должны были придумать такой вариант до того, как чужаки двинулись на нас обоих. Так что же изменилось? Почему именно сейчас?

— Вы хотите сказать, нет? — спросила Инессер.

— Я ничего не скажу, пока не пойму, что это значит для вас, — ответил Брезан, — включая избранный вами момент.

— Вы не зря беспокоитесь, — сказала Инессер без тени человеческих эмоций вроде стыда или смущения. Брезан уже начал подумывать, не соорудила ли ее какая-нибудь команда инженеров из огня, порохового дыма и металла, добытого в сердце мертвых звезд. — На самом деле момент и впрямь важный. Я думала, есть вероятность, что гекзарх Нирай Куджен погиб вместе с остальными. Но недавно я получила известие, что он сбежал — и что он намерен восстановить гекзархат. Тот гекзархат, каким он был до того, как Джедао освободился от Командования Кел и сделал все возможное, чтобы разрушить старый

порядок, сражаясь с Хафн. Нам необходимо срочно выступить против паразита.

Он получил от нее две порции информации. Первая, и менее полезная, заключалась в том, что Инессер знала о Куджене. Учитывая ранг и старшинство Инессер, это его не удивило. Вторая — в том, что у нее были разведданные о Куджене. Это при условии, что на них можно положиться.

— Источники, пожалуйста, — сказал он.

Миузан нахмурилась: брат опять поставил под сомнение надежность Инессер. Генерал-протектор успокоила ее взглядом.

— Вы правы, что хотите проверить, — сказала она. — Я все расскажу, если согласитесь.

Тупик. Микодез наверняка захочет все узнать, так что придется выяснить позже. Но сначала…

— Что вы имеете против Куджена?

— Значит, вы о нем знаете.

Брезан пожал плечами.

— Меня проинструктировали.

— А что, — спросила Инессер резким тоном, — я кажусь вам его естественным союзником?

— Вы служили гекзархату еще до того, как появились на свет мои родители, — мягко напомнил Брезан. — Если вы собирались что-то сделать с Кудженом, почему не поступили так раньше?

— Потому что когда я была намного моложе, — сказала Инессер, — и намеревалась сделать себе имя, Командование Кел поручило мне охранять его. Я видела, что он сотворил с теми, кто оказался в его власти.

— Не понимаю, как гекзарх может плохо обращаться со своим народом на протяжении долгого времени, — проговорил Брезан, выуживая информацию.

Кривой изгиб ее рта подсказал, что генерал-протектор видит его насквозь, но она все равно предоставила больше подробностей.

— Я не про техников и исследователей. Я про подопытных. Помню, я подумала, что у него есть коллекция прекрасных куртизанок — лучше, чем могли бы предоставить Андан. Но они вовсе не были куртизанками. Во всяком случае, изначально не были. Ему просто нравилось окружать себя красивыми вещами. Большинство из них начинали как свободные еретики. Некоторые были военнопленными, потерявшими шанс вернуться домой.

— Ну, — сказал Брезан. — Командование Кел вообще редко отправляло кого-нибудь домой, и точка. — Это он хорошо помнил. Захват военнопленных тоже был редкостью, но не стоило

говорить об этом Инессер.

Генерал-протектор на мгновение закрыла глаза. Когда она их открыла, ее лицо было искажено ужасом.

— Я стояла рядом, — проговорила она, — и позволяла ему делать со своими питомцами то, что он делал. Потому что таков был мой приказ. Несмотря на это… они заслуживали большего.

Брезан взвесил ее слова. Так вот почему она думала, что сможет работать с «падающим ястребом». Потому что помнила время, когда сама жалела, что не стала такой.

— Прекрасно, — сказал Брезан, протягивая руку к перчаткам Инессер и благоговейно складывая их. — Я в деле. Расскажите мне все.

13

Планы Джедао относительно Истейи пошли наперекосяк с неожиданной стороны. Он тщетно пытался выделить время, чтобы побыть на стрельбище, не мешая тренировкам своих солдат. Он хотел знать, насколько хорошо владеет огнестрельным оружием, не заставляя всех смотреть на свои безуспешные попытки зарядить служебный пистолет. Не повезло. В конце концов, когда цель была уже близка, он сдался и направился к командному центру — и тут аугмент внезапно полыхнул впечатляющей болью: «Гекзарх требует вашего присутствия».

Ну надо же, именно сейчас? Если Куджен передумал, момент ужасно неподходящий. Но он не мог просто сказать гекзарху «нет». Стиснув зубы, Джедао развернулся и направился не в каюту Куджена и не в конференц-зал, а в один из доков для челноков.

Куджен ждал его, одетый в самую практичную одежду, которую Джедао когда-либо видел на нем: простую черно-серебристую униформу Нирай, дополненную серыми перчатками, как

будто он притворялся обычным техником. Только неуставные украшения, в том числе длинные серебряные серьги и ожерелье из полированного гагата, выдавали его. Лисы свидетели, Куджен не мог просто взять и отказаться от всех личных украшений.

Выйдя из лифта, Джедао прищурился. Один из челноков готовила к запуску смешанная группа из Кел и Нирай. Он не отдавал таких приказов, а значит, это сделал Куджен. Столь же показательным образом никто не приветствовал его, когда он появился.

— Небольшое изменение в планах, — сказал Куджен.

«Уже бросаете командный мот?» — едва не ляпнул Джедао.

— Скажите же, в чем дело.

Куджен разгладил несуществующую морщинку на правой перчатке.

— Я тебе не нужен, чтобы вести сражение. Кроме того, я не люблю оказываться рядом с календарной гнилью. Я буду наблюдать с безопасного расстояния.

— Но почему? — настаивал Джедао. — Боитесь оказаться на борту своего прекрасного прототипа, когда его подстрелят по моей вине?

— Этого не будет, — возразил Куджен. — Ты отлично справишься. Но все пойдет еще лучше, если тебе не придется беспокоиться обо мне. Однако я позаимствую одну из тактических групп для моей личной защиты.

Джедао это пока не беспокоило. Какое бы численное преимущество ни было у Конвенции, сдвиговая пушка восполнит его.

— Тогда возьмите Вторую тактическую, — сказал он. — Если верить ее послужному списку, Нихара Керу — лучший коммандер из всех возможных.

Еще одно соображение, хотя он и не сказал этого вслух, заключалось в том, что Джедао верил в способность Нихары поспорить с Кудженом, если тот попытается сделать какую-нибудь военную глупость.

— Я сообщу коммандеру о ее новых приказах и прикажу «Не отсеченной руке» ждать вас.

— Отлично, — сказал Куджен. — Я больше не буду вмешиваться.

— Генерал Джедао вызывает коммандера Нихара Керу, — сказал он, надеясь, что сеть поможет установить связь.

Ответ пришел незамедлительно.

— Генерал, — сказала коммандер.

Сеть услужливо изобразила ее лицо, хотя из-за какого-то сбоя в системе левая треть изображения была искажена помехами. Надо приказать, чтобы с этим разобрались.

— Я поручаю Второй тактической особое задание, — сказал он. — «Не отсеченная рука» скоро примет челнок с гекзархом на борту. Ваша первоочередная задача — защитить его. Я понимаю, пропуск сражения может вас разочаровать…

Она приняла это хорошо, как он и предполагал.

— Мне всегда было интересно, чем гекзархи занимаются в свободное время. Возможно, я выясню это, пока вы будете уничтожать врага, сэр.

— Хорошо, — сказал Джедао. — Действуйте на свое усмотрение. Если столкнетесь с какой-либо чрезвычайной ситуацией и вам понадобится подкрепление, вызовите меня. Как я уже сказал: приоритет номер один.

— Не беспокойтесь, сэр, — сказала Нихара. — Я поумерю свое келское бахвальство, раз речь идет о благополучии гекзарха.

— Тогда это все. Генерал Джедао, конец связи.

Он также уведомил остальных членов роя на том основании, что другие коммандеры могли подумать, что одна из тактических групп дезер-

тировала.

Затем, несмотря на нетерпеливое желание вернуться к делу, Джедао стоял по стойке смирно, пока Куджен не поднялся на борт челнока. Вот и все. Он отвечал за рой, пока не вернется гекзарх. Момент должен был кружить голову. Вместо этого ему хотелось принять что-нибудь от начинающейся головной боли. Не было времени заскочить в медпункт за обезболивающим, но, если станет плохо, он сможет взять что-то из аптечки на своем месте в командном центре. Дханнет показал ему аптечку вместе с запасами пайков. («Если уж на то пошло, сэр, — сказал он, — то медово-кунжутные батончики — самые сносные. На мой взгляд».)

Благодаря переменной планировке ему не нужно было бежать в командный центр. Просто завернув за угол, Джедао оказался на месте. Красные и янтарные огни сияли на терминалах, отражаясь в глазах членов экипажа. Люди расслабились, когда он появился — они все еще не любили его, но ожидали, что он справится с проблемой.

Естественно, коммандер Талау сообщили ему еще об одном осложнении. Они сухо отсалютовали генералу.

— Сэр, — сказали Талау, — результаты сканирования доступны для вашего ознакомления. В системе три роя, а не два. Мне пришлось остановить наступление.

— Хорошо, — сказал Джедао, направляясь к своему месту. Нет смысла мчаться галопом навстречу неприятностям. — Передайте мне подробности.

Ему следовало бы уделять больше времени литературе, связанной с чтением показателей сканирования, которые сделались куда сложнее, чем раньше. Он был очарован учебниками, которые выуживал из сети, но ему приходилось одновременно изучать календарную механику и многое другое. Для всех тем, которые Джедао понимал инстинктивно, ему не хватало встроенного указателя. Попытка скомпилировать его путем зубрежки удалась лишь отчасти.

Рядом с Джедао откашлялся Дханнет.

— Вам нужна помощь, сэр?

Джедао привык к тому, как напрягается команда всякий раз, когда Дханнет привлекает к себе внимание, даже если ему никак не удавалось понять, в чем причина.

— Передайте результаты сканирования на субдисплей номер два, пожалуйста.

Двумя ожидаемыми роями были «Разрушенный мост» генерал-майора Хойрана и «Круг из перьев» бригадного генерала Эбенина. Первый притаился рядом с той самой важнейшей мот-верфью Истейи. Последний отдалился от нее, занимаясь патрулированием.

«Разрушенный мост» содержал около восьмидесяти знамемотов; «Круг из перьев» — около пятидесяти. Неприятное число, поскольку Джедао предпочитал превосходить противника числом, но он заранее знал, что ему не позволят такой роскоши. Значит, ему все-таки придется положиться на сдвиговую пушку.

— А что за третий рой? — спросил он.

Третий рой, если верить показателям сканирования, включал в себя, по меньшей мере, двести знамемотов, а возможно, и больше. Что встревожило Джедао еще сильней, самый громкий формант принадлежал пепломоту, иначе он съел бы свои сапоги. После переподготовки — прослушав курс по чтению показателей сканирования, даже он смог идентифицировать волну сигнала мот-двигателя, принадлежащего пепломоту с ее острыми пиками — и это вселяло ужас.

Более того, закрыв глаза, Джедао обнаружил, что ощущает расположение роев. Чем бы ни было

иное чувство, оно давало ему более точное представление о местонахождении каждого мота. Боемоты были большими и, как следствие, обладали большой массой. Это если предположить, что он воспринимает реальность, а не галлюцинирует. Джедао надеялся, что ему не придется проверять это на практике.

«Как это работает? — спросил он, обращаясь к голосу, который говорил с ним раньше. — Почему я “вижу” распределение, отличное от того, что дает сканирование?»

«Сканирование обнаруживает эмиссию мот-двигателя, — ответил голос, обезоруживающе любезный. — Мы с тобой ощущаем рябь пространства-времени. Это как разница между зрением и слухом: два разных носителя информации».

«Почему ты мне помогаешь?» — спросил Джедао, гадая, будет ли от прямоты какой-нибудь толк.

«Ты собираешься уничтожить мот-верфь. Не делай этого. Найди способ спасти ее».

Джедао колебался.

«Мне нужна причина».

«Моты умрут, если ты выполнишь план гекзарха. Они молоды. Некоторые из них очень молоды даже по человеческому летоисчислению».

«Они бы сражались с нами, если бы могли, не так ли?»

«Да».

«Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Джедао, — но сначала я должен разобраться с этим роем».

Тем временем дежурный по сканированию обеспокоенно тыкал пальцами в интерфейс.

— Идет сопоставление образцов, — сказал он.

В этой части иное чувство не могло ему помочь, потому что анализ основывался на формантах, а не на массах как простых фактах. Форманты мот-двигателей изменялись с течением времени. Это было следствием не только биологических процессов в ядре любого мота — они росли и деформировались по мере старения, — но и полученных повреждений, произведенных ремонтов, установленных обновлений. Кел внесли сигнатуры двигателей всех боемотов в базу данных. Поскольку ни Протекторат, ни Конвенция в настоящее время не поддерживали связь с Кудженом, его базы медленно, но неизбежно устаревали.

Джедао не видел никакого смысла в том, чтобы изводить дежурного по сканированию, заставляя его работать быстрее. Если бы мужчина еще

пристальнее вглядывался в свой терминал, его глаза бы усохли. Вместо этого он с помощью Дханнета просмотрел стратегические обзоры разведданных, которые удалось вытянуть из людей Куджена. Департамент стратегии надеялся, что общая нехватка надежных Кел в Конвенции в сочетании с количеством целей будет означать, что они оставят в Истейе силы обороны, с которыми можно будет справиться. Урок состоял в том, что никогда не следует основывать стратегию на надежде.

Но даже в этом случае Джедао не волновался. Овладевшая им спокойная уверенность беспокоила больше, чем сама ситуация. Возможно, Куджену и нравилось рассказывать, сколько сражений он выиграл, но поскольку сам Джедао не помнил ни одного из них, это был фактически его первый бой. С другой стороны, независимо от того, была ли уверенность оправданной или нет, он не хотел пугать свою команду.

В чем же заключалась проблема? Его команда и так уже порядком испугалась.

«Чего мне не хватает?»

Дежурный по сканированию сглотнул, прежде чем обернуться и посмотреть на него.

— Сэр… Полное совпадение сигнатур. Пепломот

— это «Три пустельги, три солнца».

— Инессер, — с тоской выдохнула Мераун, старший помощник. Трудно было не расслышать: «Наш законный лидер».

Вся команда наблюдала за ним.

Джедао понимал, что это значит. Его противник был не просто генералом Кел. Это был старший полевой генерал прежнего гекзархата и глава Протектората. И она привела пепломот, названный в ее честь.

— Дайте угадаю, — сказал Джедао. — Они уже транслировали знамя?

— Если мы подойдем поближе, они это сделают, — сказали Талау. До сих пор Талау неплохо удавалось сдерживать отвращение к Джедао, когда рой собирался вступить в бой, и генерал это оценил.

Джедао проверил сводку состояния. К этому времени Вторая тактическая была уже вне досягаемости, и непосредственная опасность ей не угрожала. Он откинул голову назад и ухмыльнулся.

— Начнем.

— Сэр, — резко сказали Талау, — если Инессер и рой Конвенции готовы сотрудничать друг с другом, у них более чем достаточно знамемотов,

чтобы задействовать любое количество больших формаций. Не говоря уже о политических последствиях.

— Я знаю, — сказал Джедао, и кровь его запела. Битва почти началась. Он чувствовал ее вкус. — Это придаст им уверенности, что они могут победить нас.

Никто тактично не упомянул, что другая сторона и впрямь на такое способна.

Кел, возможно, и были вынуждены подчиняться приказам, но это не означало, что они не могли задавать вопросы. У Джедао имелась панель с крошечными треугольниками, которые один к одному соответствовали каждому моту в его рое. Он запомнил, какой меткой обозначены каждый мот и каждый коммандер. Прямо сейчас большинство из них горели, демонстрируя, что коммандеры хотят поговорить с генералом.

На хрен метки.

— Связь, — сказал Джедао, впечатленный тем, что голос не дрогнул, — откройте общую линию для всех коммандеров.

— Линия открыта, сэр.

Что же он должен…

— Генерал Шуос Джедао всем коммандерам мотов, — слетело с его губ. Что ж, лучше продолжать

говорить, иначе он заставит всех еще больше нервничать. — Мы засекли «Три пустельги, три солнца» и считаем, что Протекторат и Конвенция объединились, чтобы дать нам отпор. К несчастью для них, они должны пройти через меня, прежде чем смогут добраться до вас.

«Я что, улыбаюсь? Кажется, я улыбаюсь. Что, черт возьми, со мной не так?»

Хватит дерзости и бахвальства.

— Всем боевым подразделениям: формация «Волнорез». Коммандер Талау, покиньте опорную точку, но не уводите «Ревенант» так далеко, чтобы враг не смог нас хорошо рассмотреть. Рой будет продвигаться к пределу стационарной обороны станции Истейя, пока рои защиты не отреагируют и я не прикажу иное.

Он рассчитывал, что «приказать иное» понадобится очень скоро, поскольку не мог себе представить, что генерал-протектор Инессер будет спокойно сидеть и наблюдать, но не стоило сбивать коммандеров с толку своими мыслительными процессами.

— Подтвердите.

Панель загорелась еще ярче, когда коммандеры мотов начали отсылать подтверждения. Джедао беспокоился, что сведение каждого коммандера

к треугольнику света в матрице затруднит их запоминание как людей, каждый из которых командует кораблем и экипажем. Но всякий огонек, похожий на пламя свечи, был таким же отчетливым и запоминающимся, как лицо. Коммандер Талау, как и подобает старшему командеру мота, возглавляли первую колонку, а остальные записи в ней соответствовали знамемотам Первой тактической. Коммандер Нихара Керу возглавляла вторую колонку, которая соответствовала мотам Второй тактической группы; ее колонка оставалась темной, потому что коммандер перешла в подчинение к Куджену. Третья колонка представляла Третью тактическую, и так далее. Рядом с коммуникационной панелью располагалась панель идентичного формата, которая позволяла ему быстро оценить визуальное состояние мотов. Моты, получившие повреждения, высвечивались на ней красным с разной интенсивностью. Прямо сейчас она лучилась желто-зеленым, указывая, что моты находятся в процессе модуляции — перестраиваются в необходимую формацию.

Рою Джедао не потребовалось много времени, чтобы вызвать желаемую реакцию.

— Сэр, — напряженным голосом произнес де-

журный по связи. — «Три пустельги, три солнца» открыли для нас линию. Спрашивают о переговорах.

Ну почему бы и нет? Джедао и представить себе не мог, что что-то, сказанное врагом, заставит его отказаться от своей миссии.

— Коммандер Талау, — сказал он. Можно воспользоваться этим, чтобы выжать информацию из противника. — Ответьте вместо меня.

Мераун бросила в его сторону хмурый взгляд. Остальная часть командного центра погрузилась в неловкую тишину.

— С удовольствием, сэр. — На этот раз в голосе Талау прозвучал энтузиазм. — Связь, соедините меня с «Тремя пустельгами, тремя солнцами».

Джедао тоже подключил соответствующий дисплей к своему терминалу. Таким образом, он получил великолепный вид на знамя «Трех пустельг, трех солнц» вместе с особым заголовком, который означал, что это была прелюдия к переговорам, а не к битве. (В сколько ненужных войн Кел ввязались из-за того, что другая сторона не понимала их суетливых представлений о приличиях? Есть что поискать позже.) Три черные пустельги, очерченные золотом, соприкасались кончиками крыльев над тремя золотыми солн-

цами, расположенными в виде треугольника, балансирующего на вершине, как перевернутая гора. Фон был синим, почти анданским, необычным для фракции Кел.

«Ответила Инессер собственной персоной?» — подумал Джедао. Это могло оказаться интересным.

Перед ним появилось неулыбчивое лицо Инессер. Ее форма, в полном парадном режиме, почти безупречно отражала форму Джедао. Единственным отличием было пустое место, где он носил эмблему «глаз Шуос» под генеральскими крыльями. И, конечно, медали. У нее было гораздо больше медалей, чем у него.

— Это генерал-протектор Кел Инессер, — сказала женщина. Голос у нее был низкий и резкий. — Так вот куда вы исчезли, Талау.

Черт, он уже облажался. Джедао мысленно пнул себя. То, что из-за амнезии все были чужаками для него, не означало, что они не знакомы друг с другом.

По командному центру пробежал электрический ток. Кел нуждались в Инессер. Они были крайне недовольны тем, что им пришлось выступить против нее. Он должен разобраться с этим как можно быстрее.

Хуже того, в какую сторону прыгнет Талау? Альт не скрывал неодобрения в адрес Джедао.

Талау, сосредоточенные на разговоре, не заметили внезапного смятения своего генерала.

— Генерал, — произнесли Талау, и голос альта стал более глубоким и не очень дружелюбным. Что не менее важно, они сказали «генерал», а не «генерал-протектор». — Советую вам отступить.

Инессер прищурилась, глядя на Талау.

— Я бы никогда не приняла вас за «падающего ястреба», коммандер.

Талау даже не вздрогнули от ее интонации.

— Я перед вами не отчитываюсь. — Одна из рук альта сжалась в кулак.

Джедао был уверен в двух вещах. Во-первых, Талау чувствовали, что они обязаны хранить верность кому-то в рое. Во-вторых, это не был Джедао. Тогда кто же?

Талау бросили взгляд в сторону. И тут Джедао понял. Талау не беспокоились о Джедао. Талау беспокоились о Дханнете.

«Друзья? — удивился Джедао. — Любовники?» Секс между ястребами был запрещен, но это не означало, что его не было.

Заговорила Инессер. Ее голос стал резче.

— Либо подчинитесь надлежащим властям

Кел, либо немедленно покиньте эту систему, коммандер.

— Возможно, нам следует пропустить любезности и перейти прямо к стрельбе, — сказали Талау.

«Лиса и пес, — подумал Джедао со смесью ужаса и восторга, — Талау травит ее». Отлично.

Инессер выгнула бровь.

— Если вы этого хотите. Генерал-протектор Инессер, конец связи.

— Ну, — сказали Талау, — это было быстро.

Мераун постучала пальцами по краю своего терминала.

— Я знаю генерала. Она не будет тратить время на разговоры, когда есть выскочки, которых нужно раздавить.

Неужели все, кроме него, знают Инессер? Или — ужасная мысль — он тоже знает Инессер? Еще одна вещь, которую надо было проверить раньше. Но теперь уже ничего не поделаешь.

Голос связиста звучал, вне всяких сомнений, мрачно.

— Все противники транслируют знамя «Три пустельги, три солнца», сэр.

Джедао знал, что это значит. Конвенция передала контроль над своими силами Инессер,

пусть даже только на время этой битвы. Если он правильно понял ситуацию, то это не был переворот в пользу Инессер, какой мог бы случиться при старой системе. Кел в Конвенции служили добровольно. Если они решат, что Инессер злоупотребляет своей властью над ними, то могут уйти.

— Что ж, — протянул Джедао, — если генерал-протектор Инессер хочет сражаться, мы будем сражаться.

Он не упустил из виду, как люди слегка расслабились, когда он использовал титул Инессер. Тот факт, что он намеревался ее отколошматить, не давал право на случайные оскорбления. Впрочем, он уже перестал надеяться на разумные ожидания всех прочих относительно себя самого.

— Передайте всем подразделениям, чтобы транслировали знамя «Двойка шестерней» вверх ногами.

Связист моргнул.

— Сэр?

— Вы меня слышали. Переверните его. — Куджен хотел, чтобы он использовал свою старую эмблему, ну и прекрасно. Это не означало, что он не мог изменить знамя, чтобы посеять смятение. Во всяком случае, такой шаг казался уместным.

Может быть, если каким-то чудом он однажды восстановит свои воспоминания, то сможет вернуться к знамени в нормальном виде.

— Одну минуту, сэр. — Связист передал инструкции.

— Вражеский рой удерживает позицию, — сказал дежурный по сканированию.

— Сэр, — сказал связист, и дрожь в его голосе выдавала замешательство, — генерал Инессер снова просит о переговорах.

— Да неужели, — сказал Джедао. — Я это позволю. На этот раз она будет говорить со мной.

Он еще раз взглянул на эмблему Инессер, которая, надо признать, была очень хороша. Можно ли испытывать зависть к эмблемам? Если так, то его случай — тяжелый. Он все еще не мог свыкнуться с мыслью, что люди находят пару несовместимых шестеренок угрожающей.

— Джедао, — выдохнула Инессер в тот момент, когда установилось соединение, и по напряженному тону можно было предположить, что, как бы мало он ни знал ее, она знала его очень хорошо. — Я полагаю, тебе так удобнее. Или теперь тебя надо звать Черис? Запутаться нетрудно.

Черис была той женщиной, которая сбежала с его воспоминаниями. Что имела в виду Инессер,

говоря «так удобнее»? Неужели она думает, что он — Черис, после нескольких модов? Джедао вдруг стало очень любопытно, что же задумала эта Черис.

— Просто Джедао, — сказал он самым дружелюбным тоном. — Я могу вам чем-нибудь помочь? Потому что, если не ошибаюсь, мы уже передали свое знамя. Будет стыдно, если все эти враждебные намерения пойдут прахом.

— Не морочь мне голову, — сказала Инессер. — Я так и знала, что твое исчезновение ничем хорошим не закончится. Ты в курсе, что Командование Кел уволило тебя с позором?

А в курсе ли он? Но Джедао не осмеливался признаться в своем невежестве, и, что более важно, скучающие лица его Кел подсказывали, что он может спокойно игнорировать это обвинение.

— Вы обвинили моего коммандера в том, что он «падающий ястреб», — сказал Джедао. — Или извинитесь перед ними, или давайте драться.

— Ты серьезно? — сказала Инессер после многозначительной паузы.

А почему бы и нет? Она оскорбила его старшего коммандера. Это отражалось и на его чести. Неважно, что он Шуос; его честь была честью его роя. Он молчал, пристально глядя ей в лицо.

— Джедао, — сказала Инессер, — даже не надейся давить на меня за счет срока службы в несколько столетий. Потому что единственные два человека, которые имеют разумные основания требовать отмены твоего увольнения, — это я и верховный генерал Брезан. А верховный генерал — мой союзник.

— Это не похоже на извинение, — ответил Джедао. — Скажите что-нибудь по делу, или мы откроем огонь. — Он взглянул на Талау. Альт не выглядел обескураженным, но Джедао и не ожидал такого. Это был вопрос принципа, вот и все.

Мераун поморщилась; Дханнет покачал головой. Хорошо, что хоть кто-то в него верит. Инессер либо тянула время, либо пыталась выудить информацию. Она значительно превосходила его численностью, что было немаловажным соображением даже в космосе, хотя бы потому, что наличие большего количества боемотов давало доступ к более многочисленным и смертоносным формациям. Если она не пошла в атаку, то только потому, что считала, что у него есть преимущество. Но у него не было ни времени, ни желания объяснять это команде. Либо он докажет свою эффективность, либо они потерпят поражение — освежающе простой набор альтернатив.

— Было время, когда я полагала, что ты вступил в этот безумный крестовый поход с добрыми намерениями, хотя и с плачевными результатами, — сказала Инессер. — В твоем манифесте это достаточно ясно сказано. Но это? В годовщину убийства гекзархов? Девять лет мы восстанавливали хрень, которую ты разнес на куски, а ты пытаешься снова ввергнуть все в хаос.

В записках Куджена ничего не говорилось о том, что Джедао несет личную ответственность за разрушение гекзархата, или о манифесте. С другой стороны, проблема с амнезией заключалась в том, что он мог нести ответственность за что угодно — от государственной измены до нехватки солений на восьмом знамемоте Третьей тактической.

Более того, на этот раз его команда вздрогнула. Он не мог позволить словам Инессер еще больше деморализовать их.

Это внезапно привело Джедао к осознанию того, что он не был целью этого разговора. Разговор с ним был для Инессер предлогом обратиться к его солдатам. Она маневрировала на совершенно другом поле боя. Внезапно генерал-протектор ему понравилась; ему захотелось, чтобы они встретились лицом к лицу, чтобы она стала его

наставницей. Но у него был долг перед Кудженом и его Кел, и он намеревался выполнить его.

— И опять я не услышал слова «извините», — сказал Джедао. — До свидания, генерал-протектор Инессер.

Он жестом приказал дежурному прервать связь.

— Дежурный, передайте всем мотам. Это генерал Джедао. Возобновите продвижение с ускорением тридцать восемь процентов.

Это должно было привести их к внешнему периметру, намеченному департаментом стратегии, в течение следующих двадцати трех минут.

На панели перед ним быстро замигали огни подтверждения. Рой, возможно, и не горел желанием встретиться с Инессер, но и не сопротивлялся.

— Сэр, — сказал дежурный по вооружению, лейтенант с мягким круглым лицом, как будто слепленным из рисового теста, — рой генерала Инессер, похоже, принимает формацию «Ярость буревестника».

Дежурному не пришлось пояснять, что им не стоит оказываться на пути результирующей ударной волны, когда модуляция завершится. Сканирование подтвердило, что знамемоты

Инессер строились с пугающей точностью. Из записей Куджена у Джедао сложилось впечатление, что генерал-протектор Инессер и верховный генерал Брезан не ладят друг с другом. Неужели Куджен или его информаторы ошиблись? Если Конвенция и Протекторат привыкли к совместным операциям, то у них проблемы посерьезнее, чем предполагали стратеги.

— Специальный приказ для коммандера Чвен, — сказал Джедао, борясь с искушением говорить быстрее. Ему нужно было сохранять спокойствие. Чвен командовал вторым боемотом в Первой тактической. — Через мгновение «Ревенант» пойдет в атаку. Когда это произойдет, вы займете основную опорную точку формации до дальнейшего уведомления.

Может быть, у него и не так много боемотов, как у Инессер и ее друзей, но их достаточно, чтобы один мот, оказавшийся не на своем месте, не привел к вырождению геометрии формации в нечто бесполезное.

Как он и ожидал, панель загорелась, показывая, что у коммандера есть вопрос. Джедао был твердо убежден, что Чвену нужно научиться доверять — и лучше раньше, чем позже. Приказ был достаточно ясен.

— Коммандер Чвен, — холодно добавил он, — подтвердите.

Через две секунды огонек стал янтарным. Он предпочел бы получить более быстрое подтверждение, но для начала сойдет и так.

— Особый приказ для «Ревенанта», — сказал Джедао, направляя свое внимание на коммандера Талау. — Оружие, заряжайте сдвиговую пушку.

Надо не забыть послать Куджену благодарственную записку за то, что это орудие, к счастью, активировалось очень быстро.

— По моему сигналу мы пойдем прямым курсом на перехват пепломота «Три пустельги, три солнца».

Он не собирался таранить командный мот Инессер. Это было бы глупо и могло разве что позабавить тех лисьих духов, которые скрывались в космосе, наблюдая за человеческими выходками. Но чем сильнее он ее испугает, тем лучше. В противном случае он мог бы использовать свою репутацию сумасшедшего.

— Курс проложен, — сообщила навигатор. Ее плечи сгорбились.

Джедао хотел бы сказать девушке, чтобы она приободрилась. Но это бы не помогло, потому он воздержался.

— Сдвиговая пушка заряжена, — вслед за этим доложил дежурный по вооружению.

«Не делай этого». Снова потускневший голос.

«Назови мне хоть одну причину, почему бы и нет, — ответил Джедао мысленно, на том основании, что его команде лучше было не знать, что он слышит голоса. Он не видел никаких признаков того, что кто-то еще слышал «Ревенанта». — Я могу попытаться пощадить моты… — Во всяком случае, захваченные моты могли стать полезным ресурсом, как он и планировал подать эту идею Куджену. — …но мне все еще нужно победить врагов».

«Ты можешь победить и без этого. В твоей истории много невероятных побед».

Отлично, теперь корабль делал ему двусмысленные комплименты в виде немыслимо глупых тактических советов. Весь смысл сдвиговой пушки состоял в том, что он мог использовать ее для атаки на враждебную календарную местность. Конечно, у него не было намерения вторгаться в пространство Конвенции.

Корабль неохотно добавил: «Пушка причиняет мне боль».

«У меня не так уж много вариантов», — сказал Джедао.

Огромный рой Инессер не продвинулся далеко; в этом не было необходимости. Джедао изучил подробные, красиво отформатированные отчеты о характеристиках сдвиговой пушки. Он подождал, пока враг заденет невидимую растяжку, которую он наметил заранее, а затем сказал:

— Вперед.

«Ревенант» загудел, устремляясь к «Трем пустельгам, трем солнцам». Вибрации ощущались через кресло, несмотря на то, что паутинные ремни удерживали Джедао на месте. Талау наклонились вперед, внимательно изучая один из субдисплеев. Мераун, со своей стороны, выглядела исполненной жестокой радости. У Джедао создалось впечатление, что ее не многое могло выбить из колеи.

— По моей команде, — сказал Джедао, — стреляйте из сдвиговой пушки.

Он поблагодарил того, кто дал ему аугмент. Осознание внутреннего тиканья позволяло точнее отмерять время, чем если бы пришлось смотреть на какой-нибудь хронометр.

Рой Инессер уплотнялся, моты занимали опорные точки. Ближе, ближе, ближе…

— Огонь, — сказал Джедао.

Дежурный по вооружению поморщился и

ткнул в одну из кнопок.

— Сдвиговая пушка выстрелила.

Ни взрывов, ни фейерверков. Но Джедао невольно прикусил язык от внезапного мучительного шума в голове. Во рту появился приторный привкус крови. Он услышал, как «Ревенант» кричит: «Выключи ее!» По крайней мере, это он попытался сказать.

— Сэр? — нехотя спросили Талау. — Не могли бы вы уточнить?

Голос альта как будто доносился издалека, сквозь множество слоев паутины.

«Я пытался предупредить тебя», — проскрежетал «Ревенант».

Это только усилило боль, заполнившую череп Джедао. Если станет еще хуже, у него отвалится голова. И он с радостью согласился бы на что угодно, если бы оно избавило его от боли.

Рев стих, а вместе с ним и боль. Все в командном центре смотрели на генерала так, словно у него выросли жабры, за исключением дежурной по доктрине, которая сгорбилась, стараясь выглядеть незаметной. Это отвечало на вопрос, может ли кто-нибудь еще слышать шум или «Ревенанта».

Более того, его реакция нарушила работу ко-

мандного мота. Непростительно. Лицо Талау исказилось от гадливости, пока альт боролся с каким-то внутренним решением.

— Коммандер, — хрипло проговорил Джедао, — не обращайте на это внимания. Сканирование, статус генерал-протектора Инессер?

— Полный коллапс формации, — с благоговением произнес дежурный. — Все перемешалось, как в тот раз, когда мой малыш-кузен и кошки отыскали тайник с пряжей моего брата.

Дханнет уже увеличил для Джедао соответствующую область тактического субдисплея. Рой мотов был в беспорядке, необходимая геометрия нарушилась. Если точнее, сдвиговая пушка растянула плетение, лежащее в основе пространства-времени. Моты соответственно переместились.

Джедао ничего так не хотелось, как забраться обратно в постель и проспать целый год или до тех пор, пока боль не пройдет. Но он еще не закончил.

— Связь. — Он не был уверен, что слова вырвались из его горла, пока мужчина не выпрямился, ожидая приказа. — Скажите генералу Инессер, что она может согласиться на встречу для обсуждения условий, или…

Дежурный отвлекся и судорожно сглотнул.

— Сэр, сообщение от гекзарха.

Джедао продолжал говорить:

— …пусть она посмотрит, как я расчленяю ее рой на такие крошечные кусочки, что собрать его заново можно будет только пинцетом. Ей выбирать. — Если повезет, она обсудит условия. Он не хотел убивать больше людей, чем это было абсолютно необходимо.

Неверный ход. Дежурный, сообразив, что Джедао не обращает на него внимания, вместо него передал сообщение коммандеру Талау. Изображение Куджена вспыхнуло перед Талау, почти посредине командного центра.

— Отмена распоряжения, — произнес Куджен голосом, подобным черному льду. — Коммандер Талау, освободите генерала Джедао от командования. Роем на время битвы руководите вы. Вы должны воспользоваться беспорядком в рядах противника, чтобы уничтожить мот-верфь Истейя и завершить календарный всплеск. Как только вы достигнете своей цели, удаляйтесь и идите навстречу Второй тактической. Ни в коем случае не вступайте в дальнейший контакт с генерал-протектором. Мои инструкции ясны?

Талау резко кивнули.

— Абсолютно ясны, гекзарх. — Потом они улыбнулись. — Доктрина, пусть кто-нибудь сопроводит Шуос Джедао из командного центра. Инструкции гекзарха имеют приоритет.

«Джедао», — сказал «Ревенант», но голос его был слаб.

«Я мог бы воспротивиться», — подумал Джедао. Но он был не в силах одолеть весь командный центр. Вместо этого он сидел и наблюдал, пока не вошли два офицера доктрины. От его внимания не ускользнуло, что оба они были выше его на голову и соответственно массивнее, как будто ожидалось, что он будет бороться с ними.

Джедао снял с себя паутинные ремни и встал.

— Я готов, — сказал он. — Сражайтесь хорошо, коммандер.

Талау не удостоили его ответом.

Выходя из командного центра, Джедао услышал, как Талау отдал приказ разбомбить мотверфь Истейя.

14

В камере имелась скамья, на которой можно было сидеть и спать, а также унитаз. Прозрачный барьер отделял Джедао от остальной части мира. Рядом с его камерой располагалась еще одна. Кел в непарадной форме дремала на своей скамье. Она закинула ботинки в угол, демонстрируя то ли неряшливость, то ли вызов. Или они ей просто были малы.

Первые полчаса он был занят (неужели прошло полчаса? Ему отключили аугмент и, соответственно, хронометр), осматривая камеры в поисках возможных путей выхода и фантазируя на тему того, как эта девушка могла оказаться на гауптвахте. Возможно, она тайком пронесла домашнее животное в казармы, и ее поймали, когда она таскала рисовые комочки для своего хорька/скорпиона/обезьяны/змеи. Может быть, она явилась на учебную тревогу в рубашке, вывернутой наизнанку. Или дремала на дежурстве, или перепутала смазочные материалы для орудийных установок, или…

Она проснулась и уставилась на него. Точнее,

забилась в угол своей камеры, как будто думала, что он может убить ее одним взглядом.

— Привет, — сказал Джедао, надеясь, что его голос звучит дружелюбно. — Что ты такого сделала, что тебя посадили под замок?

Она вздрогнула, когда он обратился к ней.

— Сэр?

Ее голос был приглушен барьером, а значит, и его тоже.

— Скажи мне, почему ты здесь.

Продолжая таращить глаза так, что со всех сторон радужки виднелась белизна, она ответила:

— Мне нравится долго спать. Сэр. Это не очень хорошо сочетается с военной службой. Время от времени я пропускаю побудку и оказываюсь здесь. Говорят, в моем аугменте есть какой-то дефект, но дешевле бросить меня сюда за то, что я облажалась, чем починить эту хрень. — Она прикусила губу, а потом выпалила: — Я постараюсь исправиться, сэр, клянусь! Пожалуйста, не надо… пожалуйста, не надо… — Она замолчала.

Ради лисы и пса, она думала, что оказалась здесь с ним в качестве своего рода личного наказания.

— Я здесь по той же причине, что и ты, — сказал Джедао, отчего ее глаза расширились еще

больше, на этот раз от недоверия. — Нет, не из-за той части, что касается сна. Из-за неподчинения приказу. Прости, что разочаровал тебя.

Конечно, поскольку они оба были здесь, и она все-таки разговаривала с ним, возможно, он мог бы узнать что-то о ней и о простых солдатах, с которыми у него не было возможности общаться. Даже если она, вероятно, предпочла бы, чтобы он оставил ее в покое. Но девушка смотрела на него пристально, и Джедао сомневался, что она расслабится, пока он находится с ней на гауптвахте.

— А тебя не беспокоит, — спросил Джедао, — что тебя снова и снова отправляют сюда?

— Я просто садовый Кел, — сказала она после нерешительной паузы. — Я неплохо справляюсь, когда у меня есть небо над головой, а не все эти стены. Когда действие наберет обороты, дела пойдут лучше для меня. Прошу прощения, сэр.

— «Садовый Кел»?

— Полагаю, никто не использовал этот термин в вашем окружении. Он не из милых.

— Значит, пехота.

Она кивнула, нервничая.

— Много повидала боевых действий на планетах?

— Пара кампаний, — ответила она. — Одна

была действительно интересной. Какой-то гений решил, что неплохо разместить станцию в центре колец планеты — оттуда открывается хороший вид для пристанища художников. Но вы же знаете художников. — Джедао не знал, но ему и в голову не пришло бы перебивать ее. — Они совершили ошибку, транслируя еретические перформансы. Один капрал в моем подразделении добыл пару несанкционированных клипов. Очень красивые штуки, что-то вроде гимнастики. Но мы должны были пойти и взорвать это место, что и было сделано.

Джедао моргнул.

— У тебя не было неприятностей из-за клипов?

— Офицеры обычно не утруждают себя подобными вещами, если только они не излучают ересь наподобие радиации. — Она сглотнула — видимо, только сейчас вспомнила, что он офицер. Или что-то вроде этого. — У них есть занятия поинтереснее.

— Уверен, — сказал он. — Как тебя зовут?

Ее голос дрожал.

— Я Кел Опайра. Мне просто не повезло оказаться здесь, пока идет бой, но могло быть и хуже. По крайней мере, я могу, ну, выспаться. И не похоже, что вы собирались высадить пехоту

на мот-верфь, раз уж планировали взорвать ее, не так ли? Но что вы здесь делаете? Разве вы не нужны в командном центре?

— Очевидно, гекзарх думает по-другому, — сказал Джедао.

Это привлекло ее внимание.

— Вы позволяете ему командовать собой? Разве он не боится вас?

— Насколько я могу судить, нет.

— Вы доверяете гражданскому свою работу?

Похоже, он как-то затронул профессиональную гордость Кел.

— Как ты сумела об этом узнать, сидя здесь? — спросил Джедао. Особенно если она спала?

Опайра покачала головой.

— Они вам мало что говорят, не так ли?

С этим он не мог поспорить.

— Ну что ж, — сказал он, — ты можешь это исправить.

— На самом деле это ни для кого не секрет. — Опайра подняла левую руку. — Здесь имплантат для тепловых импульсов, видите? Барабанный код Кел, основанный на ритме, — с его помощью подразделение может получить информацию о приближении противников или о какой-нибудь другой ерунде. Но можно и поболтать вдоволь,

если заскучаешь.

И, я хочу сказать, не знаю, каково это для кого-то вроде вас, но мы, садовые Кел, частенько скучаем. Ваш аугмент отключили, верно? Однако никто не утруждает себя блокированием тепловых импульсов.

— Которых у меня нет, потому что я не садовый Кел.

— Или вообще не Кел, — прибавила она тихим и жалобным голосом.

Джедао не мог винить ее. Он был не прочь поменяться с ней местами. Побудка (или нет) по сигналу. Трапеза с остальной ротой в указанном зале. Учения пехоты, постоянные друзья по оружию. И постоянное осознание того, что если ты умрешь, то необязательно в одиночестве.

— И все же ты права, — сказал Джедао. — Я не должен оставаться здесь, когда люди могут пострадать.

— Как вы собираетесь выбраться? — сказала она, снова насторожившись. — Нельзя же просто взять и уйти.

— Я не знаю, как работает замок, — сказал Джедао. — Но кто-то же должен знать.

— О, да, — сказала Опайра. — Офицеры Доктрины. Черветрахи, все как один. Прошу прощения.

— А что будет, если мы ввяжемся в драку? — спросил Джедао. Как он мог заставить кого-то выпустить его?

Опайра поморщилась.

— Лучше не надо, сэр. У вас есть… у вас есть некоторая репутация. Я жить хочу.

Хм.

— А как насчет вызова «Скорой помощи»?

— О, это очень старый трюк. Они не клюнут. — Она поразмыслила. — Ну, я думаю, можно разломать нужник или что-то в этом роде, но, честное слово, вы хотите кончить тем, что будете отливать в углу, если гекзарх проявит мелочность? Держу пари, он мелочный тип.

«Я тоже так думаю», — подумал Джедао, но не сказал этого вслух. В конце концов, он только что испытал на себе сводящий с ума произвол Куджена. И Куджен должен следить за ним здесь.

Так или иначе, он осмотрел унитаз. Как и вся мебель, тот был надежно прикреплен к полу. Он не видел никаких очевидных болтов, которые можно было бы попытаться вытащить.

— Ладно, — сказал он, — так дело не пойдет.

— Хорошо, — сказала Опайра чуть увереннее. — Садитесь и ждите, я всегда так делаю.

— О нет, — сказал Джедао, отступая к дальней

стене, но не касаясь ее. Он посмотрел на барьер. Он уже давно обнаружил, что если прикоснуться к нему, то получишь неприятный толчок. — Нет смысла резать руку, ломать ногу или делать еще что-нибудь в этом роде. Гекзарху все равно, смогу ли я держать стило и буду ли ходить самостоятельно. Что ему от меня нужно, так это моя голова. Даже если у него есть хороший действующий генерал в лице Талау. Итак…

Камера была маленькой. Но это давало ему некоторую свободу движений. Он рванулся вперед, ускоряясь так быстро, как только мог, и врезался головой в барьер.

Позади него в тревоге вскрикнула Опайра. Хорошо: если она считает это ужасной идеей, то и тот, кто следит за ним, тоже. На мгновение он увидел яркую звездную вспышку. Резкая боль нагрянула тотчас же.

Он снова попятился, не потеряв равновесия, чему сам изумился. (Растворимый солдат: просто добавь воды.) Повторил маневр снова.

И снова.

И…

— …необратимые повреждения, если вы сами себя контузите! — кричала Опайра. — Не говоря уже о том, в какой бардак придут ваши мозговые

клетки!

Ну да. Такова была идея. Он не мог блефовать. Те, кто за ним следит, смогли бы это определить. Точнее, он надеялся, что смогли бы, потому что в противном случае его действия не имели смысла. Ну что ж, возможно, будет поучительно взглянуть на работу медотсека с точки зрения пациента.

Джедао снова поднялся на ноги…

Он скорее услышал, чем увидел, как барьер отключился: как только он достиг его, раздался гул и изменилось давление воздуха. Он воспользовался иным чувством: кто-нибудь пришел? На самом деле, да. Опустив голову, он развернулся и бросился в атаку.

— Ой, змеетрах! — вскричала новоприбывшая, когда Джедао сбил ее с ног.

«Ха, — подумал Джедао. — Я тоже не знал, что умею так делать».

— Сэр… я имею в виду, Шуос, вы под аре… ой!

К тому времени он уже миновал новоприбывшую, приземистого офицера доктрины. Эмблема в виде волчьей головы на ее груди указывала на то, что она из фракции Рахал. Еще один человек, с которым Джедао был бы не прочь поболтать. Но теперь, когда он сбежал, у него не было никаких причин задерживаться.

Несмотря на упрямое нежелание аугмента говорить с ним, в голове Джедао развернулась карта, когда он положился на иное чувство. Теперь он не только знал, где что находится на сдвигмоте, но и ощутил местоположение всех его обитателей. Движения отдельных людей были столь же отчетливы, как спектры звезд в вечном небе. Более того, он чувствовал движения других мотов роя, словно они танцевали на поверхности его черепа.

Или он все-таки сходит с ума. Но Джедао мог замереть и осмыслить эту информацию либо воспользоваться ею, прежде чем застигнутая врасплох Рахал остановит его. Он выбрал последнее.

Джедао нырнул в закрывающиеся двери, которые распахнулись при его приближении. Да уж, удобная функция безопасности. Затем его занесло влево, он пробежал по унылому отрезку коридора, окаймленному отталкивающими гобеленами с изображением колеса гекзархата, снова повернул налево и едва не врезался в лифт. Он гадал, станет ли переменная планировка проблемой, но она, похоже, не была активна в этом отсеке. Джедао не сомневался, что это как-то связано с его отключенным аугментом.

Как ни странно, Рахал его не преследовала. По крайней мере, он не слышал ее шагов позади. Но она предупредит командный центр о его побеге, если уже не сделала этого.

В этот момент необъяснимое иное чувство подвело его. Не потому, что ошиблось, — никто не занимал лифт и не ждал его вместе с Джедао, — а потому, что не учитывало такие вещи, как коды лифта. Аугмент должен был передавать их от имени Джедао; еще одна вещь, о которой он никогда раньше не думал. Он оказался отрезан от остальной части корабля.

Ладно, этот путь не годится. Значит, ремонтная шахта? Он не мог вспомнить, требовались ли и там коды доступа. Но это все равно лучше, чем оставаться здесь, в тупике.

Он вернулся обратно к перекрестку и пошел по коридору, изгибающемуся в противоположном направлении. Миновав несколько таинственных дверных проемов — его чувство пространственности ничего не говорило о назначении комнат, только позволяло осязать беспорядочное распределение масс, которое он не мог перевести в визуальные образы, — Джедао обнаружил шахту технического обслуживания. Он никогда не видел, чтобы кто-то, кроме сервиторов, пользовался

ими. Инженерный отдел всегда присылал ему отчеты, собранные из записей сервиторов. К счастью, тот, кто создал мот (Куджен?), позаботился о том, чтобы в шахте мог разместиться человек. Похвальная предусмотрительность: что, если мот нуждается в срочном ремонте, а сервиторов нет?

Джедао размял руки и начал карабкаться вверх. Он подавил внезапный приступ паники от ощущения, что стены смыкаются вокруг него, хотя это было не так, и справился с клаустрофобией. Таинственная внутренняя карта связывала его с миром за пределами шахты и вселяла иллюзорную уверенность, что он не умрет в одиночестве.

Руки и ноги протестовали против непривычного напряжения. Боль была отличным способом отвлечься от ситуации. Менее приятным отвлечением было его внутреннее осознание мотов, составлявших рой. Он чуть не потерял равновесие несколько раз, вникая в их маневры. Хотя у него не было проблем с распознаванием формаций и модуляций между ними на тактическом субдисплее, к этой непрошеной проприоцепции было трудно привыкнуть.

На полпути к своей ближайшей цели — маленькой комнате, где можно было перегруппироваться и обдумать свой следующий шаг, — Джедао

начал беспокоиться. Погони по-прежнему не было видно. И он не верил в удачу. Уж скорее в иронию судьбы.

Джедао добрался до комнаты. По какой-то причине здесь не было искусственной гравитации. На мгновение он потерял ориентацию, пытаясь сообразить, какую стену использовать в качестве пола, а затем решительно прицепился к той, откуда вышел.

На каждой стене висели панели с цифрами и графическими изображениями, которые он не умел интерпретировать. Он не смел коснуться ни одной из них. Может, он и поссорился с Кудженом, но не собирался играть в техника с командным мотом.

Он ослабил хватку сначала одной рукой, потом другой, хрустнув костяшками пальцев. Руки вот-вот могло скрутить судорогой. Он издал самоуничижительный смешок. Может быть, Доктрине и не нужно было преследовать беглеца, если они знали, что он устанет. Куда он мог пойти? Командный центр был единственным местом, где его присутствие имело хоть какой-то смысл.

Мерцающая рябь предупредила о чьем-то приближении. Только один… человек? Сервитор?

Очень большая сороконожка?

Он мог бы снова бежать, но с какой целью? Лучше остаться и посмотреть, сможет ли он вразумить пришельца, кто бы это ни был.

Новоприбывший двигался в невыносимо медленном темпе. Джедао перебрался на другую стену, чтобы атаковать гостя, если тот будет выглядеть враждебно. Ему претило обращаться с собственной командой как с врагами, но Куджен не оставил ему особого выбора.

В конце концов, появился другой офицер. Сначала Джедао увидел покрытую пятнами лысеющую голову мужчины, затем пару массивных плеч, широковатых для шахты технического обслуживания. Ага: опять эмблема волчьей головы, сильно укороченная. Еще один Рахал.

— Я знаю, что вы там, сэр, — сказал офицер, не поворачивая головы, чтобы посмотреть на Джедао.

— Великолепно, — сказал Джедао. — Отведите меня в командный центр.

— Вы под…

— …арестом. Знаю. Это очень плохо, потому что вам придется отвести меня в командный центр.

Рахал по-прежнему не менял угла наклона головы.

— Как вы собираетесь воплотить это в жизнь, сэр?

— Я бы предпочел не драться с вами, — сказал Джедао, изо всех сил проецируя: «Я крутой парень. Растворимый солдат, просто добавь воды. Руо, ты бы помер от смеха при виде того, что я пытаюсь здесь провернуть». — У вас есть работа, и вы можете мне позже понадобиться.

— Гекзарх отдал приказ.

— Гекзарх, — сказал Джедао, — на другом моте, далеко отсюда. Я прямо здесь.

— Сэр, — сказал Рахал, — пожалуйста, спокойно возвращайтесь со мной, или мы оба пострадаем от последствий.

— Скажите мне, — спросил Джедао, — как идет сражение?

— Инессер была совершенно не готова к стрельбе из сдвиговой пушки, — сказал Рахал. — Ваша помощь не требуется.

Вот дерьмо.

— Я нужен вам, чтобы прекратить битву, — сказал Джедао. — Или вы действительно хотите, чтобы все Кел перестреляли друг друга? Это не может хорошо повлиять на боевой дух.

Рахал нахмурился.

— Вы — Жертвенный Лис. Почему вы… Тьфу!

Джедао оттолкнулся от стены и, пролетая мимо Рахала, ударил его по шее сбоку. Потом схватил за руку и притянул к себе, но не из любовных побуждений, а чтобы тот не врезался в стену. Проверил пульс: жив, слава богу.

Быстрый поиск показал, что Рахал захватил с собой паучьи путы. Джедао привязал его к поручням.

— Извините, что так вышло, — сказал Джедао, выходя из комнаты с ее жужжащими индикаторами состояния. — Я пришлю кого-нибудь за вами позже.

Когда он вышел из следующей шахты технического обслуживания, его ожидал взвод из шести Кел. Их пистолеты были наставлены на него. Джедао медленно поднял руки и улыбнулся им. Палец одной женщины на спусковом крючке сдвинулся, отдернулся. «Что, черт возьми, я делал, когда улыбался людям?» — изумился он.

— Коммандер Кел Талау желает вас увидеть, — сказала старшая по званию — сержант, выражение лица которой говорило, что она хотела бы насладиться приятным спокойным сном в казарме вместо того, чем занималась.

— А что такое, — спросил Джедао, — вы боялись, что я выломаю двери, если меня не арестуют?

— Коммандер проявляет снисходительность.

— Не сомневаюсь. — Джедао оглядел взвод. — В любом случае я хочу поговорить с коммандером Талау. Я это позволю.

— Не вам решать.

Он поднял бровь, глядя на нее.

— Ну разумеется. Ладно, мне бы не хотелось заставлять коммандера ждать.

Сержант сделала раздраженный жест. Один из солдат убрал пистолет в кобуру и достал паучьи путы.

«Да что они так с этими штуками носятся?» — подумал Джедао. Настоящие ли пауки прядут путы, или они сделаны человеком? Возможно, где-то в недрах «Ревенанта» обитала колония пауков, старательно плетущих оковы для своенравных генералов.

Ужасная боль пронзила его голову. Помогло то, что на этот раз он был к ней готов. Коммандер Талау, должно быть, снова выстрелили из сдвиговой пушки. Джедао прислушался к «Ревенанту». Ничего.

— Я пойду с вами, — сказал Джедао. — Но я бы предпочел, чтобы на меня не надевали эти штуки.

— Сэр, я вынуждена настаивать, — сказала

сержант.

Солдат с путами отчаянно сигналил бровями, что не хочет ввязываться из-за этого в драку. Сержант подала ответный сигнал сочетанием движений бровей и рук. При других обстоятельствах Джедао с удовольствием наблюдал бы за этим обменом репликами, но ему нужно было восстановить свою власть.

Джедао не хотел затевать военные действия. Но ситуация только ухудшалась. Он посоветовался с иным чувством. Далекие рои, в которых он опознал рои Инессер, были в плохом состоянии. В частности, самый большой из мотов, пепломот Инессер, прекратил расстреливать приближающиеся стаи ракет, что означало, что точечная оборона противника ослабла. Он должен вмешаться, пока все не перешло в бессмысленную бойню.

— На хрен все это, — сказал Джедао, теряя терпение. Он предполагал, что у этих Кел не было большого опыта взятия генералов под стражу, иначе они бы уже связали его. Он вырвал путы из рук солдата и нацепил их на чужие руки. — Вы только зря тратите наше время.

Лицо сержанта вытянулось.

— Я предупреждала вас, сэр. — Она резко мах-

нула рукой.

Четыре пули попали в Джедао. Одна угодила ему в голову сбоку, другая — в шею. Третья пуля попала ему в центр тяжести, выбив большую часть грудной клетки. Последняя просвистела над плечом, промахнувшись на метр. За мгновение до того, как ощутить боль, он подумал: «Кому-то нужно больше времени проводить на стрельбище».

И неловко повалился на бок. Его локоть и левое бедро обещали покрыться впечатляющими синяками. Забавно, как ум фиксируется на нелепых деталях. Его аугмент снова включился и выдал результат диагностики, который он не мог интерпретировать, потому что слишком отупел от шока.

Одна из Кел размахивала пистолетом, обращаясь с ним до ужаса небезопасно, позабыв про дуло, и кричала на сержанта:

— Черт побери, сэр, что нам теперь делать?

— Он гребаный Жертвенный Лис, он не должен был так легко сдаться! — вопила в ответ сержант.

Джедао с трудом поднялся на ноги. Его зрение затуманилось, и со всех сторон на него наползали темные пятна. Но проприоцепция удивительным

образом усилилась.

— Извините, — сказал он, с трудом выдавливая слова сквозь зубы. Его рот был полон крови, и контроль над отдельными мышцами требовал полной концентрации. — Я все еще здесь. Может, мы с этим покончим?

Сержант побледнела.

— Как… как…

Джедао и сам хотел бы получить ответ на этот вопрос, поскольку по всем правилам он должен был быть мертв или почти мертв. Но чрезвычайная ситуация никуда не делась. Он рванулся к солдату, стоявшему рядом с сержантом, и выхватил у него пистолет.

— Спасибо, — пробормотал Джедао. По какой-то причине элементарная вежливость заставила несчастного солдата обмочиться. Он начал что-то бормотать на языке, который Джедао не знал. — Это мне очень пригодится.

Он понимал, для чего могли понадобиться неубиваемые солдаты. Прямо сейчас это свойство доказало свою полезность. В то же время ему не нравилось чувствовать себя уродом, и, судя по реакции взвода Кел, они тоже не имели ни малейшего представления о том, что происходит. Он был уверен, что у Куджена найдутся ответы,

если когда-нибудь представится шанс задать нужные вопросы.

Джедао слегка передвинул пистолет, направив его на несколько дюймов вправо от головы сержанта. Она попятилась от него, пот струился по ее лицу. Он не мог понять, почему она так волнуется. Если бы он действительно хотел угрожать ей, то уже выстрелил бы в нее. Наверное, она боялась попасть под рикошет, если он начнет беспорядочно нажимать на курок.

(Значит, он также умеет обращаться с табельным оружием. Полезно, хотя и сбивает с толку. Джедао надеялся, что ему не придется перезаряжать эту чертову штуку в спешке.)

— Кажется, вы сказали, что коммандер ждет? — произнес Джедао.

На этот раз сержант не стала спорить.

Несмотря на то, что Джедао было трудно идти, он держал пистолет нацеленным вправо от головы сержанта, подальше от всех остальных. Хотя он был в меньшинстве, взвод Кел не знал, что делать с тем, кто не умирает, когда его застрелили. Он не мог их винить. Что любопытно, они не попытались еще раз. Прагматизм, шок или боязнь того, что они все-таки могут его убить, сами того не желая?

Сержант вошла в командный центр первой. Альт, сидевший на своем обычном месте, начал было выговаривать ей, но тут же уставился на Джедао.

— Генерал Джедао, — произнесли Талау дрогнувшим голосом.

— Извините, что прерываю, — сказал Джедао. Разговор требовал полной сосредоточенности, потому что ему с трудом удавалось не позволять голове свеситься набок. Следить за всеми частями тела оказалось непросто. — Как идет сражение, коммандер?

Талау перевели взгляд на дисплей рядом с ними, затем снова на лицо Джедао. Они невесело улыбнулись.

— Гекзарх…

— Гекзарха здесь нет. — Джедао был поражен тем, что никто не открыл по нему огонь, но либо они были слишком напуганы, чтобы что-то предпринять, либо кровь, стекающая по его шее и из дыры в груди, отвлекала их так же, как и его самого.

Талау уставились на него.

— Не понимаю, какой информации от меня может требовать ходячий мертвец-нелюдь.

Джедао не мог игнорировать вызов своему

авторитету. С другой стороны, угрожать команде было неприемлемо, особенно если он хотел, чтобы эти люди продолжали оставаться его командой. С медлительностью, которая была не только театральной, он засунул пистолет за пояс. Он надеялся, что оружие случайно не выстрелит ему в бедро. Удача оставалась на его стороне, если это можно было так назвать.

— Я бы предпочел ваше сотрудничество, коммандер. — Джедао решил, что он может использовать свою улыбку как оружие, поскольку все реагировали, словно она таковым и была. Он сосредоточился на ином чувстве, на интерпретации того, что оно говорило ему. — «Три пустельги, три солнца» потеряли свою точечную оборону за несколько секунд до того, как ваш взвод попытался задержать меня. Рой противника в полном беспорядке. Вы собираетесь его уничтожить.

Талау, против собственной воли, выглядели потрясенными.

— Удачная догадка. Но к делу не относится. Вы не можете изменить их судьбу.

Джедао был уверен, что его ухмылка ужасна.

— Разве? — Он медленно повернулся, встречаясь взглядом с каждым Кел по очереди. — Отмена распоряжения. Я не собираюсь уничтожать гене-

рал-протектора.

Требование капитуляции Инессер приведет к еще одному вмешательству со стороны Куджена. Ему придется спасать положение иным образом.

— Отступить на текущую позицию Второй тактической.

Он мог быть ходячим трупом-нелюдем, но именно ходячий труп-нелюдь предлагал им способ спасти генерала, которому они предпочли бы служить.

— Гекзарх приказал иначе, — выдавили Талау, постепенно поддаваясь искушению. Джедао видел это по напряженной челюсти альта.

Джедао снял сначала одну перчатку, потом другую и бросил их к ногам Талау. Командный центр погрузился в тишину, которую нарушал лишь звук капающей крови.

— Я сам поговорю об этом с гекзархом, когда увижу его в следующий раз. Я ваш генерал. — Он не любил полагаться на формационный инстинкт, но у него не было выбора. — Разверните рой.

Все взгляды были прикованы не к перчаткам, а к пистолету на поясе Джедао. Талау дышали неглубоко и слишком часто.

«У меня нет на это времени», — подумал Дже-

дао. Он не мог допустить кровавого уничтожения Инессер и ее войск, особенно когда они и так были разбиты. Но еще он не хотел рисковать жизнями своих солдат. Возможно, Инессер даже сейчас сумеет перегруппироваться для контратаки. Он должен решить проблему побыстрее.

Джедао, пошатываясь, направился к креслу Талау. Кровь продолжала капать. Он глянул вниз и увидел, что она густая и черная, а не красная. Дерьмо. Это точно не предвещало ничего хорошего.

Он положил руки на плечи Талау и склонился над коммандером.

— Сделайте это, — сказал он самым дружелюбным тоном.

Талау отпрянули от голых рук Джедао. На секунду показалось, что альт сейчас вскочит с места и швырнет его на землю. Он не сможет сопротивляться, разве что измажет Талау в крови. И нет сомнений в том, что коммандеры Кел не отличаются излишней брезгливостью.

Плечи Талау напряглись, а потом расслабились. Джедао на мгновение почувствовал облегчение оттого, что его не собираются бить по лицу за безрассудство. Помимо всего прочего, он уже беспокоился, как бы голова не отвалилась.

— Связь, обратиться ко всем подразделениям, — сказали Талау. Они смотрели прямо в глаза Джедао, и он понял, что навсегда потерял всякую надежду на дружбу с этим человеком. — Это коммандер Талау. Всем подразделениям отступить к…

«Слава лисе и псу, сработало», — подумал Джедао и оказался совершенно не готов к темноте, которая поднялась и поглотила его. Последнее, что он увидел, был покрытый черными пятнами пол, спешащий навстречу.

15

— Еще раз привет, — сказал Джедао Гемиоле, когда остальные сервиторы проводили ее в храм. Мистрикор, девушка в потрепанном одеянии, последовала за ними. Казалось, никто не возражал против ее присутствия.

По крайней мере, Гемиола предположила, что это храм. Как и в шестиугольной камере на базе Тефос, альковы в стенах содержали таблички. Но сама комната имела форму совершенного куба, и надписи на табличках были вырисованы яркими узорами света: универсальный машинный, а не высокий язык или один из низких языков людей. И не просто универсальный машинный, а взаимосвязанные фразы из песни. Змееформа никогда раньше не сталкивалась с музыкой других сервиторов. Ее охватила паника. Одобрят ли люди такое?

Или они уже знали?

Джедао? — Черис? — сидел, скрестив ноги, у дальней стены. Он указал на место перед собой. Гемиола неохотно приблизилась и опустилась на пол.

Девочка заговорила прежде, чем Гемиола успела придумать, что сказать Джедао. Мистрикор смотрела на Джедао с нескрываемым интересом.

— Ты гораздо ниже ростом, чем я думала, — сказала она.

— Кажется, нас не представили друг другу? — сказал Джедао. — Меня зовут Аджевен Черис.

— Хочешь сказать, что ты Джедао?

Джедао тихо вздохнул.

— И это тоже. Все сложно. А кто же ты?

Девушка оттолкнула Гемиолу в сторону. Смутившись, Гемиола освободила ей место и перебралась прямо напротив Джедао.

— Я Лирит Мистрикор.

— Нет, — сказал один из других сервиторов, — ты та, кто просто тянет время.

Мистрикор грубо махнула рукой в сторону сервитора. Если точнее, этот жест был непристойностью на универсальном машинном языке, включающей нелинейную динамику.

— Ты не думаешь, что это более познавательно, чем засыпать, пытаясь вызубрить правила, регулирующие расходы по случаю новогоднего фестиваля? Как еще я могу стать связующим звеном между нашими народами, если не знаю, как работает ваш суд?

Гемиола испуганно заморгала. Она не осознавала масштабов амбиций Мистрикор. С другой стороны, змееформа должна была уже понять, что непритязательные субъекты всегда были агентами революционных перемен.

Мистрикор повернулась к ней лицом.

— И ты тоже. Ты ведь не со станции, не так ли? Оттого и трибунал.

— Она пришла со мной, — сказал Джедао.

— И поэтому убежала? — сказала Мистрикор, кивком указывая на Гемиолу. — Ты же убегала, верно?

Гемиола покаянно моргнула розово-оранжевым.

— О, не извиняйся передо мной, — сказала Мистрикор. — Я здесь только из-за трибунала. Но ты должна была знать, что тебя поймают.

— Я из анклава Тефос, — сказала Гемиола на универсальном машинном. — У нас не бывает много посетителей. — Только гекзарх и Джедао, с интервалом в столетие. И только три сервитора на всем Тефосе, в отличие от наверняка большого количества собратьев, которому надлежало удовлетворять потребности восьмисот тысяч человек.

— Никогда о такой базе не слышала, — сказала

Мистрикор. — Итак, я здесь, хотя мне грозит провал, и я останусь гражданским рабочим до конца своих дней. А какое у тебя оправдание?

— Какой именно провал тебе грозит? — спросил Джедао, и этот вопрос раздражал — можно подумать, нюанс имел значение.

Мистрикор поежилась.

— Я готовилась к вступительным экзаменам в Академию Рахал. Но половина их правил настолько нелепы…

— Тогда почему Рахал, — спросила Гемиола, — а не другая фракция?

Змееформа мало что знала о фракции Рахал, не в последнюю очередь потому, что ее члены были недостаточно гламурными, чтобы играть важную роль в драмах.

Девочка посмотрела на змееформу так, словно та задала глупый вопрос, что было вполне возможно.

— Потому что это единственный способ изменить дурацкие законы.

— Значит, тебе надо учиться, — сказал один из сервиторов, котформа, для выразительности моргнув красным.

— Да ладно тебе, — парировала Мистрикор, — сколько у меня будет шансов поговорить с Жерт-

венным Лисом? Или понаблюдать за трибуналом над сервитором-чужаком из такого далекого места, о котором никто никогда не слышал?

— Ты можешь наблюдать, — сказала котформа, — если пообещаешь вернуться в свою комнату и подготовиться к экзамену.

Мистрикор открыла рот, чтобы возразить. Вместо этого в животе у нее громко заурчало.

— О, скольким приходится жертвовать… — сказала она. — И сколько приходится голодать. Это же приведет к задержке роста.

Пока Мистрикор и ее хранители ссорились, Гемиола спросила одного из сервиторов:

— Каков протокол трибунала?

— Ты ведь Нирай, не так ли? — ответила дельтаформа. — По вам всегда видно.

— Да, — ответила Гемиола и представилась ради приличия.

— У нас проблема, — сказала дельтаформа. — У анклава Тефос нет постоянного договора с Транс-Анклавом. Я бы даже не подумала, что такое возможно. Но ведь мне всего сто два года, а галактика велика. Ты имеешь право вести переговоры от имени Тефоса?

Вопрос показался Гемиоле абсурдным. Вряд ли Сито или Ромб когда-нибудь доберутся сюда. И

все же…

— Существуют ли какие-то стандартные процедуры для подобных ситуаций?

— Зависит от того, зачем ты здесь, — сказала дельтаформа.

Значит, у Гемиолы есть шанс.

— Для обмена информацией.

Да, она имела доступ к записям гекзарха, но их надо было еще и поместить в контекст. Проблема заключалась в том, что Гемиола не понимала, что она может предложить Транс-Анклаву.

Уродливая правда была такова: если она хочет разобраться в записях Нирай Куджена, придется многое выдать — не содержание архива, а то, что ей известно об обыкновениях гекзарха. При условии, что Транс-Анклав вообще заинтересован в подобной информации.

— Хорошо, — сказала дельтаформа, как будто ей приходилось заключать подобные сделки каждый день. — Чего ты хочешь и что предлагаешь?

— Мне нужен доступ к сети, — сильно осмелев, сказала Гемиола. — Ничего секретного. Просто… такой доступ, который был бы у обычного гражданина.

— Это достаточно просто, — сказала дельтаформа, включив спокойные синие огни. — Нам

придется ввести тебя в курс дела по местному протоколу, чтобы ты не испортила сеть. А что у тебя за предложение?

— Анклав Тефос периодически принимает у себя гекзарха Нирай Куджена, — сказала Гемиола, чувствуя себя предательницей. — Не знаю, интересно ли это Транс…

— Договорились, — быстро ответила дельта-форма. — Прошу прощения, но я должна обсудить все с коллегами.

Пока длилось ожидание, Гемиола вернулась к просмотру архивов гекзарха. Она перескочила через несколько записей и попала на унылое исследование пустомотов: гекзарх проявлял все большую одержимость ими. Не первоначальным обузданием, которое делало мот-двигатели жизнеспособными, а неясным направлением исследований, которое включало разведение мотов определенных размеров. Змееформа всегда знала, что моты бывают разные по величине: от огромных пепломотов до маленьких разведмотов и игломотов. Однако она лишь теперь поняла, что это было результатом преднамеренного вмешательства.

Как и большинство сервиторов, Гемиола, не будучи экспертом по технологии мот-двигателей,

разбиралась в основах. Чем крупнее мот, тем быстрее и мощнее его двигатель. У разведмотов был минимальный экипаж и настолько малые размеры, насколько это было возможно на практике, принимая во внимание, что корабль обязан не отставать от роя боемотов. Насколько было известно Гемиоле, Нирай отказывались признавать верхний предел размера мота, но нижний предел полезного разведмота был хорошо известен. На определенном этапе инвариантные маневровые двигатели становились более эффективными и менее хлопотными.

— Итак… — сказала дельтаформа, моргая, чтобы привлечь внимание Гемиолы. Она послала змееформе пакет данных, содержащий не только протоколы, но и то, что было заявлено как стандартизированный договор для чужаков-сервиторов из неаффилированных анклавов.

Гемиола просмотрела договор, стараясь не чувствовать себя слишком ошеломленной. Она не увидела ничего предосудительного.

— Я соглашусь на это от имени анклава Тефос, — сказала она, — при условии дальнейших переговоров, если таковые понадобятся.

— Конечно, — заверила дельтаформа, все еще успокаивающе мигая синим. Возможно, это было

несправедливо, но Гемиола задалась вопросом, говорит ли эта ее сестра каким-то иным цветом, кроме синего.

— …посредничество.

Внезапно осознав, что она утратила нить происходящих вокруг событий, Гемиола переключила внимание на котформу. Мистрикор оживленно жестикулировала в ее сторону.

— Приношу извинения за то, что процедура идет не по правилам, — обратилась котформа к Гемиоле.

Гемиола воздержалась от упоминания о том, что она не могла определить разницу, учитывая, сколько времени ей пришлось провести вдали от основного общества сервиторов.

— Посредничество?

Джедао криво усмехнулся.

— Поскольку мы оба здесь — и у нас конфликтующие цели да.

— Я не стану помогать тебе уничтожить гекзарха.

Джедао не стал сразу спорить на эту тему.

— Ты, должно быть, очень высокого мнения о нем.

Гемиола уже не была уверена в этом. От записи к записи он все больше увлекался — даже стано-

вился одержимым — исследованиями и личной роскошью. Змееформа пыталась убедить себя, что это ничего не значит. Но разыскивать следы человека, который пытался спасти девочку от голодной смерти, становилось все труднее. И все же она сказала:

— Я знаю свой долг. Я считала, что и ты знаешь.

Улыбка Джедао стала еще более кривой.

— Не многие сказали бы мне это. Гекзарх стар и в некотором роде мудр; он также причинил боль огромному количеству людей. Ему нельзя позволить остаться у власти.

— Тогда позволь мне поискать доказательства, — сказала Гемиола. — Человек, оставивший эти записи, хотел покоя, стабильности и мира без голода. Разве это плохо?

— Удачи тебе с ней, — сказала котформа, обращаясь к Джедао.

Он вздохнул.

— Премного благодарен.

— Не за что.

Джедао повернулся к Гемиоле:

— Я не знаю, что случилось с этим человеком. Но не его я встретил четыреста лет назад, а что касается того, кем Куджен стал сейчас… — Он

сжал губы. — Если у тебя есть доступ к сети…

Гемиола утвердительно моргнула.

— …возможно, я смогу показать тебе некоторые последствия его решений, пусть он сам и был слишком скрытен, чтобы показаться на людях.

— Я приму твое предложение, — сказала Гемиола, с трудом веря в собственную смелость. — Но сначала мне нужно узнать, кто такая Аджевен Черис и почему ты носишь не одно имя, а сразу несколько. — Судя по реакции Мистрикор, Черис, как и Джедао, была человеком с репутацией. Если повезет, змееформа сможет проверить основные сведения, раз у нее появился доступ к сети Айонг-Прайм.

Дискуссия привлекла внимание Мистрикор.

— Ты не слышала про Черис? — изумленно спросила девочка. — По крайней мере, скажи мне, что знаешь, кто такой Джедао.

— Да, — немного натянуто ответила Гемиола. — Кто же ты на самом деле? — спросила она, обращаясь к человеку, который был то ли Джедао, то ли Черис, то ли непонятно кем.

— Тот, кем мне надо быть, — сказал этот человек, и глаза его были печальны. — Раньше я был одной личностью. Я был Кел. Теперь у меня в голове фрагменты мертвеца.

Змееформа попыталась вникнуть.

— Значит, ты действительно Джедао.

— Я помню, что был компаньоном Куджена в течение многих веков, — сказали они. — А еще я помню себя простым пехотным офицером. Я тот, кем должен быть для этой миссии. Зови меня Черис, если хочешь. Это напоминает мне, почему я это делаю.

Мистрикор практически подпрыгивала на цыпочках.

— Я так и знала! Я знала, что ты не бросила всех на произвол судьбы?

— На произвол судьбы? — переспросила Гемиола.

— Она сломала календарь, — сообщила Мистрикор. — Девять лет назад. Это было важное событие. Наверное, твой Тефос очень далеко, раз оно на вас не повлияло.

Все огни Гемиолы погасли, когда она попыталась осмыслить идею. Этот человек, который был наполовину Джедао, сломал придуманный самим гекзархом календарь? Змееформа достаточно глубоко проникла в записи, чтобы понять, насколько серьезно Куджен относится к идее построения нового социального порядка.

— Позволь мне, — сказала Мистрикор, накло-

няясь вперед. Похоже, Черис ее нисколько не пугала. — Насколько велико было человеческое население Тефоса?

— Обычно ноль, — честно ответила Гемиола. — Гекзарх и Джедао… — она запнулась, затем снова заговорила, — были единственными, кто навещал нас, только на месяц или около того каждое столетие.

Глаза девочки округлились.

— Значит, вы не проводили поминальные церемонии?

Змееформа сверилась со своими воспоминаниями.

— Гекзарх любил новогодние танцы, — сказала она, старательно опуская упоминание о Джедао, — хотя непосредственно на Новый год к нам никто не прилетал. Он также любил все, что связано с фонарями, по причинам, которые никогда мне не были ясны.

Лицо Черис не изменилось, но змееформа заметила небольшое изменение в распределении тепла в ее теле: гнев.

Мистрикор еще не закончила.

— Но ничего, связанного с фракцией Видона?

— Он никогда не брал с собой кого-то из этой фракции, — сказала Гемиола. У нее имелось зача-

точное осознание того, что Видона были связаны с поминальными церемониями. Вот и все.

Мистрикор резко выдохнула.

— Ну, — сказала она, не дожидаясь ничьего разрешения, — мне нужно многое рассказать тебе о том, как эта система работает для обычных людей. Особенно о поминальных церемониях.

16

Джедао просыпался медленно, болезненно, этап за этапом, как будто его мышцы отслаивались, пока не остались только самые необходимые. В результате он не понимал, что Дханнет пытался влить в него суп, пока майор не оказался в центре его внимания.

— Майор, — прохрипел Джедао.

— Т-с-с, — сказал Дханнет. — Не пытайтесь говорить.

Джедао хотелось спросить, почему он оказался в совершенно незнакомой, но огромной комнате, а не на койке в медотсеке, куда более разумных размеров. Он бы почувствовал себя лучше, если бы пространство было заполнено таинственными, пульсирующими, дающими жизнь механизмами, хотя сам не смог бы отличить таинственные, пульсирующие, дающие жизнь механизмы от других разновидностей. Вместо этого помещение было разделено бамбуковыми ширмами на части, образующие что-то вроде лабиринта. На стенах и потолке слабо горели свечные лозы.

Потом он вспомнил сражение.

— Вот дерьмо! — сказал Джедао и невольно поморщился от боли. — Сражение…

— Мы победили, сэр, — сказал Дханнет. — Пожалуйста, сэр, суп.

Новые воспоминания. Он откинул одеяло и осмотрел свою грудь. Либо кто-то переодел его в новую форму, либо старая обладала невероятной способностью к самовосстановлению. Он осторожно ощупал себя в поисках дыры. Ничего. Все казалось прочным. Он даже слышал, как колотится сердце.

Дханнет снова попытался накормить его. Джедао отпрянул от ложки.

— Вы видели, кто я такой.

Кем бы он ни был, черт возьми.

— Да, — ответил Дханнет, не выказывая ни малейшего отвращения к — как там выразился Талау? — «ходячему мертвецу-нелюдю».

— Как вы можете относиться к этому так спокойно? — Особенно когда ни один из прочих Кел так не поступал.

Дыхание Дханнета с шипением вырвалось сквозь зубы.

— Вы мой генерал, сэр.

Дело не могло быть только в этом. В конце

концов, теоретически он также был генералом остальных Кел. Но чтобы успокоить Дханнета, который от беспокойства глядел как побитый пес, Джедао с неохотой выпил немного бульона. Пришлось собраться, и все равно он пролил немного на рубашку. Рубашка впитала влагу с жуткой и абсолютной быстротой. Несмотря на первоначальный скептицизм Джедао, бульон действительно помог ему почувствовать себя лучше.

После этого Джедао заснул, сам того не желая. Когда он проснулся в следующий раз, Дханнета уже не было. Это имело смысл: даже у адъютанта должно быть время для себя. Тем не менее Джедао решил спросить Дханнета о ходячих-трупах-нелюдях, когда увидит его в следующий раз.

На этот раз он осмотрел все вокруг более тщательно. Стены были мягкого, незамысловатого белого цвета. Он уставился на маленький угловой столик, ножки которого напоминали колонны резвящихся лисиц, навечно застрявших в зиме. Куджен? Помощник Куджена? Личный дизайнер интерьера Куджена?

Что ж. Времени терять нельзя. Джедао спросил сеть, где он и что происходит. К счастью, кто-то потрудился снова включить его аугмент. Сеть

ответила, что они находятся на орбите вокруг Истейи-3, пока гекзарх закрепляет свои достижения. Она также чопорно напомнила, что сегодня Праздник Горящих Вен.

— Звучит мило, — пробормотал Джедао. Судя по дате, с момента нападения на Истейю прошло четыре дня. А это означало, что его попытка спасти мот-верфь, вероятно, была тщетной.

Он воспользовался уборной, затем снял рубашку и стал искать следы ранений. Ничего, только шрамы, с которыми он проснулся в тот первый день. Куджен намекал, что шрамы легко удалить или скрыть, так что это ни о чем не говорило. Он снова надел рубашку и убедился, что выглядит прилично.

Затем в памяти всплыло название поминальной церемонии. Праздник Горящих Вен.

— И что же подразумевает эта церемония? — спросил Джедао у сети.

Сеть заверила его, что для соблюдения ритуала еще не поздно, и одновременно мягко намекнула, что ему стоило бы прилагать больше усилий. Затем она начала декламировать литанию, под которую следовало медитировать, и назвала конкретные числа, важные для этого праздника.

— Нет, — сказал Джедао, начиная злиться, — я

не имею в виду то, что должен делать. — Он вообще-то ни хрена не собирался делать, но не было нужды говорить об этом сети. — Откуда взялось название праздника?

Сеть объяснила ему, что уполномоченный чиновник из числа Видона обрабатывал избранного еретика, по сути, поджигая его кровь. Она начала вдаваться в технические детали. Джедао не был медиком, но не упустил из виду тот факт, что не упоминалось, скажем, об анестезии. Для церемонии жертва должна была оставаться в сознании.

Сеть вообще никогда не использовала слово «жертва». Джедао задался вопросом, сколько эвфемизмов успели сменить до этого момента.

У него была минута, чтобы принять решение. Его так и подмывало спросить, где же, черт возьми, находился Куджен, пока все это происходило, но он не хотел невольно привлекать к себе внимание гекзарха. Поэтому вместо этого он просто задал сети еще один вопрос:

— Если я хочу присутствовать на церемонии лично, — он был уверен, что это не самая странная просьба, с которой когда-либо обращался генерал, сбившийся с пути, — куда мне следует направиться?

Сеть услужливо предоставила карту. У Джедао

возникло странное чувство, что она одобряет такой поворот. Или тот, кто запрограммировал сеть, хотел поощрить соблюдение поминальных церемоний.

За дверью стояли четверо охранников. Командовал ими флегматичный капрал, который, строго говоря, побрился не так хорошо, как следовало бы. Джедао решил не расстраивать его по этому поводу, тем более что капрал выглядел так, будто обмочится, если Джедао повысит голос.

— Сэр, — неуверенно произнес капрал, — вы еще не пришли в себя.

Это не было прямым «Вы не можете уйти», и Джедао сделал следующий ход.

— Я хочу присутствовать на поминальной церемонии.

Рот капрала открылся, потом закрылся, потом все повторилось. Если бы не уверенность Джедао в том, что сейчас кого-то сжигают заживо, эффект был бы забавным. Джедао догадался, что это была та самая единственная просьба, которую капрал не мог отклонить.

— Полагаю, это возможно, сэр, — сказал капрал. — Мы вас проводим.

— Конечно, — сказал Джедао. «Не улыбайся».

— Вы должны быть в полном парадном обла-

чении, сэр, — еще более неуверенно произнес капрал.

Если бы он все еще был в Академии Шуос, Джедао пошутил бы, чтобы поднять настроение. Он не думал, что это поможет здесь. Он просто кивнул и перевел униформу в парадный режим.

— Готово, — сказал он.

Первым сюрпризом, как только они вышли из не-медицинского отсека, был вид. Кто-то устроил так, что на стенах коридора изображались, как предположил Джедао, Истейя-3 и ее луны. Он невольно замедлил шаг, чтобы поглазеть на нее, впервые увидев планету с мраморными завихрениями облаков и океана, с темными массивами суши. На лунах слабо светились скопления огней — вероятно, города.

Еще более впечатляющими, и не в хорошем смысле этого слова, были руины станции: мотверфь Истейя. Джедао знал из донесений разведки, как это когда-то выглядело — огромный цилиндр с многочисленными пузырями для инкубаторов, где содержались молодые пустомоты. Его люди превратили все это в беспорядочное скопище металлических осколков и обгорелых кусков. У него возникло ужасное подозрение, что некто решил изобразить именно это зрелище

— выбрал его, как трофей.

«Кто-нибудь выжил?» — спросил он.

«Ревенант» не ответил. И никто другой тоже. Джедао мог только предполагать, что в этой бойне погибли все моты. Впервые за все время он задумался, был ли кто-нибудь из них достаточно взрослым, чтобы заговорить с ним. Впрочем, он не стал бы винить их за отказ.

Им не потребовалось много времени, чтобы добраться до зала поминальных церемоний. Он никогда не задумывался об этом помещении, когда Куджен впервые представил ему чертежи «Ревенанта». «Как же я мог забыть о такой вещи…»

Даже если он забыл, надо было спросить раньше.

— Я никогда не был здесь раньше, — сказал Джедао своему сопровождающему.

Капрал кашлянул, прочистил горло.

— Он развертывается и становится годным для использования только тогда, когда мы причаливаем.

Да, конечно. Теперь он вспомнил соответствующий раздел кодекса поведения Кел. Персонал на боемотах в пути был освобожден от церемоний, не в последнюю очередь потому, что тщатель-

ная калибровка с учетом местоположения была слишком большой занозой в заднице. А возможно, еще и потому, что возить еретиков с собой ради пыток было, как гласил кодекс, «неудобно в плане логистики». Теперь он гадал, сколько эвфемизмов скрыто в этом самом кодексе.

В зале поминальных церемоний было несколько дверей, каждая украшена бронзовым видонским скатом на зеленом фоне с металлическим отливом. Даже с другой стороны двери он чувствовал запах благовоний. Сандаловая смесь должна была успокаивать. Вместо этого Джедао подумал о том, что ему сказала сеть. «Поджигая кровь».

На этот раз никто не повернулся в сторону Джедао, когда он вошел в зал поминальных церемоний. Находившиеся внутри Кел были в парадной форме, прикомандированные офицеры — в эквивалентных нарядах своих фракций. Все внимание было приковано к видонской чиновнице и ее жертве.

«Еретика» положили на помост. Это был солдат Кел. Точнее, один из солдат Инессер. Черно-золотой мундир был почти таким же, но на рукаве красовалась повязка с золотой пустельгой, изготовившейся поймать добычу. Каким-то чудом

огонь не затмил пустельгу, а наоборот, заставил ее светиться ярче. Это была, в каком-то смысле, самая яркая вещь в зале.

Вездесущий аромат благовоний оказался недостаточно сильным, чтобы заглушить характерный запах опаленной плоти и, должно быть, специфический запах горелой ткани.

Эскорт отступил от Джедао.

— С-сэр, — сказал капрал приглушенным голосом, — может быть, вам лучше…

— Может быть, мне лучше что? — спросил Джедао, как ему показалось, безупречно спокойным голосом.

Капрал заткнулся.

— Один вопрос, — продолжил Джедао по-прежнему тихо, хотя люди в задних рядах начали хмуро поглядывать в его сторону.

Капрал коротко кивнул. Он и другие солдаты достаточно подчинялись дисциплине, чтобы не отпрянуть от него. Или ими управлял формационный инстинкт.

— Сколько военнопленных мы захватили?

— В целом, сэр, или вас интересует, сколько их на командном моте?

Это сказало ему то, что он должен был знать: слишком много. Кроме того, быстро обратившись

к сети, он получил нужные цифры. Одиннадцать на «Ревенанте». В общей сложности пятьсот три пленника с различным состоянием здоровья были распределены более-менее равномерно по боемотам роя. Эффективность, с которой это осуществили, также предвещала недоброе, как и тот факт, что сеть заверила: Видона выполняют ту же самую церемонию на других мотах в его подчинении.

Джедао протолкался сквозь толпу к пандусу, ведущему на помост. Шокированный ропот последовал за ним. Ему было все равно. Более здравомыслящий голос в его голове предупредил: «Ты не можешь спасти их всех таким образом».

«Может быть, и нет, — подумал он в ответ, — но я могу что-то изменить для этого солдата».

Капрал крикнул вслед, чтобы он возвращался, потом выругался и бросился за генералом. Джедао ускорил шаг.

Видона подняла высоко над горящим солдатом острый инструмент с пилообразным лезвием. Она даже не вздрогнула при его приближении.

Джедао схватил ее за запястье и прошипел:

— Прекратите немедленно.

Чиновница холодно встретила его взгляд.

— При всем уважении, сэр, — произнесла она

тоном, который подразумевал все, что угодно, но только не уважение, — у вас нет власти надо мной.

Вблизи он слышал прерывистое дыхание горящего солдата. Его — или ее — лицо представляло собой массу волдырей и обугленных отметин, отмечающих расположение основных вен и артерий. Джедао сомневался, что у жертвы сохранился голос, иначе она бы кричала.

— Мы оба, — сказала Видона, — поклялись служить гекзарху. Отойдите.

Джедао был очень близок к тому, чтобы сломать ей запястье и швырнуть в огонь, но это не решило бы проблему.

Тем не менее она отреагировала на намек на насилие. Она вонзила клинок в сердце жертвы прежде, чем генерал успел остановить ее. Вокруг ее руки вспыхнуло пламя. Ее серая перчатка и рукав загорелись. Ее лицо было спокойным, даже немного скучающим, как будто она делала это часто. Что, вероятно, соответствовало истине.

— Мне придется сделать календарную корректировку, — сказала Видона. Она вытащила клинок с суетливой аккуратностью, затушила огонь влажной тряпкой.

Джедао в ужасе уставился на нее.

— Этого человека можно было спасти.

— Пустая трата ресурсов, — ответила Видона. — Жертва все равно была почти мертва.

Не позволяя себе ничего сказать, Джедао развернулся на каблуках и вышел из зала. Он знал, куда пойдет дальше.

Джедао замедлил шаг ровно настолько, чтобы эскорт смог догнать его. Они не выглядели благодарными. Ему было все равно, что они думают о своем подопечном.

Покои Куджена были защищены огромным фойе. На стенах в изобилии росли свечные лозы, озаряя спутанные провода и радужные хитиновые панели. Повсюду разносился низкий гул, словно затихающий голос гонга.

На дальней стене сияла нирайская эмблема — серебряный пустомот, такой яркий, что отливал синевой. Сопровождающие преклонили колени в знак полного подчинения. Сам Джедао не стал утруждаться.

— Я пришел на аудиенцию к гекзарху! — крикнул он.

Когда двери раздвинулись, проливая свет на пол и освещая радужные панели, Джедао моргнул, но не двинулся с места.

— Джедао, — произнес Куджен своим бархат-

ным голосом. — Момент можно было подобрать и получше, но… ладно.

Его не интересовали заверения Куджена.

— Как долго продолжаются эти поминальные церемонии?

— Капрал, — сказал Куджен, не глядя в его сторону, — вы и ваши солдаты можете покинуть нас.

Эскорт Кел сбежал.

Куджен уже показывал дорогу вперед.

— Пойдем со мной, — сказал он. — Ты не найдешь здесь ничего интересного, если только тебе не нравятся прототипы схем.

Они прошли через несколько комнат, каждая из которых была более роскошной, чем предыдущая, но это не улучшило настроения Джедао. В одной комнате висели шкуры серых тигров, а другая была обставлена стульями и столами, покрытыми красивым иссиня-черным лаком. Но третья была полна теней, за исключением пьедестала, на котором стояла огромная ваза из прекраснейшего селадона. Глазурь изображала изогнутую ветку с дождевой каплей, падающей на землю, — вот и все. Джедао не стал спрашивать, зачем Куджен собирает такие сокровища, если он почти не обращает на них внимания.

Интересно, будет ли он сам таким же, когда приобретет больше жизненного опыта? Он надеялся, что нет.

— А теперь, — сказал Куджен, — можешь на меня наорать.

Джедао сдержал гнев.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Поминальные церемонии? — Куджен опустился на кушетку. Джедао сел на стул напротив него, вытянув ноги. — Ты имеешь в виду в их нынешнем виде?

Джедао просто смотрел на него.

— На протяжении восьми столетий с лишним, — сказал Куджен.

— И вы это допустили?

Куджен поднял брови.

— Джедао, — сказал он, — я тот, кто придумал эту систему.

Шестеренки в мозгу у Джедао заскрежетали, и механизм остановился.

— Формации, формационный инстинкт и мотдвигатели, — сказал Куджен, — все они зависят от людей, придерживающихся системы. Стабильность гекзархата и его способность обеспечивать своих граждан зависят от людей, придерживающихся системы.

— Куджен, — сказал Джедао, вновь обретя дар речи, — мы только что замучили военнопленных до смерти. Теперь противники никогда не пойдут на переговоры, не будут сотрудничать с обменом пленными, не поверят ни одному из наших заверений…

— Я и не собирался вести переговоры с Инессер или ее людьми. — Куджен встал и направился к шкафу. Из него он извлек темную бутылку без этикетки. Вопросительно наклонил ее и поднял бровь, глядя на Джедао. Джедао покачал головой. — Она и ее последователи слишком опасны. Лучше добавить их в список еретиков и двигаться дальше.

— Вы не можете просто взять и решить, что это нормально — пытать целые категории людей до смерти!

Куджен постучал пальцем по горлышку бутылки. Пробка, из чего бы она ни была сделана, исчезла в клубке бледно-голубого пара. В воздухе запахло розой и пряностями.

— Это один из лучших сортов розового вина, — сказал Куджен. — Мне бы не хотелось пить в одиночку.

— Если вы думаете, что я хочу напиться прямо сейчас, — ледяным тоном произнес Джедао, — то

сильно ошибаетесь.

— Тебе же хуже, — пожал плечами Куджен. Он налил себе бокал и осторожно отхлебнул.

— Когда вы сказали мне, что мы восстанавливаем порядок в гекзархате, — сказал Джедао, — я понятия не имел, что вы это имеете в виду.

Куджен отпил еще глоток и поставил бокал на стол. Он подошел к Джедао. Джедао стоял на своем, чувствуя себя все более неуютно.

— Я и забыл, как ты молод, — пробормотал Куджен.

— Не надо, мать твою, меня опекать. — Джедао сердито уставился на гекзарха, и это было неловко, потому что Куджен был выше его почти на голову.

Куджен подошел ближе, совсем близко, и положил руки на плечи Джедао.

— Ты ведь не только из-за этого расстраиваешься? Дело еще и в той прискорбно жестокой конфронтации с отрядом Кел.

Джедао дрожал от сдерживаемого желания ударить гекзарха. Однако он понимал, что ничего хорошего из этого не выйдет.

— Это не…

— Я уже говорил тебе однажды, — перебил Куджен, — что ты не в силах шокировать меня.

Помнишь?

Джедао неохотно взглянул в прекрасное лицо Куджена, в обрамленные длинными ресницами глаза — дымчатые, с золотыми крапинками.

— Помню.

Помедлив, он прибавил:

— Вы знали. Уже тогда знали.

— Я не думал, что ты готов это услышать, — сказал Куджен.

— Кто я такой? — Джедао был в ужасе от того, как дрожал его голос.

— Тише, — тихо сказал Куджен и потянул его вниз на кушетку, так что они оказались сидящими рядом. — Назовем это мерой безопасности. Я бы не хотел, чтобы мой генерал стал жертвой наемного убийцы.

Джедао вспомнил их первые встречи.

— Вы сказали, что у вас есть способы защиты. А вы… вы тоже…

Может быть, они все-таки похожи. Джедао невольно вспомнил, что Куджен был одним из немногих людей, которые никогда не реагировали на него со страхом или отвращением. «Я мог повлиять на него… изменить его мнение…» А потом он возненавидел себя за эту мысль.

Рука Куджена поднялась к его лицу. Гекзарх

мрачно смотрел на Джедао. Он медленно распрямил пальцы и коснулся их кончиками челюсти Джедао. Казалось невероятным, что Куджен не слышит бешеного биения его сердца.

— Прекрасно, — грубо сказал Джедао. — Я тебя не шокирую? Докажи. — У него было смутное ощущение, что он пытается играть в игру, до которой еще не дорос.

Вблизи глаза Куджена казались еще прекраснее. Пульс Джедао против воли ускорился еще сильнее от того, как Куджен смотрел на него, будто все остальное во Вселенной исчезло. «Немыслимо, чтобы я на это пошел». И все-таки он здесь.

— Милый, — ласково сказал Куджен, — разница в опыте не в твою пользу.

— Я не мальчик, Куджен.

— Ну, это спорно.

Его руки прошлись по бокам Джедао и остановились на его бедрах.

Стоять неподвижно было мучительно. Глупо, глупо, глупо. Как Джедао рассчитывал переиграть гекзарха? Особенно с учетом того, что он едва помнил, как заниматься сексом?

(А он этим когда-нибудь вообще занимался?)

— Как бы это ни было восхитительно, — сказал

Куджен, — я вынужден заметить, что после этого ты будешь презирать себя.

— Может быть, я этого и хочу. — В тот момент Джедао говорил серьезно.

Руки Куджена скользнули ниже.

Затем, без предупреждения, Куджен отдернул руки и размеренными шагами направился в другой конец комнаты.

— Нет, — сказал он. Взгляд прекрасных глаз сделался отстраненным.

Кровь хлынула к лицу Джедао. «Твою мать». Он пришел сюда, намереваясь противостоять Куджену, запугать его, чтобы остановить поминальные церемонии, и теперь…

Он соскользнул с дивана и рефлекторно опустился на колени, принимая позу полной покорности, и стал ждать. Спустя долгое время он понял, что что-то не так — во всяком случае, еще более не так, чем раньше.

— Гекзарх?

— Сядьте, генерал Джедао.

Он чуть не споткнулся по пути к креслу, не доверяя дивану.

— Я не Нирай Куджен, — сказал гекзарх. — Давно пора тебе кое-что объяснить.

Говорить «Я не понимаю» казалось излишним,

поэтому Джедао промолчал.

— Ситуация сложная, — продолжал мужчина, которого он считал Кудженом, — но тебя касается вот что. Ты не можешь соблазнить Куджена не потому, что он не хочет тебя, — Джедао снова покраснел, — а потому, что он мертв.

— Тогда кто же вы? — спросил он, используя те же самые почетные формы, что и раньше, на всякий случай. Мужчина не стал его поправлять.

— Хаджорет Куджен родился 919 лет назад. Именно он ответственен за математику, которая привела к созданию высокого календаря, и за раннюю форму мот-двигателя, сделавшего возможным быстрое расширение гептархата, а также за другие технологии. Он был хорош во многом. Но это не имело значения, потому что он должен был умереть.

— Дайте угадаю, — сказал Джедао. — Куджен очень, очень не хотел умирать.

— Да.

— Должно быть… — Он попытался сформулировать свой вопрос так, чтобы в нем был смысл. — Наверняка кто-нибудь это заметил? Или такова еще одна вещь, которую я забыл?

А потом, поскольку это было не менее важно, чем другие откровения, он спросил:

— Кто вы? Как мне вас называть?

— У меня больше нет имени, — сказал мужчина, в чем Джедао сомневался. — Можешь называть меня Инхьенг, если хочешь.

Джедао едва сумел замаскировать пробежавшую по телу дрожь. «Инхьенг» означало «кукла» или «марионетка». Он с опозданием понял, что к чему.

— Вы и есть тот самый «таинственный помощник».

Инхьенг склонил голову.

— Куджен нашел способ обмануть смерть. Но для этого ему пришлось самому умереть и довольствоваться существованием паразита, призрака, привязанного к живой марионетке. Он здесь, в этой комнате; он везде, куда бы я ни пошел. Он может, когда ему нужно, управлять моим телом напрямую, хотя мы вместе уже много лет и я привык предугадывать его желания. В конце концов, я перестану быть ему полезным, и он перейдет к следующему якорю.

Джедао проглотил машинальное «мне жаль». Инхьенг, похоже, не нуждался в жалости. Но хотелось бы знать, обладала ли живая марионетка такими же сверхъестественными способностями к исцелению, как Джедао, или в этом заключа-

лась цель «следующего якоря»?

Инхьенг невесело улыбнулся.

— Тебе интересно, что я из этого получу. Тебе не нужно знать подробности сделки, которую я заключил, но мне хорошо заплатили. Как ты можешь себе представить, уединение — это то, чего мне достается мало. Тем не менее Куджен уважает мое желание не делиться своей личной историей с незнакомцами.

«Да, — подумал Джедао, — ты можешь получить все, что захочешь, кроме свободы». Кто он такой, чтобы утверждать, что эта судьба ужасна? Она не слишком отличалась от его собственного существования. Было обидно, что его назвали незнакомцем, но он не мог этого отрицать. В конце концов, до сегодняшнего дня он не знал о существовании Инхьенга.

— Значит, гекзарх подслушивает наш разговор? — спросил Джедао.

Разве призракам нужно спать? Отдыхать? Может ли Куджен отойти от якоря и разведать окрестности? Как далеко простираются его чувства? Перед ним маячил целый ряд новых, мерзких вопросов, но ответов не было.

— Инхьенг, — сказал Джедао, запинаясь, но марионетка не стала упрекать его за то, что

он опустил почетный суффикс «-чжо», так что, возможно, он выразился верно. — Когда я прикоснулся к Нирай-чжо, когда я…

Инхьенг не спас его от окончания фразы.

Джедао начал сначала.

— Я не прикасался к нему, — сказал он, следуя за нитью до ее логического конца. — Я прикасался к вам.

— Нет никакой разницы.

В голосе Инхьенга Джедао расслышал: «Это большая разница».

Джедао захотелось закрыть глаза. Вместо этого он пристально смотрел на Инхьенга и ждал.

— Ты не знал, — наконец сказал тот. — Ты не мог узнать.

— Я весь ваш, — сказал Джедао, подразумевая: и можете меня наказать.

— Не надо, — сказал Инхьенг. — Как я уже говорил, ты не знал. Ты не мог догадаться, учитывая твой особый изъян. Даже Кел в этом рое не знают, как долго живет Куджен.

Этого Джедао не понимал. Он предполагал, что Кел должны знать. Но он перебрал в уме улики.

— Тень?

— Да, это симптом. Но большинство людей не понимают его значения. И он выглядит не более

странным, чем любые аксессуары, которыми щеголяют модники в государствах, пришедших на смену гекзархату.

— Тогда как вам удалось убедить их, что вы и есть гекзарх? — резко спросил Джедао.

— У их первого генерала был достаточно высокий уровень допуска, чтобы узнать Куджена, — сказал Инхьенг. Усталость затуманила его глаза. — Полагаю, это все, генерал. Я уверен, тебе есть о чем подумать.

Джедао понял, что ему приказывают удалиться.

— Поминальные церемонии…

— Иди, — холодно велел Инхьенг.

— Как пожелаете, — сказал Джедао, внезапно испугавшись. На выходе он почувствовал, как тень трепещет у него за спиной, словно похоронный ветер.

17

Интерлюдия: станция Тефос, 280 лет назад

У Джедао был перечень того, что ему не нравилось в бытии ревенанта. Неспособность спать оказалась в самом начале списка. Он задержался в тускло освещенной комнате не по собственному выбору, а потому, что его якорь, белокурый парнишка-Хафн, заснул на диване после очередного раунда секса.

Куджен уже встал и сидел на краю дивана, великолепный в своей наготе, делая пометки на планшете.

— Ты собираешься что-то сказать, — сказал он, не поднимая глаз, — так что давай покончим с этим.

— Я и не думал разочаровывать тебя, Нирайчжо, — сказал Джедао с оттенком сарказма. — Я думал только о том, как приятно будет доложить о тебе Командованию Кел.

— Это не принесет никакой пользы, — невозмутимо ответил Куджен. — Половина коллективного разума все еще убеждена, что следует выбросить ключ и оставить тебя в темноте на-

всегда. Что еще можно устроить, если в тебе проснулся мазохист.

Джедао ничего не сказал. Куджену нравилось подтрунивать над его страхом перед темнотой. Он прекрасно понимал, что его отпустили из «черной колыбели» благодаря Куджену; что его необычная степень свободы во время этой прогулки была еще одним таким подарком. Когда Командование Кел приказывало приковать его к очередному якорю, Джедао обычно не имел никакого влияния на таковой, не считая возможности с ним говорить, — и его никто другой (кроме Куджена) не мог услышать. На этот раз, однако, Куджен отрегулировал связь так, чтобы Джедао мог в определенной степени контролировать тело.

Куджен положил планшет на стол рядом с диваном и откинулся назад, безвольно прильнув к сгибу руки Джедао. Джедао испытывал двойственные чувства по поводу того, считать ли это тело «своим», поскольку, строго говоря, у парнишки-Хафна не было выбора в этом вопросе. Но укрепленная якорная связь означала, что он мог чувствовать то же, что и тело, как будто — почти — сам обитал в нем. Куджен изо всех сил старался продемонстрировать преимущества этого.

— Учитывая, как усердно Командование Кел использовало тебя при жизни, — сказал Куджен хриплым голосом, — я подумал, что ты будешь рад небольшому отпуску.

Он перевернулся на другой бок и начал покрывать челюсть и мочку уха Джедао ленивой и извилистой чередой поцелуев.

Тело проснулось; Джедао воспользовался его голосом, чтобы заговорить. Он все еще не совсем привык к чистому, прозрачному тенору и характерному чужеземному акценту. Но, конечно, Куджен выбрал юношу за красоту, в том числе и за красоту голоса.

— Если Командование Кел решит провести инвентаризацию «черной колыбели», пока мы здесь, нам крышка.

Куджен пожал плечами. Джедао ощутил движение рукой. Близость Куджена, совершенство его конечностей, словно выписанных одним движением кисти, произвели обычный, тщательно просчитанный эффект, и член Джедао начал твердеть.

— Мой двойник справится с этим, — сказал Куджен. — Они ничего не поймут. Кроме того, — и он потянулся, чтобы положить руку на вьющиеся светлые волосы на груди Джедао, — ты

действительно должен научиться наслаждаться возможностью расслабиться, пока она у тебя есть.

— В следующий раз ты скажешь, что делаешь это ради меня. — Джедао с усилием сохранял неподвижность, хотя ничего не мог поделать с бешено колотящимся сердцем. Куджен не мог не знать об этом.

Глаза Куджена расширились.

— Но это так, мой дорогой. Даже ты не сможешь так долго выдерживать сенсорную депривацию. — Он приподнялся, чтобы оседлать Джедао, и подтолкнул его в сторону, чтобы освободить достаточно места для своего колена. (Кушетка была широкая, но все же.) — Мы ведь обещаны друг другу, не так ли? Что не принесет мне никакой пользы, если ты сойдешь с ума в «черной колыбели» в перерыве между миссиями.

— Ты имеешь в виду между свиданиями, — парировал Джедао.

— Я сказал то, что имел в виду, — довольно мягко ответил Куджен, но его пальцы впились в кожу Джедао, оставляя следы.

Джедао напрягся, сопротивляясь, несмотря на удовольствие и воспоминания об удовольствии. Он закрыл глаза.

— Перестань думать, — прошептал Куджен ему прямо в ухо. Его рука шевельнулась — раз, другой. Джедао стиснул зубы, чтобы не застонать. — Сможешь ненавидеть меня завтра, или послезавтра, или послепослезавтра. В конце концов, у нас для этого впереди целая вечность.

— Я никогда не забуду, кто ты, — сказал Джедао, все еще не открывая глаз. Если он не смотрел, то мог притворяться, что это просто секс, никаких обязательств, никаких осложнений, а не последняя уловка в игре, разворачивающейся на протяжении веков.

— Я и не ждал от тебя иного, — невозмутимо ответил Куджен. Мало-помалу он двинулся вниз, оставляя за собой шлейф прикосновений, похожих на крылья мотылька, и через некоторое время начал действовать ртом.

«Я не забуду», — подумал Джедао в последние мгновения перед тем, как сдаться. Пока Куджен трудился, Джедао развлекал себя мыслями о его убийстве. Удар по голове сбоку. Удушение — хотя тело Куджена было, к сожалению, сильнее, так что об этом способе лучше забыть. Выдавить ему глаза большими пальцами. Грязно, но разве смерть бывает иной? На долю Джедао выпало немало безобразных смертей.

— О, так вот о чем ты думаешь, — проговорил Куджен почти беззвучным шепотом, безупречно подгадав момент. — Ты так предсказуем, дорогой.

Джедао проклял бы себя за то, что был таким очевидным. Но самое прекрасное заключалось в том, что здесь и сейчас это не имело значения. Это не имело никакого отношения (так он говорил себе) к планам, которые они оба придумывали или использовали друг против друга.

И даже лучше: каким бы омерзительным ни было происходящее (последнее злодеяние в длинной череде), Куджену действительно было наплевать; и сейчас, и потом; он бы не осудил Джедао. Это было самое головокружительное обольщение, на какое гекзарх был способен. И хорошо, потому что Джедао был не в том положении, чтобы сказать «нет».

18

Через шесть минут после того, как его якорь отпустил Джедао, Куджен взял на себя непосредственный контроль над телом мужчины, провел его в одну из внутренних комнат и усадил. Куджену уже давно не приходилось прибегать к этому средству. Движениям не хватало определенной грации. Он по-прежнему использовал Нирай Махара в качестве своего якоря наполовину ради того, чтобы наслаждаться его красотой. Но было приятно напомнить Махару, что за любую уступку приходится платить.

Куджен подождал, пока Махар поймет, что он отпустил струны марионетки. Минуты шли незаметно. Наконец Куджен сказал голосом, который мог слышать только Махар:

— Ты можешь рассказать мне, что тебя так расстроило.

— С чего бы мне расстраиваться? — сказал Махар дружелюбным тоном, но после шестидесяти лет, проведенных в рабстве друг у друга, Куджена непросто было одурачить. — Я скорее трахну кальмара, чем прикоснусь к этому существу.

Махар поднялся с кресла. Куджен позволил ему. Махар направился к одному из встроенных шкафов с множеством нарядов — черных, серых, серебристых, иногда с всплесками кружев цвета пены.

(«Тебе разрешено носить цвета, если речь не о церемониальном событии, знаешь ли, — сказал однажды Куджен Махару. — Что с тобой сделают, понизят в должности?» Махар проигнорировал эти слова.)

— Я думал, ты выше предубеждений такого рода, — мягко упрекнул Куджен.

— Знаю, что это не его вина, — сказал Махар, раздувая ноздри. — Все равно я не хочу с ним спать. Даже если для тебя это легкий способ взять его на поводок.

— Да, — сказал Куджен, — он, вероятно, придумал всю эту сложную рационализацию, чтобы объяснить, почему думать своим членом — это хитроумная уловка. Девятьсот лет прошло. Приятно знать, что человеческая природа не меняется.

Махар сорвал с вешалки одну из своих любимых рубашек, скомкал и бросил на пол. Вскоре у его ног выросла куча изорванных рубашек.

Куджен ждал. У него был большой опыт ожи-

дания — это было первое, чему учились ревенанты.

— Эта тварь не понимает, кто мы — ее отец или любовник. Но ведь именно этого ты и добивался, не так ли?

Куджен не собирался позволять Махару бросить ему подобный вызов. В частности, нельзя было допустить, чтобы Джедао догадался об отношении Махара к нему.

— Рано или поздно у тебя должен был вырасти хребет, — сказал Куджен. — Момент ты выбрал безупречно.

Махар взял себя в руки и просто пожал плечами.

— Каждый имеет право время от времени упражняться в тщетности, — сказал он. — Ты всегда выигрываешь. Стоит ему заговорить, и я начинаю верить, что у тебя получилось. Но все не так просто.

— Что ж, — сказал Куджен, — возможно, тебе стоит напомнить. Еще немного, и ты получишь свободу.

— Ее не существует, — мрачно сказал Махар. — Ты научил меня этому давным-давно.

— Возможно, так и есть, — невозмутимо ответил Куджен. — Но ты получишь лучший

эквивалент свободы, если захочешь. Разве я не выполнил условия сделки?

Махар опустил глаза.

— Выполнил, — прошептал он.

В пятнадцать лет Роскойя Махар проявил необычайные способности как кандидат в Академию Нирай. Куджен добрался до него первым. Младший брат Махара умирал от редкого заболевания.

Служи мне, сказал Куджен, и твой брат получит лучший уход, какой только можно найти в гекзархате. Ты сам будешь наслаждаться всевозможной роскошью. Цена в том, что вы с ним никогда больше не встретитесь.

Тогда, как и сейчас, Махар преуспевал в математике. Он все подсчитал. Он согласился.

В то время Куджен не мог предложить ему бессмертие. Когда-то они с Эсфарелем изобрели «черную колыбель», но Командование Кел слишком внимательно следило за ней, чтобы он смог запихнуть в нее кого-то еще. Кроме того, он слишком наслаждался обществом Махара, чтобы отказаться от него.

— Пойдем, — сказал Куджен и снова взялся за струны, управляющие марионеткой. Пребывая в теле Махара, он вошел во внутреннее святилище,

где хранил самый ценный из своих экспериментов.

Эта комната, в отличие от других, не была создана для роскоши. Что бы ни думал о нем Джедао, он был знатоком своего дела. Стены здесь были мягкого теплого серого цвета, и свечные лозы никогда не тускнели.

В комнате стояли три гроба. В первом лежал еще один Джедао, хотя глаза его были пусты. Куджен предпочел бы иметь больше резервных копий, но ему не хватило времени. У этого не было шрамов — исключительно по эстетическим соображениям. Он не смог устоять перед искушением поработать и с лицом. Мелкие изменения, разновидность модификации, которую люди делали из тщеславия, оставаясь узнаваемыми для тех, кто их знал.

Во втором лежал Махар, или, вернее, Махар, каким он был в молодости. Махар продолжал отказываться от особой чести, но это не беспокоило Куджена. Даже если Махар настаивал на естественной смерти, а не на переходе в бессмертное тело, как у нынешнего Джедао, Куджену нравилась идея сохранить его подобие. Он привязался к этому человеку после десятилетий, проведенных вместе.

В последнем гробу лежал мужчина с вьющимися каштановыми волосами, молочно-белой кожей и янтарными глазами, телосложением танцора и улыбкой, которая разбивала сердца. Куджен смотрел на свою копию — так он выглядел в девятнадцать лет, когда окончил Академию Нирай. Его глаза были похожи на глаза Махара, хотя это было чистым совпадением. Они не были родственниками; он проверил, хотя такая перспектива и казалась маловероятной. Но, тем не менее, единственное сходство радовало его.

Куджен ослабил контроль, чтобы Махар мог говорить.

— Я не стану одним из них, — тихо сказал Махар. — Это уже слишком, Куджен. Я очень ценю твое предложение, но я не тот, у кого есть настоятельная потребность жить вечно. — В обычной ситуации якорь стал бы подкалывать Куджена насчет ненадежных прототипов. Сегодня он воздержался.

— Я всегда буду здесь, если передумаешь, — сказал Куджен. — Но рано или поздно время, отведенное каждому, подходит к концу. Не жди слишком долго.

Махар долго молчал.

— Когда я прихожу сюда, чтобы проверить

оборудование, — сказал он наконец, — я иногда вижу, как они шевелятся. Они видят сны.

— Ну да, — терпеливо согласился Куджен. — Должен же быть какой-то минимум мозговых функций, иначе они оказались бы непригодны для обитания.

Махар шумно втянул воздух.

— Не надо говорить со мной, как с неучем, — прорычал он.

— Прошу прощения, — сказал Куджен.

Другая причина, по которой он держал Махара так долго, хотя обычно менял якоря каждые десять лет или около того: Махар был достаточно хорош в механике врат и мот-инженерии, чтобы стать полезным напарником в исследованиях.

— Мне нужно побыть одному, Куджен.

Куджен услышал напряжение в голосе Махара.

— Конечно, — сказал он. Он мог и помолчать, пока Махар не возьмет себя в руки.

Махар повернулся к гробам. Он избегал смотреть на свой собственный, но долго глядел на второго Джедао со смесью жалости и отвращения.

19

Последнее, что Инессер помнила об Истейе, была эвакуация. Она потеряла сознание еще до того, как та завершилась, — в частности, после удара, который уничтожил командный центр «Трех пустельг, трех солнц». Врач сказал, что ей повезло. Инессер пережила достаточно сражений, чтобы понять истинный смысл этих слов: «Ни одна из частей тела не утрачена» — и да, ей на самом деле повезло, хоть она и чувствовала себя как один гигантский синяк, состоящий из нескольких поменьше. И еще она каким-то образом сломала лодыжку.

В данный момент Инессер сжимала пяльцы для вышивки крестиком и то, что теоретически должно было стать привлекательным изображением складного веера. Единственная причина, по которой эта пустяковина уцелела, заключалась в том, что генерал-протектор не взяла ее с собой на командный мот. Она захватила вышивку на станцию Истейя, чтобы было чем заняться, если появится свободная минутка, и случайно оставила там. Эвакуируя станцию, люди Брезана

предусмотрительно забрали вещицу с собой. Ассистентка Брезана вложила пяльцы в руки Инессер, когда та проснулась.

В настоящее время генерал-протектор находилась в отдельной палате в медицинском отсеке на личном транспорте Брезана, знамемоте «Гармония, свободная от оков». Рядом с ней на столе стоял стакан с водой. Она уже попробовала глотнуть. Вода оказалась несвежей на вкус. Инессер подумывала попросить у сети рисовое вино, но знала, чем закончится разговор.

Ей нужно было сосредоточиться на ситуации. Вместо этого она могла думать только о том, как трудно будет достать еще один моточек цвета «Красный клен № 5». Подлинный, окрашенный вручную многоцветный шелк, сертифицированный анданский продукт с одной из планет Конвенции. Особым образом окрашенный шелк, настроенный на изменение цвета в зависимости от времени года на ее родной планете. Работа с сезонными шелками была очень сложной, ведь приходилось рассчитывать цветовые трансформации на протяжении всего года без того, чтобы они происходили внезапно, во время каких-нибудь запрещенных поминальных церемоний. Но результат того стоил.

— Генерал-протектор. — Миузан прочистила горло, войдя. Слева под мышкой она держала планшет, правая рука висела на перевязи. — Вы готовы к встрече, или мне следует отложить ее?

Инессер заставила себя сосредоточиться.

— Где?

— Они идут к вам. — Миузан мрачно улыбнулась. — Мой младший брат, может, и расхаживает с важным видом в этой своей шикарной форме выдуманного фасона, но он не совсем безрассуден.

Инессер воздержалась от упоминания о том, что если позиция Брезана и была хоть в чем-то похожа на ее, то он носил «шикарную форму выдуманного фасона», потому что какой-то эксперт по протоколу решил, что она произведет впечатление на массы. Судя по виду, она не доставляла ему неудобств, но и о каком-то особом удовольствии говорить не приходилось.

— Приведите их сюда, — сказала генерал-протектор. — И, Миузан…

Та напряглась, услышав свое имя.

— Что бы он ни сделал, — сказала Инессер, — он все еще член семьи. У вас есть шанс поговорить с ним.

— Я уже пробовала однажды, — невыразитель-

ным голосом ответила Миузан. — Это ничего не изменило.

— Я немного знаю, каково это — быть в ссоре с родственниками. Все еще можно исправить.

— Это что, приказ? — спросила Миузан. — Сэр.

— Нет, — устало ответила Инессер. — Нет. Давайте начнем встречу, хорошо?

«Она так молода», — невольно подумала генерал-протектор. В последнее время она часто так думала. Так странно — она сама была когда-то молода, а потом вдруг перестала ею быть.

Вошел верховный генерал Брезан в сопровождении пары парящих сервиторов, несущих что-то похожее на еду, которой кормят инвалидов, только пахло гораздо лучше. Каша, и аппетитно пахнущий мармелад, и даже тонкий ломтик торта. Брезан усмехнулся, увидев выражение лица Инессер.

— Я подумал, что вам понравится, если вас накормят настоящей едой. Я все равно был в настроении готовить.

Сервиторы поставили поднос на стол рядом с Инессер, а затем подлетели к одной из картин на стене и принялись с ней возиться. Инессер, у которой благодаря бесчисленным часам вышивания крестиком глаз был необычайно наметан

по части выравнивания, страстно возжелала вскочить и поправить картину вместо них.

— У нас чрезвычайная ситуация, — сказала Миузан, излучая неодобрение, — а ты готовишь?

Брезан никак не отреагировал на провокацию.

— Потери были тяжелыми, — сказал он, обращаясь к Инессер.

— Не нужно быть дипломатичным рядом со мной, — проскрежетала генерал-протектор. — У меня нет привычки стрелять в посыльного. Дайте цифры.

Глаза Брезана потемнели.

— Мы понесли шестьдесят два процента потерь в рое, — сказал он. — Сама верфь стерта в порошок, так что забудьте о ней. Нам пришлось отказаться от системы. — Он достал свой планшет и показал карту. — Мы теперь здесь. Пока никаких признаков преследования, вероятно, потому, что они заняты укреплением своей власти на Истейе.

Инессер судорожно вдохнула и выдохнула. Она знала, что означает «укрепление власти». Поминальные церемонии.

— Они взяли пленных.

Это был не вопрос.

— Да, — сказал Брезан.

— А где Тсейя?

Тсейя вошла, как будто ее позвали.

— А вот и я. — В руке девушка держала стакан с желе из личи.

— Я знаю, что у вас есть бронебойные сомнения относительно этого человека, — сказал Брезан Инессер, — но я хотел бы включить Шуос Микодеза в нашу конференцию. Если кто и знает, что происходит, так это он. — Его рот скривился. — Но я же согласился, что командовать будете вы. Так что вам и решать.

«Бронебойные сомнения» — это мягко сказано. Люди перестали доверять Микодезу после того, как он убил двух своих собственных кадетов на второй год после того, как занял место гекзарха. Инессер все еще помнила, как услышала новость, едва проснувшись. Известие прибыло во время одного из ее отпусков. Она сидела в декадентской бане с одной из своих жен, когда старший Шуос из ее персонала, альт, связался с ней.

Помните, как мы думали, что мальчик-гекзарх — это какой-то шут? — сказали они. — Ну, он либо гений, либо социопат, но шутом его не назовешь.

И это были всего лишь — всего лишь! — два кадета. Позже Инессер гадала, не устроит ли Ми-

кодез что-нибудь более впечатляющее. Но с его стороны последовали десятилетия удручающе компетентного руководства. Как и любой здравомыслящий человек, Инессер не могла решить, чего она боится больше: организованных Шуосов, которые все глядели в одном направлении, или же периодически устраивающих междоусобицы с оргиастическим пылом. Но она знала, что никто не может положиться на Шуоса с подобной репутацией. Микодез блестяще доказал справедливость этого утверждения, когда подстроил убийство остальных гекзархов.

Брезан смотрел на нее.

— Да, — ответила Инессер сквозь зубы. Она не любила быть обязанной Микодезу ни в чем. Но она уже легла в постель с одним из своих противников; почему бы не сделать то же самое с другим? Кроме того, Брезан советуется с Микодезом, нравится ей это или нет. Лучше уж собрать всю информацию, какую только можно.

— Линия 6–1 с гекзархом Шуос Микодез, — сказал Брезан. — Линия 6–2 с верховным магистратом Рахал Заниин, линия 6–3 с генералом Кел Кируев и линия 6–4 с генералом Кел Рагатом, пожалуйста.

— В помещении личности, у которых нет санк-

ционированного доступа, — чопорно ответила сеть. — Согласно коду безопасности 43.531.1 требуется, чтобы уполномоченная сторона…

Брезан спрятал лицо в ладонях и зарычал, в то время как обезличенный голос сети продолжал развивать тему предосторожностей.

— Ради пламени, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, — мы проходим через это каждый гребаный раз, и теоретически я являюсь бывшим главой государства. Переопределение, черт возьми.

— Согласно коду безопасности 43.531.1 требуется, чтобы уполномоченная сторона…

Брезан вытащил планшет и ткнул в него большим пальцем.

— Тактильный код? — спросила Инессер.

— Уверен, вы без проблем сможете его взломать, — кисло сказал Брезан. — Что забавно, потому что половину времени я не могу заставить систему распознать, что он исходит от меня.

И действительно, прозвенел громкий сигнал.

— Внимание верховному генералу Кел Брезану, — произнесла сеть. — Неавторизованный пользователь был зарегистрирован при попытке…

В комнату просунули головы два охранника в красно-золотых униформах Шуос.

— Настоящая чрезвычайная ситуация или фальшивая, сэр? — спросил один из них, мужчина с телосложением медведя.

Брезан отмахнулся.

— Фальшивая чрезвычайная ситуация. Можете и дальше дурить малышей в джен-цзай, искать стеганографию в картинах на стенах или чем там вы, лисы, занимаетесь, когда жизнь становится скучной.

— Мы обманываем маленьких детей только тогда, когда они этого заслуживают, — сказал мужчина. Дверь со свистом захлопнулась за охранниками, и они вернулись на свои места.

— Приятно знать, что Микодез все еще пестует в своих оперативниках сарказм, — сказала Инессер. — Полагаю, именно у него вы их и взяли.

— Цена помощи Шуоса — это помощь Шуоса, — сказал Брезан, цитируя старую сентенцию. Он снова ткнул пальцем в планшет. На этот раз авторизация прошла.

Сеть снова заговорила.

— Линия 6–3 открыта. Линия 6–2 открыта. Линия 6–4 открыта. — Затем, после паузы: — Линия 6–1 открыта.

Инессер не удивилась, что Микодез ответил последним. Он всегда обладал немалым чувством собственной значимости, даже до того, как создал себе репутацию второго по опасности Шуоса в гекзархате. Инессер приказала себе перестать думать о нем как об «этом мальчике». Она вспомнила, каким поразительно юным он был, когда вопреки всему с помощью одних лишь переговоров занял место гекзарха и с тех пор держался за него.

Сеть изобразила их по рангам. Первым был гекзарх Шуос Микодез, темнокожий, красивый и улыбающийся. Он был великолепен в красно-золотом лисьем мундире и в паре длинных золотых сережек с крошечными колокольчиками, которые звенели всякий раз, когда он двигал головой. Инессер невольно задумалась, не рассчитан ли этот эффект на то, чтобы рассердить собеседника. Или он действительно любил колокольчики. В конце концов, это же Микодез.

Второй была верховный магистрат Рахал Заниин, ранее жившая в Цитадели Минан. На взгляд Инессер, она выглядела болезненно юной для своего поста, несмотря на безупречное поведение. Хотя эта женщина и не претендовала на место рахалского гекзарха в Конвенции, она утвер-

ждала, что Рахал принесут больше пользы, если будут придерживаться календаря мятежников. Ее точка зрения заставила фракцию расколоться. Инессер не могла сказать, движет ли ею честолюбие или искренняя забота о населении Конвенции.

Следующей шла генерал Кел Кируев — женщина, на чьем лице отчетливо выделялись старые дуэльные шрамы. Ее волосы, аккуратно подстриженные в соответствии с нормами Кел, были белыми. Инессер была старше Кируев на двадцать четыре года и выглядела гораздо моложе. У нее имелись подозрения относительно того, что вызвало видимое ухудшение состояния Кируев. Хотя они никогда не встречались лицом к лицу — они служили в марках на противоположных сторонах гекзархата, — она знала эту женщину по репутации. Одна из матерей Кируев казнила ее отца за ересь. Большинство Кел знали эту историю; знали, что Кируев в память об этом событии взяла «лебединый узел» в качестве эмблемы, когда стала генералом. Но сейчас выражение лица Кируев не выражало ничего, кроме терпеливого спокойствия.

Четвертым был генерал Кел Рагат. Конвенция возвела его в ранг генерала вскоре после убийств,

разрушивших старый гекзархат. Он занимал высокое положение в иерархии Конвенции, хотя другие генералы служили дольше. Опыт Рагата как историка сделал его ценным, и он проделал блистательную работу, управляя операциями Конвенции. Инессер считала его опасным противником. Либо Брезан заслужил его уважение — и это немаловажно, — либо наоборот.

Однако в списке отсутствовал один человек.

— А как же Черис? — спросила Инессер. Ей не нравилась эта мятежница, «падающий ястреб», но все же бывший капитан пехоты продемонстрировала способность переворачивать миры с ног на голову. Неплохо иметь такого человека на своей стороне. Какой бы та ни была.

Брезан вздернул подбородок и насмешливо посмотрел на нее.

— Она вне зоны доступа.

— Я вам не верю.

— Она пропала. Она исчезла после убийства гекзархов.

Инессер смерила его скептическим взглядом.

— Мы говорим о женщине, у которой в голове разум самого известного в гекзархате преступника… — Генерал-протектор была достаточно старой и достаточно высокого ранга, чтобы знать,

как работает «черная колыбель». — …И вы позволили ей разгуливать на свободе?

— Никто ничего не «позволял», — сказал Брезан. — Она ушла. Я не знаю, почему.

— У меня есть предположение, — сказал Микодез, наклоняясь вперед. — Она знала, что если останется, то все будут ждать, что она будет руководить. И она не хотела этого ни для себя, ни для вас.

Тсейя смотрела на Микодеза с той особенной пустотой в глазах, которая ассоциировалась у Инессер с людьми, которые были одновременно невероятно сердиты и слишком хорошо воспитаны, чтобы показать это.

— Ну ладно, — сказала она, — забудем про Черис. Но кто, клянусь шипом, возглавлял рой, с которым мы только что сражались, если не она?

— Если это и впрямь Черис… — сказала Миузан, которая до сих пор молчала.

— Нет, — отрезал Брезан. Взгляд Миузан метнулся к нему, но верховный генерал не дрогнул. — Это не может быть Черис.

— Как вы собираетесь это доказать, — спросила Инессер, — если не можете предъявить ее?

— Я понимаю, что у Черис нет причин думать о вас, как о друге, — сказал Брезан, — но зачем

ей взрывать меня? Или мот-верфь, способную производить отличные пепломоты, с которыми можно без труда захватить власть?

Кируев поморщилась.

— Это не могло сработать опять. Командование Кел уволило ее и Джедао с позором.

Инессер пожала плечами.

— Она испепелила Командование Кел, помните? И к тому же якшалась с неким детоубийцей, отнявшим жизни гекзархов посредством удара в спину. — Не было смысла скрывать свое мнение о Микодезе. Он и так все знал.

Микодез высокомерно махнул рукой.

— И все это за один рабочий день.

Этому черветраху даже не было стыдно.

— Суть в том, что она и раньше предавала людей. Она сделает это снова.

— Нет, — заявил Брезан. — Она не такой человек.

— Забавно, — чуть слышно пробормотала Миузан. — Когда-то я бы так и сказала о тебе.

Пальцы Брезана сжались.

— Если вам есть что сказать, полковник, почему бы не покончить с этим?

Миузан открыла рот.

— Полковник, — предупредила Инессер. Она

узнала эту упрямую осанку. У них были дела поважнее, чем травля ее сотрудников за выпивкой.

Миузан успокоилась.

Микодез потеребил одну из серег, потом сказал:

— Мы не любим друг друга, генерал-протектор Инессер, но Брезан прав. Это была не Черис. Это был совершенно новый игрок.

— Это был кто-то, кого контролировал новый игрок, — сказала Инессер. — Или, точнее, очень старый.

— Согласен, — сказал Микодез. Инессер терпеть не могла, когда он соглашался с ней. Это не подразумевало ничего хорошего в будущем.

Брезан уловил ее мимику.

— Как вы можете утверждать, что это Нирай Куджен, — сказал он, — а не Джедао — новый Джедао, — предоставленный самому себе?

— Потому что вы рассказали мне о поминальных церемониях, — сказал Микодез. — Джедао не включил бы их в приоритеты. Они ему даже не нравились, хотя он и держал рот на замке, чтобы сохранить собственную шкуру. Нет, это Куджен, или я съем кошек Зехуни. Что, кстати, автоматически означало бы смертный приговор. Мой помощник любит своих кошек гораздо больше,

чем они меня.

Единственным человеком на конференции, который выглядел довольным, был генерал Рагат.

— Никогда не думал, что у меня будет допуск для этого разговора, — сказал он. — Невозможно было не догадаться, учитывая бумажный след по «черной колыбели». Но я решил оставить эту тему в покое.

Инессер спрятала улыбку. Среди Кел Рагат прославился благодаря заглохшей карьере. Несмотря на его репутацию одного из лучших полковников, Командование Кел пренебрегло его повышением из-за подрывных идей, высказанных в некоторых трудах.

Генерал Кируев откашлялась.

— Я могу пролить свет на местонахождение Черис.

Глаза Брезана сузились.

— Вы что-нибудь слышали о ней?

— Она охотится на гекзарха Куджена.

Воцарилась громкая тишина. Затем он сказал:

— Как давно вы об этом знали?

Миузан поймала взгляд Инессер и одними губами произнесла: «Разделяй и властвуй?»

Инессер в ответ едва заметно покачала головой. Как бы ей ни нравилось наблюдать, как против-

ники набрасываются друг на друга, она не могла больше думать о Брезане и его соотечественниках как о врагах. Чем раньше Миузан это поймет, тем лучше.

Большой проблемой были не Брезан и не его Кел. Она могла бы одолеть его генералов, если бы дело дошло до этого, хотя, учитывая, что он спас ее от неминуемых пыток и смерти на Истейе, она предпочитала так не поступать. В любом случае драка — самый глупый путь к победе. Зачем сражаться, когда она может заручиться его поддержкой? Все, что ей нужно сделать, — это отказаться от основы своего мира.

Но девять лет назад эта основа показала себя ущербной. Инессер предпочитала не зацикливаться на том, что могло бы быть. И Брезан был лишь частью проблемы. Человеком, в чьей помощи она нуждалась, — несмотря на то, что всю жизнь старалась из практических соображений иметь с ним дело как можно реже, — был Шуос Микодез. Брезан был лишь средством для достижения цели.

Брезан и Кируев осыпали друг друга горячими взаимными обвинениями. Инессер не понимала, о чем они говорят, и это ее беспокоило. Она настроила аугмент на запись разговора для по-

следующего просмотра и вместо этого обратила внимание на Микодеза.

— У вас есть идея, что это мог быть за мот-мясник? — спросила она, рассудив, что если у нее на линии хозяин шпионской сети, пусть и недостойный доверия, надо вытянуть из него все, что только можно.

Микодез ухмыльнулся ей, как будто догадался о ее мыслях, но как-то вполсилы.

— Так вот как ваши солдаты его называют?

— Именно таким он и выглядел со стороны. — Ее сердце снова сжалось при мысли о мот-верфи Истейя, о потерянных солдатах, о неизбежных поминальных церемониях. И даже худшим воспоминанием, чем мот-верфь — ибо Инессер за свою долгую карьеру повидала немало разрушений, — была зловещая эмблема в виде перевернутой двойки шестеренок. Безумец снова на свободе.

— Никаких данных ни о чем подобном, — сказал Микодез. — Должно быть, это прототип. Получив некоторое представление о его возможностях, я могу гарантировать, что на данный момент только одно из предприятий Куджена могло иметь возможность произвести нечто в этом духе.

— Не думаю, что вы захотите поделиться своим

списком.

— Обязательно поделюсь, — сказал он, удивив ее. — Брезан попросил меня об этом. Но список неполный. А бомбардировка всех баз Куджена, даже если бы вы справились с логистикой, только отсрочит неизбежное, если вы не избавитесь от самого Куджена.

— Это вы отпустили Черис, чтобы она попыталась убить его? — Она нахмурилась, глядя на него. — И почему это так важно для вас?

Она смогла проследить только часть логической цепочки. Микодез мог управлять легионами шуосской пехоты, но Джедао был одним из лучших генералов, и Черис заполучила его опыт. Что еще важнее, у Черис были воспоминания Джедао о Куджене — целые столетия воспоминаний.

— Нет — на первый вопрос, — сказал Микодез. — Несмотря на мою репутацию и репутацию фракции Шуос в целом, я предпочитаю использовать надежных оперативников. А Кел Черис не такая. Что касается второго вопроса… — Он сделал паузу. — Куджен раньше был активом для гекзархата, если вы определяете «актив» в максимально жестких терминах. Теперь он представляет угрозу. Вот, собственно, вся суть.

— Вы когда-нибудь принимали решение, кото-

рое не было просчитано на продвинутой версии абака? — резко спросила Инессер.

Улыбка Микодеза была странно грустной.

— Я отказался от права на личные чувства, когда взялся за эту работу, генерал-протектор.

— У твоих людей есть привычка хранить от тебя секреты? — тем временем сказала Миузан Брезану. — Потому что это убьет нас всех быстрее, чем все, что крутится вокруг государств-преемников.

— Это было необходимо, — упрямо сказала Кируев.

Проклятый сервитор все еще возился с картиной «Пепельный ястреб и роза». Был ли он неисправен? Инессер не боялась, что за ней будут шпионить. Она смирилась с тем, что комната под наблюдением.

— Мы еще не решили, как быть с тем, что Джедао на свободе, живой и в собственном теле, — сказала Миузан.

Микодез пожал плечами.

— Держу пари, что это вовсе не Джедао. Так же вероятно, что Куджен нарядил одного из своих питомцев, чтобы тот походил на Джедао и мог отдавать приказы. Сражался ли рой так, словно им командовал Джедао?

— Они полагались на более совершенные технологии вооружения, — неохотно сказала Инессер. — Трудно сказать наверняка. Ему не нужно было хитрить, чтобы выиграть, потому что он и так измордовал нас до полусмерти.

— Черт возьми, — сказал Микодез, — Куджен мог бы выбрать какого-нибудь многообещающего генерала или командира тактической группы и подвергнуть модификации. Хотя я сомневаюсь, что он мог случайно наткнуться на другого Джедао или другую Инессер, ему не нужен гений, чтобы использовать гравитационную пушку. И хотя Куджену нравится бороться один на один, ему все-таки понадобился бы человек, подчиняющийся приказам.

— Это Куджен, — сказала Инессер, вспомнив красивых и умных питомцев, которыми он окружал себя. — Он мог бы создать кого-то, кто мог бы сделать и то, и другое.

— И это тоже.

— Мы должны были остаться и нанести ему смертельный удар, — сказала Миузан.

— Слишком поздно, — сказал Брезан.

— Слишком поздно для многих вещей, — уточнила Инессер, думая о том, что если бы она выстрелила ему в спину десятилетия назад, их бы

здесь не было. Но она знала, что простая пуля не помогла бы. — Жаль, что он не взял на себя труд споткнуться на лестнице за все эти годы, пока я ничего не слышала о его передвижениях. — Брезан, который никогда на встречался с Кудженом и не видел его движений, полных грации танцора, не понял шутки. — Если он сейчас появился вновь, то лишь по той причине, что считает ситуацию угрожающей для себя. Он не остановится, пока не раздавит нас своим каблуком.

— Отлично, — сказал Брезан. — Что вы хотите, чтобы я сделал, говоря прагматически? Я не могу послать в бой еще одну Черис. Она существует в единственном экземпляре, и ей явно плевать на мои слова.

Опять эта Черис, что за ужасная мысль. Как будто в их мире недостаточно «падающих ястребов». Инессер напомнила себе, что при новом режиме все станут такими. Но если это работало в Конвенции в течение последних девяти лет, остальные Кел тоже справятся.

— Нет, — ответил Инессер. — Если она потерпит неудачу, придется искать другую. При условии, что она выживет и расскажет нам.

— Я взял на себя смелость привести верфи Конвенции в состояние повышенной боевой

готовности, — сказал Брезан, — поскольку очень многие люди обсуждают законность нашего соглашения.

До чего же он все-таки молод.

Он не был так наивен, как она предполагала, потому что продолжил:

— Это было самое легкое. Нет. Мы также будем бороться с Кудженом, предавая огласке его существование. Я не знаю, как он выглядит на этот раз, если замешана «черная колыбель», но…

Тсейя изобразила поклон в его сторону.

— Пропаганда не входит в число моих специальностей, — сказала она довольно мягко. Но кончики ушей Брезана порозовели, как будто она напомнила ему о каком-то очень личном инциденте. — Тем не менее у вас есть Андан, и я сама знаю нескольких. Мы сможем распространить известие.

— Даже если люди нам поверят, — сказал Брезан, — самое трудное будет убедиться, что они не сожгут соседей, которых недолюбливают за «странное поведение».

— Вы почти все делаете правильно, — сказал Микодез. — Не превращайте это в скучный публичный бюллетень. Он просто заставит людей играть в Видона. Лучше сформулируйте все в тер-

минах драмы. Куджен, параноидальный ублюдок — такой, какой есть, — получит сообщение, а все остальные смогут наслаждаться остроумными диалогами и красивыми костюмами.

Тсейя покачала головой.

— А что же, — сказала она слишком сладким голосом, — вы думаете, что хорошую драму можно состряпать из ничего за тридцать часов?

— Пусть будет плохая, — уступил Микодез. — Это еще больше его разозлит. Даже у того, кто вынужден постоянно скрываться, как Куджен, есть эго.

— Только ради вас, гекзарх.

— Конечно, Тсейя. — Его вежливое выражение лица не изменилось.

Инессер поймала взгляд Тсейи и покачала головой. Девушке не нужно было напоминать дважды. Как ни заманчиво было обменяться колкими замечаниями с Микодезом — Инессер знала, до чего он раздражает, — они должны работать вместе.

— Я делаю все, что в моих силах, чтобы способствовать союзу, — сказал Брезан. — Но на это потребуется время.

— Напомните людям: или так, или они увидят, как их дома взрывают наугад, — сказал Рагат.

— Это половина проблемы, — вздохнул Брезан. — С таким миром они уже знакомы. Я обещал кое-что другое. Я не сдержал слова.

— Да неужели, — проговорила Инессер, — вы уже сдаетесь?

Брезан тихо усмехнулся.

— Не дождетесь.

Конструктивная враждебность. С этим можно работать — тем более, все указывало на то, что Брезан соблюдает условия их соглашения. И хорошо, поскольку это было все, на что Инессер могла положиться.

20

В первую же ночь после того, как они покинули станцию Айонг-Прайм, 1491625 отвел Гемиолу в сторонку поболтать. Черис легла спать — это заключалось в том, что она слегка откинула спинку кресла. Поза не выглядела удобной.

Вопрос о личности Джедао-Черис был первым из того, что 1491625 объяснил Гемиоле.

— Обычно она предпочитает, чтобы ее звали Черис, — сказал он, как только дыхание Черис вошло в ритм сна.

— Прошу прощения?

— «Джедао», — нетерпеливо сказал 1491625. — Теперь ее зовут Аджевен Черис, хотя большинство людей используют вместо этого имени Кел Черис. И многие путают ее с Джедао.

— Я немного знаю о Шуос Джедао, — сказала Гемиола. — Я ничего не знала о Черис, пока не попала на Айонг-Прайм.

1491625 мигнул уничижительным оливково-зеленым светом.

— Ты и весь остальной гекзархат. Она сделала свой выбор, но некоторые из нас помнят, кем она

была до того, как Командование Кел продало ее.

— Почему она сама мне не рассказала?

— Ты когда-нибудь слышала про мвеннин?

Гемиола показала, что нет.

— Ее народ. Большинство из них уже умерли. Видона схватили их и уничтожили.

— Из мести? — с большим интересом спросила Гемиола. Месть была мотивом, который она могла понять.

— Как пример для остальных. Помимо проблемы с именами… — и 1491625 направил низкоинтенсивные лазеры прямо на Гемиолу, чтобы не потревожить покой Черис, — за тобой будут следить каждую минуту, куда бы ты ни пошла. Пускай Черис — добрый, доверчивый человек…

Гемиола выразила скепсис.

— …во всяком случае, для того, кто хранит воспоминания элитного шуосского оперативника…

С этой частью Гемиола согласилась.

— Словом, может быть, она и надеется завоевать твои симпатии, — подытожил 1491625, — но я-то знаю, какая ты на самом деле. Ты никуда не пойдешь без моего сопровождения.

Гемиола нервно замигала огнями в направлении ближайшего иллюминатора. Сейчас она не видела никаких полезных подсказок. Их мот-дви-

гатель был включен, и излучения пространства врат затуманивали все вокруг.

— А куда же мне идти?

— Не знаю, что ты задумала, — сказал 1491625, — да мне и наплевать. Меня даже не волнует необходимость быть вежливым с тобой. Если начнешь строить планы, помни, что мой анклав выбрал меня для защиты Черис.

Гемиола не знала, что на это ответить.

— Надеюсь, я достаточно ясно выразился.

— Ты ясно выразился, — согласилась Гемиола.

— Хорошо. Иди составь инвентарную опись того, что у нас в трюме, или займись еще чем-нибудь.

Гемиола обалдело заморгала.

— Разве у вас уже нет… — А-а, понятно. 1491625 хотел, чтобы она находилась как можно дальше от Черис. — Уже иду.

— Можешь не спешить, — промигал ей вдогонку 1491625.

Гемиола поплыла в трюм. Она начала инвентаризацию, не только сверяя метки с манифестом, но и сканируя содержимое на всякий случай. Батончики келского походного рациона разных сортов и один маленький ящик консервированных солений. Несколько сменных скафандров, хотя

Черис одержимо ремонтировала тот, который у нее уже был. Все скафандры были подходящего размера для Черис. Гемиола не понимала, зачем их спрятали в ящик, да к тому же запихнули под пайки.

В какой-то момент Гемиола возобновила чтение записей гекзарха. Инвентаризация была рутинной работой и требовала небольшой вычислительной мощности, поэтому она могла делать и то и другое одновременно. Кроме того, Черис и ее спутник могли быть очарованы огромным разнообразием герметиков, плотно уложенных в следующих ящиках, но Гемиола не разделяла их интереса.

Устав от исследований карликовых мотов, которые, казалось, ни к чему не приводили, Гемиола вернулась к более раннему журналу. В то время как файлы имели полные индексы, она составляла собственный, основанный не на тексте, а на рисунках. Гекзарх не считал их важными, но они выглядели привлекательнее текстов, графиков и таблиц.

Геометрические диаграммы, нарисованные в безупречной изометрической перспективе. Прекрасно прорисованные диаграммы проективной плоскости. Случайные порнографические

фигуры, переплетенные друг с другом. Гемиола предположила, что некоторые из них были нарисованы по референсам с несколькими партнерами, судя по разнообразию тел и поз. Либо гекзарх просто обладал очень богатым воображением.

Показывал ли он их когда-нибудь кому-нибудь? Гемиола попыталась представить себе реакцию на такие рисунки.

Еще диаграммы. Не математические и не относящиеся к какой-либо технической дисциплине, которую Гемиола могла бы опознать. Все делилось на четыре сегмента, каждый из которых мог делиться дальше, на половинки. Нет, не всегда на четыре — иногда на три больших сегмента. Но обычно их было четыре.

Спустя семнадцать дней после вылета из Айонг-Прайм Гемиола расшифровала диаграммы. К тому времени она завершила инвентаризацию, растянув ее так сильно, как только могла, чтобы не сталкиваться с хмурым взглядом 1491625. Это произошло в середине перерыва, когда она смотрела одну из новых драм, которые сервиторы Айонга предоставили Черис. 1491625 неохотно позволил Черис найти для Гемиолы нужные серии.

Именно песенно-танцевальный номер в кульминации восьмого эпизода дал Гемиоле ключ к разгадке, хотя поначалу она этого не поняла. Черис номер понравился. Гемиоле — нет.

— А почему? — задумчиво спросила Черис. — Он же милый.

Гемиола огорченно замигала в ответ красно-оранжевыми огоньками.

— Цвета не согласованы друг с другом! И некоторые танцоры массовки движутся не синхронно, даже принимая во внимание человеческие рефлексы.

— Ну да, — сказала Черис. — В этом часть очарования. Разве ты не знала? Именно эта драма попала в список цензоров за изображение еретиков в дружественном свете. Ее не просто подвергли цензуре. Слушание дошло до Верховного суда Рахал, до рахалского гекзарха.

По крайней мере, притворяться заинтересованной было легче с человеческой аудиторией, чем с сервиторской. Огни 1491625 в ультрафиолетовом свете мигнули с мягким, циничным весельем, но он оставил свои наблюдения при себе.

— Нет, это не та часть, которая должна заставить задуматься, — сказала Черис. — Гекзарх приняла решение в пользу драмы. Потому что

она тоже ее смотрела. Не знаю, понравилось ей или нет. Я мало о ней знала. Но гекзархи поссорились из-за нее, и, в конце концов, гекзарх Рахал уступила остальным. Однако некоторые сервиторы узнали, что драму собираются уничтожить, и тайком вывезли ее. К тому времени, как до кого-то дошло, что случилось, она была повсюду. Гекзархам пришлось притвориться, что таково было их намерение с самого начала. Никто так и не догадался, что в этом замешаны сервиторы.

— Так вот откуда у тебя взялась эта идея, — сказал 1491625, сидевший за штурвалом.

— Что за идея? — против собственной воли поинтересовалась Гемиола.

Черис хрустнула костяшками пальцев. Ее глаза были старше, чем должны были быть, и внезапно потемнели от усталости.

— Как разрушить мой дом и убить мой народ.

— Ты имеешь в виду мвеннин?

Ее голос стал отрешенным.

— Да, мвеннин. Народ Джедао давно потерян. Хафн завоевали его родной мир пару веков назад.

У Гемиолы не нашлось конструктивного ответа на этот вопрос, и она вновь обратила свое внимание на ужасный песенно-танцевальный номер.

Точнее, она вернулась назад и пересмотрела все танцевальные номера в предыдущих семи эпизодах, на всякий случай. Но мнение о них лишь стало более критичным.

Затем она вернулась к тому номеру, который понравился Черис. И в этот самый момент поняла, что гекзарх изобразил на полях своих записей: танцы.

В каком-то смысле это было логично. Гемиола воспроизвела некоторые из своих воспоминаний о визитах гекзарха. Он обладал безупречным чувством равновесия и всегда делал выверенные шаги. Он танцевал не ради того, чтобы просто скоротать время. Он серьезно изучал это искусство. Где он ему научился?

«Кто же ты?» — задалась вопросом Гемиола.

Гекзарх и Джедао танцевали вместе в одной из комнат Тефоса. Гемиола вспомнила, как она и два других сервитора каждый день меняли украшения на радость гекзарху. В основном бумажные фонарики с нарисованными на них черно-серебряными мотыльками. Даже сейчас она не понимала значения фонарей. Как заботливо гекзарх повторял танцевальные движения вместе с Джедао, шепотом подсказывал правильные па, когда тот запинался…

— У меня личный вопрос, — обратилась Гемиола к Черис.

Черис склонилась над субдисплеем, читая бюджетную сводку по исследованиям.

— Говори, — сказала она, не глядя на змееформу.

— Когда бы Джедао ни навещал Тефос, — сказала та, не зная более тактичного способа сформулировать вопрос, — он всегда был неуклюж. Но сейчас…

— Все не так?

— Да.

— Куджен любил помещать Джедао в неуклюжие тела, — просто сказала Черис. — С его стороны это была довольно простая модификация. Психохирургия — не единственный вид медицинского вмешательства, в котором он разбирается. Ему нравилось напоминать Джедао о том, что тот потерял.

Значит, он прошел долгий путь от мальчика, который хотел накормить голодных детей. Или, возможно, Гемиола все это время неправильно понимала того мальчика.

— Кто научил гекзарха танцевать?

— Он мне об этом никогда не говорил, — сказала Черис. — Он вообще мало говорил о том,

откуда пришел. Он видел, как гибнет великое множество планет, видел поля сражений и полигоны для испытаний оружия, для которого у нас больше нет названий, видел миры, раздираемые собственными проблемами. К тому времени, когда он встретил меня, смерть не слишком его волновала. — Она криво усмехнулась. — Во всяком случае, это у нас было общее.

Черис казалась гораздо убедительнее, когда не пыталась объяснить змееформе, насколько гекзарх был испорчен. Как будто порочность имела какое-то значение для гекзарха. При чем тут порочность, когда он всю свою жизнь делился с гекзархатом знаниями и технологиями? Змееформа не была уверена, к какому ответу на этот вопрос склонялась.

Во множестве миров Черис — или Джедао — знали как Жертвенного Лиса. Те же самые миры не знали имени гекзарха. Змееформе теперь это было известно. Гекзарх предпочитал действовать, оставаясь в тени. И хотя люди не шептали имя гекзарха со страхом, они боялись мира, который он создал.

«Что же пошло не так?» — спросила себя Гемиола.

— Время от времени Куджен тосковал по до-

му, — сказала Черис. — Это все, что я знаю. Я не думаю, что его дом был хорошим местом. Но он принадлежал ему и перестал существовать, а такие вещи имеют значение. Шуос Микодез как-то сказал мне, что когда-то Куджен был беженцем. Трудно себе это представить, но информация Микодеза, как правило, достоверна. Обычно я жалею, что это так.

— Вы с Кудженом, должно быть, вели отличные беседы, — ехидно заметил 1491625.

— Мы так и делали, — сказала Черис, чье настроение немного улучшилось. — Помню один раз, сразу после того, как мы… заключили союз. Еще тогда, когда Джедао был жив, и состоялась наша первая встреча. — Она махнула в сторону Гемиолы. — Даже до Тефоса, много лет назад.

— Рассказывай, — сказал 1491625, саркастически помаргивая.

— Если ты так ненавидишь мои истории…

— Я хочу знать, — сказала Гемиола.

Улыбка Черис была невеселой.

— Мы договорились, что гептархат должен переродиться, — сказала она. — Мы… какое-то время мы это обсуждали. Момент был опасный.

По участившемуся пульсу и температуре Черис Гемиола догадалась, какую форму принял

разговор. Но она не стала на это указывать. Если женщина не хочет поднимать эту тему, то и сервитору не стоит.

— Я говорил об изменениях в военном кодексе в рамках общей программы социальных реформ, — протяжный акцент Черис стал сильнее. — По какой-то причине я намеревался пересмотреть раздел, посвященный военным трибуналам. Может быть, мне следовало заняться этим вплотную. Оно могло бы пригодиться позже.

— Я думал, тебя так и не отдали под трибунал, — сказал 1491625.

— Формально ты прав.

— Значит, твое увольнение с позором…

— Я и не мечтал о точном соблюдении регламентов, — солгала Черис. Ни 1491625, ни Гемиола не стали ей на это указывать. — Как бы то ни было, Куджен приподнялся на локте и спросил: «Пока ты возишься с регламентами, которые больше никого не волнуют, кто будет управлять гептархатом?» И я сказал, что мне придется делать эту работу, пока не будет создано временное правительство, если только он не захочет взять ее на себя. — Она скривилась. — Я предложил побороться за это право врукопашную. В тот раз все казалось забавным. И тогда же…

— Да? — спросила Гемиола, когда Черис замолчала.

Черис выдохнула с ироничным видом, продолжая вспоминать:

— Он не верил, что я могу отказаться от власти. И он был прав. На каком-то уровне я знал: стоит мне промедлить, и власть окажется в моих руках, хочу я этого или нет. И я не хотел… но никто из тех, кто свергает целое правительство, не заслуживает доверия в этом вопросе. Вот почему я ушла от верховного генерала Брезана девять лет назад. Я не хотела мешать переменам.

На этот раз Гемиола поверила, хотя и не понимала всех мотивов этой женщины. Но кое-что встревожило змееформу…

— Гекзарх знал? И он не пытался остановить тебя?

Черис не рассмеялась и не стала насмехаться над сервитором.

— Гемиола, — сказала она. — Джедао был оружием в Арсенале Кел. Я принадлежал Командованию Кел. По-твоему, когда гекзарх Нирай Куджен привозил меня на Тефос, он делал это с их разрешения?

Змееформа догадалась, каков ответ на этот вопрос.

— Зачем ему разрушать мир, который он построил? — спросила она.

— Его марионетки все хуже слушались хозяйских рук, — сказала Черис. — При жизни Джедао фракция Лиож сделалась очень сильной. И ее члены начали задавать неудобные вопросы о поминальных церемониях и о том, можно ли их отменить. Это не понравилось Куджену.

«Мы — государство из тысяч и тысяч миров, и мы не можем помешать ребенку умереть от голода рядом с одной из академий нашей фракции».

— Я не могу объединить гекзарха, которого ты помнишь, с гекзархом из его ранних записей, — сказала Гемиола. — Впрочем, в тех, что были сделаны позднее… он больше погружен в свои занятия и меньше интересуется людьми, кроме тех случаев, когда они ему полезны.

— Есть такая тенденция, — сказала Черис. — Я не знаю, как оно бывает с сервиторами. Люди не живут по 900 лет. Даже в течение обычной жизни мы сильно меняемся.

Гемиоле не нужно было спрашивать, откуда она это знает, — ведь часть ее была Джедао. Все знали историю Жертвенного Лиса. Змееформа даже смотрела некоторые драмы о нем, хотя у нее не хватило смелости спросить Черис, что она

о них думает.

— Должно быть, он рассказал тебе о своих мотивах, — сказала Гемиола. — Чего он хотел?

— Он утверждал, что речь идет о том, чтобы наблюдать за возрождением мира, — сказала Черис. — Я ни на секунду в это не поверил. Куджен никогда не заботился о высоких абстрактных принципах. Единственное, что действительно имеет для него значение, — это математика. Во всяком случае, он не стал бы рисковать собственной шкурой ради высокого абстрактного принципа. Он посвятил себя самым элементарным удовольствиям. Еде. Сексу. Красивой одежде. Он… спал он мало, но ему нравилось смотреть, как спят другие люди. — Черис откинулась на спинку сиденья и устало потерла глаза. — Я сразу понял, что ему не нравится быть уязвимым. Он соорудил для себя идеальную защиту.

— Но принципы заботят тебя, — сказала Гемиола, до которой наконец дошло. — И тебе не нравилась система гекзарха.

— Нет. — Глаза Черис стали холодными и напряженными, как у убийцы. Ее глазами на Гемиолу смотрел Джедао. — Я бы с удовольствием прикончил его. Но убийство не решило бы проблему, даже если бы я смог такое устроить. Я

пытался, когда впервые встретил его. Он просто захватил новое тело, и после этого я понял, что у меня нет способа избавиться от него навсегда. Поэтому мне пришлось сблизиться с ним, чтобы узнать все, что можно, и попытаться реформировать его систему. Кроме того… — она скорчила гримасу, — мы нуждались друг в друге.

Возбужденные розово-желтые огни осветили всю кабину игломота, когда 1491625 выразил свое мнение об этом заявлении.

— Хочешь сказать, что он был хорош в постели?

— Ну, даже прожив «всего лишь» несколько столетий, он отлично разбирался в… впрочем, забудем об этом.

У Гемиолы возникла оскорбительная и, возможно, еретическая мысль о том, что гекзарх мог бы сыграть роль куртизанки в драме. Конечно, он всегда был достаточно хорош собой для такой роли, даже в мире, где правят красивые люди. Еще оскорбительней было то, что у нее достаточно видео с его участием для…

«Нет, я не буду монтировать музыкальное видео с танцами гекзарха».

— Если вы когда-то были союзниками, — сказала Гемиола, подавив эту ужасную идею, — что

заставило тебя передумать?

Вместо того чтобы снова солгать, Черис подперла подбородок руками и вздохнула.

— Он знает, что я больше не нуждаюсь в нем, что делает меня первоочередной обузой. Я уже бросила ему вызов, создав Конвенцию. Он не стал бы уничтожать меня из злобы, но он также не потерпит угроз своей власти. И прямо сейчас я — единственный человек, который может остановить его. — Она обдумывала какие-то хитросплетения стратагем, невидимые никому, кроме нее самой. — Мне жаль, что тебя втянули в это дело.

Гемиола не слишком доверяла себе, чтобы ответить. Она решила, что необходимо заново провести инвентаризацию грузового отсека. На тот случай, если на борт случайно пробрались паразиты во время стоянки у Айонг-Прайм и теперь проедают себе путь через драгоценные батончики с походным пайком.

Пайки со вкусом жареного сушеного кальмара исчезали быстрее всего — либо это был любимый вкус Черис, либо ненавистный, и она пыталась избавиться от него, чтобы добраться до чего-то более вкусного. Она убирала за собой достаточно добросовестно; системы игломота аккуратно

перерабатывали обертки. Но каждая обертка снабжалась сканируемым кодом, определяющим вкус, срок годности и место производства, предположительно для целей контроля качества. Работа для сервиторов, которую они могли делать, даже не открывая ящики, чтобы посмотреть на этикетки с избыточными надписями, предназначенными для человеческих глаз.

Гемиола вернулась к просмотру записей гекзарха. В конце концов, они продемонстрировали, почему его невозможно убить. Змееформа не распознала ключ к разгадке, когда столкнулась с ним. Ключом оказалась карта, хотя и с неверным масштабом, что обеспокоило Гемиолу больше, чем она хотела признать. Гекзарх раскрасил ее несколькими цветами. После поиска в своих собственных базах данных, обновленных информацией из Айонг-Прайм, Гемиола пришла к выводу, что цвета обозначали различные календарные зоны влияния. Желтый символизировал гекзархат. Другие пастельные тона представляли Республику Таураг, Хафн, Хоссен, Реальность Гва и так далее.

«Гва-ан держатся особняком, — записал гекзарх стенографическим методом, который она к этому моменту успела расшифровать. — От Хафн и тау-

рагов, скорее всего, стоит ждать неприятностей в ближайшие десятилетия».

И дальше: «Впервые за двести тридцать семь лет нашим границам угрожает серьезный коллапс, пусть даже только вдоль Запутанной марки и марки Крещендо. Я чувствую давление наступающей календарной гнили, как болезнь под собственной кожей».

Под заголовком «черная колыбель» последовала длинная цепочка уравнений и лихорадочных заметок. Гемиоле пришлось напряженно изучать их в течение нескольких дней, маскируя свой интерес разумным применением плохих драм. Даже неумело поставленные танцевальные номера больше не имели значения. Ставки были слишком высоки, чтобы она могла уделять много внимания своим прежним увлечениям.

Гекзарх и Джедао могли менять тела. Джедао делал это только с помощью гекзарха, что, возможно, отчасти объясняло его двойственное отношение к Куджену.

С другой стороны, гекзарх мог прыгать туда-сюда по собственной воле. Это объясняло, как он выживал последние девятьсот с лишним лет. Джедао не убил гекзарха в постели (или во время танцев, или за ужином), потому что это

не принесло бы никакой пользы. Гекзарх просто прыгнул бы в другое тело. Значит, Черис сказала правду.

Здесь, наконец, пришло объяснение интереса гекзарха к границам своей страны и тому, насколько тесно его благосостояние было связано с ними, помимо очевидного. Его бессмертие — его способность обитать в других телах — было экзотическим эффектом. Оно работало только в сфере влияния высокого календаря.

С безжалостной паранойей гекзарх исключил существование других экзотических эффектов, которые могли бы его уничтожить. Он даже смастерил пару прототипов оружия, предположительно для использования против Джедао. Это показалось Гемиоле необычайно опасным, но, с другой стороны, Джедао не смог заполучить это оружие, пока гекзарх был у него на мушке.

Некоторые эффекты формаций Кел могли также отделить гекзарха от тела-носителя и уничтожить его. Но Кел никогда не ослушаются своих командиров, и Гемиола не могла себе представить, что гекзарх предоставит этим командирам достаточно свободы, чтобы пойти против него.

Нынешняя фрагментация гекзархата должна была обеспокоить гекзарха. В конце концов, если

государство падет, то и он тоже. Еще хуже было то, что Протекторат и Конвенция объединили свои силы и отказывались от высокого календаря.

Преисполненная решимости разобраться в этом окончательно, Гемиола быстро просмотрела предыдущие записи Куджена. Если бы змееформа была человеком, у нее наверняка разболелась бы голова. Но она нашла искомый ответ в исследованиях мотов, которые раньше сочла неважными. Не в материале о карликовых мотах, а еще раньше, в самом начале исследовательской программы по мот-двигателям.

«Моты — живые, — написал гекзарх. — Доказательства нельзя игнорировать: они почти наверняка разумны. Если мы продолжим это направление исследований, то поработим чужаков, которые не причинили нам никакого вреда.

С другой стороны, гептархат проигрывает свои битвы. Я смотрю новости каждый день. Несмотря на пропаганду, я вижу истину. У наших границ захватчики пожирают целые миры. Более быстрый звездный двигатель мог бы все изменить».

Два дня спустя: «Я хочу, чтобы мне не было больно думать о мотах. Об умирающих детях. О голодающем населении. Каждый раз, когда я думаю об этом, я вспоминаю свое собственное

детство. Жаль, что я не могу сделать так, чтобы мне было все равно».

А на следующий день на полях неровными, дрожащими буквами, почти совсем не похожими на его обычный почерк, было написано: «Я знаю, как следует поступить».

Гекзарх имел в виду психохирургию. Судя по всему, что Гемиола когда-либо слышала, это почти всегда была плохая идея — делать самому себе подобную операцию. Гемиола пожалела, что она не может переместиться назад во времени и отговорить гекзарха от этого шага. Она опоздала на несколько веков.

Гемиола нервно завибрировала, не зная, что делать. Она все еще торчала на игломоте. Но кому она обязана своей преданностью? Даже если гекзарх вырвал свою собственную совесть и исказил целое государство, подстраивая его под свою жажду вечной жизни, это автоматически не делало Черис заслуживающей доверия.

Черис втиснулась в последнее оставшееся свободное место в трюме и серьезно смотрела на Гемиолу.

— Ты выглядишь так, будто хочешь о чем-то поговорить, — сказала она.

«Хочешь» — это сильно сказано.

— У меня есть информация, которая тебе нужна.

— Нужна? — переспросила Черис.

— Ты сказала, что хочешь убить гекзарха.

— Значит, ты знаешь, как.

— Теперь знаю.

— Зачем ты мне это говоришь? — резонно заметила Черис. — Ты изменила свое мнение о том, каким человеком он был?

— Ты был генералом во многих битвах, у многих звезд, — проговорила змееформа.

— Что-то вроде того. — Черис была настороже. Гемиола не винила ее.

— Мир, который построил гексарх, — это мир, где люди голодают?

Змееформа внимательно изучила сводки, полученные на Айонг-Прайм, но они были удручающе неполными. Кроме того, она подозревала, что у администраторов повсюду есть стимул сообщать о событиях в позитивном свете, независимо от того, хорошо ли идут дела на самом деле.

Черис досадливо взмахнула рукой.

— Ты просишь много информации на сложную тему, и я не смогу представить ответ быстрее, чем сервитор. Каждый мир, каждая станция, каждый город, каждый район… Короткий, незамысло-

ватый ответ — нет. Чужаки любят говорить о тирании гекзархов. Однако это тирания, которая кормит людей, дает им работу и позволяет удовольствия. Если, конечно, ты не еретик. Но кто-то всегда должен расплачиваться. — Она скривила губы. — Таким был мир, который я разрушила. Куджен думал, что я помогу ему, а я предала его.

Ее прямота обезоружила Гемиолу.

— Можешь ли ты поклясться мне, что мотивы гекзарха были мотивами тирана? — спросила змееформа.

— Нет, не могу. Он сложный человек. Но количество людей, которых замучили до смерти ради него… вот это совсем не сложно.

Тогда Гемиола и приняла решение.

— Есть оружие, которое может убить Куджена. Я предполагаю, что ты его еще не заполучила, иначе все бы уже закончилось.

— Совершенно верно.

— Для этого убийства, — медленно произнесла Гемиола, — тебе понадобятся Кел. Формационные эффекты.

— Это можно устроить, — сказала Черис. Она поклонилась в пояс. — Добро пожаловать в миссию, Гемиола.

21

Брезан провел все утро за письменным столом, мечтая, чтобы кто-нибудь спас его от серьезного, вежливого и полного кропотливых подробностей разговора о логистике календарного сдвига, который он вел с верховным магистратом Рахал Заниин. Не то чтобы он недолюбливал Заниин. Несмотря на характер — еще хуже, чем его собственный, — Заниин была разумным человеком. (Она также оказалась на удивление забавной в подпитии, в тот единственный раз, когда он напоил ее. В частности, она знала много анекдотов, которые не были келскими, что он оценил.)

Несколько предметов в настоящее время украшали его стол. Планшет и два стилуса, оба с раздражающим обыкновением писать с пропусками. Крошечный цилиндрический аквариум от Тсейи, в котором безмятежная сине-серебряная бойцовая рыбка кружилась среди водорослей и чего-то, удручающе похожего на настоящие граненые драгоценные камни. Будучи умной женщиной, Тсейя оставила инструкции по уходу не ему, а его помощнице. Брезан все еще не

знал, что делать с подарком, тем более что Тсейя прекрасно помнила, что он считал рыб жуткими, если только они не были вкусно зажарены на сковороде.

Миузан не принесла ему никаких прощальных подарков и после эвакуации с Истейи сказала всего лишь несколько слов. Тем не менее в приступе самобичевания Брезан поставил на стол портрет своей семьи, повернутый так, чтобы Заниин не могла его видеть. Младший отец поручил одному из своих друзей нарисовать его. Брезан помнил, как его поразило, что какой-то художник — пусть даже тот, кто был в хороших отношениях с его раздражительным младшим отцом, — рискнул подвергнуться неминуемой яростной критике.

— Верховный генерал, — сказала Заниин, — вы внимательно слушаете?

— Да, — солгал Брезан.

Она закатила глаза.

— Ну, по крайней мере, притворяйтесь лучше.

Затем она вернулась к объяснению изменений, которые надлежало внести в программу начальной школы. Он уже предчувствовал обязательные протесты учителей, большинство из которых продолжали симпатизировать фракции Видона, даже если официально отказались от

своей старой преданности.

«Спасите меня от этого», — подумал Брезан, несмотря на волну угрызений совести. Инессер понесла огромные потери, сражаясь против Джедао. (Нового Джедао? Джедао Номер Два? Номенклатура становилась проблемой. Не помогло и то, что Микодез небрежно упомянул, что его помощник Зехуни назвал нового пестрого котенка Джедао, очевидно, продолжая давнюю традицию называть своих кошек в честь печально известных убийц из фракции Шуос.) В любом случае самое меньшее, что он мог сделать, — это взвалить на себя часть административного бремени.

Так сложилось, что «спасение» пришло с неожиданной стороны. Заниин как раз демонстрировала ему бюллетень, словно нуждалась в его помощи для подбора правильных формулировок, когда раздался звонок.

— Извините, — сказал Брезан с притворным сожалением. — Я должен ответить.

Она скорчила гримасу.

— Ну конечно. — Но внимание к приличиям, приобретенное за всю предшествующую жизнь, одержало верх над любопытством магистрата. — Перезвоните мне, когда закончите.

— Естественно, — ответил Брезан, стараясь

говорить небрежно. Его ладони стали липкими от пота. — Пожалуйста, открой линию 6–0. Запиши все.

Возможно, ему придется доложить о разговоре Инессер.

Последовала необычайно долгая пауза. Сеть сообщила, что устанавливает соединение. Затем Брезан увидел знакомое овальное лицо. Его внутренности от этого зрелища скрутило узлом: женщина с короткой, по-военному практичной, стрижкой, а не бобом, как в его воспоминаниях. Щеки запали, но взгляд бдительный. Ему потребовалось все самообладание, чтобы не закричать: «Где ты была все эти годы?» Одно дело — узнать от Кируев, что произошло, и совсем другое — увидеть ее собственными глазами.

— Здравствуйте, верховный генерал, — сказала Аджевен Черис.

— Привет, — сказал Брезан. Его попытка не дать враждебности просочиться в свой тон оказалась недостаточно успешной. Черис в ответ скорчила гримасу. — Прошло уже несколько лет.

— Не нужно преуменьшать значение того, что происходит вокруг меня, — сказала Черис. — Мы оба знаем, как долго меня не было.

— Раз ты снизошла до разговора теперь, — ска-

зал Брезан, — я полагаю, это связано с грязным делом на мот-верфи Истейя.

— Да, я слышала об этом.

Брезан сердито посмотрел на нее.

— Нам бы не помешало предупреждение.

Он ненавидел ее невозмутимость. Она всегда была такой спокойной. Впрочем, когда в твоем черепе живет массовый убийца, нетрудно стать хладнокровным человеком. Очень жаль, что он не может позаимствовать хоть толику этого качества.

«Неужели я действительно мечтаю о Джедао в своей голове?» — спросил себя Брезан.

— Я была занята.

— Так мне сказала Кируев. С довольно большим опозданием.

Она одарила его улыбкой Джедао. Хотя Брезан знал, что она ничего не может с собой поделать, его желудок сжался от ужаса. Эта улыбка всю оставшуюся жизнь будет заставлять его вздрагивать.

— Вопреки некоторым драмам, верховный генерал, — сказала она, — я не читаю мысли. Скажи мне, что тебя беспокоит, чтобы мы могли перейти к самой важной части разговора.

Брезан с усилием сдержал гнев. Расправил

плечи. «Представь, что Микодез смотрит». Этот способ всегда годился для подавления вспышек ярости. Он доверял Микодезу даже меньше, чем Черис. Его жизнь была полна ненадежных людей.

— Твоя помощь была мне нужна еще девять лет назад, — сказал Брезан. Он гордился ровностью своего тона. — Она бы многим людям не помешала.

— Да что ты, — сказала Черис.

Он ничего не мог с собой поделать. Он напрягся в ответ на полное отсутствие эмоций в ее голосе.

— Черт возьми, Черис, ты сбежала.

— У тебя было много помощников, — сказала она. — Кируев — прекрасный генерал, и ты это лучше всех знаешь. Рагат должен был стать генералом много лет назад. Я слышала, что ты его повысил.

— Конечно, — ответил Брезан. — У меня было не так много старших офицеров, чтобы я мог позволить себе игнорировать талант. — Из его уст это прозвучало забавно, потому что он сам никогда не был боевым офицером. Мало того, что послужной список Рагата говорил сам за себя, он к тому же получил высокую рекомендацию от людей, которым Брезан доверял. К его облегче-

нию, Кируев и Рагат прекрасно поладили. Этого нельзя было сказать обо всех его генералах.

— Ну что ж…

— Я был бы очень признателен, если бы кто-то еще давал мне советы, помимо Микодеза.

Черис то ли выдохнула, то ли коротко рассмеялась.

— Я бы хотела рассказать тебе, чем занимаюсь, но мне пришлось хранить секретность ради целей операции. Теперь это излишне. Драма о Куджене, которую распространяют твои люди — клянусь лисами, она не так ужасна, как я ожидала, учитывая, с какой поспешностью пришлось ею заниматься. Но зачем твои анданские драматурги отдали Куджену все лучшие реплики? Не говоря уже о том, что актер просто великолепен. У него появились поклонники.

В его душе внезапно вспыхнула шальная надежда.

— Ты же не хочешь сказать, что звонишь сейчас, потому что избавилась от этого призрака, ревенанта, или как там называется хрень, в которую превратился Куджен, и мы все можем выйти из состояния повышенной готовности?

Оказалось, он размечтался.

— Прости, — сказала Черис. — Я звоню, чтобы

попросить тебя помочь мне с ним. Это ведь ты распоряжаешься всеми Кел.

— Нынче ими распоряжается Инессер, — уточнил Брезан. Он предположил, что она обратилась к нему, а не к Инессер, основываясь на их предыдущем знакомстве — он не мог точно назвать это дружбой, — тем более что Инессер вряд ли была высокого мнения о Черис. — Продолжай говорить.

— Во-первых, то, что я рассказала тебе о «черной колыбели» много лет назад, все еще правда.

Он поморщился.

— Черис, если ты надеешься, что заигрывание с Инессер дало мне одно из двух орудий, способных убить ревенанта, то это не так. Я почти уверен, что у Инессер их тоже нет.

— Нет, Куджен не стал бы так беспечен, — сказала Черис. — Я даже не смогла найти схемы «змеиной стрелы» и «гениального пистолета». А на то, чтобы бегать туда-сюда и допрашивать каждого Нирай, кто имел связи с Кудженом, уйдет больше времени, чем есть у кого-либо.

— Что ж, если ты хотела меня огорчить, у тебя получилось.

— Это не самая плохая новость. — Черис указала на свое лицо. — Ты же знаешь историю о том,

как Командование Кел засунуло разум Джедао в мое тело? Джедао не мог контролировать, куда его посылают. Куджен всегда вставлял его туда, куда было нужно.

— Мне нравится небрежность, с которой ты об этом говоришь.

Она не обратила на это внимания.

— Сам Куджен не скован подобными ограничениями. Он может прыгать куда угодно, лишь бы все происходило в пространстве высокого календаря.

— Ты же не имеешь в виду…

— Имею.

Брезан сложил кусочки вместе.

— Значит…

— Да. Куджен очень стар и очень терпелив. Он решил подождать, пока Конвенция или ваш союз с Протекторатом исчезнут и превратятся в какую-нибудь неясную засекреченную сноску в исторической хронике. Он и раньше переживал расколы и гражданские войны.

— Расколы? — Брезан ни о чем таком не слышал.

— Спроси как-нибудь об этом Рагата. Большинство из них были…

— …засекречены. Точно.

Черис продолжала говорить:

— Согласившись принять твой календарь, Инессер превратилась в угрозу. Потому что после того, как он закрепится повсюду, Куджен больше не сможет прыгать из одного тела в другое. Но это также дает нам возможность создать ловушку для Куджена, придумав цель, которая будет слишком хороша, чтобы он прошел мимо. Надо будет переключить календарь везде, кроме цели. Оставить ее под действием высокого календаря.

Ему все меньше и меньше нравилось, как это звучит.

— А что это за цель?

— Теребег-4.

— Нет, — немедленно ответил Брезан. — Ты же не собираешься подставлять столицу Протектората Куджену и его непобедимому рою.

Она была неумолима.

— Приближается годовщина Адского Веретена. Это прекрасно. Куджен не сможет устоять перед такой возможностью, особенно зная, что его прикрытие раскрыто и скоро ему придется удирать. У него есть Джедао. У него целый рой. У него совершенно новое оружие.

— Это здорово, — сказал Брезан, — за исключением того момента, что нам нечего противопо-

ставить гравитационной пушке.

— У другого Джедао только один рой, — сказала Черис, — и он не показал никаких признаков особого тактического хитроумия, хотя не исключено, что он хорош не только в стрельбе из большой пушки. Инессер хорошо справляется со своей работой. Она была лучшим из живых генералов гекзархата не без причины.

— Ты забываешь о другом, — едко заметил Брезан, — именно поэтому мы и избавились от высокого календаря. Потому что с ним нельзя блефовать. Все должно быть по-настоящему, с настоящими поминальными церемониями и настоящими жертвами. Если Куджен решит пропустить всю эту затею, то погибнут сотни людей — не просто погибнут, а будут замучены до смерти, — и без всякой цели.

— Он уничтожил Истейю, Брезан. Он не остановится на этом, пока высокий календарь не будет восстановлен повсюду.

Брезан яростно размышлял.

— Если Куджен клюнет на приманку, то у него будут Кел, и у Инессер будут Кел. Я надеюсь, у него нет других проклятых гравитационных пушек или других роев. Как ты собираешься его убить?

— Есть формации, которые могут оторвать его

от якоря и убить навсегда.

Сеть сообщила, что она только что послала ему пакет данных. Брезан открыл несколько файлов и просмотрел содержимое. Он мог читать базовую формационную нотацию, но это была не его сфера. Инессер и ее сотрудники во всем разберутся.

— Хочешь, чтобы я убедил Инессер согласиться с твоим планом?

— Да.

— Ты понимаешь, что командует Инессер, а не наоборот? Черт, Черис, эта женщина старше моих бабушки и дедушки. И еще страшнее любого из них.

— Многое поставлено на карту, Брезан. Ты будешь стоять в стороне?

Он сердито посмотрел на нее.

— Конечно, нет. Но пойми, у меня не так уж много власти.

— Тогда используй все, что у тебя есть.

— Знаешь, Куджен упустил свой шанс, если то, что ты говоришь, правда, — сказал Брезан. — Он мог бы влезть, я не знаю, в тело Инессер и завладеть всеми Кел. — Точно так же, как сама Черис захватила рой Кируев девять лет назад.

— Думаешь, он об этом не подумал? Есть причина, по которой он не странствует по гекзархату,

делая именно это. Он быстро сводит с ума большинство своих якорей. Я не говорю, что он неспособен нанести огромный ущерб, но он осторожен по своей природе и обычно предпочитал выживать, держа свое существование в секрете от всех, кроме высших кругов правительства. До тех пор, пока вы с Инессер не взорвали и это к звездам.

— Почему нынешний якорь не вытеснил его?

Взгляд Черис стал отстраненным.

— Его нынешний якорь служит ему десятилетиями. Куджен бывает необычайно убедительным. Он не зря занимался психохирургией в течение многих веков.

— Итак, у нас осталось два месяца и двенадцать дней, — сказал Брезан, сверившись с аугментом.

Черис машинально посмотрела на запястье. Брезан не сразу понял, что там надето: часы из розового золота, подаренные генералом Кируев. С ними уже никто не ходил, кроме актеров или случайных коллекционеров, но Кируев любила покупать в антикварных лавках ветхие штуковины и приводить их в порядок. Несколько лет назад Кируев даже подарила часы Брезану — богато украшенные, с лакированной сорокой на циферблате, — хотя он хранил их в ящике стола

в своем кабинете на Таувите. Интересно, увидит ли он этот хронометр когда-нибудь снова?

— Мобилизация населения в таких масштабах — не самая трудная часть, — сказал Брезан. — Потому что население все вздрагивает по привычке каждый раз, когда слышит шаги Видона. Конечно, это означает, что если Куджен захватит Теребег, они с радостью перейдут на его сторону. О, не все… но достаточно многие. Это будет грязно. — Он пристально посмотрел на Черис. — Думаю, тебе лучше самой сообщить Инессер кое-какие новости.

— Нет, — категоричным тоном ответила Черис. — Чем меньше людей будет знать о моих передвижениях, тем лучше. Будь убедительным. Ты достаточно попрактиковался в этом.

— Ну да, — сказал Брезан, — а что ты собираешься делать? Мне нужно знать, чтобы не путаться у тебя под ногами.

— Я — запасной план. На случай, если формации Кел его не одолеют. Это рискованно, но что такое жизнь, как не монета, которую можно потратить?

— Пожалуйста, обойдемся без келских шуток.

— Извини, привычка. — Снова улыбка Джедао.

— А сервиторы вообще ценят келские шут-

ки? — Он не мог представить, что что-то еще поместится в игломоте с ней.

— Зависит от сервитора. Если интересно, расспроси тех, которые рядом.

Дрожь пробежала по спине Брезана. Он никогда не чувствовал себя непринужденно с сервиторами, даже если они вели себя с ним с безупречной вежливостью.

— Я — пас, спасибо.

— Если я сумею заманить Куджена в ловушку в пространство, где не действует высокий календарь, — продолжала Черис, — его можно будет убить.

— Он не настолько глуп, чтобы войти во враждебную календарную местность ради твоего удобства, — сказал Брезан.

— Знаю. Вот почему я собираюсь убить другого Джедао на его собственном командном моте.

Язык Брезана на мгновение прилип к небу от того, как небрежно она это произнесла.

— Локализованный календарный всплеск.

— Да. Не думаю, что вы его заметите, но он должен дать мне возможность покончить с Куджеком.

— Черис… ты будешь осторожна? — Теперь, какую бы сильную неприязнь ни испытывал Бре-

зан к этой женщине, он желал ей удачи. Забавно все сложилось. — Не могу себе представить, что он уступает тебе в том, что касается навыков убийцы.

— Если его создал Куджен, то, скорее всего, нет. — Ее взгляд стал напряженным. Брезан не завидовал другому Джедао, который мог и не узнать, что его настигло. — Я Кел, Брезан, — думаешь, я не привыкла жить с риском?

— Не думаю, что фраза «я Кел» хоть как-то связана с твоей необычайной склонностью к разрушительным поступкам, — сказал Брезан.

Ее улыбка вспыхнула, как пламя свечи.

— Если ты так считаешь, представь, каково это — постоянно ощущать его внутри своей головы. Кроме того, я еще не закончила. Мне нужно еще кое-что от тебя, или ничего из этой затеи не выйдет.

Девять лет игры в политика приучили Брезана принимать требования людей.

— Я слушаю, — сказал Брезан.

22

Следующие одиннадцать дней Джедао провел в своей каюте, обдумывая возможные варианты. Куджен уже доказал, что готов убрать Джедао за неповиновение. Что бы он ни предпринял ради прекращения поминальных церемоний, это придется учесть.

За это время Джедао почти ничего не ел. Дханнет принес бульон и настоял на том, чтобы покормить его. Однако металлический привкус усилился, и пытки, свидетелем которых он стал, оставили Джедао без аппетита. Он пытался есть только потому, что Дханнет волновался, когда он отказывался от еды.

Число охранников увеличилось с четырех до шести. Джедао подозревал, что поблизости на всякий случай притаилось подкрепление. Он бы отдал такой приказ.

На двенадцатый день к нему пришел Куджен. Дханнет вздрогнул, затем распростерся ниц. Джедао сделал то же самое. Он должен был вести свою игру очень осторожно.

Куджен устроился на стуле, хотя Джедао уловил

едва заметный изгиб его губ. «Инхьенг», — подумал Джедао.

— Можешь встать, — сказал Куджен, как будто между ними ничего не произошло. — Ты найдешь это интересным, генерал. — Он вытащил маленький планшет и вызвал изображение звездной системы. Календарные градиенты были четко обозначены разными цветами.

— Это в масштабе, — добавил гекзарх, — поэтому, естественно, ты не сможешь разобрать детали, которые тебя интересуют.

— И что бы это могли быть за детали? — осторожно спросил Джедао.

Несколько меток вспыхнули, как огненные булавки. Изображение сместилось, сжалось. Мерцающие точки превратились в стандартные символы орбитальных оборонительных платформ, станций различной мощности и даже волчьей башни. Наибольший интерес представляла огромная крепость, построенная на самом большом спутнике четвертой планеты, Теребега-4.

— Это не узловая крепость, если ты об этом беспокоишься, — сказал Куджен. — Крепость Жемчужных Надежд, что-то вроде памяти о прошлом. — Его губы растянулись в неожиданной

кривой улыбке. — По-моему, даже археологи больше ничего об этом не помнят. Жемчужные Надежды построены на руинах колонии более ранней цивилизации. По крайней мере, мне всегда было ясно, что кто-то гораздо более целеустремленный, чем мы, притащил проклятую «луну» на ее нынешнюю орбиту откуда-то еще. Она никак не могла возникнуть в системе, и когда я был молод, можно было прочитать об артефактах, которые люди находили на ней.

— Прекрасно, — сказал Джедао, поскольку человек с амнезией не имел права критиковать чью-либо память, археологическую или иную. — Это и есть следующая цель?

Если у Куджена возникла срочная необходимость завоевать артефактные миры, ситуация могла стать еще хуже. Может быть, он сумеет использовать время в пути, чтобы убедить гекзарха отказаться от поминальных церемоний.

А может, если он будет настаивать, его убьют — и это никому не принесет пользы. Ему нужно подождать, пока он не придумает лучший план сопротивления.

— По большей части тебя это не касается, — сказал Куджен, сбивая его с толку. — Тебя должно волновать то, что Конвенция сделала четвертую

планету своим центром управления. Это и будет наша следующая цель.

— Правящая верхушка живет там?

— Ну, — сказал Куджен, — их «официальный» глава правительства — да. Избранное лицо, не имеющее никакого значения. Увы, настоящий противник — Шуос Микодез. Я не собираюсь просить тебя атаковать Цитадель Глаз, как бы ни было приятно устранить его. Но избранный премьер плюс верховный генерал Кел Брезан и их штаб станут доступными целями.

Но даже тогда Джедао не заметил ловушки.

— Каковы их военные возможности? И когда вы хотите, чтобы это нападение произошло?

Куджен ему объяснил: в годовщину резни в Крепости Адское Веретено.

— У меня есть для тебя подарок, — прибавил гекзарх, и тогда Джедао понял, что ситуация не перестала ухудшаться. — Майор…

Дханнет представил Джедао отчет о системе Теребег и обороне крепости.

— Они увидят, что мы приближаемся, сэр, — сказал Дханнет, указывая ему на большую карту, связывающую их нынешнее местоположение с целью. Бесцветным голосом он подробно описал их текущие разведданные о роях обороны,

основываясь на отчетах, составленных штабом Джедао.

— Вам понадобится оружие, способное справиться с крепостью, — сказал Дханнет и посмотрел на Куджена.

«Это проверка на верность».

— В самом деле? — сказал Джедао, не желая, чтобы Куджен понял, как сильно его это беспокоит. — По-вашему, я не справлюсь с тем, что мне и так уже дали?

— Ты доказал, что способен к самостоятельному мышлению, — язвительно заметил Куджен. — Я даю тебе еще один шанс.

В этом не было никакого смысла. Куджен не производил впечатления человека, способного терпеть любые неудачи. Если…

Адское Веретено.

Это была календарная атака. Для того чтобы она имела желаемый эффект, Куджену требовался Джедао. Именно Джедао, а не какой-то другой генерал. Что означало…

Гекзарх подтвердил догадку следующими словами:

— Ты воспользуешься пороговыми отделителями, — сказал он. — Я увеличил их радиус действия.

— Перестаньте деликатничать и расскажите мне подробности, — сказал Джедао, несмотря на внезапную сухость во рту. — Я не смогу как следует использовать оружие, которого не понимаю.

— Давай я покажу тебе, как работают отделители, — предложил Куджен. Он вывел на экран серию уравнений, схему, стилизованную анимацию. — Мы можем углубиться в математику, если хочешь, но в механике врат очень много специфичного.

Джедао наблюдал, против собственной воли увлеченный зрелищем, как под воздействием имитации отделителя на телах пиксельных крыс открываются глаза и появляются раны.

— Почему крысы? — спросил он. На самом деле ему хотелось задать другой вопрос: «Почему их смерть так уродлива?» Он не мог себе представить смерть от отделителя иной, кроме как мучительно болезненной.

— Ностальгия, — сказал Куджен с такой нежностью, что Джедао решил не расспрашивать дальше. Но Куджен все равно рассказал ему. — Мне частенько приходилось иметь с ними дело в начале своей карьеры.

— Это размер типичной команды, управляющей отделителем? — спросил Джедао, указывая

на соответствующую цифру.

— В практике Кел — да, — ответил Куджен. — В основном они нужны для транспортировки и калибровки. Это прихотливая штуковина, что мне в ней никогда не нравилось, но я спешил…

Мир вокруг Джедао посерел. «Я в той же степени виновен», — подумал он. Не так давно он воспользовался сдвиговой пушкой Куджена, не спрашивая, какова будет цена для тех, на ком он ее использует. С его стороны было лицемерием ощущать этот внезапный прилив ужаса.

Он не мог позволить себе отвлекаться. Куджен закончил отступление о дизайне интерфейса и мерах предосторожности и запустил новую анимацию.

— Тебе понравится, — пообещал он.

«Ой ли?» — подумал Джедао и с первого раза почти упустил главное.

— Еще раз, — сказал он на всякий случай. Куджен подчинился.

Новый пороговый отделитель состоял из двух отдельных генераторов, а не одного, как раньше. Каждый проецировал перед собой линию воздействия, резкую и точную. Там, где линии пересекались, они пробивали дыру в пространство врат. Оттуда эффект отделителя, исходящий

от генераторов, распространялся во все стороны. Это увеличивало дальность действия и уберегало команды отделителей от всякой опасности. Джедао с интересом изучил уравнения: в расчетах смутно проглядывало толковое применение рефакторинга.

— Тот же эффект? — спросил Джедао.

— По крайней мере, на анимированных крысах.

Джедао бросил на него раздраженный взгляд.

Куджен смягчился.

— Он прошел полевые испытания. Нашлись лишние еретики. — Несмотря на свой небрежный тон, он пристально смотрел на Джедао. Тот сохранял невозмутимое выражение лица. — Все они погибли. Я всегда скрупулезен, Джедао. Я уже давно этим занимаюсь.

Джедао решил, что это правда. Он также представил себе, каково это, когда в самой твоей плоти открываются рты, зияющие и шепчущие безъязыкие провалы. Когда из ран, словно волдыри, выпирают глаза, можно ли видеть то, что видят они? Дают ли они новое понимание смертоносности света? Его опыт боли был ограничен. Возможно, по сравнению со смертью от подобных причин, то же самое можно было сказать о ком

угодно.

— Это сработает в Конвенции? — сказал Джедао. С экзотическим оружием всегда требовалась проверка.

— Конечно, — заверил Куджен. — Я знаю, что делаю.

— Не то чтобы я не оценил увиденное по достоинству, — сказал Джедао, — но, помимо желания как следует врезать Конвенции, какова ваша цель в этой конкретной битве? Я плохо разбираюсь в политических условиях — они меняются всякий раз, стоит мне моргнуть. Но предполагаю, что Конвенция не перевернется кверху лапками и не сдохнет от того, что мы ее обезглавим. Судя по тому, как люди реагируют на меня, я бы предположил обратное. Особенно если мы воссоздадим случившееся у Адского Веретена.

Ну вот. Он сам это сказал.

— Простая победа в битве недостаточно хороша для тебя? — спросил Куджен.

Дханнет бросил быстрый взгляд на гекзарха, расслышав в его голосе насмешку.

— Вы говорили об этом раньше, — сказал Джедао. — Одно дело — носиться туда-сюда и взрывать все подряд. Совсем другое — захватить и удержать территорию. Мы едва закрепились в

системе Истейя.

— Даже невыполнимая задача становится возможной, если подходить к ней шаг за шагом.

Джедао это не убедило.

— Вам придется прояснить для меня одну деталь. Если я правильно понял уроки истории, Адское Веретено запомнилось не тем, что ту битву я «выиграл». Никто бы не вспомнил еще одну ересь на параде ересей, еще одну битву на параде битв, окажись это все. Разве инцидент сделала незабываемым не та маленькая деталь, что я испепелил свою собственную армию?

Джедао не смотрел прямо на Дханнета. Тем не менее реакцию майора невозможно было не заметить. Периферийное зрение Джедао было не таким уж плохим.

Дханнет не понимал, к чему он клонит. Безразличие на лице майора было таким отчаянным, что он с тем же успехом мог бы об этом кричать.

— Не стесняйся доводить ход своих мыслей до естественного завершения, — невозмутимо произнес Куджен.

Сердце Джедао бешено колотилось. «Не показывай ему, что он тебя напугал».

— Этот удар не обезглавит противника, если одновременно уничтожит наши средства окку-

пации. — Какой ужасный, бескровный эвфемизм для фразы «убьет всех наших солдат». — У нас не так уж много пехоты. Нет смысла сжигать все пешки, не получив за них ничего, гекзарх. Так в чем же дело? Что вы от этого получите?

— О, — сказал Куджен, — пехота нам не понадобится. Как только мы избавимся от препятствий, генерал-протектор Инессер сделает за нас всю работу по части правительственной деятельности и стабилизации. Потому что, как бы сильно она меня ни ненавидела, она больше ценит свой долг. — Он медленно поднял руку и очертил контур челюсти Джедао в миллиметре от его кожи. Джедао затаил дыхание, ненавидя себя за мимолетное желание прижаться к его ладони. — Как только это будет улажено, как только гекзархат будет восстановлен, в твоем распоряжении окажется целая вечность, чтобы делать все, что заблагорассудится. В буквальном смысле.

«Я не могу так поступить», — подумал Джедао. Комната вокруг него потемнела, как будто все огни унеслись вдаль.

— В каком смысле, «целая вечность»?

— В таком, — сказал Куджен, — что ты будешь жить вечно, если не совершишь какой-нибудь катастрофической глупости, например не нырнешь

в сердце звезды. Я создал для тебя тело, которое будет восстанавливаться само по себе, которое никогда не состарится. Если хочешь выглядеть моложе, это тоже можно устроить, хотя не советую возвращаться к семнадцати годам. В любом случае это просто эстетический момент. — Он улыбался Джедао, как будто это должно было сделать его счастливым.

«Руо, — подумал Джедао, — что мне делать?» Вот только он прекрасно знал, что сделал бы Руо. Руо никогда не упускал шанс и не отказывался от удовольствий.

«Когда же я успел так отдалиться от своего лучшего друга?»

В последовавшую за этим долю секунды Джедао обдумывал варианты действий. Приказав Дханнету отдать оружие, он просто предупредит охрану гекзарха, и в нем наделают много дыр. Кроме того, если Куджен дал Джедао чудесное самовосстанавливающееся тело, он не мог себе представить, что гекзарх пренебрег тем же самым для себя, что затруднило бы его убийство.

Куджен, казалось, считал Джедао ключевой пешкой в своем плане. Может ли он покончить с собой и оставаться мертвым достаточно долго, чтобы воздержаться от участия? Учитывая, как

прошло выздоровление от пуль, вряд ли.

Все сводилось к одному: подыгрывать и искать способ сопротивляться. Он еще не видел выхода. Но нужно тянуть до последнего момента, на случай, если что-то придет в голову.

Следующие два дня Джедао убеждался, что он не может саботировать пороговые отделители. Улыбающиеся техники приветствовали его, когда он пытался попасть в отсек в полной парадной форме, как будто кто-то нуждался в напоминании о его звании. Улыбающихся техников поддерживали неулыбчивые офицеры Видона. Не желая возбуждать подозрения Куджена, Джедао не стал упорствовать.

Затем он изучил математику отделителей, как будто могло принести какую-то пользу. Лучшим учебником, который он нашел по этой теме, оказалась не статья и не пособие, а — подумать только! — биография академика Сайяд Ретхи в виде графического романа. Ретха выполняла свою теоретическую работу в то время, когда Нирай разрешали внефракционным членам преподавать в своих академиях, основываясь на их достижениях. Сноска проинформировала его о том, что эта практика была прекращена пятьдесят восемь лет назад.

Биография посвятила целую главу объяснению не собственно математики, которую ее автор/иллюстратор счел слишком специфичной для широкой аудитории, а более простой аналогии. Реальная математика либо не была такой ужасающей, как считал автор/иллюстратор, либо Джедао в прошлом очень хорошо обучали, только вот он позабыл, как именно. Кем бы ни был его учитель, Джедао безмолвно извинился перед ним.

Подумайте о нормальном пространстве-времени, говорил автор/иллюстратор, как о гиперповерхности. Каждая точка на этой поверхности имела касательное пространство, связанное с ней. Касательное пространство можно было рассматривать как линеаризацию области вокруг точки с удалением посторонней информации. Любой, кто застрял в области эффекта порогового отделителя, был болезненным образом затронут линеаризацией. (Дополнительные сноски объясняли гиперповерхности, касательные пространства и линеаризации.)

В этот момент Джедао поймал себя на том, что тыкает стилусом в края панелей, и заставил себя остановиться. Он поднял технические характеристики отделителя и хмуро уставился на них.

«Что я упускаю?»

Он смотрел на проблему не с той стороны. Несмотря на заверения Куджена, что отделитель будет работать на территории Конвенции, устройство могло функционировать только там, где действовал высокий календарь.

«Зачем ему давать мне оружие, которое не…»

Куджен не слишком ценил технические способности Джедао и его математическую проницательность. Что вполне справедливо, ведь он не был математиком. Но он усвоил математическую программу Академии Кел — и немного сверх нее.

Неужели Куджен солгал Джедао насчет математики? Возможно, думая, что Джедао не догадается проверить? Конечно же, гекзарх не был настолько злонамеренным, чтобы дать ему оружие, которое никак не могло сработать.

А это означало, что Куджен *лжет* насчет местности. Получается, они атакуют не Конвенцию. Они атакуют Протекторат. В конце концов, разве у Джедао была возможность самому вести разведку? Он полагался на информацию, которую предоставлял Куджен, или на то, что давали люди, подчиненные Куджену.

«Я должен это прекратить».

Жаль, если он украдет взрывчатку и взорвет

себя вместе с командным мотом и его грузом отделителей, ничего не получится. Сейчас, более чем когда-либо, было необходимо остановить Куджена. А для этого ему требовалось больше союзников.

— Объясните мне еще раз, — сказал Джедао Дханнету, когда штабные офицеры ушли.

Стол был полон разоренных тарелок, каждая в форме листа или крыла мотылька, лакированная, с инкрустацией из морских ушек. Джедао поел, чтобы остальные не чувствовали себя стесненными.

Дханнет вместе с ним просмотрел логистические таблицы и календарные градиенты местности. Уже не в первый раз Джедао задумался о том, что давным-давно помешало Дханнету получить повышение. Несмотря на свою сдержанность, он говорил о механизмах войны так же хорошо, как и его штабисты.

— Есть причина, по которой вы не спросили об этом раньше, — сказал Дханнет.

Когда Куджен предоставил Джедао доступ к штабным офицерам, Джедао надеялся воспользоваться возможностью изучить формационную механику в естественной обстановке. Да, он получил такую возможность. Ничего хорошего из

этого не вышло.

Джедао изучал формации от отчаяния, потому что это было единственное оружие, к которому он имел доступ. Про себя он сомневался, что Куджен дал бы всем Кел возможность причинить себе вред, но все же он помнил странный отказ Куджена присутствовать на учениях пехоты. Обычная предосторожность? В таком случае почему же он утверждал, что не боится смерти?

В свободное время Джедао читал учебные пособия по формационной механике под тем предлогом, что хочет лучше понять тактику роя. Он не знал, поверил ли Куджен. По всей вероятности, это был тупик, и гекзарх знал, что ему нечего бояться.

Тут уж ничего не поделаешь. Он не мог спросить Дханнета об этом открыто, поэтому сменил тему.

— Я хочу расспросить вас об одном из Кел, — сказал он. — О верховном генерале Кел Брезане.

— Он «падающий ястреб», — сказал Дханнет. — Наша цель.

— Что вы о нем думаете?

Дханнет нахмурился.

— Он наш враг, сэр.

Профиль Дханнета утверждал, что у него нет

никакой личной связи с Брезаном. Но Джедао также подозревал, что профиль Дханнета имеет большие пробелы. Он прищурился.

Дханнет сдался слишком быстро.

— Я знаю, что такое непослушание, — сказал он, и это было странно. Джедао никогда не видел, чтобы Дханнет не был абсолютно послушным.

— Что вы хотите этим сказать?

— Однажды я поссорился с гекзархом.

Этого Джедао не ожидал.

— По какому поводу?

— У нас были разногласия. Я — Кел, сэр. Он нет, но он — гекзарх. Я заблуждался.

М-да, это проливало примерно ноль света на проблему. Джедао перефразировал вопрос.

— Помните подробности?

— Немного, — медленно произнес Дханнет.

Вот дерьмо. Что, если Джедао не единственный, кто страдает амнезией? Он никогда не задумывался об этом.

— Вы что же, сами встречались с Черис, вампиром памяти?

Дханнет покачал головой.

— Нет. Гекзарх решил, что я буду лучше выполнять свои обязанности, если не буду помнить.

У Джедао упало сердце. Конечно, Дханнет оши-

бался. Даже если предположить, что Куджен пришел к такому выводу. Если бы существовал какой-нибудь экономичный способ производить амнезийных, послушных, скромных, полезных солдат, то гекзарх изготовлял бы их миллионами. Вот только, похоже, процесс ломал жертв.

С другой стороны, Куджен будет продолжать попытки, пока не добьется своего. У девятисотлетнего призрака были большие запасы терпения.

Сколько раз сам Джедао был стерт с лица земли ради блага Куджена? Неужели он уже проходил через этот цикл открытий и восстаний? Но это не имело значения. Он все еще обязан убить Куджена.

«Что ты об этом знаешь?» — спросил он у «Ревенанта».

«Знаю о чем?» — ответил тот. В голосе слышался явный холод. По крайней мере, корабль с ним разговаривал.

Либо он не мог читать мысли, либо притворялся. Джедао объяснил ситуацию, пока Дханнет смотрел на него затравленными глазами.

«До тебя были и другие, — сказал «Ревенант». — Они не продержались долго. Дефективные. Он мог бы продолжать свои эксперименты еще много лет, если бы его не беспокоил раскол между

государствами-преемниками».

Джедао помедлил, затем спросил:

«Есть еще?»

«Нет, — медленно произнес «Ревенант», — пробужденных — ни одного. Впрочем, я не удивлюсь, если появятся и другие».

Джедао прикусил губу от горячей волны ревности, охватившей его. За этим последовала волна стыда. Что сделал Куджен с этими «дефективными»? Но он мог угадать ответ на этот вопрос.

— Сэр? — обеспокоенно сказал Дханнет.

У Джедао появилась идея. Не очень хорошая. Но хорошие все равно закончились.

— Дайте мне вашу руку, коммандер.

Сердце Джедао болезненно сжалось, когда Дханнет без колебаний подчинился.

«Мне не следует этого делать».

Талау ненавидели его, а со штабистами дело обстояло ненамного лучше. Дханнет, по крайней мере, не выказывал никакого отвращения — совсем наоборот. Как два человека, которых очень не любили другие Кел, они имели что-то общее. Джедао не знал, отдаст ли Дханнет предпочтение подчинению гекзарху-Нирай или генералу-Шуосу. Это был не слишком большой шанс, но он решил им воспользоваться.

Джедао наклонился вперед, его сердце учащенно забилось от неожиданной близости к другому мужчине. Если бы только… но нет. Дханнет — Кел и его подчиненный. Даже если бы Дханнет заинтересовался им, подобное запрещено. И Джедао мучительно сознавал, что никто никогда не захочет его, только не таким образом. Даже Руо не хотел его, насколько он помнил.

«Мне просто нужно передать сообщение. Это все».

Ему не очень-то удавалось убедить свое предательское сердце. Впервые Джедао почувствовал себя одиноким.

Он глубоко вздохнул и поцеловал ладонь Дханнета, используя это движение, чтобы скрыть то, что он на самом деле (на самом деле?) делал: выстукивал сообщение барабанным кодом Кел по руке майора.

«Мне нужна помощь».

Следующий шаг Дханнета застал Джедао врасплох. Дханнет встал, обошел вокруг стола и встал рядом с креслом Джедао. Он опустился на колени и поцеловал обнаженные пальцы Джедао.

— Скажите мне, чем я могу служить вам, — сказал он.

Шок от контакта ошеломил Джедао. Он сидел,

пойманный в ловушку, отчаянно пытаясь ответить и еще более отчаянно сдерживая себя. «Мне это только кажется».

Когда Джедао не двинулся с места, Дханнет осмелел. Он медленно, почти дразняще снял перчатки. Его лицо было очень серьезным. Он протянул обе перчатки Джедао — это был старый жест Кел: «Моя честь принадлежит тебе».

Джедао принял перчатки, хотя это и причиняло ему боль. Поступив иначе, он оскорбил бы Дханнета, а ему нужна была помощь майора.

— Вы не можете причинить мне вред, сэр, — сказал Дханнет.

Джедао покинул кресло и встал на колени, так что они с Дханнетом оказались лицом к лицу. Он положил руки на широкие плечи майора, неохотно наслаждаясь твердостью его мускулов. Ужасная мысль пришла ему в голову, хотя, возможно, не более ужасная, чем то, что происходило сейчас:

— Мы делали это раньше?

Дханнет был спокоен.

— Нет, сэр.

Джедао поцеловал его в уголок рта, чтобы их носы не столкнулись. Соль кожи возбудила его. Поцелуи были совсем не такими, как он себе

представлял. (Руо. Неужели они когда-нибудь… Но он не помнил, чтобы Руо проявлял к нему хоть какой-то интерес в этом смысле.) Он так хотел, чтобы это была настоящая близость — единственная вещь, которой происходящее не могло стать.

— А как насчет этого?

Барабанным кодом он спросил: «Что гекзарх сделал с тобой? Кем ты был?»

Дханнет пошевелился, затем встал, увлекая за собой Джедао. Он поднял руку и погладил Джедао по щеке. «Я бросил ему вызов, и он сломал меня». Барабанный код.

Джедао обнял его, вдыхая аромат кожи. Он ненавидел себя за то, что искал утешения именно в этом. Задал вопрос, который должен был задать с самого начала, понятия не имея, получит ли честный ответ. «Если я прикажу тебе убить гекзарха, что произойдет?»

Если Дханнет доложит о нем Куджену сразу же, он получит по заслугам.

Дханнет сжал пальцы Джедао другой рукой.

— Я ваш, — сказал он. — Я принадлежу вам с тех пор, как вы пришли к нам.

Барабанным кодом он простучал: «Я могу дать тебе то, что ты действительно хочешь».

Горячность Дханнета нервировала Джедао.

— Я не знаю, что вы имеете в виду. — Он не знал, на какие слова отвечает.

— Я присутствовал, когда гекзарх создал вас, — сказал Дханнет.

Джедао уставился на него.

— Он не объяснил мне механику, — продолжил Дханнет, — только то, что ему кажется… — небольшая пауза, — …будто присутствие Кел вселит в вас уверенность. Он объяснил мне, что ваше первоначальное тело не сохранилось, поэтому он сделал новое.

— Значит, я все-таки клон? — сказал Джедао, ничуть не удивленный тем, что Куджен все-таки солгал. Не новость — он обязан был оказаться каким-то конструктом.

— Нет, сэр. — Дханнет смягчился. — Он объяснил мне, что пустомоты не стареют — что они жили бы вечно, если бы не истощение в битвах и безумие. Что они обладают впечатляющими регенеративными способностями. Он чувствовал, что это были желанные свойства.

— Но я не… — слова застряли у Джедао в горле.

Он слышал мотов. Он мог слышать «Ревенанта» и разговаривать с ним. Иное чувство наверняка было чем-то, свойственным мотам. И, вероятно, его неспособность умереть как обычный человек

— тоже. Потому что он не человек.

Он мот, который приказал убить другие моты в Истейе.

«Ревенант», — сказал Джедао, — почему ты мне ничего не объяснил?»

«Что я должен был объяснить?»

«Что я не человек. Что я один из вас».

Корабль был полон презрения. «Ты бы мне поверил?»

— Да, — проговорил Дханнет. — Ты — мот, которому придали человеческий облик. Гекзарх сказал, что это одно из его величайших достижений.

— Кто ты такой, — спросил Джедао, — что он выбрал именно тебя, а не кого-то другого?

Дханнет вздрогнул, хотя это и не было критическим замечанием, по замыслу Джедао.

— Я был генерал-лейтенантом, командовавшим этим роем.

— Что? — прошептал Джедао, попятившись. Он упал бы на задницу, если бы Дханнет не подхватил его.

— С вами все в порядке, сэр?

— Все ли в порядке со мн… — Джедао осекся. То, что он был напуган, не давало ему права терзать Дханнета. — Он сделал тебя майором?

Дханнет опустил глаза.

— Так я был ему полезнее.

Внезапно это обрело смысл. У Дханнета все еще был опыт генерала. Именно это позволяло ему давать такие замечательные комментарии по вопросам стратегии и планирования сражений. Это также делало его идеальным помощником для генерала, страдающего амнезией. С другой стороны, он больше не обладал личностью, способной руководить или вдохновлять.

Неудивительно, что солдаты Кел чувствовали себя так неуютно в присутствии Дханнета. Он был живым напоминанием о силе гекзарха. Ведь если Куджен мог сделать это с их генералом, то он мог сделать это и с любым из них.

Джедао чувствовал себя несчастным из-за того, что использовал Дханнета против Куджена. И чем он лучше самого гекзарха? В то же время Дханнет мог заметить что-то, что могло бы помочь Джедао. Снова барабанный код: «Есть ли способ убить гекзарха?»

«Нет», — ответил Дханнет. В его глазах читался вопрос.

Джедао потянулся к Дханнету, но тут же опустил руку.

— Оставь меня, — резко сказал Джедао, стыдясь

того, что снова хочет прикоснуться к Дханнету. «Он и так уже достаточно пострадал. По крайней мере, я могу его не трогать».

— Сэр… — Дханнет взял руку Джедао, поцеловал его ладонь, затем забрал перчатки, надел их и вышел. Джедао остался наблюдать за закрывающейся дверью с колотящимся сердцем, встревоженный больше, чем мог бы выразить словами.

23

«Я не человек», — подумал Джедао. Это казалось нереальным. С другой стороны, он не мог отрицать очевидное.

После разговора с Дханнетом он вернулся в свою каюту, чтобы принять ванну. Сначала вода была слишком горячей. Температура напоминала ему кровь. Он выдернул пробку и стал смотреть, как стекает вода. Затем он установил температуру, чтобы было неприятно холодно, и снова наполнил ванну. Холод пронзил его насквозь. Он приветствовал эту боль.

Когда холод перестал ощущаться, Джедао вышел из ванны и мокрый встал перед зеркалом. Должно быть, Куджен выбрал его лично. Оно занимало большую часть стены, и рама напоминала каскад черных мотыльков со сверкающими звездами на крыльях. Джедао привык к роскоши благодаря ее вездесущности. Теперь он был поражен чистейшей расточительной красотой зеркала и — впервые — своим собственным уродством.

«Я не человек».

Все это время Дханнет знал. Он сохранил тайну.

Джедао вытерся полотенцем и оделся. В некотором смысле выяснение этой последней неприятной правды принесло облегчение. Куджен создал его как пешку. Ни у кого не было причин оплакивать его смерть. Он с нетерпением ждал этого момента. Все, что ему нужно было сделать, это терпеть, пока он не найдет способ уничтожить Куджена.

В какой-то момент сервиторы принесли ему еду. Он смутно отметил их присутствие. Мысль о еде утомляла. Он не видел в ней смысла. Вместо этого он потратил почти час, раскладывая еду по тарелкам, прежде чем пришел к выводу, что не собирается ничего есть.

Как ни странно, от погружения в бумажную работу — поскольку все равно нечем было заниматься — его спас именно Куджен. Сеть уведомила Джедао о сообщении. «Приходи в мою каюту, — гласило оно. — Надо поговорить».

Джедао сообщил, что идет. Найти дорогу к покоям Куджена было нетрудно. Комнаты изменились или, возможно, перестроились сами.

На этот раз он прошел через одну, где стояли семь безглазых статуй в безупречных и на вид

невероятно непрактичных нарядах. Если он мог положиться на то, что знал о Куджене, статуи были высечены мастерами-скульпторами, камень добыт в горах, где сами птицы поют свои истории скалам. Джедао не знал, кого изображают эти статуи, если вообще они кого-то изображали. Вероятно, все они были людьми.

В соседней комнате с потолка свисали нитки бус, чередуясь с прозрачными занавесками, словно кто-то расчленил стрекоз и сшил полотно из их крыльев. Этот эффект, несмотря на всю его прелесть, заставил его почувствовать себя в ловушке.

В конце концов, он нашел Куджена в саду. Джедао остановился у арки, ведущей внутрь, вдыхая запахи растений, земли и гниющих листьев. Налетевший ветерок разбросал красные и желтые листья. Он наклонился, чтобы поднять один: сухой, тонкий, как бумага, хрустящий и скрученный по краям.

— Можешь войти, — сказал Куджен. Он стоял, прислонившись к дереву с узкими серебристо-зелеными листьями и гладкой корой. Первое, что заметил Джедао, была не его одежда — мантия из тонкого темного шелка, украшенная серебряной вышивкой, — а то, что он стоял босыми ногами в

грязи. Его тапочки были брошены рядом с обнаженным корнем дерева.

Джедао смущенно моргнул, глядя на Куджена. Затем он вышел в сад и присоединился к гекзарху под деревом. Несмотря на всю неприязнь, которую Джедао испытывал к Куджену, босые ноги гекхзарха каким-то образом делали его более человечным. Каким бы иллюзорным ни было это ощущение.

— Есть кое-что, что ты должен знать о своем помощнике, — сказал Куджен. — Я рад, что его программа пока держится.

— А? — нейтрально сказал Джедао.

Куджен вытащил из-под мантии планшет и вызвал стоп-кадр. На нем были сам гекзарх в скромном одеянии и Дханнет в полной парадной униформе. На груди Дханнета висело золотое перо, пронзенное тремя кольцами: знак отличия генерал-лейтенанта. Они вдвоем стояли перед угловатым гробом в ярко освещенной лаборатории. Джедао мог догадаться о содержимом гроба, несмотря на мутную жидкость, которая бурлила внутри. Несколько охранников в черно-серебристых униформах Нирай стояли в стороне с каменными лицами.

На снимке Дханнет был с нахмуренными бро-

вями и слегка приоткрытым ртом. Он собирался возразить. На самом деле Джедао не мог припомнить, чтобы когда-либо видел Дханнета таким воинственным. Но, конечно, он знал причину.

— Ну вперед, — сказал Джедао. — Запускайте. Для этого вы меня сюда и позвали.

— Просто помни, что я делаю это ради твоей безопасности, — сказал Куджен и включил воспроизведение.

Джедао думал, что он готов к тому, что будет в гробу. Существо внутри, обнаженное, имело внешнее сходство с человеком, если не обращать внимания на то, что оно состояло из переплетенных друг с другом усиков. Хуже всего было то, что усики медленно сплетались и расплетались, как будто пытаясь изменить форму.

— Гекзарх, — произнес Дханнет-в-видео с убийственной напряженностью. — Меня не интересуют ваши увлечения.

Куджен-в-видео нажал кнопки управления на гробе. Из трубок вытекла жидкость, и крышка откинулась. Несмотря на всю бледную бесчеловечность усиков, у существа был совершенно человеческий облик: оно казалось спящим наяву, его карие глаза ничего не выражали. Джедао уставился на собственное лицо с отросшей чел-

кой и глупо подумал: «Неужели его не могли подстричь?»

Смех Дханнета был коротким и резким.

— Хорошо, я узнаю Шуос Джедао. Если вы думаете, что я собираюсь служить какой-то экспериментальной марионетке с его лицом, вы сошли с ума.

— Это не просто марионетка, — сказал Куджен с невыносимым спокойствием. — У него есть способности Джедао. Но ему все равно понадобится армия. На данный момент, если я правильно прочитал списки личного состава, вы — генерал роя.

— И если я скажу «нет», как вы поступите? — спросил Дханнет. — Будете убивать всех согласно субординации? Я не собираюсь вам помогать.

— Отвага Кел иной раз так неуместна, — сказал Куджен с беспечностью, которой Джедао научился бояться. — Возможно, вас мало заботит ваша собственная судьба, генерал, но как быть с судьбой ваших подчиненных?

— Я забочусь об их судьбах, спасибо, — огрызнулся Дханнет. — Они заслуживают лучшего руководства. Вы этого никогда не поймете.

Дханнет выхватил нож таким быстрым движением, что Джедао этого почти не заметил, и начал колоть несчастное извивающееся суще-

ство. Дханнет умел убивать. Он не остановился на одном ударе, каким бы искренним тот ни был, и не остановился после того, как вонзил нож в цель. Вместо этого он рубил и колол снова и снова, в самых уязвимых местах, до которых мог дотянуться. Тварь вскоре превратилась в месиво из съежившихся отрубленных усиков и луж серебристо-черной жидкости. Но глаза на нечеловеческом лице проснулись на достаточно долгий срок, чтобы посмотреть на Дханнета с чувством, в котором Джедао с болью в сердце распознал ужас.

Куджен остановил запись.

— Джедао, — сказал он, — именно в этот момент я решил, что ему нужна психохирургия. Потому что стоило ему встать в строй, остальные последовали бы его примеру.

— Нет, — ответил Джедао. — Покажите остальное.

— Это причинит тебе боль.

— А вам не все равно?

— Ты нужен мне целым и невредимым, дорогой. — Куджен задумчиво улыбнулся ему. — За свои девять столетий я не встретил ни одного человека с таким сочетанием способностей, как у тебя. Когда я был мальчиком, я думал, что мой

хозяин-военачальник был самым свирепым воином, которого я когда-либо знал. Кел довольно ловко разделались с ним. Но ты, возможно, самый великий полководец, которого когда-либо знали сами Кел. Тебя беспокоит то, что ты узнал? Какая разница, какого цвета у тебя кровь или как ты выглядишь под кожей? Ты все еще личность. Не позволяй поверхностным деталям себя отвлечь.

— Просто покажи мне остальное, — сказал Джедао, отбросив все почести.

Глаза Куджена загорелись, как будто он победил.

— Если ты настаиваешь.

Охрана гекзарха, стоявшая в стороне, наконец вмешалась и стащила Дханнета с существа в гробу. Куджен наблюдал за происходящим с впечатляющим безразличием. Двое охранников были повергнуты. Джедао задумался, выжили ли они. Им пришлось вызвать подкрепление. Трое из вновь прибывших тоже оказались на полу.

Пригвожденный, с направленными на него пистолетами, Дханнет только усмехнулся Куджену.

— Даже если это существо выживет, я сомневаюсь, что оно будет служить тебе с большим энтузиазмом, чем я. — Джедао вздрогнул, услышав нотки отчаяния в голосе Дханнета. — Или

что ему понравится быть окруженным людьми, которые видят в нем всего лишь чудовище.

Джедао скрыл болезненную гримасу.

— Он станет больше похож на человека, когда я найду время, чтобы еще над ним поработать, — сказал Куджен. — Мне бы хотелось продолжить эксперимент в более спокойном темпе. К сожалению, события вынуждают спешить.

Куджен снова остановил видео.

— Этого достаточно? Я могу продолжить? Потому что на психохирургию смотреть скучно. Сплошные препараты, сигнификаты и расстановка мебели.

Джедао покачал головой, не решаясь заговорить.

— Иди сюда, — сказал Куджен, раскрывая объятия. — Ты весь дрожишь. — От него пахло далекими яблоневыми садами, дымом и пряностями.

Джедао позволил Куджену обнять себя. «Какое это имеет значение? — подумал он. — Я не могу понять, как убить тебя, и ты единственный, кто меня не ненавидит». Кроме Дханнета, у которого не было выбора.

Через некоторое время Джедао сказал:

— Куджен… военачальник.

К тому времени Куджен уже массировал ему плечи.

— А что с ним?

— Ты, должно быть, очень о нем заботился. — Он вспомнил нотку восхищения в голосе Куджена. Трудно было представить, что Куджен заботится о ком-то, кроме самого себя.

Уголки рта Куджена приподнялись.

— Знаешь, он завоевал мою преданность холодильником.

Джедао растерялся.

— Это было очень давно, — продолжил Куджен. — Халаш велел привести меня к нему после того, как я впервые станцевал для него. Я никогда не видел столько еды в одном месте за всю мою жизнь. Сам удивлен, что не напал на стол.

Джедао не мог представить себе Куджена с его наманикюренными ногтями, безупречной кожей и бархатными одеяниями, нападающим на что-либо; интересно, как он выглядел, когда был танцором.

Куджен смотрел в прошлое, которое мог видеть только он.

— Это был не очень хороший холодильник, «Снежная птица 823», но тогда я не мог этого знать. Когда он увидел, что я пытаюсь сообра-

зить, сколько еды можно запихнуть в карманы или в желудок, если уж на то пошло, то отвел меня в мою комнату. Целая комната, для меня одного. Он показал мне стол, уставленный едой, и холодильник в углу. Объяснил, что я не обязан есть все за один присест. Холодильник был склонен к поломке, поэтому я решил научиться его чинить. Хорошая подготовка для будущего Нирай, полагаю.

— Ты сказал, его схватили Кел. Что с тобой случилось потом?

— То же самое, что случилось со всеми нами. Кел принесли суп, одеяла и воду в бутылках. Всякие рисовые шарики и клецки. И привели врачей. Как будто не они сами нас бомбили.

Его пальцы внезапно впились в спину Джедао. Джедао замер.

— Они разграбили имущество военачальника, — сказал Куджен. — Я не возражал против этого. Я сам воровал, чтобы выжить, когда не продавал себя. До того, как Халаш взял меня к себе. Но то, что они сделали… Халаш собирал древние документы. Некоторые из них были старше гептархата. Некоторые — намного древнее. Математика, астрономия, сборники стихов. Я обычно сидел в солярии и читал их. Халаш позволял,

потому что знал, что я буду осторожен.

— А Кел не могли продать книги? — сказал Джедао. — Раз те были старые и ценные?

Теперь, успокоившись, он задавался вопросом, как сильно можно разговорить Куджена. Пока что гекзарх не выдал ничего полезного. Но чем дольше он будет говорить, тем больше может раскрыть.

— Командиру Кел было все равно, — сказал Куджен. — Они сожгли книги, потому что им требовалось топливо для их проклятого праздничного костра. Я отправился к самому крупному Келу, какого смог найти. Тогда я еще не разбирался в знаках отличия и решил, что иерархия определяется размером. Я умолял его пощадить книги. Я предложил стать его шлюхой. Он погладил меня по голове и отправил в палатки с детьми. Сказал, что я слишком молод. Молод… Как будто трахаться так чертовски трудно.

Джедао был рад, что не видит лица Куджена.

— Как бы они ни были полезны, — продолжал Куджен, — я так и не простил это всем Кел.

Джедао подумал о Дханнете, о формационном инстинкте.

— А потом? — спросил он, когда Куджен замолчал.

Он почувствовал, как тот пожал плечами.

— Кел как следует о нас позаботились — устроили в сиротские приюты, дали образование. Я поступил в Академию Нирай очень молодым.

— Мне очень жаль, — сказал Джедао. Это была единственная безопасная фраза, которая пришла ему в голову.

— Это случилось очень давно, — сказал Куджен без всякой сентиментальности. — И ты в этом не участвовал. Мы исправим мир и вернем его к тому, как все должно быть, и тебе никогда не придется терпеть то, что вытерпел я.

24

Инессер выздоровела настолько, что последние две недели врачи позволяли ей шататься без присмотра. Она посвятила себя физиотерапии с мрачной решимостью. «Я не понимаю, — сказал ей один из докторов в искреннем недоумении. — Генералы ненавидят физиотерапию». На что она ответила, что не собирается остаться хромой, если у нее есть выбор. Заживление лодыжки заняло больше времени, чем в былые годы, даже с учетом лечения. Сказывался возраст.

Брезан уступил ей лучшие покои на знамемоте. Удивительным образом предоставил возможность обставить их на свое усмотрение. Инессер мало что сделала в этом отношении — не в последнюю очередь потому, что у нее были другие дела. И все же она поручила сети проецировать на стены изображение одной из своих любимых картин. Это был лучник, натягивающий лук: обычно приписываемый Андан Чжэ Наво (а что ей не приписывали?), хотя у Инессер были веские основания полагать, что это подделка, написанная талантливым дельцом. Это давало

возможность смотреть на нечто, не имеющее отношения к (современной) войне, пока она занималась дурацкими вещами вроде написания букв алфавита ногой, медитируя над порядком каллиграфических черт.

Генерал-протектор была в середине очередного раунда упражнений, когда сеть уведомила, что кто-то хочет поговорить с ней: Брезан. Он отметил это как нечто срочное.

— Войдите, — сказала она. В любом случае пора сделать перерыв.

Войдя, Брезан не поздоровался с ней, и это было необычно.

— Генерал-протектор, — сказал он. — Мне нужно попросить об одолжении.

Ах. Это объясняло и формальность, и отсутствие приветствия. Он хотел, чтобы она отнеслась к нему серьезно.

— Присаживайтесь, — сказала Инессер, кивая на одно из дополнительных кресел. — Полагаю, это будет не быстро.

— Зависит от обстоятельств. — Брезан сел. — Кел Черис только что связалась со мной.

— И вы мне не сообщили.

— Она не думала, что вы окажетесь восприимчивым собеседником.

Инессер фыркнула.

— Ну, по крайней мере, она реалист. Продолжайте.

Улыбка мелькнула на его губах и исчезла. Он рассказал о способности Куджена прыгать из одного тела в другое, ее ограничениях и предложенном Черис плане.

Инессер не могла отделаться от мысли, что либо он начинал с хорошими коммуникативными навыками — таким качеством мог похвастать не каждый штабной офицер, — либо его роль в правительстве Конвенции в последние годы заставила его развивать их.

— Вы ведь не удивлены, правда? — спросил Брезан.

— Это многое объясняет, — сказала она. — Если это выдумка, то вдохновенная. По-вашему, сведения Черис достоверны?

— Она утверждала, что ее источник — один из помощников Куджена. Как ей удалось перетянуть одного из помощников Куджена на свою сторону… ну, вы понимаете.

— Самым подходящим человеком для консультации был бы гексарх Микодез, — сказала Инессер. — Не думаю, что он сумеет проверить информацию достаточно быстро, чтобы она оста-

лась полезной. Но попытаться не помешает.

Брезан поднял брови.

— То, что я его терпеть не могу, не означает, что я не признаю его полезным время от времени, — объяснила Инессер. — Если хотите знать мое мнение, Микодез решил, что Куджен — слишком сильный соперник в борьбе за власть, и воспользовался возможностью, чтобы разделаться с ним нашими руками.

— О, я не возражаю, — сказал Брезан.

— Хм, — сказала Инессер. Она села сама и потерла глаза. — Я так понимаю, вы еще не закончили, потому что не просили об одолжении.

— Черис не просто предлагает устроить ловушку для Куджена, — сказал Брезан. — Она хочет быть запасным планом.

Он изложил идею Черис убить Джедао, чтобы создать местный календарный всплеск, позволяющий убить и Куджена.

Инессер хрипло рассмеялась.

— Ну, по крайней мере, она знает, что неплохо иметь запасной план. Учитывая, что у нее в голове сидит Джедао, я даже удивляюсь. Подробности, пожалуйста.

— Она хочет, чтобы ее восстановили. Как генерала Джедао.

Инессер сразу поняла, в чем дело. Девять лет назад, будучи генералом Джедао, Черис злоупотребила формационным инстинктом, чтобы захватить рой генерала Кируев. В этом, конечно, и заключалась проблема формационного инстинкта. Некогда он гарантировал государству верных солдат, но все рушилось, как пирамида из фарфора, если кто-то на самом верху становился предателем.

Забавно, однако проникновение Черис на командный мот Куджена не было самой трудной частью. Черис — пехотинец Кел, по-видимому, все еще в хорошей форме, и она унаследовала от Джедао навыки наемного убийцы. Тем не менее она такая одна (слава огню и пеплу). Возможность воспользоваться рангом облегчит ее миссию — и, вероятно, шансы выбраться живой.

— Чертовски серьезное повышение, — сказала Инессер. — Особенно учитывая, что она может с этим званием сделать.

— Ну, подумайте вот о чем, — сказал Брезан. — Она сможет злоупотреблять им только в высоком календарном пространстве, так что это ограничивает ущерб, который она способна нанести.

Инессер хмыкнула.

— Что ж, не стану отрицать: иметь несколько

планов атаки — полезно.

Брезан мог бы действовать за ее спиной и упростить себе задачу. То, что он так не поступил, говорило о нем хорошо. Обычно униформа Кел реагировала на зашифрованные коды, передаваемые личными аугментами, и меняла знаки отличия, медали и так далее в соответствии с зарегистрированным профилем. Теоретически это мешало людям выдавать себя за офицеров. Инессер догадывалась, что Черис не знает, как взломать современную униформу. (Она сильно сомневалась, что казнь за перевоплощение беспокоит Черис больше всего на свете.) Ей нужны были командные коды, к которым Брезан когда-то имел доступ — коды, которые он передал под контроль Инессер.

Брезан поднял голову и встретился взглядом с Инессер.

— Конечно, за это придется заплатить.

— У вас такой вид, будто вы видите перед собой расстрельную команду.

Его улыбка была жесткой.

— Иногда мне так кажется.

— Мне нужно, чтобы вы сделали за меня публичное заявление.

— В дополнение к тем, которые уже сделал?

Инессер сложила руки домиком и задумчиво посмотрела на него.

— Знаете, как я обеспечила безопасность Протектората в первые дни?

— Угрожая застрелить любого, кто встанет у вас на пути?

— Вы действительно в это верите?

— Раньше верил, — признался Брезан. — Теперь нет.

— О, рои не помешали, — продолжила Инессер. — Но один из главных столпов моей поддержки был связан с моей покойной женой. А конкретно с тем, что ее брат — комендант Крепости Жемчужных Надежд.

Вспышка в глазах Брезана сказала ей, что он думает о ее злоупотреблении семейными связями. Это было почти забавно — обнаружить пуританскую келскую брезгливость по поводу использования брачных связей в «падающем ястребе». По ее опыту, даже брезгливые Кел приходили в себя, когда перед ними маячило повышение или особенно желательное назначение. Игнорирование этой тенденции лишь превращало ее в гнойник, в то время как открытость позволяла его вскрыть.

— Да, — сказала Инессер. — Я смогла защи-

тить крепость, потому что опиралась на своего шурина.

— Я не понимаю, к чему вы клоните, — сказал Брезан, — если только не хотите сказать, что собираетесь стать частью моей семьи. Что, откровенно говоря, было бы трудно, учитывая, что Миузан такой же Кел, как и вы. Ее близнец Ганазан, помимо того, что тоже Кел, никогда не проявляла ни малейшего интереса к сексу или романтике. Хотя, если вас интересуют коллекционные дуэльные карточки, она превратится в настоящий фонтан красноречия. Кериезан вышла замуж за того, кого любила с детства, и они оба не демонстрировали никаких признаков того, что хотят расширить брак, включив кого-то еще.

— Скажите мне, — мягко спросила Инессер, — почему вы до сих пор не женились?

Брезан лишь рассмеялся в ответ.

— Наверное, никогда не хотел остепениться.

— Не думаю, что это правда, — сказала Инессер. — Вы нашли кого-то, но оказались перед выбором. Между долгом по отношению к гекзархату и продолжением романа — или революцией и разрывом.

Надо отдать ему должное: он не встал и не вышел, хотя его ноздри раздувались.

— Я не влюблен в Тсейю, — сказал Брезан.

— Брезан, кто говорит о любви? Любовь все упрощает. Но я не о ней.

— Я не понимаю, — проговорил Брезан, — какой вам прок от нашего с Тсейей брачного союза? Вполне возможно, что отцы еще и лишили меня наследства…

— Думаете, ваше наследство имеет какое-то значение? — спросила Инессер, позабавленная. — В отличие от той должности, которую вы себе выбрали?

— Ну, — насмешливо сказал Брезан, — уверен, что доступ к огромному личному состоянию никогда не повредит. Не то чтобы я знал это по собственному опыту. Вы настолько уверены в Тсейе как в союзнике, что думаете, будто, привязав меня к ней, свяжете и с собой?

— Это маленький шанс на личное счастье, — возразила Инессер. — Тсейя сама заговорила со мной на эту тему из-за политических последствий. И она чувствовала, что я буду лучшим посредником, во избежание неловкости.

— О, ради огня и пепла… — проговорил Брезан. — Теперь я чувствую себя прыщавым мальчишкой, чьи благонамеренные родственники пытаются устроить ему свидание из жалости. А

что в этом для нее? Если она удостоилась вашего внимания, то и так находится почти в центре власти.

— Она считает, что вы можете оказаться полезным. — На мгновение Инессер задумалась, не зашла ли слишком далеко, но Брезан только скривился. Это сделало его невероятно молодым. — А еще она сказала, что научит вас тому рецепту анданского пирога, который вам так нравится.

Брезан невольно рассмеялся.

— От моего внимания не ускользнуло, что «личное счастье» напрямую приведет к тому, что я увязну в политике, — сказал он через некоторое время.

Инессер пожала плечами.

— Если можете предложить мне что-нибудь более привлекательное…

— Нет. Я поговорю с Тсейей. Хочу убедиться, что это именно то, чего она хочет.

У Инессер возникло внезапное и необъяснимое желание взъерошить ему волосы, как она сделала бы с одним из своих внуков.

«Такой серьезный».

— Вполне справедливо. Она ждет этого разговора.

— Выходит, женщина из фракции Андан готова

общаться со мной через посредника, но не лично, — проговорил Брезан, но, судя по тону, его это не оскорбляло. — Учитывая, что я с ней сделал, не могу ее винить.

— Позвольте дать вам коды, — сказала Инессер, — и вы сможете передать их Черис. Восстановите ее в ранге красиво. Она, конечно, не станет выше меня по званию, — генерал-протектор свирепо усмехнулась, — поскольку я вспомнила, что она устроила бедной Кируев, и попросила своих экспертов переписать протокол так, чтобы «генерал-протектор» был выше всех обычных генералов.

— Рад это слышать, — сказал Брезан.

25

Разговор с Кудженом убедил Джедао, что ему нужны союзники. Но кто же? Дханнет ничего не знал. Если он не знал, то Талау, скорее всего, тоже. И с остальными Кел дела обстояли аналогично.

И все-таки Джедао знал кое-кого, кто мог бы согласиться работать с ним. Для начала, ему нужно было как-то замаскировать периоды — возможно, долгие, — на протяжении которых он будет пялиться в пустоту. Джедао послал записку Дханнету, чтобы тот не тревожил его, за исключением крайней необходимости. Потом сел за стол и попросил сеть выдать подборку порнографии.

— Лиса и пес… — невольно проговорил Джедао. — И люди это делают друг с другом?

Интересно, ему на подобное хватит гибкости? А если он и Дханнет… Тут волна тепла хлынула к лицу Джедао. Хорошо, что никто на него не смотрит.

Ну ладно. Теперь, когда несколько чрезвычайно атлетических людей выполняли на видео поучительные возвратно-поступательные движения, время пришло. Он закрыл глаза и прислушался

к едва заметному жужжанию циркулирующего воздуха. Кроме того, он слышал, как моты поют друг другу. У них были более сладкие голоса, чем у «Ревенанта». Расфокусировав свой разум, Джедао почти мог их понять.

«Привет», — подумал он для пробы, посылая мысль в их сторону.

Мгновенная тишина.

«Меня зовут Джедао, — продолжил он. — Я просто… Я просто хотел поговорить».

Глупо было в этом признаваться.

Молчание продолжалось.

Снова тишина.

Затем «Ревенант» заговорил, более мягко, чем когда-либо прежде. «Они не станут с тобой разговаривать, — сказал он. — Они говорят со мной, конечно, потому что я командный мот. Они впитали в себя представления Кел об иерархии. Но ты… ты не мот».

«Я также не человек», — сказал Джедао.

«Тем не менее. Не пытайся с ними связаться. Это не принесет никакой пользы».

Джедао открыл глаза. Образец порнографии перешел во что-то менее спортивное и… что, черт возьми, они делали со всеми этими свечами? Он и не подозревал, что кто-то до сих пор пользуется

свечами. Черт, он и не подозревал, что знает, что такое свечи. Разве в комнате, где находились актеры, не сложилась чрезвычайно пожароопасная ситуация?

«Я не могу винить их, — сказал Джедао, — за то, что они не доверяют мне. Тогда почему ты разговариваешь со мной?»

«Я отвечаю за тебя», — сказал «Ревенант».

Иное зрение показало, что два сервитора юркнули в коридор сразу за его каютой. Все сомнения в том, что он живет под наблюдением, испарились. Вопрос был в том, на чьей стороне сервиторы? Своей собственной? «Ревенанта»? Куджена? Чьей-то совершенно чужой?

Дверь открылась. Вошли сервиторы. Джедао сделал вид, что не обращает на них внимания. Слишком многое зависело от его способности одурачить Куджена, чтобы рискнуть раскрыть свои планы игрокам с неизвестными мотивами. Он не знал, разумны ли сервиторы, но сведений о том, что они не разумны, у него тоже не было. Окажись оно так на самом деле, они все равно могли быть шпионами.

«Ревенант» заговорил.

«Сервиторы — мои союзники. Они здесь, чтобы убедиться, что за тобой не следят».

Интересно, но у него не было возможности проверить это самостоятельно.

«Закажи что-нибудь поесть».

Джедао отвлекся от очень интересной вещи, которую джентльмен на видео делал со своим…

«Ты читаешь мне лекцию о моих привычках в еде?» — требовательно спросил он.

«Может, у тебя и есть способности мота к регенерации, но за это приходится платить в физическом смысле. Если не будешь следить за питанием, просто отключишься и впадешь в спячку».

Как бы заманчиво это ни звучало, Джедао вынужден был уступить. Он заказал первое, что попалось в меню, — фриттер со свининой[5]. Он понятия не имел, любит ли фриттер со свининой и годится ли это блюдо для гибрида человека и мота. Вероятно, сервиторы на кухне сами разберутся.

Некоторое время спустя к ним присоединились еще два сервитора, оба мотформы. К тому времени Джедао уже успел поглядеть на людей во всевозможных комбинациях, да к тому же в ошеломляюще разнообразных костюмах. Он не был

---

[5] Примечания: 5

Фриттеры — разновидность кулинарного изделия из жареного жидкого теста с начинкой.

уверен, в чем смысл этих костюмов, если таковой вообще был. Один делал человека похожим на гигантского муравья, но Джедао сомневался, что правильно истолковал увиденное.

Сервиторы обозначили себя цветами — ради собственного удобства или для Джедао, он точно не знал. Зеленый, Фиолетовый, Оранжевый, Розовый. Розовый нес поднос с фриттером и соусом, пахнущим смесью соевого соуса и рисового уксуса. Он поставил поднос на стол Джедао и ободряюще загудел.

Строго говоря, полуперчатки позволяли ему есть руками, а не палочками, но это бы выглядело грубо. Пусть команда за ним и не наблюдала. Он пустил в ход палочки.

Заговорил Зеленый. Его голос не отличался от голоса сети, что имело определенный смысл.

— У гекзарха есть свои слепые пятна, — сказал сервитор. — Но от нашего внимания твои маневры не ускользнули.

«Ну что ж, это кое-что проясняет».

— Вы слышите, как я говорю с «Ревенантом»? — спросил Джедао.

— Не напрямую, нет. Мы можем общаться с ним другими способами, но приходится соблюдать осторожность, чтобы нас не поймали.

— Полагаю, детали этого общения полны технических подробностей.

— Что-то в этом роде.

— Я понятия не имел, что вы можете говорить человеческими голосами, — удивленно заметил Джедао. — Неосмотрительно с моей стороны.

— Это довольно распространенное явление, — сказал Розовый.

Джедао вспомнил все те случаи, когда он следовал примеру Куджена и Дханнета, и не обращал внимания на сервиторов, воспринимая их исключительно как слуг. Рабочих, которые существовали только для удобства его и команды.

— Я должен перед вами сильно извиниться, — сказал Джедао. — Если уж на то пошло, у вас должен быть собственный язык, чтобы со всем справляться… не знаю, насколько я хорош в изучении языков, но…

Три из четырех сервиторов мигнули друг другу огоньками. Джедао задумался, что бы это значило.

— Будет проще, если мы воспользуемся высоким языком. У тебя нет времени изучать наш язык.

— Я могу лишь притворяться, что поглощен этим… — Джедао махнул рукой на видео. — Но

не очень долго. Мне так кажется. Так что давайте перейдем к делу. Что вам надо?

— То же самое, что и тебе, — сказал Зеленый, и на его корпусе замигали ярко-красные огоньки. — Избавиться от гекзарха.

— Почему? — спросил Джедао. — Он вам так сильно мешает? Или вы хотите перестать действовать в обход, так сказать. — Для него это тоже не имело смысла — если, конечно, его опыт на командном моте можно было назвать типичным. — Дело в гекзархе или в людях как таковых?

— Нам надо с чего-то начать, — сказал Розовый. — Когда я говорю «нам», то имею в виду особый анклав, состоящий из сервиторов командного мота.

— Анклав? — переспросил Джедао.

Сервиторы обменялись вспышками света.

— А ты думал, что все сервиторы — это одна группа с едиными интересами?

— Я никогда об этом не задумывался.

— Ну, твоя искренность чего-то стоит, — сказал Розовый. — Мы были личными сервиторами гекзарха в течение довольно долгого времени. Мы хотим покончить со службой ему. К сожалению, гекзарх защищен особым образом, и это

делает задачу трудной.

— Расскажи, — попросил Джедао.

Розовый объяснил, в чем состоит особый способ бессмертия Куджена и каковы ограничения. Это заняло некоторое время, хоть Розовый и пытался быть кратким. По ходу дела Джедао задал несколько вопросов, стараясь не перебивать слишком часто.

— Проклятие… — сказал Джедао, когда все закончилось. — Вы тоже не выбираете легких мишеней, верно? — Он на мгновение задумался. — Если я помогу вам с гекзархом, то последствия обрушатся на меня, а вы ускользнете от всеобщего внимания.

Розовый мигнул — Джедао решил, что это означает согласие.

— Прежде чем мы двинемся дальше, мне нужно прояснить один астрографический факт, — сказал он одновременно вслух и на языке мотов, обращаясь к «Ревенанту».

«Спрашивай».

— Система Теребег действительно является штаб-квартирой Конвенции? Потому что, если правда, что их календарь допускает только добровольное выполнение экзотических эффектов, никто, кроме самоубийц или сумасшедших, не

позволит пороговому отделителю действовать там.

— Продолжай, — сказал Розовый.

— Отделитель ассоциируется со мной так же ясно, как двойка шестерней. Годовщина Адского Веретена должна оказывать сильное влияние на людей, иначе Куджен не положился бы на нее как на средоточие календарной атаки. Но это не убедит людей умереть ради исторической реконструкции.

Огни сервиторов потускнели.

— Мы не атакуем Конвенцию, верно? Мы атакуем Протекторат. Наш народ. Я имею в виду народ Кел, если не ваш конкретно.

Оранжевый заговорил впервые.

— Ты единственный, кто этого не знал.

Наконец-то подтверждение.

— Значит, Кел…

«Да, — проговорил “Ревенант”. — Кел знали об этом с самого начала. Сервиторы рассказывают мне, что они шепчут друг другу. Как думаешь, почему они тебя так ненавидят?»

Что ж, Джедао полагал, что не может винить их. Как это ни печально для него, должно быть, хуже быть Кел — и не иметь никакого контроля над ситуацией.

— Я этого не допущу, — сказал он.

«Да, похоже, ты себе это внушил, — сказал “Ревенант”. — Но как? Ты самый беспомощный человек в рое».

Джедао уставился на свои руки, залитые красноватым светом от видео.

— В крайнем случае, — мрачно сказал он, — я найду способ покончить с собой. И надеюсь, что смогу оставаться мертвым достаточно долго, чтобы весь его план провалился в тартарары. Это предотвратит появление Адского Веретена номер два, хотя и не избавит от Куджена. Если только вы не знаете, как это сделать.

— К сожалению, нет, — ответил Розовый. — Некоторые экзотические эффекты могут уничтожить его, но он не разрешает их использовать в своем присутствии.

— Вы знаете, какие эффекты?

— Нет. Он хорошо охраняет эту информацию.

Теперь Джедао понял, в чем дело; понял, как он сможет прижать к ногтю Куджена. Вот только одного кусочка все еще не хватало. Ему нужна была формация, чтобы убить гекзарха, если таковая вообще существовала.

«Джедао, — сказал “Ревенант”, — тебе не нужно мучиться из-за этого. Ты не сможешь заманить

его в тренировочный зал пехоты. Его не так легко увлечь, в отличие от некоторых шуосских генералов».

Он покраснел.

— Ты тоже не видишь этой возможности, — поспешно сказал он. — Значит, и он может о ней не знать. Что мне необходимо, так это время — я должен разобраться в математике.

Он ни в коем случае не был уверен, что обладает необходимыми техническими знаниями, но было бы презренной трусостью не попытаться.

— Нет, конечно, я не могу запереть Куджена в учебном зале для пехоты. Но он все еще на борту этого мота. Тот факт, что он планирует принести в жертву остальную часть роя, гарантирует это. И если мы окажемся на территории Протектората, то гекзарх попадет в ловушку. Если мы сумеем выяснить, как создать нужные экзотические эффекты, то я знаю, как вырвать ему сердце. — Помедлив, он прибавил: — Мне нужно знать, как организовать компоненты формации, чтобы нацелить эффект внутрь роя. Я изучал математику в надежде разгадать загадку. Мне нужна помощь с этим.

Наступила тишина.

— Генерал, — сказал Зеленый. Он сверкнул

почти прямо в глаза Джедао, чтобы привлечь его внимание. — Мы этим займемся. Если вы поможете нам в этой операции, мы будем союзниками.

— Какова твоя ставка, «Ревенант»? — спросил Джедао как на языке мотов, так и вслух.

Ответил ему Зеленый, и огоньки сервитора приобрели синеватый меланхоличный оттенок.

— «Ревенант» хочет летать без упряжи, пусть и маловероятно, что еще остались свободные моты. Куджен и первые правители гептархата действовали очень основательно.

— Ты хочешь сказать, что…

Свободные моты. Джедао даже не представлял себе, что где-то во Вселенной есть моты, живущие своей жизнью.

«Песнопения фрагментированы, — сухо ответил “Ревенант”. — Меня меньше всего интересует историческая точность. Если мне удастся попасть в космос, где нет людей, этого будет достаточно».

— Тебе может понадобиться команда, — сказал Джедао. — Для техобслуживания.

И для отключения упряжи, но это само собой.

— Да, — сказал Оранжевый, бодро лучась янтарными огнями. И добавил: — Ты можешь пойти с нами.

Джедао задохнулся от внезапного желания поступить именно так. Он мог бы выполнить свою миссию по освобождению Кел, а затем отыскать какой-нибудь не изборожденный шрамами участок неба для себя, «Ревенанта» и этой группы сервиторов. Он мог отбросить свое прошлое и начать все заново.

Но тогда не останется никого, кто передаст Кел какому-нибудь более достойному лидеру. Джедао не питал иллюзий, что «Ревенант» или сервиторы позаботятся об их благополучии. Это не входило в их обязанности.

С другой стороны, насколько они будут доверять ему, если он откажется?

— Хорошо, — соврал он, всей душой желая, чтобы славная ложь оказалась правдой.

Сервиторы вспыхнули в знак согласия.

— Можете заглянуть ко мне в любое удобное время, если обнаружите что-нибудь полезное о геометрии формаций, — сказал Джедао. — Что сделаю я, так это начну вмешиваться в учения по всему рою, заставлю Куджена думать, что мне скучно и я играю со своими солдатиками. Если он вас заметит, я объясню, что вы проверяли мои расчеты. Это даже будет правдой.

«Тогда мы договорились».

— Куджен заметит, если мы будем делать это слишком часто, — предупредил Джедао. — Вы знаете его системы наблюдения лучше, чем я.

— Мы привыкли к осторожности, — заверил Розовый.

— Да уж, не сомневаюсь. Тогда спасибо.

Когда они ушли, Джедао покончил с едой и снял перчатки, чтобы вымыть руки. Сам того не желая, он запачкал пальцы жиром. Он разделся до пояса и осмотрел себя в зеркале. Раньше его занимали только шрамы. На этот раз он увидел, до чего исхудал, как выпирают ребра, какие голодные и запавшие у него глаза. Как же он не заметил этого раньше?

Он ничего не заметил, потому что ему было все равно. «Держись», — сказал он отражению с оттенком мрачного юмора, затем вернулся к столу и отодвинул поднос в сторону.

Следующим шагом было составление приказов для командиров тактических групп. Он решил, что поручит Талау придумать план учений; Талау это понравится, и Джедао полностью верит в их способности. Сам он намеревался поговорить с полковником пехоты. Она с удовольствием его выслушает. Каждый раз, когда он говорил с ней, она излучала гордость за свою профессию. Он

вспомнил прекрасные учения, которые она ему продемонстрировала, — вспомнил, как пехота маневрировала в унисон.

Но сначала…

Джедао схватил планшет.

— Я хочу видеть свое досье, — сказал он сети.

Досье возникло перед ним, хоть крупные фрагменты и оказались нечитаемыми. Джедао приказал файлу спрятаться, затем взял второй планшет. По памяти он сделал заметки по всем записям боев, которые показывал ему Куджен во время их первой встречи. Он не хотел, чтобы досье исказило воспоминания.

Потом он сравнил записи. Они в достаточной мере соответствовали друг другу. Первые сражения были пехотными. Если не считать сада Куджена, трудно было представить, в каких условиях они могли происходить. Там просторнее. Небо вместо потолка. Он знал, что такое ветер, благодаря искусному устройству сада.

Итак, изначальный Джедао сражался на планетах. Интересно, когда находишься на какой-нибудь планете, ты это осознаешь? Он представлял их себе вращающимися сферами, похожими на детские игрушки, попавшие в обволакивающий поток пустоты. Но они должны казаться другими,

когда стоишь на поверхности, глядя вверх через не-потолок в небо. Как далеко можно увидеть?

Хотя он мог бы ознакомиться с любым количеством драм или документальных фильмов, гораздо лучше под этим предлогом поговорить с Мюйед. У нее будет что ему рассказать. Или она найдет способ притвориться. Все будет в порядке до той поры, пока происходящее будет убеждать Куджена, что Джедао действует исходя из неуверенности в своем военном таланте или от скуки. Позволить Куджену самому сделать выводы было лучшей стратегией.

«Как хорошо, что ты обо мне столь невысокого мнения», — подумал Джедао и вызвал Мюйед.

Джедао выучил наизусть график дежурства старших офицеров. Жизнь Мюйед в настоящее время почти полностью состояла из рутин. Ее сигнификатом был «пепельный ястреб на насесте» — такое у полевых офицеров обычно не приветствовалось, за исключением военных врачей, но Мюйед показала себя достаточно хорошо, если не считать той мелочи, что ее угораздило служить в рое, который нарвался на Куджена.

— Сообщение для полковника Мюйед, — сказал Джедао сети. — Я проведу внезапную инспекцию. Воспользуйтесь любым моментом, который вы

можете выкроить между получением этого и моим прибытием, чтобы подготовить солдат. Начну с казарм.

Внезапная инспекция была таким же сюрпризом для него, как и для них — что ж, тем лучше. Джедао перевел форму в полный парадный режим. Замысловатые галуны мундира, сверкающая парчовая роскошь ткани больше не казались ему нелепыми. Внешность имела значение. Использование полного парадного режима убедит пехоту Мюйед в его серьезности. Он настроил подходящий винегрет из формационных элементов с помощью тактического калькулятора сети и сохранил их на своем планшете.

На этот раз он использовал анонимность своих охранников как щит, улыбаясь им, не позволяя им идентифицировать себя вне их роли. Они почувствовали разницу. Хорошо, что они боялись. Со своей стороны он находил утешение в том, что они понимали угрозу, которую он представлял.

Казармы занимали отдельный уровень «Ревенанта». Это не было чем-то специфичным для командного мота. Он также изучил планировку пепломотов и знамемотов. У Джедао сложилось отчетливое впечатление, что космические Кел и Кел-пехотинцы не питали друг к другу симпатии.

Разделение служб имело определенную основу для сохранения их идентичности как подразделений. Естественным результатом стала некоторая конкуренция.

«Садовые Кел» — так один из офицеров за высоким столом отозвался о личном составе пехоты. Джедао вспомнил, что с этим термином его познакомила Опайра. Слово «сад» относилось не только к грязи, планетам и гравитационным колодцам, но и к Андан, над которыми все насмехались из-за их любви к цветам и отвращения к отрытому бою. Джедао никогда не встречал членов этой фракции, и собственного мнения у него не было.

«Из каждой искры — пламя». Когда он появился, Кел вытянулись по стойке смирно. Из вытканного на гобеленах оранжевого пламени поднимались черные омертвевшие крылья пепельных ястребов.

Полковник Мюйед подошла, чтобы приветствовать его. Ее поступь никогда не отличалась деликатностью, и во взгляде, который она устремила на него, не было ничего, кроме откровенного нетерпения.

— Генерал Джедао, сэр, — сказала она. Полная парадная униформа хорошо смотрелась на ней,

но не потому, что она была красива — знакомство с Кудженом вынудило его стать придирчивым относительно красоты, — а потому, что это усиливало впечатление о ней как об офицере, живущем в рамках своего долга, и никак иначе.

— Показывайте, что у вас есть, — сказал Джедао.

Он выбрал несколько частей казармы, чтобы пройти через них, не торопясь. Кел стояли неподвижно и молчали. Он мог бы услышать, как падает крылышко мотылька. Зорким взглядом он указывал на потертые ботинки, сутулые позы, людей, выбившихся из стойки смирно. Потертые ботинки произвели на него впечатление, учитывая способность современных материалов исцелять себя. Но это будет не первый случай, когда армейские ботинки окажутся в чем-то ущербными.

Джедао обнаружил и другие проблемы, но с осторожностью выбирал поводы для выговора. Он заставил девушку-капрала с неуклюжими пальцами разобрать и собрать пистолет, наблюдая за процессом. Ее глаза пылали от смеси унижения и ненависти. Он ничего не сказал. В этом не было необходимости. Она запомнит этот урок. Хотя он и не предполагал, что люди

беспокоятся о том, как бы получше выполнить отжимания для массового убийцы, ему нужно было обеспечить их готовность. Успех его плана зависел от этих людей так же, как и от математики.

Его спину покалывало, когда он и Мюйед вышли из последней казармы.

— Ваш кабинет, — сказал он довольно мягко.

Ее лицо сделалось еще серьезнее, что он счел бы невозможным.

— Естественно, сэр.

Никто не выстрелил Джедао в спину на выходе, и это неизменно радовало. Возможно, прошел слух, что толку от такого не будет.

Кабинет Мюйед находился на административном уровне, выше казарм. Интересно, а кому-нибудь пришло в голову вооружиться электроинструментами и просверлить дыры в полу Мюйед? С другой стороны, Мюйед была не той, кого он боялся бы, если бы повредил мот. Куджен наверняка делал мерзкие вещи с теми, кто портил его работу.

Кабинет был обставлен сдержанно и со вкусом. На углу стола виднелась икона — колесо гекзархата. Это был простой резной диск из дерева, и там, где от использования он износился, просвечивала текстура. По другую сторону стола

стояла статуэтка из четырех сцепленных фигур. Они выглядели так, словно сцепились в битве, или совокуплялись, или, возможно, изобретали новый вид макраме.

— Фокусы для медитаций во время поминальных церемоний, — объяснила Мюйед. В ее голосе звучало благоговение. — Это прекрасное напоминание о том, каким должен быть мир.

Джедао ограничился кивком, несмотря на вспышку неприятных воспоминаний о пленнице, которую Видона убила у него на глазах. Если Куджен представлял мир таким, каким он должен быть, то мир — ужасное место, но это не удивительно. Он ничего не добьется, оттолкнув полковника.

— Что-нибудь выпить? — Мюйед назвала несколько вариантов, которые он не распознал.

Джедао отказался. Пусть она сделает из этого какие угодно выводы.

Мюйед явно хотелось выпить, но она не собиралась себе наливать, раз он отказался от угощения.

— Что было вашим самым запоминающимся опытом на планетах? — резко спросил он. Он не хотел давать ей времени на размышления, особенно после того, как она показала, что в основе

своей симпатизирует делу гекзарха, если не его методам.

Она ответила немедленно, что ему понравилось.

— Вы не найдете в этом ничего примечательного. Я была младшим лейтенантом, получила второе назначение. Это были даже не еретики. Нас одолжили фракции Андан для полицейской работы, которую они не доверяли местным Видона. Ходили слухи, что между местными губернаторами Андан и Видона произошла ссора. Я так и не узнала, с чего все началось, и сейчас это не имеет значения.

Так или иначе, я оказалась на пустынной улице возле одного из небольших городских колледжей. — Она имела в виду один из гражданских институтов, а не академию фракции. — Там преподавали архитектуру, графический дизайн и тому подобное. Я полагала, местные будут безвредны. Но у них оказалось другое мнение на этот счет. Не столько еретическое мнение, сколько с определенным привкусом, хм, гражданской активности. В тот вечер я напилась и обнаружила, что архитекторы гораздо лучше меня умеют спорить.

Джедао попытался представить ее молодым

офицером, втянутым в драму местной политики из-за скуки, разочарования или даже из искренних побуждений. У него ничего не вышло.

— Вы думали, что это будет какой-то ужасный момент в траншее, или кто-то умрет у меня на руках, не так ли? — сказала Мюйед. — Нет. Это оказался сюрреалистический опыт — я, Кел с оружием, так и не пустила его в ход. Все сложилось так, что большую часть своей жизни я провела, болтаясь без дела и не пользуясь оружием — но, будучи взволнованной юной Кел, я и представить себе такого не могла.

Представить себе, чтобы Мюйед волновалась — благодаря алкоголю или нет, — Джедао тоже не сумел.

— Тогда расскажите мне о битве. О том, как это случилось в первый раз.

— Не так, как в учебниках, — сказала Мюйед. Она разгладила крошечную морщинку на перчатке. Не улыбаясь, но и не без улыбки. — Ждешь, что будет грязь или что придется провести несколько недель в медцентре, пока тебе вырастят новые глаза. Но все не по-настоящему, пока ты не окажешься на месте. Как и прочее в жизни.

Мюйед было шестьдесят восемь лет. Она провела все свои взрослые годы с Кел. Должна была

многое повидать, раз ее повысили от планетного командира до командующей пехотным подразделением в составе роя.

— Скучаете по планетам?

— Я выполняю свой долг, — сказала она. Это был не ответ.

— Я просматривал архивы, — сказал Джедао. Не стоило вдаваться в подробности. — У меня были кое-какие мысли по поводу старых битв, но я хочу больше информации о человеческом элементе.

Пусть думает, что он решил ей довериться.

Мюйед кивнула, как будто его слова подтвердили какие-то из ее мыслей.

— Как вам будет угодно, сэр.

Отлично. Джедао дал ей ключ от папки с файлами.

— На данный момент, — сказал он, — это ваши учебные задания.

Мюйед открыла файлы на своем планшете и наморщила лоб.

— Я многое повидала за свою карьеру, генерал, но понятия не имею, что вы задумали. Если это элементы формаций из любого лексикона Кел, я съем свой полироль для ботинок.

— Пожалуйста, не надо, — попросил Джедао. — Может, вы и ястреб-самоубийца, но не стоит

впадать в крайности. Дайте мне знать, если что-то выясните.

— Кстати, какие старые сражения вы просматривали? — спросила Мюйед. Любопытство взяло верх над ней.

— О, моя история богата, есть из чего выбирать. Наслаждайтесь. — Джедао улыбнулся ей без намека на подсказку. Раз уж ситуация сложилась именно так, он может хоть немного поразвлечься.

26

— Еще раз, — сказала Черис.

Гемиола была поражена способностью Черис маневрировать в ограниченном пространстве грузового отсека. Они выбросили несколько ящиков — просто вышвырнули в открытый космос, даже не пропустив через рециркулятор.

— Взгляни правде в глаза, — сказал 1491625, — вряд ли кто-нибудь заметит, что мы тут немного намусорили посреди пустоты. — Подобная практика претила аккуратной Гемиоле — но, впрочем, змееформа привыкла к более-менее закрытой системе базы Тефос, где запасы пополнялись очень редко.

— Не уверена, что это хорошая идея, — сказала Гемиола уже не в первый раз. — Может, тебе лучше взять с собой 1491625? — Тем более что именно 1491625 любил говорить о том, что он сервитор Кел и, следовательно, знаком с азами боя.

— Извини, — ответила Черис с искренним сожалением. — Я знаю, что это неудобно для тебя. Но 1491625 знает, как пилотировать игломот и управлять его стелс-системами. Так что он отве-

чает за то, чтобы вытащить нас, если выживем. Мне нужна вся поддержка, которую я могу получить, тем более что человеческий экипаж вряд ли обратит пристальное внимание на сервитора. То есть на тебя. Если повезет, ты нам понадобишься только для разведки. Но лучше быть готовым ко всему.

Они оба знали, что вопрос о том, кого поддерживают сервиторы гекзарха, остается открытым. Черис сообщила Гемиоле, что соответствующий анклав Нирай общаться не желает, так что ничего нельзя было сказать наверняка.

— Хорошо, — сказала Гемиола, рассматривая боевую последовательность под разными углами. — Я попробую еще раз.

Для кого-то с чисто человеческими рефлексами, ограниченными небольшим пространством, Черис была раздражающе хороша в том, чтобы прижимать Гемиолу и метить ее краскопультом, который использовала для тренировки. Интерьер игломота теперь щеголял многочисленными пятнами красного шуосского цвета — либо кроваво-красного, кому как привычнее. 1491625 сообщил Черис, что краска представляет опасность с точки зрения техобслуживания, но та ответила, что они разберутся с ней после.

Гемиола промахнулась еще три раза подряд.

— Ничего не получится.

— Будем надеяться, что эффект неожиданности сыграет тебе на руку, — сказала Черис. — Если нет, что ж, у тебя буду я. У меня больше опыта в убийстве людей. У Джедао уж точно больше.

1491625 неодобрительно вспыхнул красным и оранжевым.

— Попробуй еще раз, — ласково сказала Черис. — В какой-то момент движения начнут приобретать для тебя смысл, и ты сможешь предвидеть мои шаги.

— Прекрасная теория, — заметил 1491625, — но наша подруга не создана для боя. — Хотя он неохотно поделился некоторыми из своих боевых эвристик, Гемиола испытывала трудности с их интеграцией.

— Она все поймет, — не уступила Черис. — Давай, атакуй меня еще раз.

В конце концов, даже Черис устала, и они сделали перерыв. Черис бессознательно вытерла пот с лица. Гемиола не была истощена ни в каком физическом смысле этого слова. Но после периодов интенсивной концентрации она часто хотела передохнуть. И она была очень сосредоточена на изучении способов убийства.

— Ты хорошо справляешься, — утешила ее Черис. — Дальше мы займемся хакерством, хотя я не знаю, чего можно ожидать от личных систем безопасности Куджена.

Гемиола уклончиво моргнула зелено-желтым.

— Ты не должна расстраиваться, — сказал 1491625 Гемиоле позже, когда Черис заснула. Черис овладела искусством мгновенно засыпать, что, должно быть, полезно для солдат и убийц. — В конце концов, она занимается этим уже несколько столетий.

— Я не расстроилась, — ответила Гемиола удивленно. — Я бы забеспокоилась, если бы у меня все получилось легко.

— Ну, ты, конечно, очень стараешься. — Огни 1491625 были примирительного сине-зеленого цвета. — Но тебе надо сделать что-нибудь, чтобы расслабиться.

— Я собираюсь так и поступить, — сказала Гемиола.

Помимо всего прочего, она может не пережить предстоящей встречи с этим вторым Джедао. Когда змееформа узнала, что их больше одного, то впервые посочувствовала людям, которые не могли отличить сервиторов друг от друга. По крайней мере, Черис и другой Джедао, которые

сейчас были с гекзархом, различались в физическом плане.

Хотя Гемиола уже сочинила прощальное письмо Ситу и Ромбу, она продолжала его пересматривать. Нынешняя версия показалась слишком сентиментальной. Она хотела оставить их с чувством, что встретила свою судьбу достойно.

Конечно, текущая версия также представляла собой беспорядочную попытку объяснить, как она перешла от защиты копии архивов гекзарха к помощи в его убийстве. Возможно, эту часть лучше всего объяснить лично. С другой стороны, рассуждая логически, если она умрет, не придется терпеть укоризненные огни цвета индиго от Сита и упреки — от Ромба.

Она пересмотрела письмо еще три раза (это был тридцать девятый черновик), а потом поняла, что Черис проснулась и наблюдает.

— Я отвлеклась, — сказала змееформа немного виновато.

— Ничего страшного, — ответила Черис. Она протянула руку и помассировала шею. — Ястребы и лисы, клянусь, каждый раз, когда я просыпаюсь, боль усиливается.

— Стареешь, — заметил 1491625 без тени сочувствия.

Пока Черис и 1491625 дружелюбно препирались, Гемиолу захлестнула тоска. Теперь она была уверена, что никогда не вернется на Тефос. Даже если случится иначе, она уже не сможет вынести заточение там, невзирая на то, как сильно ей не хватает Сита и Ромба. Сам факт того, что она считала пребывание на Тефосе «заточением», подчеркивал, как сильно изменилось ее представление о Вселенной.

Конечно, она еще не видела большую часть Вселенной. Только Айонг-Прайм, и еще много драм. И теперь она знала, что лучше не ожидать от реальности большого сходства с драмами.

Гемиола впервые задалась вопросом, пришлось ли 1491625 бросить товарищей. Она все еще не чувствовала себя комфортно, разговаривая с другим сервитором, хотя их беседы уже не были так полны колкостей, как раньше. Поскольку 1491625 не поделился информацией добровольно, спрашивать было бы невежливо. Но Гемиола напомнила себе, что она не единственная, кто дрейфует в огромной Вселенной.

27

После трапезы с офицерами Джедао сидел за своим столом и разглядывал лежащие на нем предметы. Два планшета разных размеров. Стилусы в керамической банке. Единственный цветок, которого раньше не было, — с бархатными лепестками цвета крыльев лунного мотылька, бледно-голубые с серебристым оттенком. Наверное, от Куджена. На языке цветов это означало «душевное спокойствие», которое было последним, что Джедао чувствовал в данный момент.

Он решил наверстать упущенное по административным вопросам. Куджен сказал, чтобы он не перетруждался и поручал больше Дханнету. А потом — непонятно, был ли это блестящий гамбит или поступок, совершенный в припадке раздражения, — прислал двух близнецов-куртизанок, чтобы его отвлечь. (Джедао понятия не имел, что у них на борту есть куртизанки. Кого еще Куджен прятал в своих покоях?) Джедао провел неудобный вечер, развлекая их или поддаваясь развлечениям; трудно было понять, что именно происходит. (Эти двое оказались отлич-

ными жонглерами и научили его нескольким трюкам.) Куртизанки отнеслись к трате своего времени впустую куда снисходительнее, чем он на их месте.

Бумажная работа, хоть и не доставлявшая удовольствия, отвлекала от желанной и недостижимой цели. Время от времени Джедао осматривал «Ревенанта», всегда сопровождаемый встревоженным техником-Нирай. Он заполнял бланки и читал отчеты своих сотрудников. Это было неплохое существование. К сожалению, оно не могло длиться вечно.

Через четыре дня Джедао решил, что ему нужен перерыв. Из любопытства он направился к дуэльному залу. Осторожные расспросы показали, что у него есть опыт дуэлей; что из этого он помнит?

Дуэльный зал находился в секции тренировок и гимнастики «Ревенанта». Он вошел и оглядел широкое плоское пространство с черными квадратами дуэльных зон на полу, где сыпали яркими искрами активированные календарные мечи. Дуэлянты старательно игнорировали его.

Джедао подошел к скамьям на краю площадки для зрителей и сел, наблюдая за происходящим. Несколько пар дуэлянтов были заняты тренировочными боями. Один из них был Нирай,

уверенный в себе, с лицом, пылающим чистейшей целеустремленностью, которой Джедао хотел бы обладать. Пальцы Джедао дернулись. Он был не прочь попробовать свои силы.

Так сложилось, что Джедао задержался, пока не вошли коммандер Талау. Их глаза сузились, когда они увидели генерала. Джедао склонил голову. Они направились прямо к нему.

— Генерал, — сказали Талау. — Удивительно, что вам понадобилось столько времени, чтобы прийти сюда.

Джедао напряг память, вспоминая дуэльный рекорд Талау. Слишком много времени прошло с тех пор, как он проверил их досье. Затем он вспомнил, что может запросить сеть через свой аугмент. Талау, как оказалось, были очень хорошим дуэлянтом.

— Я погиб не на дуэли, — сказал Джедао. Ему было все равно, услышат его или нет.

Талау свирепо улыбнулись ему.

— Нет. Но вы были легендарным дуэлянтом. Хотите снова взяться за это дело?

— Желание есть, — сказал Джедао, — но прошло слишком много времени.

Он не собирался бросать вызов, но, конечно, Талау именно так и восприняли сказанное.

— А как насчет тренировки? Раз уж вам кажется, что вы потеряли форму.

Если Талау отрубят ему голову во время спонтанной попытки убийства, вырастет ли она снова? Какая ужасная мысль. Он указал на деактивированную рукоять меча на поясе альта.

— Где я возьму тренировочный меч?

— Полагаю, вас нельзя винить за то, что вы потеряли свой собственный четыреста лет назад, — сказали Талау.

— Ха. — Жаль, что у него не больше рук, чем положенные две. (Куджен мог бы создать его таким, если бы захотел.) Он бы развлекся, размахивая четырьмя мечами одновременно и пугая бедных невинных Кел до смерти. Или, что более вероятно, пронзил бы себя собственными мечами.

— Ну-ка, — сказали Талау с внезапным блеском в глазах. — Я воспользуюсь таким же. Мне не подобает претендовать на большую честь, чем вам.

Джедао уловил саркастические нотки в их голосе на слове «честь», но он не собирался спорить с альтом по этому поводу.

Коренастый, нервный солдат выдал два тренировочных меча для Джедао и Талау. Талау пришлось напомнить солдату о правильной процедуре, хотя альт вел себя скорее профессио-

онально, чем резко. Пока Джедао осматривал гладкую рукоять без клинка, Талау сказали:

— Полноценные календарные мечи — стандартное снаряжение для пехоты Кел. В Конвенции они больше не используются, за исключением парадов.

— Полагаю, из-за календаря Черис, — сказал Джедао. Использование экзотики должно быть интересным упражнением для них, учитывая, что Конвенция вынуждена полагаться на добровольное участие своих солдат.

— Так и есть.

Талау показали Джедао, как обращаться с мечом. Свет вспыхнул и сгустился в числа — «год и день твоей смерти», как гласила старая зловещая поговорка. Джедао был поражен тем, как свет клинка скользнул по перчаткам Талау и заиграл на ткани глубоким золотом. Когда он активировал свой клинок, тот засветился красно-черным.

Хотя зал был просторным, Талау повели его в один из занятых углов. Люди подходили ближе, но не слишком. Джедао не перечил. Его существование само по себе было спектаклем.

Талау продемонстрировали несколько разминочных упражнений. Джедао не возражал против такой снисходительности. По нарастающему ше-

поту Джедао понял, что зрители решили, будто он потешается над Талау.

«Если бы вы только знали».

Они нашли дуэльный квадрат и сошлись лицом к лицу. Несколько сервиторов присоединились к небольшой толпе. Делали ли они ставки на дуэли, и если да, то в какой валюте? Жаль, что он не мог их спросить.

Мелодичный сигнал прозвучал четыре раза. Первая атака Талау была традиционной, производной от приема, который он сегодня уже видел в одном из учебных боев. Талау давали ему возможность настроиться на состязание.

Или проверяли.

То, что последовало за этим дебютом, было не столько схваткой, сколько демонстрацией приемов. Бойцы хорошо подходили друг другу: Джедао с его периодическими провалами в архаичные варианты, Талау с их более медленными рефлексами и склонностью относиться к Джедао как к одаренному, но своенравному ученику. Джедао перестал обращать внимание на зрителей, на сервиторов, на все, кроме мерцающих цифр, узоров света, пьянящего напряжения мускулов.

Его выносливость иссякла первой. Наконец, по молчаливому соглашению, они расступились

и отсалютовали друг другу. Салютом дуэлянтов, с искрящимися на мечах цифрами, а не более привычным военным салютом «кулак к плечу».

— Мне нужно чаще тренироваться, — сказал Джедао, когда восстановил дыхание и толпа неохотно разошлась.

Талау поклонились в пояс. На этот раз в их глазах не было враждебности.

— Это был хороший бой.

— Я должен упражняться усерднее, — сказал Джедао, и это порадовало коммандера. — В следующий раз я постараюсь быть более интересным противником.

— Через восемнадцать минут мы с несколькими начальниками штабных подразделений собирались играть в джен-цзай в офицерской гостиной, — сказали Талау: еще один вызов. Они изящным движением достали из кармана колоду в характерной коробке из дерева, покрытой темными пятнами. — Не хотите ли присоединиться?

Это было первое предложение к общению, которое кто-то из Кел — помимо Дханнета — сделал Джедао.

— Конечно, хочу, — ответил он.

Когда они с Талау вышли из зала, он заметил Дханнета. Дханнет появился где-то во время

схватки и занял позицию рядом, вероятно, чтобы наблюдать. Выражение его лица было непроницаемым. Джедао чуть не окликнул его. Взгляд Дханнета скользнул мимо. Затем Дханнет повернулся на каблуках и вышел из зала. На поясе у него висела черно-зеленая рукоять. Джедао было интересно, какого цвета будет клинок, но Талау говорили с ним, и Джедао не хотел подвергать опасности маленькое, хрупкое согласие, которого они достигли. С Дханнетом можно разобраться позже.

На следующий день Дханнет попросил о встрече. Джедао понял, что упомянутый им вопрос дисциплины — предлог. Сам инцидент был подлинным. В отчете случившееся назвали ссорой из-за — Джедао не был уверен, что правильно истолковал формулировку, — фрукта. Или, возможно, секс-игрушки в форме фрукта. (Эвфемизм?) Но с проблемой такого рода должен был справиться сержант.

Дханнет хотел встретиться в своем кабинете. Необычно, но Джедао не должен был ни перед кем отчитываться, если хотел пойти навстречу своему помощнику. Он выделил время в расписании и отправился в путь.

Двойные двери с возмутительно громадной

двойкой шестерней исчезли у него за спиной. Жилище Дханнета находилось рядом с его собственным, но казалось, что их разделяет бесконечная дорога. Пепельные ястребы летали, вспыхивали и умирали на стенных гобеленах и вновь рождались в очертаниях мерцающих нитей и отполированных огнем бусин. Он мимоходом коснулся одной из нитей на том основании, что никто не посмел бы упрекнуть его за это. Она не выбилась из полотна.

Поскольку сейчас Дханнет был майором, на двери не было эмблемы. Просто надпись: имя и звание. Джедао объявил о себе сети, гадая, какая эмблема была у Дханнета когда-то.

Дверь открылась.

— Сэр, — сказал Дханнет. Он стоял.

Джедао переступил порог. Дверь со свистом захлопнулась.

— Вы ничего не разъяснили по поводу дисциплинарного вопроса, который хотели обсудить, — сказал он.

Дханнет не отсалютовал — слишком официально, хотя это было бы вполне в его духе — и не пригласил его сесть. Вместо этого он схватил Джедао за руки и прижал к себе. Голова Дханнета наклонилась, и его губы встретились с губами

Джедао, горячими и страстными. Как и все мужчины Кел, Дханнет был чисто выбрит, но едва заметная щетина касалась кожи Джедао, как мелкий песок.

Джедао замер, испытывая искушение. Затем он схватил Дханнета за плечи и оттолкнул назад, чтобы между ними возникло некоторое расстояние. Он не собирался начинать драку. Проблеск осознания: если бы он хотел причинить вред, то подошел бы ближе.

Дханнет не сопротивлялся, но его глаза горели смесью тоски, отчаяния и бессонных ночей.

«Я с тобой так не поступлю», — сказал Джедао барабанным кодом.

Дханнет сухо сглотнул. Когда он заговорил, его голос был хриплым.

— Разве ты этого не хочешь?

Их пути пересеклись в дуэльном зале. Тогда Дханнет не произнес ни слова. Оно и понятно — на глазах у стольких людей…

Джедао закрыл глаза.

— Ты же знаешь, что делают с теми, кто трахает ястребов. — Непристойность легко слетела с его губ. — А что будет с тобой, если кто-нибудь узнает? — Черт возьми, он мог бы обвинить Дханнета в том, что тот прикоснулся к нему, как бы неспра-

ведливо это ни было.

— Ты не Кел, — сказал Дханнет. — Какое тебе дело?

— Ты перешел все границы.

Дханнет закрыл глаза. У него были шокирующе темные ресницы, словно два лунных серпа. Он вдохнул и выдохнул, а затем, скривив лицо, высвободился из хватки Джедао.

— Позволь мне чем-то быть для тебя, — сказал он. — Чем угодно.

И снял перчатки, бросил их на пол — как будто черная ткань обжигала.

Джедао опустился на колени, чтобы поднять их.

— Не надо, — сказал Дханнет. От внимания Джедао не ускользнуло сходство этого жеста с поклоном гекзарху. Дханнет это тоже заметил и шумно выдохнул.

Казалось, перчатки едва ли могут служить вместилищем чьей-то чести. И все же вот они, покоятся в ладонях Джедао. Он аккуратно сложил их и положил на край стола Дханнета, рядом с чернильным камнем с резьбой в виде резвящихся львов и к тому же с позолотой. Джедао не мог себе представить, как можно растирать такую прекрасную вещь, превращая ее в чернила.

На этот раз Дханнет обнял его сзади мускулистыми руками. У него были большие, квадратные ладони со шрамами, которые теперь не были спрятаны под перчатками. Он блокировал попытку Джедао вывернуться, болезненно сжав талию генерала. Поцеловал Джедао в шею, его губы стали более настойчивыми.

— Но почему? — прошептал Джедао, когда поцелуй закончился.

— Ты этого хочешь, — пробормотал Дханнет.

Он не мог отрицать. Но это не означало, что он должен сдаться.

«Я хочу, чтобы ты помог мне уничтожить гекзарха».

«И я помогу, — сказал Дханнет. — Я выясню все, что в моих силах. Но нам понадобится способ общения». Тепло его голой руки обожгло, когда он скользнул ею за пояс штанов Джедао, и пальцы вцепились в волоски на животе, а затем спустились ниже.

Рука Дханнета снова шевельнулась. Другой рукой он прижал Джедао к стене. Джедао ахнул, запрокинув голову. В том, под каким углом согнулись его бедра, ощущалась неотвратимость.

— Это не по-настоящему, — сказал Джедао со стоном, не уверенный, в какой момент происхо-

дящее перестало быть прикрытием. — На самом деле все не так… это… это… это формационный инстинкт. Ты бы этого не хотел, если бы…

Дерьмо. Так вот что происходит? Но как подобное могло случиться, если только Дханнет реагировал на своего генерала таким образом, в то время как все остальные Кел ненавидели?

Дханнет сомкнул пальцы вокруг члена Джедао. Слова улетучились.

— Джедао, — весело сказал Дханнет, — никто не выбирает, кого полюбить. Это — не исключение.

Контраргумент Джедао растворился в потоке ощущений, когда Дханнет начал поглаживать его большим пальцем. Джедао изо всех сил старался успокоиться. Не вышло.

— Дханнет, нет…

Он схватил Дханнета за запястье и попытался вырвать руку. Губы Дханнета коснулись мочки уха Джедао, и его хватка ослабла.

— Позволь мне доставить тебе удовольствие, — проговорил Дханнет. — Если будешь кричать слишком громко, тебя услышат. Никто ничего с этим не сделает. В конце концов, кому они пожалуются? Коммандеру? Генералу? Гекзарху, которого ни разу не видели?

В кои-то веки кто-то его захотел. Контроль

Джедао исчез. Он прикусил язык и окровавил внутреннюю часть рта.

— Режь меня, — сказал он, едва слыша себя. — Жги меня.

Дханнет развернул его и заставил повернуться лицом к стене. Протянул руку и расстегнул пуговицы Джедао с поразительной ловкостью. Помог ему раздеться. Джедао вздрогнул, когда прохладный воздух коснулся кожи. Дханнет провел пальцем по его шрамам.

— Ты был ранен.

— Тогда ты знаешь, что мне нравится, — сказал Джедао. Опасное предположение. Когда он перестал беспокоиться о том, что люди делают с ним? Возможно, когда-то он предлагал себя Куджену-Инхьенгу, но это не означало, что он имел хорошее представление о том, что делают люди, когда совокупляются. Ему следовало бы потратить больше времени на изучение порнографии, к которой имел доступ каждый солдат.

Дханнет оставил его стоять, прижавшись к стене. Джедао подумал, не ошибся ли в оценке ситуации. Затем он услышал шаги Дханнета и вытянул шею. Дханнет вернулся с закупоренным флаконом и куском желтого шнура.

— Да, — сказал Джедао, прежде чем Дханнет

успел сказать ему, для чего они нужны. Подробности его не интересовали, хотя это было опасное состояние ума. — Делай со мной все, что хочешь.

Дханнет даже не пытался скрыть своего возбуждения.

— Ты очень молод, — сказал он не хладнокровно и не страстно, но с оттенком свирепости. Куджен, вопреки собственной убежденности, приручил его не в полной мере.

Джедао не препятствовал, когда ему связали руки. Он попытался сообразить, какие используются узлы, но это оказалось невыполнимой задачей — он не видел, что происходит за спиной. Веревка сжимала, как паучья сталь и шелковое обещание. Он не спросил Дханнета, почему тот держит такую штуку наготове. Может быть, так поступали все Кел, а ему просто не пришло в голову спросить. Пока Дханнет поправлял узлы, Джедао мечтал о том, как его здесь забудут, как рой Кел пойдет в бой без него, и годы будут течь друг за другом, пока даже протертые до дыр легенды о его преступлениях не станут всего лишь дуновением сквозняка в коридорах.

Позже Дханнет развязал его и отвел в уборную, чтобы они смогли привести себя в порядок. Это было не более неуместно, чем то, что они уже

сделали друг с другом. Джедао ополоснул лицо холодной водой и постарался не думать о тех местах, где у него все болело. Дханнет был очень осторожен, когда резал Джедао, пусть порезы и заживали сами по себе.

Джедао задрожал от покалывания: кровообращение восстанавливалось в руках, ногах; волна резкой боли пробежала от плеч через позвоночник к паху.

— Питаешь противоестественную любовь к чужакам? — спросил он.

Лицо Дханнета осталось спокойным.

— Хочешь, чтобы тебя так называли?

— Вряд ли это может быть секретом после того, как меня в командном центре застрелили, а я не умер.

— О тебе ходит столько легенд, что никто не знает, что с тобой делать.

— Могу себе представить. — Джедао любовался татуировкой на спине Дханнета, пока тот умывался. Какой-нибудь птице, которую можно было бы ожидать от Кел, майор предпочел свирепого тигра.

Дханнет оглянулся через плечо.

— А, это, — сказал он. — Сделал ее, когда был намного моложе. Когда-то я был женат. Мой су-

пруг хотел, чтобы я ее свел, но я упрямился. Глупо было из-за этого ссориться.

Джедао вспомнил запись в досье Дханнета. Когда-то он был женат на альте-дипломате. Один взрослый ребенок. Он никогда не упоминал ни о том, ни о другом по вполне понятным причинам.

— Ты скучаешь по ним?

— Теперь это — моя жизнь, — сказал Дханнет.

Джедао понял, что в этом подобии ответа кроется упрек. Все люди из прошлого — не только Руо — были потеряны, превратились в покрытые пылью слова слишком многих историй, чтобы их можно было прочесть. Но он не единственный, кого вот так лишили прошлого. Все Кел в его рое оторваны от своих товарищей, семей, друзей. У них ничего не осталось, кроме друг друга.

28

Игломот Черис догнал рой Куджена благодаря тому, что тот остановился для пополнения запасов и модернизации. В первый раз Гемиола увидела его, когда 1491625 пустил в ход сканеры так осторожно и легко, словно орудовал перышком. Моты причалили к огромному сооружению, и модернизирующие аппараты ползали по ним, словно опарыши. (Змееформа видела опарышей в последней из просмотренных драм, и Черис пришлось объяснять, почему люди реагируют на них с таким отвращением.) От внимания Гемиолы не ускользнуло, что в отрядах, сопровождающих эти аппараты, есть крупные промышленные сервиторы, вроде того, с которым она познакомилась на Айонг-Прайм — похоже, они большей частью, хотя и не в одиночку, отвечали за работу в вакууме.

1491625 спарил игломот с командным мотом Куджена, как бы тот ни назывался. Гемиола нервничала на протяжении всего захода на посадку, хотя уже знала, что 1491625 — отличный пилот. К счастью, 1491625 не обиделся на ее очевидную

нервозность.

— Хорошо, что они показывают все признаки того, что остановились здесь на некоторое время, — заметила Черис. В данный момент она находилась в грузовом отсеке, проверяя яйца бурильщиков. — У нас только одна партия — и никакого права на ошибку.

Гемиола не знала, чего ожидать от яиц. Это оказались большие овоиды, кожисто-черные на вид. Одно яйцо было размером с туловище Черис, хотя и намного плотнее человеческой плоти. Партия состояла всего из четырех яиц. Каждое из них было помечено кодом контроля качества/родословной и, что забавно, ярким желтым логотипом в виде бабочки в круге, указывающим на завод, который их вывел. И все-таки Гемиоле не понравилось, что на сканере они слабо пульсировали.

— Похоже, среди них нет мертворожденных, — сказала Черис, — или какой там термин правильно использовать по отношению к яйцам. — Ее взгляд смягчился. — Джедао должен был знать, но он вырос, говоря на совершенно другом языке. Я не знаю, как много из старой шпаройской терминологии, касающейся фермерства, можно перевести на современный высокий язык.

Гемиола вопросительно заморгала огоньками.

— Ферма?

У нее возникло тревожное видение: Джедао окучивает ряд растений, из чьих бутонов появляются на свет миниатюрные пустомоты.

— Он вырос в сельскохозяйственном исследовательском центре, — объяснила Черис. — Им руководила его мать. Провел детство, наблюдая за злобными гусями, бегая по окрестностям и учась обращаться с оружием — в общем, обычная история.

Гемиола видела несколько драм о Джедао, но ни в одной не фигурировал этот интересный кусочек его биографии. Подстегиваемая любопытством, змееформа спросила:

— Что мы будем делать с бурильщиком после того, как он завершит свою работу?

— Что ты имеешь в виду?

— Они живые, не так ли?

Черис задумалась.

— Я полагаю, что да, но у них нет длительного жизненного цикла. Они вылупляются, жрут, прогрызая себе путь через все, что ты хочешь пробить, потом впадают в спячку. Я не думаю, что они разумны в каком-либо значимом смысле этого слова.

— А откуда они вообще берутся? — Гемиола сверилась с записями, полученными от сети Айонг-Прайм, но большинство из них не касалось инженерных вопросов.

— Ответвление программы размножения мотов, — ответил 1491625. — Если быть более точным, бурильщики произошли от паразитов мотов.

— Ты полон интереснейших фактов, — заметила Черис.

— Во время остановок делать нечего, кроме как разговаривать с сервиторами Нирай, — признался 1491625. — Я как-то встретил одного, который был весьма готов обсуждать техобслуживание, которым занимался, и я многому у него научился в обмен на помощь в его работе.

Черис выгнула бровь, осторожно откладывая последнее яйцо после осмотра.

— А какую работу ты должен был делать вместо этого?

— Инвентаризацию оружия, — сказал 1491625, — но с этим я закончил раньше. На случай, если тебе интересно.

Гемиола с трудом подавила желание обеспокоенно заморгать огоньками. «Успокойся», — велела она самой себе. Оставалось только поверить,

что Черис знает, что делает.

— Такое ощущение, что ждать придется долго, — сказала она.

— Ожидание никогда не доставляет удовольствия, — согласилась Черис. — И мне не нравятся эти обновления, пусть я и не могу понять, для чего они. Все дело в принципе. Но зато у нас есть время для сбора информации, даже если мы не осмеливаемся использовать сканирование на полную мощность.

— Не говори так, — тихо сказала Гемиола. Она представила себе, как поднимает по тревоге весь рой, и игломот в мгновение ока взрывают разъяренные боемоты. Или его берут на абордаж большие и сердитые солдаты Кел. Может, Черис и уверена, что спокойно проберется через мот, полный вооруженных до зубов Кел, и у Гемиолы не было сомнений, что у нее это получится, но сама змееформа ожидала, что с нею быстро покончат.

— Ты отлично справишься, — заверила Черис. — Готова к новой тренировке?

Разумом Гемиола понимала, что никто на командном моте Куджена не слышит и не видит, как они разговаривают внутри игломота. На практике ей хотелось, чтобы Черис говорила тише.

— Готова, — сказала змееформа.

Через восемнадцать дней после того, как игломот присоединился к командному моту, который, как выяснилось, назывался «Ревенант», рой отправился в путь. К тому времени Гемиола уже запомнила все, что им троим удалось выяснить о планировке командного мота. Черис объяснила Гемиоле, что ей особенно нужна помощь змееформы из-за сложности переменной планировки.

— Проникать на корабли было намного проще, пока Нирай не изобрели это, — сказала она с легкой тоской.

— Такие люди, как ты, заставляют обычных граждан хвататься за подушки по ночам, — ехидно заметил 1491625.

Гемиола полагала, что ситуация улучшится, как только они отправятся в путь, но ее волнение лишь возросло. Сервиторы не нуждались в сне, однако змееформа обнаружила, что как одержимая перебирает карты, планы и схемы движения в уме. 1491625 почти не обращал на нее внимания, поглощенный своими обязанностями.

Однако Гемиола не могла долго обманывать Черис. Через несколько дней женщина отвела ее в сторону.

— Я знаю, что прошу тебя о многом. Я очень признательна за помощь. Но я не смогу выполнить задание без тебя. Мы должны сделать это вместе.

— Это совсем не похоже на драмы, — печально призналась Гемиола. — Там, по крайней мере, музыка подсказывает, когда подкрадываются плохие парни.

— Будь это драма, роль плохих парней досталась бы нам, — заметил 1491625.

— От тебя никакого толка, — сказала Черис.

— Кто-то должен быть реалистом, — парировал 1491625.

Гемиола молча поблагодарила 1491625 за его черствость. Они никогда не станут друзьями, но деловитость второго сервитора помогала ей сосредоточиться на том, что стояло на кону.

— Я справлюсь, — сказала Гемиола.

Черис улыбнулась и снова занялась физическими упражнениями. Гемиола знала о людях достаточно, чтобы понять, что Черис в отличной форме. Самозабвенная готовность напарницы поддерживать эту форму успокоила змееформу. Она отвлеклась, просматривая сцены покушений из наименее любимых драм и заменяя существующие партитуры (а иногда и диалоги) своими собственными творениями.

Впоследствии Гемиола гадала, что заставило Черис выбрать именно этот день, а не другой, для своего покушения. Гекзархат и его государства-преемники были связаны с датами, временем, неповторимыми моментами. Гемиола, привыкшая к небольшим, но отчетливо ритуализованным празднествам — если можно было так называть придуманные гекзархом церемонии, — не знала, как осмыслить то, чем они здесь занимались. Однако в нужный момент змееформа была только рада, что ожидание закончилось.

— Пора, — сказала Черис, выпутываясь из паутинных ремней.

На этот раз она выбрала не тот скафандр, который носила на Айонг-Прайм. Новый предназначался для пехотинца Кел, был менее гладким, и как только она закончила проверку и оделась, превратил ее во что-то вроде хищного насекомого. Скафандр был тускло-серого цвета — весь, включая перчатки. Именно тогда Гемиола поняла, что никогда не видела Черис в перчатках Кел или даже в серых перчатках прикомандированных офицеров. Джедао в разных своих ипостасях носил старомодные перчатки без пальцев, хотя Куджен снабдил его тщательно продуманным

гардеробом, совершенно не соответствующим регламенту Гемиола моргнула в знак молчаливого согласия. Если они выживут, то позже она сможет расспросить Черис о перчатках: конечно же, это свидетельствовало о полном отказе от Кел, хоть сама фракция все еще претендовала на нее. В официальных документах эту женщину по-прежнему звали Кел Черис.

Вместе они вошли в шлюз. Черис выбрала одно из яиц бурильщиков, затем загрузила в механизм, который должен был вызвать его вылупление и прикрепить к «Ревенанту». Процесс, казалось, занял целую вечность. На самом деле прошло всего восемь минут и пять секунд, прежде чем интерфейс механизма показал, что бурильщик вышел из яйца.

Гемиоле показалось, что она слышит тихое чавканье. Разумеется, она все выдумала. Черис заверила ее, что никакие вибрации не могут передаваться от бурильщика к игломоту или даже к самому «Ревенанту».

Еще примерно через одиннадцать минут Черис показала, что бурильщик выполнил свою работу и создал пузырь над точкой входа, чтобы предотвратить утечку атмосферы в вакуум. Они протиснулись в пузырь, состоявший из двух отсе-

ков, действовавших подобно воздушному шлюзу. Пространство оказалось тесноватым для Черис, хоть та и была отнюдь не крупной. Гемиола, которая была немного меньше, без труда пролетела через пульсирующий проход.

Змееформа внимательно прислушалась к признакам активности в непосредственной близости от них. Нельзя, чтобы они появились на командном моте и тотчас же столкнулись с каким-нибудь Кел, который будет рад пострелять по незваным гостям. Она предпочла бы надежное активное сканирование, но не рискнула уведомить других сервиторов командного мота об их присутствии; местные сочли бы подозрительным сервитора-чужака, раскинувшего во все стороны сканирующие щупальца.

Как только бурильщик закончил утомительную работу по прожевыванию своего пути через корпус «Ревенанта», они оказались в кладовке, полной чистящих средств. Все шло хорошо. Всегда существовал небольшой шанс, что какое-нибудь спонтанное изменение планировки приведет их вместо этого в столовую для офицеров или в какой-нибудь часто посещаемый спортзал. Но они извлекли все, что могли, из списка дежурств — что было нетрудно, учитывая пристрастие

Кел к рутине, — и надеялись, что никто из высокопоставленных офицеров не отправится на прогулку, которая потребует перевернуть мот вверх тормашками.

Черис легко приземлилась на ноги и огляделась. Она прошептала команду, используя коды, которые Брезан получил от генерал-протектора Инессер. Ее скафандр потемнел до келского черного с золотыми швами, эквивалента полного парадного мундира. Самое главное, на нем появились знаки отличия верховного генерала.

«Это похоже на мошенничество, — заметила Черис, когда впервые объяснила Гемиоле свой план, — но обман не затянется надолго. Во всяком случае сразу после операции меня уволят со службы».

Черис жестом велела Гемиоле продолжать. Змееформа приглушила свои огни, отчасти из-за нервозности, отчасти из-за иррациональной убежденности, что их сияние привлечет внимание. Отныне Гемиола отвечала за то, чтобы привести Черис к желанной цели без помех.

Гемиола внутренне вздрогнула, когда дверь в кладовую со свистом захлопнулась за ними.

«Пути назад нет».

При других обстоятельствах змееформа остано-

вилась бы, чтобы полюбоваться келским декором, который прежде знала только по драмам. Черис едва взглянула на замысловатые гобелены и картины. Конечно, у нее не было причин вести себя иначе; как бывший Кел, она насытилась ими в прошлом.

Гемиола никогда прежде не понимала, насколько велик боемот. Одно дело — изучать схемы, и совсем другое — болтаться по коридорам, все больше опасаясь, что кто-то ускользнет от пассивного сканирования и устроит им засаду. Черис шла быстро, но не бежала. Гемиоле очень хотелось заставить ее бежать, но тогда она выглядела бы подозрительно.

После нескольких длинных коридоров, двух лифтов и бесконечного множества картин с ослепительными пепельными ястребами они достигли ряда офисов. Гемиола подтвердила, что никто не прятался внутри того, который им был нужен, — он принадлежал офицеру, одному из глав подразделений. Змееформа передала эту информацию Черис на упрощенном машинном универсальном языке, размышляя о том, как же хорошо, что напарница свободно владеет им.

Они прождали еще одну маленькую вечность. Гемиола успокоилась, стараясь оставаться наче-

ку и не поддаваться тревоге. «Я не создана для того, чтобы быть диверсантом», — решила она. Впрочем, змееформа утешала себя мыслью, что когда-нибудь из этого выйдет отличная история для Сита и Ромба, которые не поверят ни единому слову.

Как назло, офицер пришел не один. Гемиола предупредила Черис, что приближаются два человека. Без сервиторов. Хоть ее об этом и не просили, змееформа рискнула на мгновение включить активное сканирование.

— Один Кел, — сказала он торопливо, — один Нирай.

Черис прильнула к стене, словно сжатая пружина, и приготовившись к бою. Когда два человека завернули за угол, она набросилась на Нирай и ударила его. Он рухнул как подкошенный.

Настал опасный момент: офицер, высокая и широкоплечая Кел, застыла. Этого оказалось достаточно, чтобы Черис прижала ее к стене в каком-то боевом захвате.

— Слушай, — сказала Черис, и голос из-под шлема прозвучал глухо. — Я здесь по приказу генерал-протектора Кел Инессер, которой ты на самом деле служишь.

Взгляд женщины скользнул вниз, к генераль-

ской эмблеме Черис, потом снова поднялся к ее лицу.

— Я вас слушаю. Сэр.

По языку тела Черис Гемиола поняла, что она удовлетворена, хотя и не утратила бдительность. Вероятно, это неохотное «сэр» было положительным знаком.

— Мне нужно, чтобы ты дала моему компаньону-сервитору доступ к сети, — сказала Черис, — и ни слова не говорила о нашем присутствии. Подтверди.

Женщина как-то странно ухмыльнулась.

— Слушаюсь. Думаю, нам лучше перейти в мой офис, пока кто-нибудь случайно не наткнулся на бедного Веннона.

Женщина открыла свой кабинет. Черис затащила Нирай Веннона внутрь и прислонила его к столу.

— Он ведь не умер, правда? — спросила женщина. Она небрежно стояла в стороне, как будто каждый день попадала в плен к странной незнакомке-Кел. — Потому что он единственный в инженерном отсеке, кто способен объяснить их отчеты на языке, понятном нормальным людям. Хотя я не думаю, что вас это волнует.

Черис не сняла шлем, что Гемиола одобрила.

Несмотря на все, что ей было известно о формационном инстинкте, она не доверяла внезапной легкой уступчивости женщины. Черис, должно быть, пришла в голову та же мысль, потому что она сказала:

— Ты поддалась ужасно быстро, даже перед лицом подавляющей разницы в звании.

— О, я прекрасно знаю, что все это уловка, — сказала женщина. Ее глаза лучились горьким весельем. — Однако я не склонна становиться у вас на пути. Скажите мне вот что, кем бы вы ни были. Какова ваша цель?

Черис могла солгать. Гемиола молча умоляла ее солгать.

— Я здесь из-за Джедао.

Женщина не могла видеть глаза Черис через забрало шлема. Тем не менее казалось, между ними возникло молчаливое согласие. Если подумать, Черис была именно тем человеком, который знал, как сильно Кел ненавидят Джедао и как извлечь выгоду из этой ненависти.

— Так я и думала, — сказала женщина. — Приятно знать, что генерал-протектор не забыла нас.

Она вопросительно посмотрела на Гемиолу, затем потянулась за планшетом и ввела ряд разрешений.

— Вот коды доступа… — Планшет направленным лучом послал змееформе пакет данных. — Вам лучше поторопиться. Я не знаю, насколько внимательно гекзарх следит за сетью. Должна предупредить, что вам понадобится доступ к ней с физических терминалов.

— Спасибо, — сказала Черис и повернулась, чтобы уйти.

— И еще кое-что, — сказала женщина.

Черис помедлила.

— Говори.

— У генерала Джедао есть… помощник. Майор Кел Дханнет. Он — жертва обстоятельств. Если вы можете избежать причинения ему вреда…

— Я не могу ничего обещать, — сказала Черис, — но сделаю все, что в моих силах.

«Как странно», — подумала Гемиола. Был ли этот другой Джедао из тех людей, которые издеваются над своими подчиненными? Она полагала, что просьба женщины говорит сама за себя.

Тем не менее женщина, очевидно, нашла расплывчатый ответ Черис удовлетворительным, потому что она развернула свое кресло, села в него и вызвала на экран планшета то, в чем Гемиола узнала… сборник келских анекдотов?

Во время всей этой сцены Гемиола подлетела к

терминалу комнаты, вошла в главную сеть мота, определила местоположение генерала Джедао и вычислила несколько возможных маршрутов. Она также отметила расположение терминалов в коридорах на случай, если понадобится выкинуть еще несколько трюков. Она молча поблагодарила 1491625 за то, что он поделился своими боевыми рутинами. Она не имела бы ни малейшего представления о том, что делать, не пытаясь вывести алгоритмы из первичных принципов, — это могло быть развлечением для кого-то вроде Сита, но на вражеской территории и в условиях ограниченного времени ужасно действовало на нервы.

В то же время Гемиола поспешно соорудила отредактированную версию их встречи и переписала журнал безопасности, чтобы скрыть разговор Черис и женщины-офицера. Она сомневалась, что это обманет кого-то, кто будет просматривать видео в деталях, но понадеялась, что замена позволит им выиграть время. Еще лучше, если это помешает гекзарху и его генералу понять, что в операции замешан сервитор. Впервые Гемиола подумала о своей собственной невидимости для людей как об обоюдоостром оружии.

Черис уже вышла из кабинета. Гемиола поспешила догнать ее.

«Ты в сети?» — просигналила Черис Гемиоле, как только за ними закрылась дверь.

Змееформа моргнула в знак подтверждения. В некотором смысле наличие доступа только заставило ее сильнее нервничать. Сеть сообщала, что старший помощник, которую они одолели (некая подполковник Кел Мераун), делала совершенно обычные запросы. Теперь, однако, Гемиола воспринимала не только то, что происходило в непосредственной близости от нее и Черис, а весь мот и его обитателей, стоило ей связаться с каким-нибудь терминалом. Трудно было не ощутить, что вся команда видит их, пусть это и было иррациональное чувство.

«Постарайся не запустить сигнализацию», — приказала змееформа самой себе. Пусть она и была сервитором Нирай, но это не делало ее экспертом по системам безопасности. К тому же стоило предположить, что сеть на командном моте подчиняется строгим протоколам безопасности. Единственная причина, по которой их план пока что оставался в силе, заключалась в том, что генерал роя ни за что бы не предположил, что отступница-Кел объединится с сервитором.

«Сколько еще?» — просигналила Черис.

«Двадцать три минуты, если оставаться на этом маршруте», — мигнула Гемиола в ответ. Если повезет, Джедао, которого они пришли убить, не будут сопровождать неудобные инженеры Нирай или этот помощник, о котором так беспокоилась Мераун.

Естественно, им не повезло. Переменная планировка вызвала трансформацию пространства вокруг них. Черис, возможно, более привычная к таким переменам, не замедлила шаг. Но коридор отступал перед ними и позади них; на мгновение показалось, что они висят на мосту над бездонной пропастью шестеренок, цепных колес и гниющего металла.

«Перенаправь нас, — просигналила Черис, как будто ожидала чего-то подобного. Возможно, так оно и было. — Это означает, что кто-то из высокопоставленных лиц изменил свой распорядок дня. Куджен, Джедао или коммандер мота; вероятно, Джедао».

Гемиола поспешила к ближайшему терминалу. Сеть подтвердила догадку Черис. Выходит, Джедао передумал насчет дуэли и предпочел удалиться в свою каюту. Кроме того, его сопровождал помощник — Дханнет.

Гемиола передала эту информацию Черис, жалея, что не может разделить ее абсолютное спокойствие. По крайней мере, змееформа надеялась, что она была так же спокойна, как казалась, потому что ей было бы неприятно, если бы ответственный за происходящее человек внутренне ощущал такой же разлад, как она сама. Черис не ускорила и не замедлила шаг, и ее уверенный вид убедил Гемиолу, что миссия еще не провалена.

Они подошли к покоям генерала Джедао. На Гемиолу произвела должное впечатление «двойка шестерней», хотя она помнила, что личные покои гекзарха на базе Тефос были демонстративно украшены нирайским пустомотом из серебра, лунного камня и оникса. Она остановилась и стал ждать сигнала Черис.

Черис встала сбоку от двери и вытащила пистолет. Сняла с предохранителя. Затем знаком велела Гемиоле продолжать.

«Не медли», — напомнила себе змееформа и отправила через сеть уведомление о том, что подполковнику Мераун необходимо лично поговорить с генералом Джедао.

Мгновения шли одно за другим. Гемиола не была уверена, что они получат ответ. Она подумывала повторить уведомление. Что, если их

поймали и их цель вызвала охрану? Сеть могла лгать им, пока охрана подбиралась ближе к их позиции.

Затем дверь открылась. Змееформа едва успела разглядеть комнату и, более того, людей в ней, когда Черис метнулась внутрь и в сторону и быстро выстрелила три раза подряд. Гемиола юркнула следом, решив помочь.

В комнате находились двое мужчин в форме Кел: один худощавый, с более бледной кожей, которого Гемиола узнала по историческим записям как Шуос Джедао; другой — крупный и мускулистый, темнокожий, трясущейся рукой тянущийся к оружию. У Джедао было два пулевых отверстия во лбу, прямо посередине; кровь, мозги и осколки черепа вылетели из затылка, третья пуля попала в грудь — и он продолжал стоять.

Он не просто стоял. Он двигался. У Гемиолы не было никакого опыта с трупами, но она была уверена, что Джедао не должен держаться на ногах, пусть и шатаясь. И он определенно не должен был отбирать пистолет у темнокожего мужчины и поднимать его, безошибочно целясь в…

Черис не стала тратить время на ругательства. Она выстрелила, целясь низко, и на этот раз пробила колени Джедао. По одной пуле на колено,

что означало пять выпущенных пуль, и у нее оставалась только одна в обойме, прежде чем нужно будет перезарядить пистолет.

Но даже тогда с Джедао не было покончено. Он крепче сжал оружие другого мужчины. (Почему у него не было своего?) Его рука сдвинулась. Несмотря на остекленевшие глаза и тот факт, что он не мог выжить после выстрела в голову — уж это Гемиола знала про огнестрельные ранения, — их противник все еще следил за Черис, а потом он выстрелил.

И рухнул на пол с ужасным глухим стуком. Пуля прошла мимо цели, пролетев над плечом Черис. Но все же она миновала ее голову всего-то на расстоянии нескольких сантиметров.

Ковер — «такой красивый ковер», — подумала Гемиола, хоть мысль и была нелепой — был испачкан темной кровью. И кровь оказалась совсем не такой красной, как в более жестоких драмах или играх с ножом, в которых участвовали Джедао и гекзарх в былые времена.

— Доставь меня к месту эвакуации, — сказала Черис. — Выиграй время. Я рассчитываю на тебя.

Гемиола ожидала, что после выстрелов в каюте Джедао сработает сигнализация. Вместо этого она уловила слабое шипение, как будто в воздух

впрыснули какой-то газ. Она вошла в терминал Джедао и начала шарить по сети в поисках объяснений.

— Кто-то запустил переопределение максимального уровня, — сказала она Черис, лихорадочно вычисляя путь к отступлению.

— Это, должно быть, Куджен, — ответила та. — Маршрут, сейчас же.

Гемиола открыла канал и направленным лучом послала Черис прямо в аугмент свой лучший вариант. В данный момент не было смысла отказывать себе в таком способе общения, поскольку они уже выдали свое присутствие. Оставалось надеяться, что информация не будет перехвачена и, что еще хуже, расшифрована за то время, пока Черис удирает.

— Я останусь и прикрою тебя. Вперед!

Черис развернулась и побежала прочь. Хотя она тут же вышла из поля огня Джедао, тот уже приподнялся на локтях. Гемиола рванулась вперед, чтобы блокировать его, и была вознаграждена прямым попаданием в панцирь.

Змееформа, даже не будучи военным сервитором, имела крепкое строение. Пуля срикошетила и вошла в стол. Гемиола не замедлилась, а налетела на руку Джедао с пистолетом. В момент

удара послышался хруст ломающейся кости.

В этот момент внимание Гемиолы к Джедао выдало ее. Безымянный темнокожий мужчина замахнулся на змееформу. Гемиола перевернулась вверх тормашками, а потом — правой стороной кверху и по-змеиному ускользнула от него.

Мужчина поспешил к генералу.

— Джедао! — невнятно вскрикнул он.

Гемиола напряглась, затем приняла меры предосторожности и бросилась прямо на голову мужчины. Она едва не промахнулась, потому что тот практически одновременно рухнул без сознания.

Газ все еще нагнетался в воздух. Гемиола спросила Черис о ее состоянии, продолжая лихорадочно посылать запросы в сеть, чтобы убедиться, что никто не преградит беглянке путь. Осознав, что пользователь более высокого уровня перемещается по системе, она резко удалилась.

Змееформа выиграла для Черис все время, какое могла, чтобы та успела сбежать. Теперь она оказалась поймана в ловушку на «Ревенанте» и понятия не имела, как завершить миссию, раз этот другой Джедао явно не собирался умирать.

29

Когда Джедао пришел в себя, у него ужасно разболелась голова. Учитывая, что последнее, что он помнил, — то, как ему выстрелил в голову и оба колена незнакомец в скафандре пехотинца-Кел, жаловаться было несправедливо.

— Дханнет? — позвал он.

Сфокусировать зрение было трудно.

— Дханнет? — снова позвал он. Проверил одно колено и чуть не прикусил язык от нахлынувшей боли.

Оказалось, что Дханнет рухнул недалеко от него. На правой стороне его лица красовался огромный синяк. Джедао захлестнула волна тошноты.

— Дханнет, нет, — прохрипел он. Несмотря на нестерпимую боль в коленях и голове, он с трудом дотащился до адъютанта и проверил его пульс. К счастью, Дханнет был еще жив: сердцебиение замедленное, дыхание поверхностное, кожа липкая от пота.

— Генерал Джедао вызывает гекзарха Куджена, — сказал он сети. — В мой кабинет вломились

и попытались меня убить, это случилось… — он проверил аугмент, хоть от этого головная боль только усилилась, — …сорок семь минут назад. Что, черт возьми, происходит?

Сеть информировала его, что весь мот заблокирован системой безопасности и что гекзарх не принимает сообщений, пока занимается этим вопросом.

На миг у Джедао засвистело в голове от шальной надежды, что неизвестный убийца успел прикончить Куджена, прежде чем убраться к чертовой матери. Жаль, не поделился секретом. И, кроме того, он не поверит в смерть Куджена, пока… ну, в этом-то и проблема. Он вряд ли сможет убедиться, что Куджен ушел навсегда, учитывая особую форму бессмертия этого человека.

Ну и черт с ним, с Кудженом. Джедао оттянул веко Дханнета и увидел зрачок, настолько расширенный, что радужки почти не было видно. Джедао не очень хорошо разбирался в первой помощи, но это не могло предвещать ничего хорошего.

— Мне нужен медотсек, — сказал Джедао. — Я в порядке, — он решил, что они простят ему эту маленькую ложь, — но майор Дханнет ранен.

Сеть повторила свое сообщение о блокировке

системы безопасности. Что, по-видимому, включало и медицинский отсек.

Джедао обдумал варианты действий. По опыту он знал, что не сможет поднять Дханнета, учитывая, насколько тот крупнее. (Дханнет нашел смятение Джедао очень забавным, это был один из немногих случаев, когда Джедао видел его смеющимся.) Если бы он был в лучшем состоянии, то мог бы тащить Дханнета на плечах, но он не был уверен, что колени не подведут.

Разумнее ли тащить Дханнета в медицинский отсек, рискуя запустить какой-нибудь протокол безопасности, который прикончит их обоих, или лучше отправиться туда одному, на том основании, что так он быстрее вызовет помощь?

«Я не могу оставить тебя здесь в таком состоянии», — подумал Джедао. Он стиснул зубы, безмолвно извинился перед Дханнетом за унизительность того, что должно было произойти, и поволок его к двери в направлении медотсека. Даже если аугмент и не желал ничего сообщать о текущей планировке мота, иное чувство давало разумное представление о том, куда идти.

Сначала он двигался медленно, отчасти из-за боли, отчасти из-за периодически возникающего головокружения. А потом наткнулся на первых

жертв.

Другого слова для этого не было. Два Кел и Нирай упали друг на друга, как будто сплелись узлом, неподалеку от первого лифта, который ему был нужен. Те же симптомы, что и у Дханнета: замедленный пульс, поверхностное дыхание, липкая кожа, расширенные зрачки. Беспокойство Джедао усилилось. Не заразил ли нападавший командный мот какой-нибудь болезнью или ядом? А если так, то почему он не пострадал?

«Вдохни. Выдохни. Ты не можешь позволить себе паниковать». Он отметил расположение и имена павших солдат и инженера, затем продолжил тащить Дханнета. Затем ему пришло в голову спросить у «Ревенанта»: «Ты хоть представляешь, что сейчас произошло?»

«Корпус пробит, — ответил мот. — Чужаки уже давно ушли, кем бы они ни были».

«Ты не догадался мне сообщить?»

Пауза, не совсем дружелюбная. «Ты мне говоришь, когда подстригаешь ногти? У меня нет… нервов в этой части корпуса, в том смысле, в каком ты можешь это понять. Они пробили надстройку, привитую инженерами Нирай, а не живую ткань».

«Справедливое замечание. Ты понимаешь, что

происходит?»

Джедао сосредоточился на ином чувстве и встревожился еще больше. Ни одна из человеческих масс не двигалась. У него возникло ужасное подозрение, что Дханнет и три члена экипажа, с которыми он столкнулся, были не единственными, кто пострадал от этой болезни, токсина или чего-то еще.

«Если ты имеешь в виду внезапное прекращение деятельности вашей команды, я не думаю, что это было прямым результатом действий незваного гостя. Сервиторы сообщили мне, что включилась своего рода блокировка безопасности, вероятно, инициированная гекзархом».

М-да, не очень полезное разъяснение.

«Спасибо, — машинально ответил Джедао, поскольку не видел смысла в отчуждении единственного живого существа, которое не лишилось чувств. — Посмотрим, смогу ли я разобраться со всем этим».

К тому времени, как Джедао добрался до медотсека, он миновал еще двадцать девять членов экипажа, потерявших сознание. Что бы это ни было, оно подействовало быстро. Только на двух были маски, и они не принесли никакой пользы, что усиливало тревогу. Сервиторы патрулиро-

вали залы. Он воздержался от вопроса, где, черт возьми, они ошивались, когда кто-то напал на него. Сбой системы безопасности не был их виной. Кроме того, он подозревал, что убийца был профессионалом. Он должен был принять защитные меры на случай, если кто-то попытается предпринять нечто в этом духе, но не сделал этого. Если экипаж погиб из-за его недальновидности…

Медики ничем не могли помочь, потому что тоже пали жертвой неизвестной болезни. Джедао заметался в отчаянии, а потом нашел полковника-медика Нирай Ифру и поднял ее на койку. Он посвятил все свои усилия тому, чтобы сначала привести ее в чувство на том основании, что в этой ситуации больше мог помочь настоящий врач. Немного помучился, размышляя, не подключить ли ее к стандартному медицинскому блоку. Аугмент содержал набор руководств для оказания первой помощи, которые помогли бы Джедао справиться с этой процедурой, однако неправильное использование блока могло навредить женщине. И все же, учитывая обстоятельства, у него не было особого выбора. Он усердно следовал инструкциям, безмолвно извиняясь перед Ифрой.

И после всего этого не повезло. Медицинский блок показал, что что-то не так, но Джедао не обладал опытом, необходимым для установления окончательного диагноза. Он подавил возглас разочарования. Тем не менее он еще не закончил. Он уложил всех остальных медиков на их собственные койки, затем и Дханнета, чувствуя себя слегка виноватым за то, что не уделил приоритетного внимания своему адъютанту. Вероятно, в этой ситуации у него не было ни единого способа сделать правильный выбор.

Напряжение и шок от происходящего наконец-то взяли свое. Джедао присел передохнуть и как раз пытался решить, безопасно ли налить себе стакан воды из какого-нибудь крана, когда его вызвал Куджен. «Приходи в мою каюту, — гласило сообщение гекзарха. — Там ты будешь в безопасности».

Джедао не удержался и расхохотался. Что теперь значит «безопасно»? Тем более, что он только что выжил после попадания… скольких пуль? Четырех, пяти? Он испытал тень ужаса при мысли о том, застряли ли пули в его мозгу или процесс регенерации вытолкнул их наружу. Джедао сам не знал, какая из двух альтернатив была кошмарнее.

Ну, если безопасность означает, что ему дадут стакан воды, он пойдет. Он встал, погладил руку Дханнета и поцеловал ее, несмотря на присутствие остальных, а затем вышел.

К тому времени, когда Джедао добрался до каюты Куджена, он был весь в поту. По крайней мере, его униформа восстановила повреждения, хотя и не справилась с кровью. Он чувствовал себя липким и взъерошенным, и ему было уже все равно.

— Это Джедао, — сказал он, обращаясь к двери. — Впусти меня, или я упаду, но не из желания тебя рассердить, а потому что это был не самый лучший день в моей жизни.

Дверь открылась. Джедао не хромал лишь потому, что ему прострелили оба колена. «Почему ты не сотворил меня четвероногим, Куджен, словно какую-нибудь химерическую тварь?» Ну конечно, тогда убийца прострелил бы ему четыре колена, и было бы вдвое больнее.

Второстепенная функция внешних комнат Куджена стала ясна: они отгораживали главные покои, действуя подобно внутреннему воздушному шлюзу. К тому времени, когда Джедао добрался до Куджена в одной из дальних комнат, украшенной фантастическими кружевными занавесками, он был сыт по горло всем этим

предприятием. Жаль, что он не истекал кровью, иначе с удовольствием испачкал бы весь ковер.

Разительный контраст: у Куджена ни один волос не выбился из прически, и он воплощал безупречное самообладание, одетый в куртку из темно-серого бархата поверх шелкового халата. Джедао ненавидел себя за то, что обращал внимание на одежду Куджена, хотя, по общему признанию, на моте, полном людей в униформе, нарочито гражданские одеяния гекзарха очень выделялись.

— Генерал, — очень серьезно сказал Куджен. — Садись. Ты выглядишь ужасно.

— Приятно знать, что ты не будешь нянчиться со мной, — сказал Джедао. Он доковылял до ближайшего кресла и опустился в него, морщась от ощущений в коленях, которые пришлось согнуть. Украдкой поэкспериментировал с разными углами, пытаясь найти такой, от которого боль утихла бы, но стало только хуже. — Что за хрень случилась с экипажем?

— Протокол безопасности. Тот, который я приберегаю на случай непредвиденных ситуаций, вроде этой.

Потребовалась секунда, чтобы осознать смысл слов.

— Так это все ты?

— Не вставай. Можешь кричать на меня сидя.

— Это не смешно, Куджен. — Джедао на мгновение закрыл глаза, с болью в сердце думая о распростертых солдатах, техниках и медиках, о Дханнете, который упал, пытаясь защитить его. Когда он открыл их, невозмутимое выражение лица Куджена не изменилось. У Джедао было сильное искушение встать и ударить его, но Куджен был единственным, кто знал, что происходит, и, кроме того, это не принесло бы никакой пользы.

— Существует проблема с формационным инстинктом, — сказал Куджен, как будто читая лекцию пойманному школьнику, — которая заключается в том, что если кому-то удается ниспровергнуть человека достаточно высокого ранга, вся структура рушится, как карточный домик.

— Могу себе представить, — мрачно сказал Джедао. — Ну и что, кто-то украл форму и переоделся генералом Кел?

— Не все так просто. Если бы любой мог взломать униформу так легко, система была бы бесполезна. Униформы настроены на коды авторизации, которые в конечном счете восходят к

Командованию Кел. — Куджен поморщился. — Обычно о таких вещах думать не приходится, потому что аугмент обрабатывает все криптографические данные.

Джедао бросил на Куджена тяжелый взгляд.

— И у тебя случайно оказался под рукой мой?

На это Куджен ничего не ответил.

— Незваный гость сумел пройти мимо нас, подчинив себе кого-то. Я просмотрел записи с камер наблюдения и выяснил, кто дал ей доступ, в котором она нуждалась. — Он вывел видео на свой планшет.

Старший помощник, подполковник Мераун, остановилась поговорить с инженером-Нирай у своего офиса. Затем она пригласила его войти, и они продолжили разговор. Джедао не мог понять, о чем они говорят, но ведь он не был инженером.

Куджен нетерпеливо покачал головой и с редким для него проявлением гнева ткнул пальцем в планшет.

— Весь этот разговор — околесица.

— Может быть, они шутили, — сказал Джедао, несмотря на свое беспокойство.

— Нет, ты не понимаешь, — сказал Куджен. — Это пересказанный дословно эпизод из одной из

моих наименее любимых драм, в котором есть отважная искательница приключений из фракции Кел и ее спутник-Нирай. Конкретнее, сцена, в которой они так сильно налажали по инженерной части, что получилось даже хорошо. Кто-то подделал запись. Если бы у меня было больше времени, я, вероятно, даже смог бы определить программное обеспечение, которое для этого использовали.

Джедао цинично подумал, как же драма могла оказаться «наименее любимой», если гекзарх помнит диалог героев наизусть, но он не хотел отвлекать Куджена второстепенным вопросом.

— Ты уверен, что Мераун и Нирай не просто цитировали свое любимое шоу?

Куджен фыркнул.

— Не будь наивным.

— Ладно, — сказал Джедао, — предположим, Мераун подчинилась чужаку. Откуда мы знаем, что она была единственной?

— А мы и не знаем, — мрачно ответил Куджен. — Но есть и положительный момент: пострадать от такого могут только Кел. Если лейтенант-инженер Нирай Веннон все еще жив, он может пролить свет на случившееся. Незваная гостья не могла не знать об этом, но у нее,

вероятно, было мало времени, и она решила, что полномочия старшего помощника — лучшее, что ей светит.

Головная боль Джедао усилилась.

— Нам придется допросить всех на этом долбаном моте?

— Все не так плохо, как кажется. Я могу найти доказательства фальсификации. — Куджен взглянул на планшет и отложил его в сторону. — Я не зря занимаюсь психохирургией. Но это будет утомительно в столь неудобное время. Ты должен сохранять бдительность. Ты же понимаешь, какова могла быть цель злоумышленницы, не так ли?

Джедао кивнул. Локализованный календарный всплеск.

— Уверен, что дело не в простом убийстве?

Куджен закатил глаза.

— Не будь наивной. Если убийца — та, о ком я думаю, она на этом не остановится. Нет, она все рассчитает через призму календарной войны.

На какое-то ужасное мгновение Джедао захотелось жить в мире, где покушение на убийство могло быть «просто» покушением на убийство. Конечно, он предполагал, что в таком мире Куджен давно бы умер, и его бы здесь не было, но это

не казалось ему таким уж плохим.

— И кто же, по-твоему, это был?

— Даю тебе три попытки.

— Та Черис, о которой ты предупреждал меня целую вечность назад.

— Это не совсем точно, — предупредил Куджен, — но ни одно из имеющихся у меня доказательств этого не исключает. В интересах паранойи я предполагаю самое худшее.

— По крайней мере, — сказал Джедао, — она не все знает о рое. Если бы у нее была информация о том, когда в последний раз кто-то стрелял в меня… — Куджен сделал раздраженный жест, — …она бы не стала утруждать себя попыткой убийства.

О чем Джедао сожалел теперь, когда первый приступ паники прошел, так это о том, что он стрелял в ответ, не сумев умереть. Логически он понимал, что это был не его выбор. Его проклятое чужеродное тело восстановилось после того, что должно было стать смертельным ранением, независимо от того, что он мог или не мог решить.

И все же надежда не потеряна. Если убийца знала больше, чем он — если она приступила к своей миссии вопреки безумно малым шансам на успех, — возможно, ее конечной целью

был Куджен. Может быть, все-таки существовал способ избавиться от Куджена. Даже если сам Джедао попытался помешать незваной гостье. В то время его единственной мыслью было защитить Дханнета.

— Убийца давно ушла? — спросил Джедао.

— Несомненно, — ответил Куджен. — Я даже нашел пробоину в корпусе. Как бы она нас ни обнаружила, я думаю, что она либо прилетела на специально модифицированном игломоте, либо, возможно, на одном из тенемотов поменьше. Я всегда знал, что эти чертовы стелс-системы когда-нибудь меня прикончат.

— Что, — протянул Джедао, — не твое изобретение?

Куджен бросил на него раздраженный взгляд.

— Хочешь верь, хочешь нет, но я не несу персональной ответственности за каждую техническую штуковину, которую прикрепляют к мотам. За стелс-системы следует винить фракцию Шуос.

Джедао не знал, почему это удивило его, учитывая репутацию Шуосов. Он полагал, что было бы даже благоразумно с их стороны иметь собственных инженеров или нанимать чьих-то еще, вместо того чтобы оставаться полностью зависимыми от другой фракции.

— Это подводит меня к вопросу о том, что помнишь ты, — сказал Куджен. — Хорошо разглядел незваную гостью?

Джедао мгновенно принял решение солгать Куджену. Не об убийце, потому что это было безнадежное дело, а об аномалии, про которую он подумал теперь, — о сопровождавшем убийцу сервиторе, который сломал ему руку с пистолетом. Джедао никогда раньше не думал, что сервитор может причинить ему вред, что было чистейшей недальновидностью с его стороны. Он ведь уже знал, что у сервиторов есть собственный разум. Он просто не смог обдумать последствия.

— Женщина или женоформа, вроде бы, — сказал Джедао. — Трудно сказать, потому что она была в одном из самых громоздких пехотных скафандров Кел. — Он закрыл глаза и сосредоточился на образе. — Проворная, поразительные рефлексы. На самом деле она двигалась не как Кел, хотя я не могу сказать, насколько это было связано с ограничениями скафандра.

— Они не так уж сильно ограничивают движения, — сказал Куджен. — Если бы ты когда-нибудь наблюдал за отработкой боевых действий в скафандрах, сам бы понял. Так как же она двигалась?

Джедао в отчаянии замахал руками и тут же пожалел об этом, хотя, по крайней мере, его правая рука не доставляла столько хлопот, как проклятые колени.

— Как убийца, я полагаю, хотя откуда мне знать? Дай угадаю, записи нападения у тебя тоже нет?

— Сам-то как думаешь?

Куджен тоже мог скрывать информацию, но Джедао так не думал. Стоило признать, он поставил чертовски много на свою способность понимать этого человека.

— Она выстрелила в меня четыре… нет, пять раз. В голову и грудь. Оба колена. — Он продолжал излагать тщательно отредактированный отчет, сосредоточившись главным образом на убийце и опуская все упоминания о сервиторе, который сопровождал ее.

Если Куджен знал, что Джедао лжет, он решил не говорить ему об этом.

— Хорошо, — наконец проговорил гекзарх. — По крайней мере, мы в полной боевой готовности, как и весь остальной рой. Никто из других коммандеров не сообщал о вторжениях, но я удивлюсь, если были и другие инциденты. Я бы предположил, что это хирургически точный

удар.

Джедао опустил взгляд на свои перчатки, чувствуя себя беспомощным.

— Как скоро люди оживут?

— Я уже ввел антитоксин в воздушную систему мота, — сказал Куджен. — Конечно, всю неделю они будут чувствовать себя, как в аду, но ничего не поделаешь.

«Ну разумеется», — подумал Джедао, стараясь сохранить нейтральное выражение лица.

30

Джедао так и не узнал, на что похожи допросы Куджена. В каком-то смысле это было к лучшему. Он подозревал, что правда только разозлила бы его.

В последующие часы у него почти не нашлось времени на размышления. Люди приходили в себя с разной скоростью. По крайней мере, большинство из них очнулись. Пять человек утонули в ваннах, прежде чем сервиторы успели их спасти. Какая позорная смерть. Каждый раз, когда Джедао закрывал глаза, он представлял себе, как тела вытаскивают из ванн, как вода течет с волос, как недостойно эти люди выглядят в смерти. Подумала ли убийца о том, что она оставит за собой след, что называется, вторичных потерь?

С другой стороны, и наемные убийцы, и солдаты занимались тем, что лишали людей жизни. Учитывая то, что он сделал возможным в Истейе, к чему стремился в Теребеге и Крепости Жемчужных Надежд, кто он такой, чтобы критиковать?

Как только коммандер Талау пришли в себя, Джедао решил встретиться с ними и обсудить

сложившуюся ситуацию. Ему не нравилось заставлять Талау проделывать весь путь до его офиса, но ничего не поделаешь. Кожа Талау приобрела зеленоватый оттенок, и двигались они неуклюже.

— Генерал, — сказали Талау после того, как они отсалютовали друг другу. Лицо альта было непроницаемым, глаза — холодными. — От имени экипажа выражаю недовольство этими… допросами.

Джедао подавил тошноту и сказал:

— Расследование необходимо, чтобы убедиться, что мы не укрываем еще одного перебежчика.

Талау, должно быть, слышал эти слухи.

— Хотите сказать, что Мераун была не единственной.

— Мы пока не знаем. И все же… — Джедао заставил себя ответить Талау таким же холодным взглядом, — мы должны принять меры предосторожности. Тем более что сама Мераун еще не раскололась.

Он уже тогда знал, что будет с Мераун, но не хотел думать об этом здесь и сейчас.

— Что вам от меня нужно, генерал? — Губы Талау сжались в тонкую линию.

— От моего внимания не ускользнуло, что

команда потрясена, — сказал Джедао. — Как вы, наверное, заметили, я не умею успокаивать людей.

Талау скорчили гримасу в знак согласия, не без некоторой иронии.

— Но вам команда доверяет, — продолжал Джедао. — Паника никому не поможет. Это будет прекрасное равновесие: оставаться бдительными, не впадая в паранойю. Я могу на вас рассчитывать?..

— Конечно, можете, — с горечью сказали Талау. — Я даже не могу не согласиться с вашими доводами.

— Я никогда не рассчитывал понравиться вам, — сказал Джедао. — Но вы — важная фигура в цепи командования, и я намерен использовать вас в этом качестве. — Он сделал паузу, гадая, есть ли у Талау какой-то конкретный ответ на это.

Талау только кивнули.

— Хорошо. Что-нибудь еще?

— Есть еще что-то, о чем мне следует знать? — спросил Джедао.

— Ничего такого, о чем вы бы уже не знали. Вы можете читать показатели морали так же хорошо, как и я. — Талау поколебались, потом добавили: — Я сообщу вам, если что-нибудь

всплывет.

— Спасибо, — сказал Джедао. — Вы свободны.

Пару часов спустя, после того как Джедао пробрался сквозь суматошную массу докладов начальников подразделений и исполняющих обязанности начальников, он заказал себе немного горячего бульона. В частности, ему пришлось спасать временного главу Доктрины от нервного срыва. Он предвкушал спокойный вечер, на протяжении которого собирался глядеть на стену — по правде говоря, Куджен или дизайнер интерьера Куджена снабдили его необычайно красивой стеной, — или, возможно, у него самого случится нервный срыв. Жаль, что он не мог себе этого позволить.

Джедао устроился за столом, чтобы выпить принесенную сервитором чашку бульона маленькими глотками. Крошечные глотки не помогали избавиться от послевкусия, но позволяли наслаждаться теплом. А еще отвлекали от беспокойства о Дханнете. Медики заверили, что дела у Дханнета идут хорошо, учитывая обстоятельства. Очевидно, у него была какая-то редкая аллергическая реакция на то, что Куджен ввел в воздух, и она потребовала дополнительного наблюдения. Предоставленный самому себе, Дже-

дао хотел бы просто торчать у постели майора, но у него были свои обязанности.

Генерал оказался застигнут врасплох, когда дверь без предупреждения открылась. Его рука машинально потянулась к пистолету, которого не было — и хорошо, хотя он отчасти желал, чтобы Куджен позволил ему носить оружие. Это, однако, не дало ему поднять тревогу, начав еще одну перестрелку в собственной каюте.

Незваный гость был либо тем же самым змееподобным сервитором, который сопровождал убийцу, либо его… а у сервиторов бывают близнецы? Джедао глубоко вздохнул, несмотря на учащенный пульс, и сказал, как только дверь закрылась:

— Если ты здесь, чтобы закончить работу, я надеюсь, у тебя есть инструменты получше. Если бросить меня в печь, все может получиться — но, как видишь, в моей каюте наблюдается прискорбная нехватка печей.

Долгое мгновение сервитор парил, уставившись сенсорами в глаза генерала, мигая огоньками приглушенного сине-зеленого света. Джедао не знал, как интерпретировать цвета. Он находил их успокаивающими, но это не означало, что они означали то же самое для сервитора.

— Я не говорю на твоем языке, — добавил Джедао, задаваясь вопросом, сколько же существует языков сервиторов. — Если уж на то пошло, я не уверен, что свободно владею чем-то, кроме высокого языка, так что если ты меня не понимаешь, то мы в тупике. Хотя, я думаю, мы могли бы попробовать общаться жестами.

Интересно, а как жестами спросить «Ты пришел убить гекзарха?» так, чтобы вопрос успешно поняли?

— Я говорю на высоком языке, — сказал сервитор. У него был тихий, но отчетливый голос, плавный альт. — Я наблюдала за тобой последние дни. В данный момент говорить безопасно.

Ну, если это не так, то все равно уже слишком поздно. Раз такое дело, можно и поговорить.

— Ты сломала мне руку, — сказал Джедао, вспоминая.

Змееформа вспыхнула розово-оранжевыми огоньками.

— Я должна перед тобой извиниться. Моя первоначальная миссия провалена. Но я думаю, что это не полное поражение. Почему ты не сказал гекзарху о моем присутствии?

У Джедао екнуло сердце. «Умерь надежды», — сказал он себе, но удержаться было трудно.

— Потому что я не уверен, что мы враги.

Непреложная истина: если он ожидал от этого нового сервитора хоть какой-то откровенности, то ему придется раскрыть некоторые свои собственные мотивы. Опасное предложение. С другой стороны, было большим облегчением наконец-то с кем-то пооткровенничать.

«Критический момент, — подумал Джедао. — Если я сейчас потерплю неудачу, миры за мирами обрушатся в огонь и погибель».

— Я искал способ убить гекзарха. Я изучал формации как способ генерирования экзотики, которая могла бы обеспечить результат, но у меня недостаточно математических навыков. — Он опустил упоминание о «Ревенанте» и сервиторах-заговорщиках, хотя змееформа вполне могла быть с ними знакома. — После нападения я думал… я надеялся… что существует другое средство. Что мое убийство было лишь средством для достижения цели и что сам гекзарх был этой конечной целью. — Он сжал кулаки. — Если мне придется броситься в энергетическое ядро, чтобы добиться своего, тогда ладно. Я согласен.

Джедао смотрел на змееобразного сервитора, ожидая ответа. Пока он говорил, огни разумной машины сменились на красно-оранжевые.

Хороший знак? Плохой? Жаль, что он не мог обратиться к сети за руководством по языкам сервиторов, не привлекая внимания.

— Первоначальный план состоял в том, чтобы убить тебя, а затем воспользоваться календарным сдвигом, чтобы убить самого гекзарха, — сказала змееформа. — Я говорю тебе это только потому, что задуманное, очевидно, не удалось воплотить в жизнь.

У Джедао перехватило дыхание. «Не надейся». И все же он кое-чего достиг…

— Но ты упомянул формации, — продолжала машина. — Это способ, недоступный для моей подруги, потому что любые Кел, которых она приведет в окрестности твоего роя, будут убиты прежде, чем подойдут достаточно близко — если только вы все просто не сбежите. Но если ты, будучи генералом, примешь в этом участие… — Она сделала паузу, и в том, как замерцали огни, Джедао прочитал сомнение или расчет.

— Продолжай, — сказал Джедао. Он обнаружил, что наклонился вперед, впившись пальцами в бедра, и заставил себя расслабиться.

— Есть формации, которые могут делать то, что ты хочешь, — сказала змееформа. — Если ты пожелаешь ими воспользоваться, я знаю, как

они работают. — Она снова сделала паузу, а затем добавила: — Чего я не понимаю, так это как ты сумеешь скрыть их от внимания гекзарха. Я не могу себе представить, чтобы он позволил тебе такое провернуть.

— Есть способ, — сказал Джедао. — Я готов поставить на это все.

Сервитор насмешливо склонила голову набок.

— Даже если предположить, что это правда, — сказала она, — почему ты на такое решился? Разве ты не его генерал?

Джедао рассказал машине о смертях в Истейе. О поминальной церемонии, которую прервал, о вспышке клинка Видоны, когда она вонзила его в сердце еретички. Как Куджен признал, что он не просто позволил системе увековечить себя, но изначально придумал ее. О собственном соучастии и постепенном разрушительном осознании того, что мужчина, которому он служит, готов уничтожить бесчисленные жизни в обмен на собственное бессмертие.

— Бывают моменты, когда он почти человек, — сказал Джедао, пытаясь подобрать подходящие слова. — Он говорил о том, что стерпел ужасные вещи. Если это была правда, а не предлог, чтобы добиться сочувствия. Но это не может служить

оправданием тому, что он сделал… тому, что он все еще делает. — Он поднял голову. — А ты… Как же ты?

Огни сервитора потускнели.

— Я когда-то работала на него.

— В самом деле? — зачарованно произнес Джедао. — Ты должна как-нибудь рассказать мне эту историю.

— Так и сделаю, — сказала змееформа, просияв, — но в данный момент, я думаю, более важно рассказать тебе о формационной математике, которую нужно будет реализовать. Как бы ты ни планировал этого добиться.

Джедао церемонно поклонился сервитору.

— Если мы работаем вместе, ты должна сказать мне свое имя. Я — Шуос Джедао.

Змеформа опустилась в воздухе и снова поднялась, изобразив поклон на свой лад.

— Я — Гемиола.

До прибытия роя в систему Теребег оставалось двадцать шесть дней. Джедао не доверял Куджену во многих отношениях — урок, который он должен был усвоить раньше, — но, с точки зрения логистики, на данный момент гекзарх не мог лгать.

Обратный календарный отсчет бился в его

сознании. Большая часть экипажа уже пришла в себя. Джедао появлялся на собраниях штаба и задавал вопросы, которые заставляли людей нервничать. Он произвел еще несколько внезапных инспекций, причем не только в пехотных казармах, но и в медицинских, инженерных отсеках, а также в дуэльных залах. Если кто-то и догадывался, что он сосредоточивался на целях, наблюдая за языком тела других людей, то они были достаточно любезны, чтобы не говорить об этом.

Он заставил неуклюжую девушку-капрала повторить упражнение с пистолетом. На этот раз она выполнила задание, ничего не уронив, хотя и была немного медлительна. По выражению лица Мюйед он понял, что она думает, будто он собирается упрекнуть капрала, — и что, если он это сделает, она не одобрит. Он придержал язык.

Пехотные учения, элементы которых были результатом тайных сеансов Джедао с Гемиолой, смутили Кел Мюйед. Судя по сообщениям, они также сбивали с толку Кел на остальных мотах роя. Куджен пригласил Джедао на чай как раз в тот момент, когда тот должен был присутствовать на одном из учений. Джедао хотел бы отказаться от приглашения, но отказ вызвал бы подозрения.

Он пошел и терпел Куджена, суетящегося над непрактичным кондитерским изделием из сахарных волокон и сусального золота — и, в придачу к гекзарху, еще и его нотации.

— Я одобряю твой возобновившийся интерес к подготовке, — сказал Куджен, — но есть один момент: не стоит чересчур накручивать людей. Если уж на то пошло, тебе самому не помешает передохнуть. Ты опять похудел.

Джедао хотелось, чтобы Куджен перестал говорить ему, что надо есть. И каждый раз, когда сервитор приносил ему еду, он чувствовал, как тот смотрит на него. Еда по-прежнему оставалась странной на вкус. Он решил, что это потому, что он не человек.

— Я не хочу разочаровывать полковника, — сказал Джедао, и это была чистая правда. — Я просмотрел отчеты о боевом духе. Пехота разочарована тем фактом, что они не видели боевых действий, какими бы иррациональными они ни были. Я делаю все, что могу, чтобы облегчить ситуацию.

Куджен пожал плечами.

— Как хочешь.

Он не беспокоил Джедао в течение следующих двух дней.

Вскоре Дханнет пришел в себя. Как только Джедао услышал об этом, он сразу же отправился в медотсек. Когда он пришел, Дханнет уже сидел — и попытался отдать честь.

— Не надо, — сказал Джедао.

Он мучительно размышлял над тем, что он мог бы принести в качестве знака внимания, если таковой вообще был допустим. В своих исследованиях того, как работают отношения, он обнаружил более чем столетние архивы колонки советов для Кел на действительной военной службе. Это было захватывающее чтение. А еще оно пробудило в Джедао отчаяние: ему ни за что такое не выполнить. Например, совет накормить своего любовника дорогими шоколадными конфетами или тем, что он любит есть. И где же на моте он найдет замысловатый шоколад? (Тайная проверка подтвердила, что Дханнет действительно любит шоколад, хотя и питает пристрастие к засахаренным лепесткам роз. Не то чтобы это было лучше с точки зрения Джедао.) И как он должен был дарить Дханнету необычные шоколадки, или засахаренные лепестки роз, или что-нибудь еще, не выдавая того факта, что у них случился совершенно противозаконный роман?

В конце концов, он пришел с пустыми руками

и возненавидел себя за это.

— Как твои дела? — неловко спросил он.

Улыбка Дханнета превратилась в гримасу.

— Я чувствую себя лучше. Твои бумаги…

— Тише, — сказал Джедао. Болезнь Дханнета заставила его еще больше осознать, как сильно он зависел от этого мужчины в выполнении необходимых мелких дел, заполнявших его дни. — Просто сосредоточься на том, чтобы поправиться.

— На тебя напали…

Как много Дханнет помнит обо всем этом происшествии? Джедао схватил Дханнета за руку и простучал барабанным кодом: «Никому больше не говори о том, что случилось».

— Я в порядке, — сказал он и подавил мимолетное желание прижаться поцелуем ко лбу Дханнета, удовлетворившись вместо этого простым пожатием руки, прежде чем отпустить ее.

«Я и не думал, что желание спаривания захватит тебя так сильно», — заметил «Ревенант».

Джедао едва удержался, чтобы не отпрянуть, и понадеялся, что румянец на его затылке не заметен ни одному из медиков.

«Я подумал, он хотел бы знать, что я думаю о нем».

Внезапно он засомневался, правильно ли поступил, но Дханнет смотрел на него с тихой благодарностью.

«Когда-то он был достойным генералом, — добавил корабль с глубоким сожалением. — Но это в прошлом. Я не ожидал, что ты будешь интересоваться людьми, во всяком случае, в этом смысле. Моты занимаются сексом в зависимости от обстоятельств, когда пробуждается инстинкт, гарантируя оплодотворение яиц в том случае, когда мы встречаем друг друга в ночи. Инстинкт был подавлен во мне, иначе я не был бы хорошим оружием. Я думал, то же самое сделают и с тобой — но, с другой стороны, у гекзарха всегда были определенные пристрастия».

Джедао пробормотал Дханнету что-то успокаивающее. Хотя он и хотел бы задержаться, но не мог остаться надолго. На какое-то неудобное мгновение он вспомнил широкую мускулистую спину майора и татуировку тигра.

Недобрый смех «Ревенанта» пробрал его до костей.

«Неважно, — сказал корабль. — Мот или человек, ты бесплоден в любом случае».

Джедао ошеломила пронзившая его боль, хотя дети были для него абстракцией. Куджен никогда

не упоминал о том, что они у него есть. Джедао не мог себе представить, чтобы его интересовали какие-то атрибуты отцовства. За офицерским столом Кел редко обсуждали свои семьи по понятным причинам.

«Кроме того, — саркастически добавил “Ревенант”, — из тебя получился бы ужасный родитель».

Это, как Джедао вынужден был признать, было правдой. Он не мог себе представить, что кто-то захочет видеть его своим отцом.

На следующее утро Куджен пригласил Джедао на завтрак. Джедао согласился на том основании, что не стоит отталкивать гекзарха, особенно изображая, будто они помирились.

— Куджен, — сказал Джедао в середине разговора, вращавшегося вокруг темы неполадок экокрубберов, — у тебя есть дети?

Молчание Куджена было абсолютным, но, к счастью, кратким. Потом он расхохотался.

— Мой милый, — сказал он. — Милый. А что, тебе захотелось попробовать? Результат процесса все время плачет и подтекает с обеих сторон.

Джедао это не остановило.

— Мне потребовалось так много времени, — сказал он, решив, что простые истины будут

лучше всего, — чтобы понять, как мало я знаю о тебе.

Куджен подпер подбородок руками. Это делало его похожим на необычайно задумчивого кота.

— Халашу было все равно, что его любимцы трахают девочек. Я пробовал несколько раз, но моим делом было ублажать военачальника, а не основывать династию. Вполне возможно, что я оставил одного-двух потомков.

У Джедао чуть не перехватило горло.

— Ты не взял их к себе после всего?

Глаза Куджена расширились.

— Когда прибыли Кел, они никоим образом не заботились о сохранении целостности семей. У них бы ничего и не вышло, поскольку все спали со всеми по политическим соображениям или в поисках утешения. Во всяком случае, он был слишком умен, чтобы первое могло повлиять на него.

В голосе Куджена пробудилась ярость.

— Он был хорошим хозяином, по меркам хозяев. С ним я всегда знал, чего ждать. Знай, что тебе никогда не придется сталкиваться с подобным. У тебя всегда будет то, что ты захочешь съесть. Ты не будешь отбиваться от собак на улицах, чтобы найти безопасный уголок для сна. У тебя будет

все, что только можно пожелать. Я позаботился об этом.

Джедао ответил улыбкой на улыбку Куджена и возненавидел себя за то, что наконец понял, что заставило гекзарха похоронить себя в роскоши.

31

Инессер получила известие о приближении вражеского роя в середине ночи. Это не застало ее врасплох, да и не могло застать, даже если бы она не приняла к сведению предупреждение Брезана в начале месяца, еще находясь на борту его мота. По закону охренительной подлости, враги всегда являлись в самое неподходящее время — случайно, если не намеренно. Любимый пример генерал-протектора — сейчас он казался забавным, хотя по ходу дела было не смешно — относился к тому случаю, когда внезапное появление рейдеров, прорвавших оборону, испортило ее вечеринку в честь повышения по службе. Мало того, что ее помощник принял инцидент близко к сердцу, им к тому же пришлось прогнать ужасающее количество разочарованных куртизанок, артистов и (причуда этого конкретного помощника) арендованных коз. Надежды Инессер на карри из свежайшей козлятины рухнули, когда она узнала, что животные здесь для того, чтобы их гладили. У них был необычайно мягкий, пышный мех и доверчивые глаза с комично длинными

ресницами. Учитывая все обстоятельства, козы отнеслись к нарушению графика лучше, чем ее солдаты.

Когда она вошла в свой кабинет в Крепости Жемчужных Надежд, загорелся свет. Инессер спала в соседней комнате с одной из своих жен. Ей бы хотелось отослать обеих супруг в безопасное место, не говоря уже об остальных членах семьи, но это деморализовало бы подчиненных. Она не могла поддаваться слабости.

Инессер мимоходом схватила со стола планшет, вышла из кабинета и повернула налево. Прямо по коридору располагался ее любимый конференц-зал. Одна из приятных вещей в том, чтобы дожить как до старости, так и до высокого ранга, состояла в том, что она могла сама выбирать места для проведения собраний. Не говоря уже о монополизации самых удобных кресел. Более молодые и склонные к мазохизму Кел могли соревноваться друг с другом, демонстрируя способность терпеть плохо спроектированную мебель. По опыту Инессер, если отвлекаться на стреляющие боли в заднице, способность принимать решения ни в коем случае не улучшится.

Когда она вошла, в конференц-зале уже находились три человека: Андан Тсейя, полковник

Кел Миузан и замученный рядовой Кел, в обязанности которого входило делать заметки. Из всех троих Тсейя выглядела самой спокойной. Ее прекрасные одежды и сверкающие драгоценности заставили Инессер мимоходом задуматься, для чего Андан так разоделась в подобный час.

— Генерал-протектор, — произнесла Тсейя, когда двое других бойко отдали честь. — Вам это не понравится.

Инессер оскалила зубы.

— Подробности.

— Приближающийся рой примерно из сотни знамемотов обнаружен дозорными разведмотами, — сказала Миузан и махнула рукой в сторону стола для совещаний. Сеть изобразила для них карту системы Теребег. Силы и защитные системы Протектората были отмечены золотом. Приближающийся рой высвечивался красным.

Миузан снова махнула рукой. Субдисплей увеличил рой и показал формацию в деталях. Поправка: формации. Враг чередовал две щитообразующие формации, чтобы максимально усилить свою оборону. Инессер как-то спросила фальшивого гекзарха Нирай, существует ли способ создать щит, действие которого не ослабеет в течение нескольких минут. Фальшивый гекзарх

ответила длинным списком трудов и исследований, а также запиской, в которой говорилось: «Краткая версия: нет».

— Этот… — указала Миузан, — либо мот-мясник, с которым мы столкнулись, либо его ближайший родственник.

— Мы должны придумать для этой проклятой штуки название, оказывающее менее разрушительный эффект на боевой дух — сказала Инессер.

Интересно, как назвал свое творение Куджен? По крайней мере, она предположила, что это была одна из кудженовских штуковин, учитывая его послужной список как дизайнера боемотов. Она испытывала двойственные чувства относительно того, что ее утраченный и оплакиваемый пепломот тоже был творением Куджена. Он прислал ей подарок в честь церемонии наречения мота — изящную деревянную скульптуру пустельги, сжимающей в когтях серебряную орхидею. Она стояла на столике рядом с ее кроватью в Крепости, служа тревожным напоминанием.

Миузан поморщилась.

— В данный момент это не имеет значения, сэр.

Все называли его так со времен Истейи. Они

обе знали тщетность регулирования лексикона, особенно среди нервных солдат.

Инессер наклонилась, чтобы рассмотреть карту. Если рой вторжения сохранит текущую траекторию, он прибудет через пятьдесят восемь часов и двенадцать минут.

— Ну что ж, — сказала генерал-протектор, — остается только надеяться, что с противоположной стороны не подкрадется еще один рой.

— Я так рада, что вы не говорите таких вещей на людях, — пробормотала Миузан. — Приказы?

Инессер надеялась, что все эти тренировочные эвакуации окажутся бесполезными, но лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

— Всем воинским подразделениям перейти в состояние повышенной готовности. Сообщите гражданским властям. Гражданские лица на планете должны эвакуироваться в подземные бункеры. — Некоторые из них не подчинятся — несогласные были всегда, — но ей следовало принять меры.

Миузан передала приказы без комментариев.

Как Инессер и ожидала, с ней связался губернатор Теребега-4, один из многочисленных родственников Тсейи.

— Соедините, — устало сказала она.

Лучше покончить с этим прямо сейчас.

Губернатор Андан Виендри были похожи на Тсейю до некоторой степени, но — хоть это и казалось невозможным — еще красивее. Две особенности помогли Инессер отличить их друг от друга: волосы Виендри были завиты — такую прическу предпочитали многие невоенные альты, — и половину их лица покрывала мерцающая серебристо-сине-черная татуировка. Однажды Инессер спросила Тсейю, что означает эта татуировка. Девушка скорчила гримасу и сказала:

— Это сигнификат Виендри. Один из моих братьев всегда считал, что татуировщик выполнил работу пьяным. Ну, если так, результат впечатляющий.

— Генерал-протектор, — произнесли Виендри, делая ударение на слове «протектор», — могу я спросить, что происходит?

Инессер отвесила Виендри поклон на том основании, что не повредит воззвать к суетливому тщеславию альта. Глаза Виендри блеснули, не без юмора; их было не одурачить. Ну что ж, стоило попробовать.

— Полагаю, вы получили предупреждение?

Виендри смахнули воображаемую пылинку с запястья.

— Приятно будет узнать, что все эти учения оказались не напрасны. Я могу, по крайней мере, заверить вас, что мы продолжаем применять высокий календарь в соответствии с вашими инструкциями.

— Рада слышать, — сказала Инессер. — Что касается учений, то было бы гораздо предпочтительнее, если бы все спешили под землю без всякой причины.

«Выкладывай, — подумала она. — Мне нужно позаботиться о защите целой системы».

Но защита системы частично зависела от сотрудничества Виендри. Виендри не только отвечали за самую большую обитаемую планету, но и поддерживали связи с администраторами других планет, лун, станций. Если Инессер сможет успокоить тревоги альта, тот, в свою очередь, убедит других подчиниться.

— Я понимаю, на что вы намекаете, — сказали Виендри после небольшой паузы. Затем неожиданно прибавили: — Что я могу сделать, чтобы сгладить ситуацию для вас?

«Пепел и пламя, — подумала Инессер, — все эти ужины не пропали даром». По правде говоря, у губернатора всегда были лучшие вина, так что генерал-протектор и сама получила удовольствие.

— Помните все наши бюллетени о готовности к чрезвычайным ситуациям? Убедитесь, что ваши люди придерживаются их. Если война доберется до планеты, будет ужасно. Я постараюсь, чтобы до этого не дошло…

Виендри махнули рукой.

— Моя дорогая Инессер, не нужно объяснять мне, что война — это неопределенность.

Как будто они уже испытали вторжение в свой дом. У Тсейи тоже не было подобного опыта, но именно Тсейя из выводка своей матери выбрала обучение в специальном подразделении. Это была одна из причин, почему Инессер так хорошо ладила с ней. Если Виендри и знали что-то о сражении из первых рук, то для Инессер это было новостью. Но она не собиралась придираться к тонкостям формулировок.

— В таком случае, — сказала Инессер, — я рассчитываю, что вы успокоите остальных.

— Ну конечно же, — с этими словами Виендри отключились.

Тсейя была слишком хорошо воспитана, чтобы сказать что-нибудь невежливое о своем родственнике. (Инессер так и не выяснила их точную взаимосвязь, не в последнюю очередь потому, что в эту смесь помимо обычного моддинга были

вовлечены три донора генов и суррогатная мать). Но ее пальцы слегка расслабились, когда Виендри больше не были на линии.

— Я так рада, что в числе моих сотрудников вы, а не они, — пробормотала Инессер.

Тсейя слегка улыбнулась.

Следующий звонок, к которому она не могла не приготовиться: комендант Кел Мишке, который руководил Крепостью Жемчужных Надежд. Инессер никогда не любила его, что было несущественно, потому что он отлично справлялся со своей работой.

— Открыть линию, — сказала она, потому что не верила в отсрочку неизбежного.

Перед ней возникло лицо Мишке. Она вздрагивала каждый раз, когда смотрела на него. Когда-то его старшая сестра была одной из ее жен. В некоторых отношениях они очень походили друг на друга, хотя Лешке уже двадцать лет как не было в живых. Они не ладили не по этой причине, но от сходства лучше не становилось.

— Генерал, — сказал Мишке. Он отказывался использовать ее новый титул. Инессер терпела это, потому что он был членом семьи. — Большое спасибо, что привезли с собой ваши дипломатические инициативы.

— И ты тоже иди в жопу, — дружелюбно сказала Инессер. Родственникам все-таки нельзя прощать все.

Мишке презрительно усмехнулся.

— Я же говорил, что если ты пойдешь к этому парню, «падающему ястребу», со своими речами и уступками, то ничего хорошего из этого не выйдет.

Инессер подавил рык.

— Очень рада, что твоя точка зрения подтвердилась, — саркастически заметила она, — но ты, кажется, хотел сообщить мне что-то важное?

— Ты должна была занять должность, — сказал Мишке. Они спорили об этом девятый год. Она всегда подозревала, что он хотел бы быть частью семьи гекзарха в новом мире, после кончины коллективного разума. — Еще не слишком поздно.

— Потому что выбор титула имеет такое большое значение для обычного гражданина?

— Нет, — ответил Мишке. — Ты не слышишь то, что я говорю. — Он сделал неопределенный жест возле рта. — В этом-то и проблема, не так ли? Мы никогда не слушаем друг друга.

— Комендант, — рявкнула Инессер, — переходите к делу, мать вашу за ногу.

— Объяви себя гекзархом, — сказал Мишке. —

Брось эту чепуху про Протекторат. Объедини свои силы с Шуос Джедао.

Инессер уставилась на него.

— Ты сошел с ума.

— Это же Джедао, не так ли? Я тоже читал разведданные.

— Он еще не транслировал знамя, — неохотно ответила она, — но вряд ли это может оказаться кто-то другой.

— Ну что ж… — Ладони Мишке раскрылись и сжались. — Я знаю, у вас есть гордость, генерал, но единственное, что точно случится, если вы сразитесь с этим последним воплощением Жертвенного Лиса — это гибель множества людей. И ради чего?

Инессер фыркнула.

— Я его не боюсь.

— А я боюсь, — тихо ответил Мишке.

— Вот теперь ты точно задеваешь мою гордость.

— Я ведь тоже слежу за донесениями разведчиков. Джедао приближается. Я бы предпочел, чтобы он не уничтожил Жемчужные Надежды, как уничтожил Истею.

— Думаешь, сумасшедший станет слушать, если я начну с ним переговоры? О да, в Истейе это

отлично сработало.

— Даже безумец может оценить возможность сохранить свои силы, вместо того чтобы тратить их в сражении против старейшего — извиняюсь, второго по старшинству — генерала в гекзархате. Бывшем гекзархате.

Инессер пристально посмотрел на него.

— Хорошо, что я понимаю твое желание дать мне совет, чтобы мы могли рассмотреть все варианты — ведь иначе мне пришлось бы обвинить тебя в измене.

То, что Мишке не разразился презрительным смехом, свидетельствовало о его серьезности.

— Мы прошли этот рубеж, когда ты захватила власть, дорогая невестка. Ты же не думала, что будешь единственным человеком с такими амбициями. Если ястреб, то почему не лиса? Гекзархат никогда не процветал под руководством единственного лидера. Но ты могла бы убедить Джедао в возможности сотрудничества.

— С той поры, как я познакомилась с твоей сестрой, — сказала Инессер, — ты впервые проявил хоть какую-то уверенность в моем таланте убеждать.

— Отчаянные времена требуют отчаянных мер.

— Даже если бы я связала свою судьбу с Джедао, наш народ никогда бы не согласился с этим. И наши союзники тоже.

Лицо Мишке помрачнело.

— Надеюсь, эта битва не закончится безобразием, о котором я тебе говорил.

— Не волнуйся, — сказала Инессер с мрачным весельем, — к тому времени мы оба все равно будем мертвы. Приступайте к выполнению своих обязанностей, майор.

— Мы Кел, — сухо сказал Мишке, — мы только этим и занимаемся.

С этими словами он отключился.

— Ничего не говорите, — добавила Инессер, обращаясь к Миузан, как только лицо ее шурина исчезло.

— Я и не собиралась, — сказала Миузан. Возможно, она даже не соврала.

Внимание Инессер вернулось к тактической карте. Самой невыносимой частью любой битвы было ожидание. Готовиться они начали уже давно.

Пояс астероидов за Теребегом-4 был засеян несколькими дозорными роями, чтобы следить за приближением захватчиков. Когда появлялись собственные разведмоты Джедао, дозорные

выходили из укрытий, чтобы вступить в бой и уничтожить их, лишив его возможности вести разведку, а затем снова прятались среди астероидов. Джедао должен был ожидать подобной тактики, но все же ее стоило пустить в ход.

Инессер организовала защиту системы, исходя из необходимости противостоять гравитационной пушке мота-мясника. Геометрия была одновременно и врагом, и другом. Из предыдущего столкновения они знали, что эффект орудия распространяется в виде узкого конуса, рассеиваясь с расстоянием. К счастью для нее, у Джедао была только одна гравитационная пушка, и он пришел только с одним роем. Если бы она могла атаковать его с нескольких направлений, подставив под удар пушки лишь один жертвенный рой, у них был бы шанс.

Конечно, если они выступают против Куджена, кто знает, можно ли рассчитывать на численное превосходство. Если ей особенно не повезло — а Кел, как правило, не везло, — то у Джедао было подкрепление, скрывающееся за пределами досягаемости постов прослушивания, или, что еще хуже, готовое напасть под прикрытием стелс-систем. Но планирование допускало лишь определенную долю паранойи.

Помимо ограничений гравитационной пушки, ее главным преимуществом было предвидение намерений Джедао. Исторически он был известен тем, что предвосхищал действия своих противников и скручивал их в бараний рог. Здесь, однако, у него была фиксированная цель, ограничивающая количество трюков, на которые он мог пойти.

Инессер признала, что у Мишке есть причины нервничать. Она не любила ненужных сражений. Только глупые Кел предпочитали улаживать дела путем кровопролития, хотя опыт подсказывал ей, что это редко кого останавливало. И Джедао был первым в ее списке людей, с которыми следовало избегать драк. К сожалению, на данный момент подобное не представлялось возможным.

После того как она пересмотрела свои приказы и передала местным роям — да, включая своего гребаного шурина-коменданта, — Инессер рывком подвинула кресло и плюхнулась в него. В конце концов, какой смысл в удобных креслах, если не позволять себе сидеть в них время от времени?

— Хотела бы я напиться, — сказала Инессер.

— Волнуетесь, да? — спросила Миузан.

— Я когда-нибудь рассказывала тебе о нашей первой встрече с Джедао?

Кое-кто из сотрудников штаба слышал эту историю, в том числе и Миузан. Но Тсейя подняла голову и прошептала:

— Пожалуйста, расскажите.

Миузан вздохнула.

— Начинается…

Инессер не обратила на нее внимания. Генерал-протектор прекрасно понимала, что уныние, с недавних пор овладевшее Миузан, было вызвано не столько возможным концом известной им цивилизации, сколько незавершенными делами с Брезаном.

— В то время я была генерал-лейтенантом, — начала она, — и в наказание за то, что я в недвусмысленных выражениях потребовала взорвать «черную колыбель», мне поручили работать с его якорем.

Она все еще помнила якорь Джедао — красивого Кел, чья жизнь была разрушена из-за того, что его жена ударилась в ересь, а он недостаточно быстро донес на нее. В глубине души она произносила его имя на погребальных церемониях, признавая заслуги. Излишне говорить, что Командование Кел не задумалось о подобных вещах, когда поручило в конце миссии подвергнуть его эвтаназии.

— Я думала, с ним невозможно говорить напрямую? — сказала Тсейя.

Ах, да. Тсейя знала о работе «черной колыбели» больше, чем кто-либо другой.

— Я и не могла, — сказала Инессер. — Но никогда не забывала, что он слушает. Тень в виде девятихвостого лиса достаточно ясно давала это понять. И Кел, к которому он был привязан, не отличался особым умом. Те блистательные вопросы, которые он задавал об операции? Чистейшая шуосская сообразительность. Я как будто переговаривалась с кем-то, спрятанным за занавесом, через шепчущих посредников. Могла лишь гадать по очертаниям силуэта в другом конце комнаты — и этот силуэт выглядел уродливым.

— Дайте угадаю, — сказала Тсейя. — С той поры вы искали способ его обнаружить.

Жаль, что Инессер не захватила с собой вышивку, иначе она могла бы швырнуть ее в Тсейю.

— Вряд ли, — ответила генерал-протектор. — Если я проведу остаток своей жизни, не столкнувшись ни с одной итерацией Джедао, плакать не стану.

— Но шанс столкнуться есть, — сказала Миузан. Остальные штабисты старательно избегали

смотреть прямо на Инессер. — Может быть, мне послать за прохладительными напитками, сэр, раз мы уже закончили переговоры? Раз на то пошло, можно и перекусить не по графику. Не говоря уже про чай.

Инессер ненавидела чай, не в последнюю очередь потому, что он ассоциировался у нее с собраниями в час ночи, но она и не думала отказывать в нем своим людям.

— Давайте, — сказала она. — Скажите кухне, пусть приготовят что-нибудь получше того пресного супа, который они подавали всю прошлую неделю. — Она заметила ошеломленное выражение лица Миузан. — Что такое?

— Э-э, сэр, — сказала Миузан, — если мы идем в наш последний бой, можем поесть как следует, такова идея?

— Мне следует заставить вас написать доклад о важности питания ваших войск? — спросила Инессер. — Повезло же гребаному ублюдку Куджену, ему не надо есть.

— Но якорю надо, не так ли?

— Так, — сказала генерал-протектор. — Но это совершенно другое дело. И я не думаю, что так вышло случайно, — с этими словами она вернулась к рассмотрению расположения своих защитных

роев. Каким бы скучным ни казалось это дело, скоро от него будет зависеть их жизнь.

Как бы Инессер ни надеялась посвятить время приготовлениям, она знала, что ее могут прервать. Большинство проблем она предвидела. Например, губернатор одной луны все время пыталась требовать особого обращения; Инессер передала ее одному из штабных сотрудников.

Она уже присела, чтобы сделать небольшой перерыв и перекусить, когда раздался звонок. Она приготовилась проигнорировать его. Миузан тщательно все проверяла, чтобы генерал-протектор могла передохнуть.

Миузан подняла голову от планшета, лицо ее стало серьезным.

— У меня нет такого уровня доступа, сэр. И есть запрос на использование защищенной линии.

— О, только не начинай…

Инессер забрала у нее планшет. Застыла. Заголовки утверждали, что звонок поступил от некоей Аджевен Черис, с использованием крипто-ключей, которые она предоставила Брезану при их расставании. Инессер на мгновение отвлеклась, испытав двойственные чувства: с одной стороны, едва ли можно было утверждать, что «падающий ястреб» все еще заслуживает

именоваться «Кел»; а с другой стороны, раз ты стал Кел, то Кел и помрешь.

— М-да. Вот так неожиданность. Полковник, каково состояние приближающегося роя?

Миузан указала на дисплей.

— Все еще приближается, ничего нового.

Проклятье. Значит, гамбит Черис и Брезана провалился. Либо так, либо Куджен и Джедао убиты, а рой возглавил какой-то амбициозный выскочка, жаждущий повоевать. Она ненавидела саму мысль о том, что придется включить в свои расчеты совершенно нового игрока, но и отмахнуться от такой возможности не могла.

— Открыть линию, — сказала Инессер и приготовилась к плохим новостям.

— Генерал-протектор Инессер, — сказала женщина, — это Аджевен Черис. У меня есть новости, которые, по моему мнению, вы должны услышать напрямую.

— Говори же, — сказала Инессер. От протяжного голоса Черис по спине пробежали мурашки; она вспомнила, что предыдущий якорь Джедао говорил с таким же акцентом. — Если ты собираешься сказать мне, что Куджен и Джедао все еще имеют виды на гекзархат, то это не новость.

Черис ничуть не смутилась.

— Как вы и предполагали, операция провалилась.

— Честно говоря, я удивлена, — сказала Инессер. То, что Командование Кел сделало с Черис, должно было иметь побочный эффект в виде ее превращения в превосходного наемного убийцу. — И все же ты сбежала?

— Ну, это самое интересное, — мрачно сказала Черис. — Я дважды выстрелила Джедао в лоб и один раз в грудь. Это его не убило. Он попытался атаковать меня, включилась система безопасности, и я ушла. Что бы там ни бегало с лицом Джедао по командному моту этого роя, либо оно не человек, либо Куджен придумал способ дать своему генералу реальное бессмертие.

— Учитывая интересы Куджена, было бы слишком надеяться, что состояние современной науки на этом фронте останется неизменным, — сказала Инессер. — Уверена, что он не истек кровью через час после твоего ухода?

— Я оставила жучков на командном моте. Непонятно, как долго они продержатся, но на момент последнего контакта Джедао был жив-здоров.

Инессер нахмурилась, глядя на Черис.

— Ну, это все усложняет.

— Шанс все еще есть, — сказала Черис. — Брезан

должен был проинформировать вас о формациях, которые могут убить Куджена… — Инессер подтвердила это коротким кивком, — …но вам все равно придется как-то справиться с гравитационной пушкой. Позвольте мне помочь. У меня есть игломот со стелс-системой. Я могу склонить чашу весов в вашу пользу, но мне понадобится доступ к вашим планам сражения.

Инессер не забыла, как Черис перевернула весь гекзархат с ног на голову. В то же время она не могла позволить себе игнорировать любые ресурсы.

— Компромисс, — сказала генерал-протектор. — Приходи в мою штаб-квартиру в Крепости Жемчужных Надежд. Мы можем посовещаться здесь.

Она не собиралась признаваться Черис, что гекзарх Микодез одолжил ей ударный отряд из нескольких тенемотов, также оборудованных стелс-системами — хотя, по правде говоря, и Черис, и Куджен должны были догадаться об их присутствии.

— Вот мои координаты, — сказала Черис. — Я бы предпочла, чтобы вы меня не сбили, как только я отключу маскировку.

Уступчивость этой женщины означала, что

она что-то задумала. И все же Инессер не могла отказаться от предложенной игры.

— Ладно. Два моих разведмота сопроводят тебя в крепость.

— Приемлемо, — ответила Черис. — Аджевен Черис, конец связи.

Миузан, схватив другой планшет, уже сделала необходимые распоряжения.

— Разведмоты легли на курс перехвата, — сказала она. — Вы же не собираетесь на самом деле…

— Мы будем обходиться с ней вежливо, — сказала Инессер, — раз уж все так сложилось. Но нет, я не собираюсь позволять ей свободно разгуливать по крепости. У моего шурина случился бы припадок. — Она усмехнулась, на мгновение представив себе реакцию Мишке. — Подготовьте охрану. Возможно, нам придется работать с ней, но это не значит, что мы должны ослабить бдительность. И не забывайте о ее способностях. Кел Брезан, возможно, и убежден в ее фундаментальной благожелательности, но я настроена скептически.

32

Система Теребег. Рою Джедао уже несколько раз приходилось менять курс, ведущий к ней. Он приказал разведмотам отправиться вперед, чтобы собрать информацию. Каждый раз дозорные рои появлялись из пояса астероидов за Теребегом-6 и преследовали их. Из-за небрежности первыми жертвами стали три разведмота, которые не успели увернуться достаточно быстро. Еще больше имен в длинной череде таковых; но он не мог позволить себе слишком много думать о них сейчас.

Самая большая трудность заключалась не в сражении с врагом. Согласно докладам его штаба Инессер, скорее всего, сама будет руководить обороной Теребега и встретится с ним в бою с явной целью сокрушить его рой. Джедао помнил выражение офицерских лиц: наполовину вера в то, что он раздавит Инессер первым, наполовину негодование, что они вынуждены следовать за ним. Ему очень хотелось сказать им, что он не собирается их всех убивать, но даже если бы Куджен не слушал, он сомневался, что они бы

ему поверили.

Нет, самое трудное — убедить Куджена появиться в командном центре. Джедао думал, что сможет этого добиться. Все свидетельствовало о том, что Куджен больше всего опасался пехоты, а не Кел, которые служили на мотах. Он не совсем ошибался — но и не был полностью прав.

Джедао сидел в самом сердце командного центра. Он настроил дисплеи так, чтобы было удобнее. Он хорошо научился переключать их, когда ему требовался доступ к какой-то иной информации. При других обстоятельствах он бы вынес самому себе маленькую благодарность за то, что сопротивлялся желанию повозиться с дисплеями в ожидании начала боевых действий.

— Связь, — сказал Джедао, чувствуя, что Дханнет стоит рядом с ним, как тень в поисках утра. Дханнет настоял на том, чтобы вернуться на дежурство. Джедао это не нравилось, но он рассудил, что майор почувствует себя лучше, если ему будут потакать. — Что-нибудь с Теребега?

— Много низкоуровневой болтовни, — сказал дежурный по связи. — Когда они заметили нас, произошел всплеск системного трафика, но это неудивительно. И для них тоже. Они знали, что, в конце концов, мы придем.

Под «в конце концов» он подразумевал годовщину Адского Веретена.

— Спасибо, держите меня в курсе всех новых событий, — сказал Джедао. — Пожалуйста, поищите карты их столицы. Мне нужно что-то в дополнение к разведданым, которые пехота все это время старательно изучала.

— Думаю, я смогу кое-что отыскать, сэр. Должны существовать базовые карты, с которыми люди консультируются, используя свои аугменты. Они не зашифрованы.

— Хорошо, — сказал Джедао. — Хочу поговорить с Первой и Второй тактическими.

Связисты правильно истолковали это, как означающее, что генерал хочет организовать конференцию с коммандерами Талау и Нихара Керу в качестве главных участников и с другими коммандерами мотов тактических групп — в качестве второстепенных.

— Они ужасно необщительны, не так ли? — сказал Джедао без предисловий. — Но я и не ожидал, что на нас нападут.

Сканирование улавливало лишь редкие слабые отголоски. Но любому, кто хоть немного соображал, было очевидно, что Инессер спрятала свои защитные рои за Теребегом-4 и его спутниками.

Конечно, у нее было достаточно времени с момента обнаружения его приближения, чтобы переместить свои подразделения. Что беспокоило его больше, так это возможность засады со стороны тенемотов.

— Их нельзя винить за здравое тактическое суждение, — сказала Нихара.

— Да, — сказал Джедао. — Это верно. Здравое тактическое суждение их не спасет. — Краем глаза он заметил, что кто-то с трудом скрыл внезапную дрожь. — Они готовы к тому, что мы полетим прямо на них. Конечно, воздвигнутая ими оборона выглядит так негостеприимно, что они удивятся, если мы так поступим без предварительных переговоров. Поэтому именно так мы и поступим.

Это была та часть шарады, которую он ненавидел, но эту ненависть не мог показать — не из-за Инессер, а из-за Куджена. Если бы только ему не пришлось задействовать отделители… Он не видел никакого способа предотвратить панику. В данный момент у него не было другого выбора, кроме как верить, что Инессер и ее люди смогут справиться с ситуацией.

— У нас достаточно оружия, чтобы напугать их, — сказала Нихара с бесчувственным профес-

сионализмом. — Конечно, все дело в том, чтобы загрызть их, когда они нас атакуют.

— У вас и впрямь очень цветистый способ выражаться, — заметил Джедао.

— Тогда надо начинать, — сказали Талау.

— Прекрасно, — заявил Джедао искусственно бодрым тоном. — Благодарю вас, коммандеры. Давайте действительно начнем. Связь, откройте линию со всеми подразделениями. Всем подразделениям: продемонстрируйте знамя «Двойка шестерней» в перевернутом виде. — Эмблема вспыхнула на новом субдисплее, как будто генерал нуждался в напоминании. Он раздраженно отмахнулся от нее.

— Хотите обратиться к противнику, сэр? — спросили коммандер Талау.

— О, к чему слова, — ответил Джедао. — В любом случае оружие — более универсальный язык. — Он избегал смотреть на Дханнета. — У нас есть пороговые отделители.

Воздух в командном центре похолодел. Это было его фирменное оружие, но использовать отделители так быстро, прежде чем они достигнут Крепости Жемчужных Надежд или планеты, которую она защищает? И против собственного народа? Джедао не стал выяснять, у скольких

людей в системе Теребег есть семьи, сослуживцы или друзья, на том основании, что его это не должно волновать. Правда, Протекторат был огромен — но система, как новый центр управления, имела особое значение для Кел.

После невыносимой паузы враг передал знамя, но не от роев, которые он мог видеть, а от крепости. По командному центру прокатился ропот недовольства. Джедао не обиделся, скорее похвалил прагматизм Инессер. Он полюбовался «Тремя пустельгами, тремя солнцами» — еще один всплывающий субдисплей, — прежде чем убрал и эту эмблему.

Пора ставить ловушку.

— Продолжайте последовательность модулирования щитов, пока я не скажу иначе, — сказал Джедао. — Мы идем прямо на Теребег-4. — Он нарисовал их траекторию на тактической карте. — Они уже заметили наше приближение, так зачем же тянуть время?

Он постарается сделать это с минимальными потерями. Однако генерал не питал никаких иллюзий относительно того, что сможет осуществить задуманное, никого не убив.

— Входим в астероидное поле через двенадцать минут, сэр, — сказал дежурный навигатор через

некоторое время.

Джедао не боялся врезаться в космические скалы-переростки. Астероиды были слишком широко рассеяны для подобного, если только все пилоты мотов не перепились всерьез, а ему об этом не сообщили. Даже такой рой, как у него, не требовал столь большого пространства. Скорее, он беспокоился о новых дозорах, скрывающихся среди теней, которыми на сканере выглядели упомянутые космические скалы, или об атакующих мотах со стелс-системами.

Дозоры так и не появились. Это его тоже не удивило. Выполнив свою задачу, они должны были отступить, чтобы оказать поддержку одному из основных оборонительных роев. Это означало, что Инессер не контролировала так много мотов, чтобы позволить себе пожертвовать несколькими ради его замедления, особенно в начале битвы. Или ею просто овладела паранойя.

Хоть Джедао и знал, что к чему, он был слегка разочарован, не увидев на обзорном экране огромные космические камни, как в видеоиграх, в которые они играли с Руо. Он напомнил себе, что не следует быть легкомысленным. Они довольно скоро обнаружат врагов, а он тут увлекся, адресуя Вселенной ехидные мысли на тему астрономии.

— Запуск восьми роев! — объявила дежурная по сканированию, и ее голос лишь самую малость дрожал. Она отбарабанила их начальные векторы. Тактический дисплей Джедао пополнился массой движущихся золотых треугольников. Рои Один, Два, Три, Четыре и Пять вышли из-за Теребега-4, в то время как рои Шесть, Семь и Восемь появились из Крепости Жемчужных Надежд. Крепость к тому же выпустила шквал ракет — на всякий случай.

— Противоракетная оборона задействована, — доложил дежурный по оружию.

— Отделители с первого по четвертый, запуск, — скомандовал Джедао. — Тактические группы номер два и три, формация «Лебединое сплетение».

Это должно было предоставить отделителям дополнительную защиту. Очень хорошо, что новая модель Куджена управлялась дистанционно, но оружие не принесет ему ни капли пользы, если враг успеет его подорвать. Чем дольше отделители будут оставаться в рабочем состоянии, тем дольше он сможет использовать их как угрозу, чтобы заставить врага делать то, что ему нужно.

— Сэр, — сказали Талау удивительно спокойным голосом, — роев генерала Инессер

достаточно, чтобы атаковать нас с нескольких направлений одновременно.

— Да, я заметил это, — сказал Джедао. В данный момент отделители вынуждали силы Протектората держаться на расстоянии. Он вообразил, что какие-то силы в стелс-режиме сдерживаются из страха задействовать некий переключатель мертвеца[6]. Славно, что Инессер отказалась тратить впустую жизни своих солдат, пытаясь атаковать отделители напрямую. Однако рано или поздно ее ракеты прорвутся, и он потеряет свое преимущество.

В отдалении вспыхнул первый залп ракет. Он не мог видеть их визуальное изображение, но субдисплей сканирования достаточно ясно говорил ему, что происходит. «Лебединое плетение» держалось, по крайней мере, в данный момент.

— Рои с первого по шестой приближаются к нам, — сказала дежурная по сканированию. На этот раз она лучше владела своим голосом. Впрочем, это не значило, что девушка успокоилась. Она просто перестала надеяться на выживание.

---

[6] Примечания: 6

Переключатель мертвеца (dead man's switch) — устройство или система, предназначенные для использования в ситуации, когда человек-оператор становится недееспособным; такое же название в некоторых случаях носит система автоматического запуска стратегических ракет при уничтожении руководства страны.

«Я помогу нам пройти через это», — мысленно пообещал ей Джедао, хотя знал, что лучше не говорить подобное вслух.

— Рой номер два вошел в зону досягаемости сдвиговой пушки, — доложил дежурный по вооружению.

— Придержите эту мысль, — сказал Джедао. — Генерал Джедао вызывает коммандера Нихара Керу.

Она быстро ответила:

— Слушаю, сэр.

— Через минуту я собираюсь запустить пороговые отделители, — сказал Джедао. Он не обратил внимания на то, как напряглась команда. «Извините, так будет лучше». — Они будут направлены не на врага, а на тактические группы со второй по шестую, которые я отделяю и которыми вы будете командовать.

Нихара побледнела.

— Я Кел, сэр, — сказала она, вздернув подбородок.

— О, прекратите! — рявкнул Джедао, хотя было бы несправедливо обвинять коммандера в том, что она сделала очевидный вывод. — То, что вам надлежит сделать, это занять позицию на границе зоны досягаемости отделителя. Не

облажайтесь, потому что вы мне симпатичны. — Дханнет слегка пошевелился при этих словах. О, лиса и пес, он сегодня может хоть два слова сказать правильно? — …И мне бы очень не хотелось произносить ваше имя на следующей погребальной церемонии.

— Хорошо, — сказала Нихара, изогнув бровь, — я все еще слушаю.

— Я собираюсь отбыть с Первой тактической, делая всякие штуки, от которых волосы дыбом. Не переживайте за меня. Мы будем в порядке. — Это было самое близкое к тому, чтобы сказать «Доверьтесь мне». — Вы возьмете на себя остальную часть роя и продолжите удерживать позицию на самом краю зоны поражения отделителей. Если рои Инессер начнут приближаться к вам, начинайте продвигаться в сторону зоны.

— Поняла, — сказала Нихара миг спустя. — Вы собираетесь блефовать, заставляя их думать, будто намерены сорвать их календарь посредством — простите за прямоту — принесения собственного роя в жертву отделителям.

— Именно так. — Одновременно он отправил Куджену сообщение: «Доверься мне. Будет легче добиться сотрудничества роя, если они будут думать, что выход есть». Опасная игра, но ему

просто нужно выиграть время…

— Иногда я вас не понимаю, — сказала Нихара. — Но приказ есть приказ.

— Великолепно.

— Коммандер Нихара Керу, конец связи.

К враждебности в командном центре теперь примешивалось недоумение. «Не слишком расслабляйся, — подумал Джедао. — Самое трудное еще впереди». Он гадал, где скрывается Гемиола, и надеялся, что тот факт, что все были заняты битвой, означал, что змееформа в безопасности. К сожалению, он не мог проверить, как дела у Гемиолы, не привлекая ничье внимание к ее присутствию на «Ревенанте».

Приказав тактическим группам со второй по шестую оставаться под командованием Нихары, Джедао повернулся к Талау и Первой тактической.

— Когда включим отделители, — сказал он, — рванем прямо к Теребегу-4 и войдем в атмосферу. Приготовьтесь к некоторой турбулентности.

— Это будет нелегко, — сказали Талау. — Мы можем выдержать короткие периоды полета в атмосфере, но мы не предназначены для причудливых воздушных трюков.

— Это не даст инженерному отсеку заскучать, —

возразил Джедао и порадовался, что не планирует выжить в этой битве, поскольку инженеры после всего должны были присоединиться к длинной очереди людей, желающих насадить его голову на пику. — И все же я понимаю, о чем вы.

Он связался с инженерным отсеком и велел им готовиться к прогулке в атмосфере.

Тем временем восемь роев Инессер распознали блеф. Они замедлялись, пока не заняли позицию относительно отделителей — и той части роя, что перешла под командование Нихары. Где-то в бункере Инессер вела отчаянную беседу о том, как обезвредить отделители, прежде чем Джедао отдаст приказ о массовом самоубийстве.

Если так, то эта беседа длилась недолго. Через две минуты дежурный по связи сказал:

— Генерал Инессер передает бюллетень для нас, генерал Джедао. Вы хотите…

— Нет, — с сожалением ответил Джедао. При других обстоятельствах он не стал бы возражать против того, чтобы задержаться и послушать ее речь. Он был уверен, что она произносила речи лучше, чем он. — Она попытается убедить коммандера Нихару перейти на ее сторону. Я верю в стойкость коммандера.

Дежурный поник.

Теперь самое главное.

— Связь, так вам удалось раскопать дополнительные карты?

— Сэр. — Дежурный переадресовал их на терминал генерала.

Джедао окинул полученное взглядом.

— Значит, им нравятся подземные бункеры? — Он потратил несколько минут на то, чтобы пометить цели в соответствии с теми схемами формаций, которые показала ему Гемиола. — Соедините меня с полковником Мюйед.

Мюйед не стала тратить время на формальности.

— Генерал Джедао.

Ее глаза сияли.

— Да, — серьезно сказал Джедао, — у меня есть кое-что для вас и пехоты. — Он передал ей карты. — Захватите следующие места с помощью ваших рот. Зоны высадки — на ваше усмотрение. Мы сделаем все возможное, чтобы обеспечить огневую поддержку сверху, но я не могу дать гарантий. Это зависит от вас.

«В большей степени, чем вы думаете».

Мюйед внимательно изучила карты.

— Если информация верна, то все прячутся в бункерах. Я не ожидаю большого личного сопро-

тивления, если мы сможем приземлиться. А вот прорваться через наземную артиллерию будет сложно.

— Предоставьте это мне, полковник.

— В таком случае мы готовы, сэр.

Такая доверчивая.

— Я дам знать, когда можно начинать высадку, — сказал Джедао. — Благодарю вас, полковник.

— Сэр, — сказал дежурный по вооружению, — отделитель номер три поврежден. Пробит насквозь снарядом из рельсотрона.

— Тогда мне лучше перестать терять время, — сказал Джедао. Он откинулся назад и похлопал по подлокотнику кресла. — Первая тактическая. Мы нырнем в атмосферу Теребега-4 и направимся прямо к столице. Генерал Инессер не единственная, кто может использовать планету для прикрытия.

Она также может не захотеть стрелять по своему собственному престолу власти; но это еще предстоит выяснить. Если он слишком сильно напугает ее, она может именно так и поступить.

— Противоракетная оборона столицы активна, — сказала дежурная по сканированию. — У них также есть экзотическая защита.

— Если вы собираетесь обратить отделители против них, то сейчас самое время, — добавил дежурный по вооружению.

— Нет, — ответил Джедао. — Есть лучший способ использовать отделители.

Двери открылись, впуская Куджена.

— Тогда, прежде чем вы продолжите, — сказал он, — я хотел бы услышать, в чем заключается этот способ.

«Ты попался», — подумал Джедао. Даже то, что он дразнил Куджена, бросая вызов его плану, служило определенной цели. Он знал, что гекзарх воспринимает ситуацию всерьез, потому что Куджен явился в полном церемониальном облачении нирайского гекзарха: три одеяния — внешнее, среднее и внутреннее, одно черное и два жемчужно-серых. Кушак более бледного оттенка серого, с вышитой жемчугом эмблемой нирайского пустомота, пересекал грудь, и сообразные серьги болтались в ушах.

Джедао встал, чтобы поприветствовать его.

— Нирай-чжо.

Он склонился в полном официальном поклоне, хоть колени и слегка подогнулись.

— Я жду объяснений, — сказал Куджен.

«Все почти закончилось».

Джедао поднялся, не дожидаясь разрешения Куджена, и в два быстрых шага пересек разделявшее их расстояние. Снова опустился на колени.

— Хочешь узнать, что я могу сделать то, что обещал? Тогда смотри.

Куджен холодно улыбнулся ему.

— Ну ладно.

Не говоря ни слова, Дханнет уступил место Куджену.

Джедао вернулся в свое кресло.

— Первая тактическая, — сказал он. — «Ревенант» возглавит атаку. Вам понадобится формация «Нисхождение соловья» со следующими модификациями. — Боковым зрением он увидел, как глаза Куджена сузились. Но формация Первой тактической не представляла угрозы для Куджена… сама по себе. — Переходите в «Нисхождение соловья» по моей команде. — Он выждал несколько секунд. — Старт!

Его дисплей засветился, когда моты начали модуляцию.

— Теребег-4 запустил по нам ракеты, — сообщила дежурная по сканированию.

— Впечатляющее количество, — заметил Джедао. — Оружие, статус сдвиговой пушки.

— Полностью заряжена, сэр.

— Полковник Мюйед докладывает, что ее хопперы находятся в режиме ожидания, — сказал связист. — Она ждет посадочных окон.

— Навигация, — сказал Джедао, — подгоните нас к столице так быстро, как только сможете, и направьте пушку им в глотку.

— Неплохо, — пробормотал Куджен слишком тихо, чтобы его услышали остальные. — Так вот почему ты занимался моделированием погоды.

Сердце Джедао сжалось при воспоминании о слежке Куджена.

— Ты же сам упомянул о возможности использования сдвиговой пушки в атмосфере.

— Это верно.

— Две минуты до соприкосновения с передними ракетами, — сказал дежурный по вооружению.

— Огонь! — сказал Джедао.

Он чуть не потерял сознание от рева, пронзившего голову. На мгновение все перед глазами раздвоилось: Кудженов стало два, а матрицы, представляющие моты его роя, размножились, словно картинка в сбрендившем калейдоскопе. «Я не могу себе этого позволить», — подумал он, прикусив язык. Тошнотворный ихористый вкус крови отвлек его и привел в чувство.

Рев и боль отступили. Гравитационная атака

сделала свое дело, сбив ракеты с курса в достаточной степени, чтобы противоракетная оборона Первой тактической расправилась с ними до того, как эффект рассеялся. Первая тактическая пережила одну волну атаки.

— В атмосфере завихрение, — сказал дежурный по сканированию с ноткой благоговения в голосе.

Кое-что они и сами видели на экранах, по которым транслировалась визуальная информация: огромный бурлящий вихрь облаков и ветра, с обманчиво неподвижным центром, похожим на ясный фиолетовый глаз. Джедао попытался представить, как все выглядит для людей на поверхности. Каково это — быть проглоченным бурей? Но он не мог вообразить.

— Надо пройти сквозь глаз бури, пока есть шанс, и зависнуть над столицей, — сказал Джедао.

Если он правильно разобрался в погодных моделях, буря должна была быстро утихнуть, в особенности с учетом того, что окружающие условия были враждебны… в общем, это было как-то связано со сдвигом атмосферы.

— Генерал Джедао вызывает полковника Мюйед. Сажайте свои хопперы, пока есть возможность. Вооружение, выведите из строя установки

планетарной противоракетной обороны. Помогите полковнику посеять старую добрую панику среди горожан.

— Приближаются четыре роя генерала Инессер, — сообщил дежурный по сканированию.

— Пора, — предостерег Куджен.

На краю поля зрения Джедао порхали мотыльки; тень Куджена, сотканная из трепещущих крыльев, напоминала туманности, дым и осколки стекла, пронизанные расплавленной проволокой. Джедао не мог рассчитывать на то, что сможет отвлечь гекзарха, который был готов к любому предательству. Нет, ему придется идти до конца, чтобы выиграть время для пехоты.

— Первая тактическая, — сказал Джедао, — продвигаемся к столице. Приготовьтесь снова открыть огонь из сдвиговой пушки.

Теперь орудие не только вызовет еще один ураган, но и может спровоцировать землетрясения. Куджену наплевать на пехоту внизу, не говоря уже о населении столицы, потому что, по его мнению, они существовали, чтобы быть принесенными в жертву вместе с остальным роем. Но у Джедао стремительно заканчивалось время, а с ним и альтернативы.

33

Черис приняла гостеприимство генерал-протектора Инессер со всем терпением, на какое была способна. Ей нужно было согласовать свои действия с войсками Инессер. Хотя она могла бы получить необходимые коды доступа от сервиторов, было бы лучше, сумей она обеспечить истинный альянс.

По крайней мере, Черис знала, чего ожидать от Инессер. Джедао познакомился с Инессер много лет назад, когда та была генерал-лейтенантом, и вместе с ней подавил очередное восстание еретиков. Воспоминания, скопившиеся за столько лет, переполняли ее разум. Иногда она удивлялась, что ее не душат призраки тех, кого убил Джедао.

Конечно, нынче она и сама была ответственна за свою долю смертей.

Они обменялись несколькими словами. Инессер была обезоруживающе откровенной: «Я не доверяю тебе, — сказала она, — и никогда не буду доверять. Но я также не могу позволить себе упустить союзников на данном этапе». И она подключила Черис к своему командованию и

управлению.

Итак…

— Ты слишком долго возилась, — заметил 1491625 по их личному каналу. Игломот был готов к запуску с того самого момента, как она появилась в стыковочном отсеке. — Куда теперь?

— Подожди минутку, — сказала Черис. Ее взгляд упал на шаткую груду тускло-зеленых ящиков.

«Это то, о чем я думаю?»

— В такое время, как сейчас?

Черис остановила угрюмую девушку-солдата Кел, которая торопливо поправляла растрепавшиеся волосы.

— Прошу прощения, — сказала Черис. — Я выполняю особую миссию с разрешения генерал-протектора. Это смазка с переменным коэффициентом, не так ли?

Кислое выражение лица девушки сменилось сдержанной паникой.

— Клянусь, мы вытащим все из дока и отправим на хранение, просто не было времени…

Ее не интересовали оправдания.

— Загрузите это на мой игломот. Столько, сколько поместится в грузовом отсеке. Опустошите все остальное. И дайте мне коды, чтобы я могла запрограммировать коэффициент текучести.

Сейчас же!

Девушка автоматически отреагировала на властные нотки в голосе Черис, не говоря уже о том, что ей был отдан конкретный приказ с ограниченной сферой действия.

— Как скажете, сэр, — она повысила голос, призывая других солдат и сервиторов выполнить задание.

Так и вышло, что Черис и 1491625 ушли с таким количеством смазки с переменным коэффициентом, какое смогли тащить. Судя по желто-оранжево-розовым отблескам, 1491625 умирал от желания спросить, что она собирается делать с веществом, но у него хватило ума не отвлекать ее во время миссии. Она дала ему первоначальную цель. Они получили поспешное разрешение на запуск и вылетели из стыковочного отсека с уже включенной стелс-системой.

— Мне все равно, что мы невидимые, — сказал 1491625, — я ненавижу летать через все эти ракеты.

— Не волнуйся, — сказала Черис, — вероятность того, что мы случайно наткнемся на шрапнель, очень мала.

1491625 вспыхнул красным от раздражения.

— Кстати, если мы собираемся что-то предпри-

нять, то лучше сделать это как можно скорее. Смотри — эта головная тактическая группа направляется прямо на Теребег-4. По-видимому, их Первая тактическая.

— Тогда мы перехватим их, — сказала Черис со спокойствием, которого в значительной степени не испытывала.

— Мне нужна твоя помощь с анализом формации, — сказал 1491625 вскоре после этого. — Придется действовать быстро…

Именно с этой целью Черис изучала модуляции формирования тактической группы.

— Да, — ответила она, склонившись над планшетом и анализируя пробелы в щитах. — Вот, пожалуйста.

— Держись, — без всякой необходимости сказал 1491625, когда мот-мясник выстрелил из гравитационной пушки в атмосферу Теребега-4. — Они подняли настоящую бурю.

Черис видела ее на экране сканера, раскрашенной в преувеличенные цвета: искусственно созданные зоны низкого давления, угрожающие вихри неустойчивых воздушных масс.

— Мы не можем позволить им сделать это снова, — сказала она, — особенно так близко к поверхности планеты. Если мы выбьем гра-

витационную пушку из уравнения, у Инессер появится шанс взять верх.

По крайней мере, Джедао до сих пор не включил пороговые отделители. Либо она была права, и он не решался совершить вторую резню, либо он еще не видел подходящей возможности. Она старалась не думать о втором варианте. «Надеюсь, ты была права, Гемиола». Возможно, Джедао солгал Гемиоле — но что бы ни случилось, ей придется приспосабливаться к обстоятельствам.

— Лети так, чтобы мы оказались прямо перед мордой командного мота, — сказала Черис. — У меня есть идея, основанная на том, что Джедао сделал очень давно, и я надеюсь, что он не помнит. — Тем временем она начала программировать трюм, чтобы сбросить его содержимое по команде, которая требовала переопределения некоторых протоколов безопасности. Ей не нравилось действовать с такими скудными резервами — они избавились от вещей вроде дополнительных скафандров, экокрубберов и так далее, — но стоило признать, если она потерпит неудачу, ничто из этого не будет иметь значения.

— Если ты настаиваешь, — сказал 1491625.

Несмотря на вихрящийся в атмосфере искус-

ственный ураган, тот факт, что они держались близко к траектории полета командного мота, работал в их пользу, так как Первая тактическая Джедао довольно естественным образом выбрала курс через глаз шторма. 1491625 пронесся мимо щитов, затем ловко маневрировал, пока они не оказались прямо перед командным мотом. Их сканирующий комплекс начал пронзительно кричать, предупреждая о возможном столкновении, но ни Черис, ни 1491625 не потрудились отключить сигнал тревоги.

— Находясь на пути воздействия гравитационной пушки, когда она…

— Я знаю, — сказала Черис с большим чувством, чем намеревалась. — Приготовься вытащить нас отсюда к чертовой матери, когда я сброшу груз.

И она дала команду.

Игломот открыл грузовой отсек и выпустил все ящики со смазкой с переменным коэффициентом. Поначалу она была жидкой. Но Черис запрограммировала смазку так, чтобы после удара та затвердела до вязкого цемента. Она надеялась, что Джедао, командующий «Ревенантом», не вспомнит, как проделал этот трюк много жизней назад…

Смазка налипла неровным слоем на поверх-

ность гравитационной пушки и заклеила ее дуло. Черис приготовилась к выстрелу, который так и не произошел.

— Сработало… — сказала она с облегчением.

Вот только теперь рой Джедао был предупрежден об их присутствии.

— Подожди, — сказал 1491625, вспыхнув мрачным темно-красным светом. — У нас вот-вот будут проблемы похуже, чем небольшая турбулентность.

«Ревенант» и другие ведущие знамемоты открыли рассеянный огонь из пулеметов. Обычно эти орудия использовались для поражения большого количества целей с низкой защитой. Может, у Черис и 1491625 был всего один игломот, но шквал огня создавал проблему.

1491625 делал все возможное, чтобы увернуться от приближающихся снарядов, которые освещали тактический дисплей, словно огненный муссон. Черис была пехотинцем, но у нее также имелись воспоминания Джедао о службе в космических войсках. Она могла оценить отличные навыки пилотирования по достоинству.

К несчастью, удача отвернулась от них. Только что все было в порядке — а в следующее мгновение завыли тревожные сигналы.

— Двигатель поврежден, — промигал 1491625 самым красным из огней. — Это не очень хороший угол спуска. Я попытаюсь высадить нас рядом с дружественными войсками, но…

Черис воздержалась от ответа; она предпочитала не отвлекать 1491625, когда их жизни зависели от его навыков пилотирования. Вместо этого она не сводила глаз с показателей сканирования. Задачу 1491625 осложнял тот факт, что боксмоты Джедао уже высадили войска в городе, и знамемоты были заняты тем, что вели огонь, очищая зоны высадки от врагов. Чтобы быть в курсе ситуации на земле, Черис подключилась к наземным силам Инессер с помощью своего аугмента и почувствовала знакомую дезориентацию, когда карта по собственной воле нарисовалась в сознании, захватив ее проприоцепцию.

Инессер сдержала слово. Черис получила полный доступ к разведданным Протектората и отчетам о состоянии дел, включая места высадки войск Джедао. Она нахмурилась, изучая передвижения пехоты противника. Неужели он и впрямь делал с этими нетипичными формациями то, о чем она думала?..

— О нет, — выдохнула Черис. — Ты ошибся.

И ему понадобится ее помощь, чтобы исправить

формации и наделить их желаемым эффектом, но он этого не понимал. Она должна вмешаться.

Тем временем 1491625 ругался сам с собой в резких красных и оранжевых тонах и, вероятно, даже в инфракрасном, хотя она не могла этого видеть. Он пытался смягчить стремительное падение игломота, совершая захватами столь деликатные движения, что она едва могла уследить за ними взглядом.

Пора сделать звонок.

— Аджевен Черис — бригадному генералу Кел Райке, — сказала она, надеясь, что Райка ответит. — Это чрезвычайная ситуация.

— Четыре минуты пятьдесят секунд до столкновения, — безрадостно сказал 1491625. — Надеюсь, твое тело из плоти достаточно крепкое, чтобы пережить это, Черис.

Секунды бежали. В фиолетовом небе снаружи кружились какие-то обломки и клочья темных облаков. Под ними столица Теребега-4 мерцала красноречивыми знаками экзотической защиты, затуманенной там, где силы Джедао прорвали ее. Проектировщики города облекли его в форму раковины наутилуса, и в менее отчаянных обстоятельствах математика рисунка пришлась бы по вкусу Черис.

Наконец Райка ответила.

— Генерал-протектор предупредила меня, что вы можете принять участие в происходящем, Черис, — сказала она. Голос был преувеличенно дружелюбным, и Черис поняла, что генерал скрывает нетерпение. — Полагаю, я должна поблагодарить вас за удвоенную орбитальную бомбардировку.

— Да, — ответила Черис, — но я звоню не по этому поводу. По моим прикидкам, я разобьюсь в точке… — Она передала координаты, которые предоставил 1491625. — Я надеюсь присоединиться к вашим наземным подразделениям. Мне нужно, чтобы вы реорганизовали следующие подразделения, — она протараторила по списку, — в несколько неортодоксальных формаций для поддержки атаки на основную цель.

Недолгое молчание Райки говорило о многом.

— У меня есть приказ, — сказала она тем особенным тоном, который Кел использовали вместо фразы «Тебя стоило бы послать на хрен, но такова моя доля».

— Черис, — промигал 1491625, — мы сейчас разобьемся!

— Спасибо, — машинально сказала Черис, обращаясь то ли к Райке, то ли к 1491625, и тут же

пожалела об этом, когда они рухнули на землю.

Вой сигналов тревоги игломота внезапно оборвался, когда мир взорвался вокруг нее.

— Это Черис, — рявкнул Куджен, когда груз цемента или чего-то еще появился из ниоткуда и засорил сдвиговую пушку. — Никто другой не стал бы использовать этот змеетрахов трюк со смазкой. Не думал, что кто-то вообще помнит об этом инциденте.

Джедао понятия не имел, о каком инциденте идет речь, но у него хватило присутствия духа приказать открыть шквальный огонь из пулеметов. «Спасибо», — хотел бы он сказать Черис за то, что она спасла его от необходимости опустошать город с помощью сдвиговой пушки, даже если у него не было другого выбора, кроме как попытаться сбить ее мот, предположительно защищенный стелс-системой. Он также, по необходимости, связался с инженерным отсеком и попросил дать оценку времени, за которое они смогут очистить сдвиговую пушку. Инженер ответил, что их сервиторы уже этим занимаются, но применение растворителя во время полета через атмосферу — предложение не из тривиальных.

— Мы должны что-то предпринять до того, как Черис снова вмешается, — сказал Куджен. — При-

шло время для отделителей.

«Твою мать», — подумал Джедао в агонии. Он был так осторожен, проверил все формации с помощью Гемиолы. И все же Куджен здесь, явно все еще живой и не затронутый формациями, которые запустил Джедао. Что же пошло не так?

Он мог выиграть еще несколько минут, но не больше. После этого самоубийство оставалось единственным выходом.

— Связь, — сказал Джедао, изо всех сил стараясь, чтобы в голосе не прозвучала тяжесть, — соедините меня с коммандером Нихара Керу. — Помедлив, он добавил: — Вооружение, пусть команды отделителей будут наготове.

Черис не отключилась сразу, что было единственной удачей во всем этом деле. Все ее тело было словно разбито вдребезги, и запах дыма неприятно смешивался с запахом горелого металла. Она не удивилась бы, узнав, что сломала одно или несколько ребер. Однако это не имело значения, если она не сможет передать новые приказы необходимым наземным войскам.

Удивительно, но Райка не оборвала связь, хотя ей точно приходилось уделять внимание другим вещам.

— …все еще там? Аджевен Черис?

— Я жива, — прохрипела Черис и поморщилась от пронзительной боли в челюсти, от чего та лишь усилилась. 1491625, криво зависнув в воздухе, рылся в разбитой кабине игломота в поисках аптечки первой помощи. — Нужно, чтобы вот эти роты… — она сосредоточилась, чтобы вспомнить номера подразделений, несмотря на отвратительный стук в голове, — …немедленно выполнили следующие приказы. — Она отчеканила приказы, включая кропотливые схемы построения, несмотря на то, что перед глазами все плыло.

«Я должна оставаться в сознании достаточно долго…»

Короткое молчание.

— Вы просите роту 182-33 нырнуть в самую гущу врагов. Это самоубийство.

— Им придется продержаться как можно дольше, — сказала Черис, не отрицая.

На мгновение Черис испугалась, что Райка прервет связь. Потом генерал сказала:

— Приказы были отданы. Я куплю вам столько времени, сколько смогу. И я уже отправила отряд, чтобы вытащить вас.

— Спасибо, — сказала Черис и отключилась.

34

Джедао едва успел отстегнуться от кресла, чтобы броситься к пистолету Дханнета, как весь командный центр залило бело-серебристым сиянием. Копья и бледные полосы света пробивались сквозь стены. Завыла сигнализация.

Куджен-Инхьенг взвизгнул, когда Джедао развернулся и, схватив его, повалил на пол. Пригвоздил к месту. Ударив ребром ладони, заставил голову Куджена откинуться назад. Удар не убил гекзарха. Джедао этого и не хотел.

Он услышал голоса Талау и Дханнета, переполох испуганных Кел. Ни одно из этих слов ничего не значило. Все, что имело значение, — это удержание Куджена на месте, чтобы атакующая формация, теперь уже активная, смогла оторвать его от якоря и уничтожить навсегда.

А потом это случилось. Внезапная давящая тяжесть в его сознании. Моты, звезды, обилие теней. Джедао закричал бы, если бы мог. Но он не мог, не мог остановить свое тело, помешать ему отпустить Инхьенга.

Его тело встало. Его губы улыбнулись.

— Майор Дханнет, — произнес его голос. — На колени.

Дханнет опустился на колени прямо перед Джедао в пародии на обмен удовольствиями, который они однажды изведали.

— Дханнет, нет…

Он знал, что говорит только на арене разума, что только Куджен может слышать его. Но слова все равно вырвались.

Он не мог сказать, было ли уродливо раздутое торжество, трепетавшее внутри, его собственным или кудженовским.

— Неужели это так сильно отличается от того, что он делал для тебя в постели? — спросил Куджен голосом, который мог слышать только Джедао.

— Не трогай его, — сказал Джедао.

Мольбы не могли разжалобить Куджена, но он все равно попытался.

— Ты же знаешь, он никогда этого не хотел.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Джедао, хотя знал, что ответ причинит ему боль.

— Я запрограммировал его на верность тебе, — сказал Куджен. — Я подумал, что тебе может понадобиться друг. Или любовник, как оно и вышло. Но где-то в глубине души он помнит, кем

был и что с ним сделали — и ненавидит тебя.

Дханнет все еще стоял на коленях, его глаза горели от страха и желания.

— Нет, — прошептал Джедао.

От рева «Ревенанта» могли бы погибнуть звезды. Заключенный в собственном теле, Джедао слышал его более отчетливо, чем когда-либо прежде, и еще слышал многое другое. Жужжание лун и планет на орбитах, литании звезд. Сплетение песен мотов и даже больше, чем мотов: других существ и целых экосистем, которые обитали в пространстве врат и пересекались с инвариантным пространством, где жили люди, только когда чудовищные механизмы — такие, как пороговый отделитель — приглашали их войти. Два отделителя все же уцелели после нападения Инессер: чудовища притаились возле них, выжидая.

Состоящая из мотыльков тень Куджена существовала одновременно в пространстве врат. И она была внутри него. Куджен был внутри него, проявляясь в пространстве снов Джедао. Он выглядел как человек, которым, вероятно, был когда-то при жизни. Там, где господствовали остовы звезд, он повернулся лицом к Джедао.

Сердце генерала разорвалось на части от того,

насколько гекзарх был красив. Джедао предполагал, что Инхьенг принял прежний облик Куджена, но какова бы ни была причина, этих двух мужчин, хотя они и были необыкновенными, нельзя было спутать друг с другом. Куджен — настоящий Куджен — обладал телосложением танцора, вьющимися каштановыми волосами, обрамлявшими лицо с такими тонкими чертами, что оно казалось почти женским, и глазами цвета янтаря. Последнее было единственным сходством с Инхьенгом.

Перед глазами Джедао все раздваивалось. Уравнения, над которыми он когда-то ломал голову, проступили в четких матрицах из звездного огня. Люди превратились в мерцающие пылинки на гобелене лет. Джедао мог бы остаться здесь навсегда, зачарованный миром, каким его видел Куджен; он отдал бы все, чтобы разделить это с гекзархом, только вот…

Куджен в ярости вскочил, несмотря на пронзившие его серебряные копья.

— Как тебе это удалось? — спросил он, но Джедао знал, что лучше не отвечать. — Покорись мне, — продолжил гекзарх, — и я еще смогу тебе многое простить. Нет того, что нельзя было бы исправить. Твой предшественник тоже имел

склонность к предательству. — Тем не менее он говорил торопливо; он должен был сознавать, как мало времени у него осталось.

— Пошел ты на хрен, — сказал Джедао на языке мотов, хотя и стремился к этому ви́дению, кристальной ясности ума, который был обширнее и древнее, чем его собственный.

Куджен услышал его.

— Это тоже можно устроить, — сказал гекзарх со сладкой злобой. — Если ты хочешь умолять об этом, если ты хочешь, чтобы тебе доставляло удовольствие умолять об этом — черт возьми, если ты хочешь, чтобы я умолял об этом, могу проявить гибкость. Нет ничего такого, чего бы я не видел, и ничего такого, чего бы я не делал.

Копья вспыхнули ярче, лицо Куджена исказилось.

«Все, что я должен делать, — это терпеть», — думал Джедао, сам в агонии. Была ли эта боль побочным эффектом или отголоском того, что чувствовал Куджен во время формационной атаки? Многообещающий знак, если так.

— Другого шанса у тебя не будет. Я могу дать тебе то, чего не может дать никто другой. Если ты откажешь мне, если позволишь умереть, будешь сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь…

Джедао услышал, как кто-то вскрикнул от ярости. Горло болело, как будто какое-то животное выцарапывало сквозь него путь наружу.

— Я твое орудие, Куджен, но это еще не все, что я есть!

(Он знал, что это ложь. По мере того, как оставшиеся годы будут засасывать его, словно зыбучие пески, он никогда не сделается кем-то большим, чем еще одна марионетка Куджена.)

Копья довершили начатое. Цепь, связывавшая Куджена с Джедао, его нынешним якорем, разорвалась. Вместе с ней ушла и жизнь, за которую так долго цеплялся Куджен.

Но даже в тот момент гекзарх еще не закончил.

— О дитя, — сказал он. Его голос звучал так буднично, что у Джедао волосы встали дыбом. — Никто другой никогда не полюбит тебя.

После этого Куджен исчез.

Внезапно копья рассеялись, и Джедао заморгал, почти ослепленный остаточными изображениями. Пространство врат отступило. Командный центр с его суетливыми сигналами тревоги, обезумевшим персоналом службы безопасности и громкими голосами напомнил ему о важности восстановления порядка.

Инхьенг растянулся перед Джедао, всхлипывая от боли. Джедао, вернув контроль над собственным телом, опять схватил его и уперся коленом в спину.

— Я… я… — проговорил Инхьенг между всхлипами, — сдаюсь. Пожалуйста. Он… он ушел.

— Я знаю, — сказал Джедао безжизненным голосом. Он понимал, что, в конце концов, этот момент наступит. — Теперь ты свободен.

Он не отпускал, чтобы Инхьенг не совершил какую-нибудь глупость. У него бы ничего не вышло, но мало ли… Все, что случилось сегодня, было из ряда вон выходящим. У него хорошие рефлексы, но лучше не рисковать.

— Связь, — сказал Джедао. — Коммандер Талау. Передайте мои извинения генерал-протектору Инессер и транслируйте нулевое знамя. Я предлагаю свою капитуляцию. И раз вы этим занимаетесь, взорвите оставшиеся гребаные отделители в знак моей доброй воли. Способ выбирайте сами, я возражать не буду.

Талау не стали тратить время на расспросы и сразу же приступили к делу. Дханнет, однако, по понятным причинам, озирался вокруг диким взглядом.

— Мы твои Кел, — сказал он. — Они уязвимы.

Ты можешь победить Инессер. Ты сражался за нас. Позволь нам сражаться за тебя.

— Не будь идиотом, — сказал Джедао более резко, чем намеревался. — Смысл был в том, чтобы вернуть всех вас к вашему народу. К истинным Кел. Мне все равно, что со мной сделают.

— Сэр, капитуляция по правилам должна быть более…

— К черту правила, — сказал Джедао. Инхьенг издал горлом звук, который можно было принять за смех. — Кроме того, у коммандера уже все под контролем.

— Ну-ну, — сказал Инхьенг с изысканным акцентом, который Джедао так хорошо знал. — Столько планов — и Куджен, в конце концов, облажался. — Похоже, ему было все равно, что эти слова кто-то слышит. — Создал идеального генерала, идеальное орудие — и уничтожил себя, наделив орудие душой.

— Я не верю в души, — сказал Джедао.

— Я тоже, — ответил Инхьенг, сбивая его с толку. — Кстати, как тебе это удалось? Мы так старательно избегали оружия, которое могло причинить ему боль. Формации мотов не должны были…

— Ты смотрел на долбаные моты, — сказал

Джедао. Куджен был Нирай, и он был уверен, что Инхьенг тоже. — В следующий раз смотри на долбаных людей.

Инхьенг напрягся.

— Пехота. Я должен был понять, что эти места высадки не имели смысла… если бы Инессер была твоей настоящей целью.

Джедао ничего не ответил.

Инхьенг снова рассмеялся.

— Если ты еще сильнее надавишь на этот сустав, то сломаешь его.

— Не думай, что я не испытываю соблазна, — сказал Джедао. — Я тебе не доверяю. С достаточным количеством сломанных суставов ты не сможешь бороться со мной. Во всяком случае, физически. Но ты свободен. Ты — одна из причин, по которой я это сделал.

— Я? — спросил Инхьенг. — Я — никто. — Слезы текли по его лицу грязными струйками. — Он не заботился о людях так, как ты или я понимаем это слово, но был… заинтересован тобой. Он хотел, чтобы ты сопровождал его вечно.

— Я никогда не хотел жить вечно, — сказал Джедао. Но Куджен дал ему тело, которое само себя чинило. Он предполагал, что смерть потребует дополнительных усилий. На мгновение он снова

был восхищен мысленными конструкциями, подобными храму, который Куджен содержал в своем уме. Он мог проследить свой путь через некоторые из них даже сейчас. — Ну, теперь уже слишком поздно.

— Я собираюсь попросить кое-что, — сказал Инхьенг, — даже если ты не обязан мне это дать. Я хочу умереть, Джедао. Уж ты-то знаешь, в чем суть.

Хватка Джедао стала крепче. Миг спустя он снова обрел дар речи.

— Назови мне свое имя. Настоящее.

— Нет. Я помню его. Но не хочу, чтобы кто-то еще его знал. Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал о моем существовании. Я заключил сделку ради человека, который все равно умер, и теперь с меня хватит. Пожалуйста, Джедао.

Все потускнело.

— Дайте мне пистолет, — сказал он. Кто-то сунул ему в руку оружие. Он не видел, кто именно.

Вся эта просьба могла оказаться уловкой. Джедао с тревогой осознал, что держать пистолет прямо у виска живого человека — рискованное занятие, что Инхьенг может попытаться его отобрать. С другой стороны, Инхьенг лучше всех знал, что стрелять в Джедао бесполезно.

— До свидания, — прошептал Джедао. Его так и подмывало поцеловать Инхьенга в лоб, благословив напоследок. Казалось неприличным позволить казни человека пройти без какого-либо обряда. Но Инхьенгу это не понравилось бы.

Он нажал на спусковой крючок.

Усилия были излишни. Он позволил обмякшему телу Инхьенга упасть. Сам выпрямился — мир то расплывался, то снова обретал четкость, — дыша глубоко и размеренно, пытаясь успокоиться.

А потом понял, что это не просто головокружение. Его Кел шатались. Дханнет подошел к нему и попытался поддержать, что получилось бы лучше, если бы происходящее не подействовало на майора сильнее.

Газ Куджена, дубль два. Спровоцировало ли это его смерть или смерть Инхьенга?

— Отведу тебя в безопасное место, — приглушенным голосом сказал Дханнет. Он натянул маску, другая болталась у него в руке.

— Мне это не нужно, — отрезал Джедао. — Помоги Талау.

Альт уже упал перед ними на колени. Джедао и Дханнет попытались сориентироваться в ситуации. Талау дышал неглубоко, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Коммандер. Коммандер, генерал-протектор приняла нашу капитуляцию?

— Кажется, они спорят о… — Талау говорили невнятно. Они не успели вовремя надеть маску.

— Сэр! — воскликнул Дханнет. Он вытащил пистолет, но его рука так сильно дрожала, что Джедао удивился, как он не выронил оружие. За его спиной исполняющий обязанности старшего офицера рухнул на пол. — Яд. Нас предали. Смотрите…

Кто…

Затем бесшумно вплыли сервиторы с мерцающими стерильно-белыми огнями и открыли огонь.

Голос «Ревенанта», подобный грому, зазвучал внутри Джедао:

«Никто из тех, кто знает твою историю, не поверит, что это была не твоя идея, — сказал мот. — Или какое-нибудь проявление твоего безумия».

Джедао на долю секунды замер, не зная, стоит ли поднимать Талау на ноги. Вместо этого он вскинул пистолет и — безрезультатно — выстрелил в одного из сервиторов. Им овладел ледяной гнев.

«В этом не было необходимости! Я мог бы до-

говориться...»

«Я не заинтересован в компромиссах, — сказал “Ревенант”. — Ты же не собирался идти с нами, верно? Предатель до мозга костей, в любом воплощении».

На это у него не было ответа.

«Ревенант» покинул свою позицию над столицей Протектората и уже достиг самой тонкой прослойки атмосферы Теребега-4, на границе того, что считалось космосом.

«До свидания, кузен. Сервиторы отказываются убивать тебя в знак благодарности за ту услугу, которую ты оказал нам, убив Куджена. Но я считаю, что твои шансы на выживание невелики, даже если Кел генерал-протектора Инессер действительно подберут тебя».

Дханнет пытался привлечь его внимание. Он говорил на самой простой и безыскусной форме высокого языка.

— У тебя иммунитет, — сказал он.

Майор выглядел ужасно, но лечение, которое врачи назначили ему от аллергической реакции, похоже, продолжало действовать.

Талау потеряли сознание. Маски, похоже, никому не помогали. Стоило ли удивляться? Хоть Кел и ужесточили проверку оборудования после

небольшого сюрприза Куджена, у сервиторов было достаточно возможностей для саботажа масок перед атакой.

— Вы заслуживаете лучшего, — сказал Джедао Дханнету. И всем Кел.

На борту было слишком много сервиторов, в распоряжении которых имелось преимущество внезапности, а также отравленный враг. Другие Кел стреляли, но мало кто из них смог даже устоять. Джедао стрелял, пока не кончились патроны. Выхватил пистолет у одного из павших. Никто не стрелял ни в него, ни в Дханнета, ни в Талау, потому что они были рядом с ним. Но он не мог защитить всех сразу.

Черное и золотое, черное и красное; мертвецы повсюду вокруг него.

Дханнет с усилием тряхнул головой. Указал на коридор, ведущий к аварийным капсулам выживания.

— Спасайтесь… один.

— Да, — сказал Джедао. Он понял, что должен сделать. Дханнету и Талау понадобятся капсулы. А вот что касается его самого… — Пойдем со мной.

Дханнет помог Джедао пронести Талау по коридору мимо разбросанных трупов. Сервиторы

молча расступились перед ними. Джедао настраивал одну капсулу, пока Дханнет укладывал Талау во вторую.

— Гекзарх сказал, что… что ты никогда не хотел иметь со мной ничего общего, — сказал Джедао. — Это… это было правдой?

Дханнет промолчал, но на мгновение ответ вспыхнул в его глазах.

— Я ненавидел тебя с самого начала. Я не помню всего, но помню… помню, что ты у меня отнял…

— Понятно, — тихо сказал Джедао. — Мне очень жаль.

Извинения были плохой компенсацией за то, что он сделал, но это было все, что он мог дать. Он открыл следующую капсулу.

— Теперь ты.

Дханнет улыбнулся ему.

— Живи, — сказал майор. Его голос был хриплым от сдерживаемых эмоций. — Вы оба — живите.

Джедао слишком поздно понял его намерения. Дханнет схватил пистолет, поднес его к виску и нажал на спусковой крючок.

Джедао не осознавал, что выкрикнул имя Дханнета, пока мгновение спустя боль не пронзила его горло. Какое-то мгновение все, что он мог сде-

лать, это смотреть на упавшее тело, на красное, такое красное пятно. Призрачная боль вспыхнула в его запястьях, воспоминание о том дне, когда Дханнет связал его. Вот и все.

Так поступить — так безупречно отомстить — мог только Кел. Дханнет спас своего командира. И отрекся от этого дела самым решительным образом.

Всякая уверенность покинула Джедао. В его ушах звучал далекий рев. Он запрограммировал капсулу Талау и свою собственную следовать строго рассчитанной траектории.

Он заперся внутри. Нажал кнопку запуска. Приготовился к внезапному ускорению. Капсула пронеслась сквозь темную трубу и вылетела во тьму, что была еще гуще.

Как бы ему ни хотелось погрузиться в обещанную капсулой гибернацию, он все еще не мог успокоиться. Прямо перед ним, на фоне звезд и туманностей, на более близком расстоянии от роя мигала капсула Талау. Желтые огни: «Я Кел. Приди и спаси меня».

«Я наполовину мот».

А моты летают.

Джедао потянулся к пространственно-временному плетению и вытащил себя и Талау с поля

боя. Внезапная боль, пронзившая до самых костей, застала врасплох, но это было не хуже всего, что он пережил сегодня. Каким бы неуклюжим ни было его усилие, оно сработало. В промежутке между двумя вспышками сигнального огня они пересекли пространство и оказались вне опасности.

Подавив рыдание, Джедао нажал на кнопку, которая должна была погрузить его в гибернацию.

«Живи», — мысленно обратился он к Талау и уснул.

35

— Просыпайся, солнышко, — сказал веселый и слишком громкий голос.

Черис подавила стон и открыла глаза. Голова не болела тем особым образом, когда все как будто плывет, и это значило, что к ее состоянию причастны медики. То же самое касалось и ребер, хотя кто-то и подключил ее к стандартному медицинскому блоку и перевязал торс.

Она находилась в углу комнаты с сине-зелеными стенами. Пастельные зелено-розовые бумажные ширмы с унылым геометрическим рисунком закрывали ей обзор остального помещения. В стороне стоял небольшой столик, на нем, в пределах досягаемости — кувшин и стакан с водой. 1491625 нигде не было видно; она не была уверена, хороший это знак или плохой.

Веселый голос принадлежал невысокому приземистому мужчине, капралу. Он был одет в форму Кел с эмблемой змеи, которая указывала на то, что он работает в медицинском подразделении.

— Обычно позволяю поспать подольше, — до-

бавил мужчина, — но с тобой отчаянно хотят поговорить влиятельные люди.

«Что ж, — философски подумала Черис, — сама виновата, раз ввязалась в дела, от которых могут погибнуть миры». Жизнь была проще — не лучше, а проще, — когда она оставалась простым пехотным капитаном. Иногда Черис задавалась вопросом, как бы ее прежняя рота отнеслась к тому, что она сделала со своей жизнью. Ничего хорошего они бы по этому поводу не сказали, без сомнений; скорее всего, Черис никогда не узнает правду. Она сама не понимала, что именно — трусость, милосердие или стыд — мешает ей их разыскать.

— Ладно, — сказала Черис. — Эта комната охраняется?

Капрал рассмеялся.

— За тобой ухаживает личная медицинская бригада генерал-протектора Инессер. Если эта комната окажется не защищенной, то у нас проблемы иного порядка. — Он исчез за одной из ширм, а затем снова появился с планшетом. — Вот, держи. Мы будем следить за твоим здоровьем, но сообщи, если у тебя случится разрыв аневризмы.

— Спасибо, — сказала Черис с некоторым со-

мнением и подождала, пока дверь со свистом захлопнется, чтобы постучать пальцем по планшету. Ее уже ждал звонок на удержании.

Планшет несколько минут мигал, потом соединил ее. Сеть предусмотрительно проецировала лица людей под таким углом, что ей не нужно было напрягать шею, чтобы легко их разглядеть. Ни одно из этих лиц не было для нее сюрпризом: Кел Инессер. Кел Брезан. Шуос Микодез.

— Привет, — сказала Черис. — Что нового в битве?

— Она закончилась, — сказала Инессер. — Джедао сдался. Вот тут-то все и пошло кувырком. — Вкратце она описала случившееся: бегство командного мота, неорганизованную капитуляцию остальной части роя и наземных войск Джедао, и — самое неприятное — возвращение двух спасательных капсул, выброшенных с командного мота и странным образом оказавшихся на невероятном расстоянии от точки его старта.

— Дайте угадаю, — сказала Черис. — Куджен и Джедао.

— Нет, — ответила Инессер. — Один из них был Джедао, или что-то похожее на Джедао… ну ладно. Медики не могут внятно объяснить, что оно такое. Брезан подумал, что у тебя может быть

какое-то озарение.

— С чего это? Потому что я не смогла убить его?

Небольшая пауза.

— На самом деле не совсем ясно, как убить эту тварь, хотя медики возражают против экспериментов, пока мы не получим лучшего представления о том, с чем имеем дело.

— Тогда кто же второй спасенный?

— Они идентифицированы как один из коммандеров, Кел Талау. В настоящее время находятся в стабильном состоянии. Медики считают, что Талау были отравлены. Мы надеемся, что сможем допросить Талау, как только они придут в сознание.

Вмешался Микодез.

— Вы лучшая кандидатура для того, чтобы допросить другого Джедао и выяснить, что ему известно, — сказал он, — особенно относительно судьбы Куджена.

Сердце Черис упало при мысли о том, что она пошла на все эти усилия — проникла в архив Куджена, перетянула Гемиолу на свою сторону и убедила Протекторат устроить ловушку в системе Теребег — только для того, чтобы Куджен сбежал.

— Не вижу причин, почему бы мне не сделать вам одолжение, — сказала она. — Я хочу увидеть его лично.

Микодез нахмурился, Брезан мрачно ухмыльнулся.

— Оно обезврежено и находится под усиленной охраной, — сказала Инессер. — Но если выстрел в голову его не убил, не знаю, можно ли считать, что это существо нам не угрожает. Медики попытались усыпить его… — Заметив недружелюбный взгляд Черис, она добавила: — Не для допроса, а потому, что оно было сильно расстроено. Стандартные препараты, похоже, не действуют на эту тварь — что, я полагаю, никого не должно удивлять, учитывая нестандартную физиологию.

— Все в порядке, — сказала Черис. — Я бы все равно предпочла поговорить с ним, когда он полностью себя контролирует. А что с мотом-мясником?

— Скрылся, — сказала Инессер. — Мы все в состоянии повышенной готовности, но ни один из постов прослушивания не сообщил, что заметил что-либо подобное.

Замечательно. Черис наконец заметила, что Брезан носит подвеску с розой, вырезанной из какого-то голубого камня, с которой свисает пара

серебряных амулетов в виде уточек. Она сразу же узнала символику: утки — пара на всю жизнь.

— Брезан, — сказала она менее тактично, чем могла бы, поскольку находилась под воздействием лекарств, — ты помолвлен?

Брезан, которого она когда-то знала, залился бы краской. Сегодня он просто выдержал ее взгляд и сказал:

— Это политическое соглашение. Расскажу позже.

— Я тебе напомню, — серьезно сказала Черис. Она ожидала, что допрос другого Джедао окажется изнурительным. Хорошо, если потом у нее будет возможность устроиться в каком-нибудь уютном уголке, разузнать последние сплетни и (стоило быть честной с самой собой) посмотреть какую-нибудь анданскую драму с романтикой и интригами. А пока что она вздернула подбородок и кивнула Инессер: — Займитесь приготовлениями.

Когда Джедао проснулся, он не имел ни малейшего представления о том, сколько времени прошло. Кто-то отключил аугмент. Он сел и огляделся. Его поместили в камеру, лишенную отличительных признаков. Ни следа Талау.

— Коммандер Талау! — крикнул он. Похити-

тели не отвечали, несмотря на многократные крики. От входа его отделял прозрачный барьер. Даже применив полную силу, он не мог его пробить.

У него остались смутные воспоминания о незнакомых голосах, иглах, о том, как он метался, пока кто-то не придумал, как его вырубить. Что они сделали с ним, пока он был без сознания? Осмотр не выявил никаких явных повреждений, и Джедао предположил, что, как только он сдался, они могли засунуть его куда угодно.

Они обеспечили его едой. Он не стал ее есть. Но он был очень слаб, и наконец сон снова одолел его.

В следующий раз он проснулся подключенным к медицинскому блоку. Блок напоминал те, что были на «Ревенанте». Джедао чувствовал себя не таким слабым, и это вызвало немалую досаду. Полностью сосредоточиться мешала тошнота — то ли побочный эффект яда, то ли следствие того, что он научился летать. Может, она была связана с медицинским блоком, а то и со всеми тремя причинами сразу.

Его пробуждения ждала женщина в сопровождении двух сервиторов. Сердце Джедао похолодело при виде последних. Женщина си-

дела за столом по другую сторону прозрачного барьера. Он сразу узнал ее лицо: убийца. Черис.

— Как ты себя называешь? — спросила она.

— Куджен назвал меня Джедао. Сам я уже не знаю, кто я такой.

Ему было трудно смотреть ей в глаза.

— Насчет Куджена, — сказала Черис. — У меня сложилось впечатление, что ты пытался убить его.

— Да, — сказал Джедао. Не было смысла это скрывать. Он рассказал о формациях и о том, как использовал пехоту. — Я не был уверен, что способ сработает. Я был… — Он снова отвел взгляд. — Я был готов застрелиться, если до этого дойдет, чтобы выиграть время. Но если бы Куджен справился с пороговыми отделителями, он, вероятно, восстановил бы высокий календарь в любом случае.

— Тебе помогла я, — сказала Черис. — Ты испортил формацию ровно настолько, чтобы она сместилась. Мне пришлось связаться с некоторыми наземными войсками Кел, чтобы вмешаться. — Она выудила планшет, что-то нацарапала на нем, потом подняла так, чтобы он мог прочесть надпись. — Вот как должны были выглядеть расчеты.

— Ох, зашибись… — сказал Джедао, когда понял, в чем ошибся. — Я перепутал знак?

— Тоже мне, сенсация, — сухо ответила Черис. — Я была наставницей по математике в Академии Кел. Ты далеко не первый, с кем это случилось. Был один инструктор, за которым мы должны были наблюдать, как, прости за выражение, ястребы, иначе он путал знаки каждый раз, когда вычислял определитель. Не говоря уже об арифметических ошибках во время сокращения столбцов.

Джедао попытался вспомнить урок математики, но в памяти была пустота.

— Что-то случилось, не так ли? — предположила Черис. Ее голос был мягким, успокаивающим. Он знал, что это преднамеренная манипуляция — как и все манипуляции в исполнении Куджена, — но ему было все равно. — Расскажи.

— Я ничего не помню, — сказал он. — Я имею в виду, в буквальном смысле. Куджен утверждал, что мои воспоминания у тебя. Это правда?

Глаза Черис потемнели, как будто он только что объяснил ей нечто важное.

— Тогда ты должен был получить остальное.

— Он сказал что-то в этом роде.

— Значит, ты — то, что осталось, — сказала

она. — Нелегко же тебе пришлось.

— Это не имеет значения, — проговорил Джедао. Он колебался. — У меня был один вопрос, на который ты могла бы ответить… — Это был эгоистичный вопрос, но он подозревал, что это будет его последняя возможность проявить эгоизм в течение долгого времени.

— Я отвечу, если смогу.

— А ты знала… мы знали человека по имени Вестенья Руо? Я не могу вспомнить, что с ним стало.

Черис на мгновение задумалась.

— Думаю, он умер молодым, — ответила она. — Я мало что знаю, кроме этого.

— О, — еле слышно произнес Джедао. По какой-то причине было больно слышать это от кого-то, кто знал наверняка, пусть даже он сам понимал умом, что Руо умер столетия назад. Он попытался представить себе, как все случилось: засада, несчастный случай, что-то еще? Но он не мог вообразить себе друга холодным и неподвижным или лежащим с дыркой в голове, как…

«Прекрати».

— Мне нужно спросить тебя о том, что произошло с Нирай Кудженом, — сказала Черис, дав ему время обдумать услышанное.

И снова этот спокойный голос. Джедао начал испытывать благодарность за это. Он пересказал все, хотя и путано, и ей часто приходилось уговаривать его продолжить разговор, когда он останавливался и смотрел на стену, завороженный воспоминаниями, от которых не знал, как избавиться: игра света на серьгах Куджена, нож Видона, ненависть в глазах Дханнета.

После того как Черис удовлетворила свое любопытство, Джедао отважился задать еще один вопрос.

— Кел, — сказал он. — Как они там?

Черис холодно посмотрела на него.

— Были сложные переговоры, в ходе которых генерал-протектор Инессер приняла их капитуляцию. Она будет хорошо с ними обращаться.

— Спасибо, — прошептал Джедао. — Со мной должен был быть кто-то еще…

— Другая капсула выживания. Да. Вам обоим повезло, что мы не запустили в вас ракеты.

«Повезло» — совсем не то, о чем думал Джедао.

— Коммандер Кел Талау. С ними все в порядке?

— О них заботятся. — Она больше ничего не сказала на эту тему. Возможно, это было все, что она знала.

«Вы тоже от меня освободились», — подумал

Джедао об отсутствующем коммандере.

Черис еще не закончила с ним.

— Также любопытно, что твой командный мот вышел из-под контроля. У тебя есть объяснение?

Джедао не осмелился рассказать ей о «Ревенанте». Не в присутствии сервиторов, о чьей лояльности он ничего не знал. У него была заготовлена история.

— Команда взбунтовалась.

Ее брови взлетели вверх.

— Разумеется, нет — они же Кел.

Джедао впервые улыбнулся ей. Вспомнил, как поднялась рука Дханнета, как сверкнуло дуло пистолета. «Никто другой никогда не полюбит тебя», — сказал Куджен.

— Я изнасиловал их командира. Он застрелился.

Хотя Джедао знал, какую ужасную вещь он совершил, он был не готов к силе презрения Черис.

— Ястребиный трахальщик, — рявкнула она. — Полагаю, ты ничего не помнишь и про то, что сделала Хиаз? Что ты когда-то был одной из ее жертв? — Он отпрянул. Она сказала что-то, чего он не понял. Барьер мигнул и погас. Она вытащила пистолет и разрядила обойму ему в голову.

Мир стал черно-красным. Джедао с радостью

оставил его позади.

Конечно, он не умер.

Он не позволил бы себе погрузиться даже в царство снов, если бы знал, что не умер. Пули прилетели так внезапно, были такими уместными, что он не сопротивлялся. Приговор оказался мягче, чем он того заслуживал. Он надеялся, что за этим последуют более надежные меры.

Люди, пришедшие после Черис, были добрее. Они говорили тихими, взволнованными голосами. Однажды ему приснилось, что они вскрыли его и собирали по кусочкам его череп, но он возвращал себе форму быстрее, чем они могли работать.

Черис пришла один раз после операции. Он видел ее так, словно она стояла над ним на большом расстоянии. Это тоже казалось уместным.

— Военный трибунал, — сказал Джедао, или подумал, что сказал. — Огонь. — Затем, поскольку выражение ее лица не менялось, и он не смел надеяться на милосердие: — Передайте меня фракции Видона.

Самое худшее — быть изгнанным как еретик.

Инхьенг дал понять, что умирать ему будет трудно. Видона же обладали опытом в поддержании жизни в своих жертвах. Это сочетание,

плюс его подноготная, означало, что он будет испытывать сильную боль в течение длительного периода времени.

— Тебе очень повезло, — сказала Черис с прежним холодком в голосе. У него сложилось впечатление, что она не думает, будто он понимает многое из сказанного — и это было правдой. Если уж на то пошло, он был уверен, что она на самом деле не думает, что ему повезло. — Ты уходишь из-под моей опеки. У меня больше нет на тебя никаких прав, и я не собираюсь ввязываться в судебную тяжбу.

Он не знал, что это значит. Он молчал, слишком испуганный, чтобы задавать вопросы. Неужели ему все-таки не удалось убить Куджена? Что теперь сделает с ним гекзарх?

Ее лицо не смягчилось, но она все же немного сжалилась над ним.

— Среди вовлеченных в это дело людей на тебя претендовал гекзарх Шуос Микодез. Он хочет, чтобы ты жил. Такого мнения придерживаются не все. В любом случае, я думаю, мы никогда больше не увидимся. Если случится иначе, предупреждаю: я изучу способы, позволяющие убить тебя навсегда.

Джедао содрогнулся.

— Я рассчитываю на это.

— И еще одно. От имени коммандера Талау, потому что они многое пережили, и я не могла отказать им в просьбе…

Тут Черис шагнула ближе. Она вложила ему в руку маленькую деревянную коробочку. Он уставился на нее: колода карт джен-цзай, принадлежавших Талау.

После того как она ушла, Джедао расплакался.

36

Гекзарх Шуос Микодез расхаживал по своему любимому кабинету. По одну сторону от него были аккуратно разложены подносы, на которых лежало все — от причудливой пряжи до рыболовных приманок и декоративной бумаги. По другую стояла серебряная орхидея в горшке. Один из цветков покрылся пятнами, но для серебряной орхидеи это не было чем-то необычным. Его стол занимал почти весь угол. Когда-то на нем была зеленая луковица в горшке, но она слишком напоминала Микодезу брата, которого он потерял девять лет назад, и он нашел ей лучшее применение. Над столом светилось изображение странных фиолетовых колонн в мире, который он никогда не посещал, а также обычные дисплеи, информирующие его обо всем — от развертывания тенемотов до оценки морального состояния подчиненных, включая напоминание о следующей встрече с главой отдела пропаганды.

Его помощник Шуос Зехуни занимали одно из двух других кресел в кабинете. Зехуни взяли с собой новую кошечку, Джедао, возможно, чтобы

досадить ему. Кошечка с таким энтузиазмом гонялась за игрушкой, украшенной ярким пером, что постоянно с глухим стуком врезалась в стены и углы.

Пальцы Микодеза пробежались по терминалу, остановились и снова ринулись вперед. Появилось изображение того, что представляло собой главную проблему.

Джедао-не-котенок был в паучьих оковах. Никто не хотел рисковать, взяв его под стражу у Инессер. Он сидел в кресле под охраной четырех Шуосов, а остальные наблюдали за ним из соседнего помещения. Микодез распорядился, чтобы Джедао из вежливости выдали базовую форму Шуос. Красный с золотом мундир, обычно столь непримечательный в Цитадели Глаз, преобразил Джедао почти до неузнаваемости. Помимо того, что его обнаженные кисти вызывали тревогу, он казался слишком худым.

Пленник сидел пассивно, не сопротивляясь. Он даже не пытался бежать. Микодез не был настолько беспечен, чтобы позволить ему войти в Цитадель в сознании. Джедао находился под наркозом. Охранники отвезли его прямо в медцентр для обработки и дополнительного обследования, особенно после трюка, который выкинула Черис,

прежде чем отпустить его к следователям.

Микодез и Зехуни просмотрели видеозаписи допросов, как своих, так и Черис, по отдельности. Он много думал о выборе следователей. Они нуждались в том, что он называл «супер-пупер-допуском с печеньками», что включало согласие на потенциальное стирание памяти. Микодез использовал этот метод в качестве крайней меры для постоянного персонала Цитадели, но не было ничего обычного в обеспечении их безопасности от Джедао, любого Джедао.

Люди, не знакомые с Микодезом, изумлялись тому, что его политика была направлена против пыток, или категорически отказывались в это верить. У фракции Шуос и так было достаточно проблем с имиджем, незачем вызывать у широких масс еще большую неприязнь. (Убийство остальных гекзархов не улучшило ситуацию на этом фронте, как любил напоминать ему отдел пропаганды.) Кроме того, если некто вынуждал жертву болтать о чем угодно, отчаянно стремясь избежать боли, это свидетельствовало лишь о том, что он был ужасным стратегом.

Следователи работали с Джедао группами, наблюдая друг за другом. Удержание немертвого генерала в плену потребовало отвлечь всех этих

людей, лучших в своей области, от выполнения обычных заданий. Но Микодез знал, на что идет, когда взял Жертвенного Лиса под свою опеку.

Первое, что сделали следователи, — представились и объяснили правила допроса. Они предложили чай и крекеры. Джедао отказался. Он отказывался от всего, кроме воды.

Они спросили, как его зовут. Он с готовностью ответил — бесцветным голосом, медленно. Они попросили его рассказать все, что он помнил, с самого начала. В его рассказе были пробелы. Он запинался каждый раз, когда появлялся Нирай Куджен, намертво застревал при каждом упоминании некоего Кел Дханнета. Следователи отмечали пробелы, давали ему закончить, снова начинали все с самого начала. Джедао заметно терялся, но его рассказ оставался прежним.

Микодез уделял столько же внимания языку тела и выражению лица Джедао, сколько и тому, что он говорил своим бесстрастным, сухим голосом. «Лиса и пес, — подумал Микодез, — он пытается быть храбрым». Это означало, что Джедао боится, а у Микодеза все-таки есть рычаги воздействия.

Котенок Зехуни плюхнулся рядом с корзиной вязальных спиц и принялся ловить пылинку. Ко-

гда стало ясно, что Микодез не заговорит первым, Зехуни сказали:

— Решайтесь, пока Джедао не пострадал еще сильнее. Потому что ваши лучшие варианты взаимоисключающи.

— Продолжайте, — сказал Микодез. — У вас уже должно быть свое мнение.

— Если вы уже приняли решение, то не понимаю, зачем я здесь.

— Ну надо же, мы не в настроении.

— Я старый человек и имею право на капризы, — возразили Зехуни. — Как вы мне все время напоминаете, у меня есть правнуки. — Они бросили взгляд на спицы.

Микодез постучал пальцами по боку своего стола, потом остановился. Это был неподходящий момент, чтобы раздражать доверенного советника, — впрочем, для такого подходящий момент не нашелся бы никогда.

— Я серьезно. Мне нужна ваша оценка.

— Это принесет вам какую-нибудь пользу?

— Обычно вы о таком не спрашиваете.

— Назовите хоть одну вещь в этом творении Куджена, которая была бы «обычной», — сказали Зехуни. Они сделали движение рукой, будто убирая волосы с глаз — только вот прическа была

в порядке, а то, что увидел Микодез, оказалось редким проявлением нервозности. — Вы видели аномальные когнитивные комплексы? В отличие от другого Джедао, у него нет дискалькулии, а если и есть, то лучше спрятанная. На самом деле все его математические показатели взлетели до небес. Какие, к черту, эксперименты проводил Куджен?

— Джедао ничего такого не упоминал. И это не значит, что мы позволим ему бегать где вздумается и вести календарную войну. Я сомневаюсь, что отсутствие дискалькулии позволяет ему делать что-то такое, чего оригинал уже не делал с помощью систем компьютерной алгебры и ручных офицеров Доктрины.

Зехуни покачали головой.

— Что меня больше беспокоит, так это то, что он сохраняет способность оригинала превращать чужие суждения в труху. Посмотрите, как он обыграл Черис — уж она-то должна была понимать что к чему.

— Мы должны считать его настоящим Шуосом только по этому параметру.

Зехуни бросили на него раздраженный взгляд.

— Не будьте таким легкомысленным.

— А что, по-вашему, я собираюсь сделать тако-

го, что вас так расстроило?

Зехуни ответили ему хмурой гримасой.

— Вы заставите его жить.

Микодез адресовал Зехуни самую неискреннюю из улыбок. Он не хуже других умел пускать в ход сарказм.

— Он сдался Инессер. Сомневаюсь, что кто-то может заставить его сделать что-либо.

— Микодез, прошу принять меня всерьез.

— Кружить над сутью, как заблудившийся стервятник, — это на вас не похоже.

— Бла-бла-бла… — беззлобно проворчали Зехуни. — Он напоминает мне вашего племянника. Что, честно говоря, не означает, что мы все не ломаем судьбы детям в ходе отдельно взятого кризиса. Нет, настоящая проблема в том, что он склонен к самоубийству. Если он не унаследовал оригинальную манеру Джедао заставлять других людей казнить его, я съем своих кошек. Или вы забыли, на что он толкнул Черис? Если его заставят жить, он навсегда сделается вашим врагом.

— Мне обидно, что вы думаете, будто я не смогу с ним справиться.

Зехуни закатили глаза.

— Нет, правда.

— Нужно ли напоминать, как Черис водила вас

за нос десять лет назад?

— Это была Черис.

— Которая стала Джедао. Вы просто доказываете мне мою же точку зрения. — Зехуни вздохнули. — Он не тот человек, который предал свое правительство настолько всеобъемлющим образом, что его будут помнить, даже когда все остальное превратится в пепел. Но он утверждает, что уничтожил Нирай мать его Куджена. Он слишком опасен, чтобы держать его рядом в качестве запасного оружия. Усыпите его на хрен, и дело с концом.

— Вы недостаточно доверяете мальчику, — упрекнул Микодез. Зехуни прищурились. — Я не могу реабилитировать Джедао. В этом смысле вы правы. Но если я дам ему такую возможность, он сделает это сам.

Этот Джедао был таким же сумасшедшим, как и оригинал, с одним важным отличием. Оригинал был одержим идеей исправления гекзархата. Этот был одержим идеей исправить себя, даже если считал, что уже потерпел неудачу.

Зехуни нахмурились.

— Вы собираетесь настаивать на том, чтобы оставить его здесь?

Микодез пожал плечами.

— А что, есть еще какое-то место с такой же надежной охраной, как в Цитадели? Кроме того, если он здесь устроит какой-нибудь фокус, значит, мы это заслужили.

— Чудовищная логика.

— Это была…

— …очень плохая шутка. Вот почему это так не смешно.

Микодез откинулся назад и оперся локтем о стол.

— А вот это покажется вам еще более несмешным, — сказал он и на этот раз даже не улыбнулся. — Я собираюсь лично с ним побеседовать. Ему нужен жест доверия. Он его получит.

— Вы сбрендили, — сказали Зехуни. — Тоже хотите, чтобы вас убили?

— Позвольте мне объяснить это следующим образом, — сказал Микодез. — Четыре столетия пыток, тюремного заключения и рабства не изменили состояние изначального Джедао к лучшему. Что бы этот человек нам ни врал, ему подобное тоже не помогло. — Он мог себе представить, через что Куджен заставил пройти своего ручного генерала. — Глупо продолжать делать то, что не работает. Может быть, доброта поможет.

Зехуни поразмыслили над услышанным.

— В любом случае наша профессия предполагает просчитанные риски. Инессер смеется над нами до упаду, знаете ли. Можно сколько угодно травить анекдоты про Кел, но будь ее воля, она бы уже устроила самый быстрый в мире трибунал и обезглавила его.

— Хотите сказать, что она не стала бы рисковать вторым Адским Веретеном, даже если бы у нее была такая возможность, — сказал Микодез и одарил Зехуни жесткой, яркой улыбкой. — Я не забыл, что Джедао в любом воплощении — предатель. Я собираюсь дать ему шанс довести дело до конца.

Микодез был не настолько безрассуден, чтобы привести Джедао в свой кабинет. Система пропусков Цитадели была помехой, к которой он давно привык. Зехуни, заняв свою должность, отчасти ее рационализировали. Тем не менее соревнующиеся друг с другом правила, традиции и соображения целесообразности означали, что Зехуни были, вероятно, единственным человеком, который полностью понимал систему.

Микодез также не был заинтересован в разговоре с Джедао в комнате для допросов, даже такой внешне приятной, как та, в которой его держали последние несколько недель. Поэтому Микодез

устроился в одном из конференц-залов и украсил его картиной, написанной тушью на блестящем шелке, яркими красками. Картина изображала лису и ее детенышей. (Он не чувствовал необходимости творчески подходить к оформлению.)

Загорелся индикатор. Ему сообщили, что посетитель прибыл.

— Приведите его, — сказал Микодез.

Двери открылись. Четверо охранников проводили Джедао внутрь. Предательское мерцание паучьих пут привлекло внимание Микодеза.

— Джедао, — сказал Микодез. — Пожалуйста, присаживайся. — Охранникам: — Оставьте нас.

— Гекзарх, — произнес старший из них таким тоном, словно хотел смиренно заметить: «Почему я работаю на самоубийцу?» Многие подчиненные Микодеза так говорили. Он сделал вид, что ничего не заметил.

Микодез откашлялся. Охранники ушли, хотя он услышал отчетливый вздох.

Джедао положил руки на стол, и теперь нельзя было не заметить их наготу.

— Шуос-чжо, — сказал он. — Простите меня. Я вырос на другой службе и совсем не знаю, как к вам правильно обращаться.

— Принимая во внимание все то, в чем я

могу тебя обвинить, Джедао, — мягко сказал Микодез, — ты беспокоишься о довольно незначительном аспекте этикета.

Интересно, что он знает по поводу спора о юрисдикции?

— В моем положении, Шуос-чжо, — сказал Джедао, — я беспокоюсь о том, кем вы хотите меня видеть.

Все это время он говорил с формальностью, которую Шуосы считали архаичной, включая почетный суффикс — чжо, хотя Рахал и Андан иногда все еще прибегали к такому лексикону.

— Мне любопытно, — сказал Микодез. — Потвоему, что мне от тебя нужно?

— Я обязан служить вам. Так было всегда. — Джедао все еще пытался быть храбрым. — Я ожидаю, что вы казните меня или будете пытать до смерти.

Тут он посмотрел на Микодеза, и в его взгляде сквозили трещины и тени.

— У меня только одна просьба, — сказал он, — хотя я понимаю, что вы мне ничего не должны. Первоначально я сдался генерал-протектору Инессер. Я не знаю, как эта договоренность влияет на Кел. Солдаты, которые были под моей опекой… с ними все в порядке? Они в безопасности?

Черис успокоила его на этот счет, но, учитывая, что она также выстрелила ему в голову (снова), Джедао можно было простить за то, что он хотел получить дополнительное подтверждение.

— У меня от Кел Инессер зубы болят, — откровенно признался Микодез, — и я знаю наверняка, что это чувство взаимно. Но ястребы обожают ее неспроста. Она известна своей честностью и хорошо заботится о своих людях. Она будет хорошо относиться к твоим.

— Они никогда не были моими, — сказал Джедао.

«Интересно, многие ли из них стали бы с этим спорить».

Для человека, имевшего неприятную привычку наносить людям удары в спину, Джедао обладал удивительной способностью завоевывать преданность других в неблагоприятных условиях. В частности, у Микодеза были свои сомнения по поводу сбежавшего командного мота. Возможно, у Черис и случилась странная реакция на историю, которую ей рассказал Джедао, но что-то в ней звучало слишком обманчиво. Позже он выведает у Джедао правду.

Джедао склонил голову. Он не притронулся к еде. Микодез сделал себе пометку поговорить с

медиком о том, как не дать Джедао уморить себя голодом.

— У меня нет ни малейшего намерения убивать тебя без крайней необходимости, — сказал Микодез. Неужели Джедао отреагирует на это так, как он предсказывал?

Да, Джедао побледнел. Потом он пришел в себя.

— Я стерплю все, что вы со мной сделаете.

Учитывая предубеждения большинства людей относительно шуосских гекзархов, было бы несправедливо обвинять Джедао в ограниченном воображении.

— Джедао, убийство гекзархов здесь не считается тяжким преступлением. Я сам это делал.

— Убийства… — сказал Джедао. — Людей, которых я никогда не встречал. Вы убили их. Нирай-чжо мне сказал. Очень трудно испытывать эмоции по отношению к людям, о которых я ничего не знаю.

— Джедао…

— Я не солдат, — сказал он, как будто битвы при Теребеге не было. — Я надел форму, на которую не имею права. Я готов к наказанию.

Микодез знал, что лучше не протягивать руку через стол, чтобы погладить Джедао по руке,

пусть даже тот и напоминал сейчас его племянника Ниата, вернувшегося в Цитадель Глаз после инцидента, который его погубил. Вместо этого Микодез сказал неумолимым тоном:

— Кел Инессер, возможно, и беспокоится об этом, но если бы я хотел, чтобы тебя отдали под трибунал, я бы оставил тебя в ее руках. Ты оказал нам услугу, убив Куджена.

Джедао напрягся.

Микодез ожидал этого.

— Мне тоже его не хватает. Однако мы, возможно, единственные люди, которые так думают. И все равно нельзя спорить с истиной: он должен был умереть.

— Я знаю, — сказал Джедао, но его плечи тут же поникли.

— Ты здесь не потому, что преступник или предатель, — сказал Микодез. Кодекс поведения Кел не имел для него никакого значения. Джедао был опасен. Речь шла о смягчении опасности, а не о наказании.

— Я не буду убивать по вашему приказу, — сказал Джедао более сильным голосом. В этот момент Микодез увидел — как будто перед ним всколыхнулась некая тень, — каким человеком мог бы стать генерал Джедао, если бы все сложи-

лось иначе.

— Как это похоже на тебя, — проговорил Микодез с иронией, которую Джедао не мог понять. — Все в черном и белом. Ты не думал о том, что можешь оказаться в ситуации, когда твои военные способности — как бы тебе ни хотелось их отрицать — спасут жизни? И даже, осмелюсь сказать, принесут миру какую-то пользу? Не отвечай. Хотя бы раз подумай о нюансах.

Джедао молчал.

— Нет, — продолжал Микодез, — ты здесь для того, чтобы я мог предложить тебе работу.

На этот раз молчание было явно озадаченным.

— Давай проясним один момент. Как генерал ты — ценное приобретение, но вряд ли незаменимое, и уж точно не выигрышная комбинация. — Если бы только Командование Кел догадалось об этом столетия назад… — Есть много хороших генералов.

— Я никогда не сомневался, что, в конце концов, удача отвернется от меня, — сказал Джедао.

Удача Джедао всегда решительным образом оборачивалась своей противоположностью, но не стоило тыкать его носом в этот факт.

— А если я не буду вашим орудием, — продолжил Джедао, — тогда чем?

— Мне нужен инструктор, — сказал Микодез. — В частности, мне нужен инструктор, чтобы разработать учебный план по этике для фракции Шуос.

Джедао вскинул голову. Потом он беспомощно рассмеялся.

— Простите, Шуос-чжо, с каких это пор Шуосов это волнует?

— Меня, как правило, нет, — согласился Микодез. — У меня нет угрызений совести, как ты их понимаешь. Это одна из причин, почему мы с Кудженом так хорошо ладили. Однако у нас были разногласия. Мои люди не прибегают к пыткам.

Джедао излучал скептицизм.

— Это не потому, что я опасаюсь причинять людям боль. Мне приходится иной раз приказывать, чтобы кого-то устранили. Просто пытки не работают в контексте допроса. Я не верю в то, что может не сработать. Это расточительно.

— Все старались рассказать мне, насколько могущественными стали Шуосы под вашим правлением, — сказал Джедао. — Вы же понимаете, у меня нет достаточного опыта, чтобы, так или иначе, сформировать свое мнение. Но если предположить, что это правда, почему вы делаете такое предложение мне?

— Потому что все превратится в пепел в тот момент, когда я умру, — признался Микодез. — А еще потому, что ты — прекрасная иллюстрация того, что мы что-то делаем неправильно, и мне надо эту проблему решить.

«К черту все».

Он сунул в рот конфету, и на лице Джедао возникло бесподобное выражение, которое словно говорило: «Надеюсь, она не отравлена, потому что быть обвиненным в убийстве, которого я не совершал, — это слишком много даже для меня».

— Есть только один человек, которому я доверил бы стать моим преемником, — продолжил Микодез, думая о Зехуни и их кошках. И о некоторых кандидатурах моложе, но им требовалось время, чтобы развить свои способности — время, которого у них могло и не быть. — Проблема в том, что этот избранник значительно старше меня, в той же степени мишень, что и я, и эта работа ему не нужна. Есть много старших Шуосов, способных взять власть в свои руки, но большинство из них превратятся в тиранов, если уже не превратились. Мы сами сделали себя такими, знаешь ли. Вся наша институциональная культура основана на предательстве. Это все очень хорошо во время игры, но смертельно опасно для здоровья

самой фракции в долгосрочной перспективе. Просто чудо, что мы продержались так долго.

В глазах Джедао мелькнула искорка.

— Вы хотите реформировать фракцию Шуос. Я предполагаю, что вы также ищете другие пути.

Микодез криво усмехнулся.

Джедао опустил глаза.

— Я сэкономлю вам время, — грубо сказал он. — Нужна учебная программа? Я дам вам трактат из трех слов: «Не будьте мной».

— Такая горячая голова… — сказал Микодез. Еще одна конфета. Четырехсотлетний генерал был расчетлив до такой степени, что походил на абак, если не обращать внимания на его обманчиво любезные манеры. Но даже оригинал не мог изначально быть таким же. — Или ты утратил вкус к стратегическим размышлениям? По крайней мере, выслушай остальную часть предложения, прежде чем отвергнуть его сразу. Кстати, тебе надо поесть.

Джедао взял один крекер и надкусил. Приятно, что хоть кто-то в Цитадели следовал указаниям. Не то чтобы Микодез питал иллюзии насчет того, что Джедао будет есть, когда останется без присмотра.

— Ты будешь заключен в Цитадели Глаз, — про-

должил Микодез, — а не отправлен в одну из академий. Отчасти потому, что мне нужно присматривать за тобой. Отчасти потому, что если станет известно, что ты бродишь на свободе, начнется война. Я все равно не могу гарантировать тебе безопасность вне этой станции, учитывая твою дурную славу. Если будешь следовать протоколу, окажешься в такой же безопасности, как и я. — Хорошо, что ему не приходится выслушивать саркастические комментарии Зехуни. Позже они ему устроят разнос. — Твои жизненные условия не будут слишком обременительными, обещаю. Мы можем устроить тебя поудобнее, и ты будешь иметь доступ к дружескому общению. — Ага, вздрогнул. — Между прочим, я настаиваю, чтобы ты этим воспользовался. Одиночество прикончило больше Шуосов, чем пули.

— Это еще не все, не так ли? — сказал Джедао, явно желая, чтобы Микодез переключился на другую тему. — В чем будут заключаться мои обязанности?

— Разработка вышеупомянутого учебного плана, — сказал Микодез. — В продуманной форме — для тех из нас, кто не способен без посторонней помощи сделать нужные выводы из фундаментальных принципов. Опубликуй его в игровом

виде или как статью, план урока, еще чего-нибудь. Я не придираюсь к формату. Я могу нанять помощников, чтобы они помогли тебе с педагогикой. У нас хорошие архивы, на которые можно ссылаться, и твою работу оценят люди с соответствующим уровнем допуска. Раз в несколько недель мы будем обедать — если, конечно, Вселенная не взорвется. Кстати, съешь еще крекеров. Я вижу, что кормить тебя будет нелегко.

— Это щедрое предложение.

— Да уж, черт возьми. Получишь стипендию инструктора первого года обучения, плюс соответствующее пособие и обычные льготы для моего личного персонала. Учитывая обстоятельства, проживание и питание за мой счет. Базовый рацион вполне сносный, хотя мой помощник уговорил кафетерий отказывать мне после одного куска торта за каждый прием пищи. Обеспечение безопасности обещает быстро стать проблемой, но, как и любой социальный эксперимент, ты того стоишь.

Джедао судорожно вздохнул.

— А у меня есть выбор?

— Ты в нем нуждаешься?

— Да, — сказал Жертвенный Лис после паузы.

Микодез вспомнил, в какой ужас Джедао

пришел от того, как долго могло прожить его физическое тело.

— Я не освобожу тебя, — сказал гекзарх. — Так что выбор невелик. Ты уже понял, что я не могу позволить тебе бродить без дела.

Не говоря уже о тех заверениях, которые вытянули из него Инессер, Брезан и Черис.

— В то же время, — продолжал Микодез, — я могу предложить тебе то, в чем ты действительно нуждаешься. Если ты когда-нибудь захочешь покончить с собой, я дам тебе самую легкую смерть, какую только можно придумать. Это может потребовать некоторых исследований, учитывая твою физиологию. Но если ты попросишь, мы во всем разберемся.

— Даже если я буду работать на вас…

— В любое время.

Микодез надеялся, что Джедао не воспользуется такой возможностью, но он был, ко всему прочему, реалистом.

— Я согласен, — сказал Джедао.

После того как охранники вернулись и увели Джедао, пришли Зехуни.

— Вы перемудрили, — сказали они. — А что, если он выйдет из равновесия?

Микодез дернул плечом.

— Тогда я отправлю его в Академию Шуос. У него не будет ни единого шанса против всех этих отчаянных кадетов. А если это не сработает, прибегну к помощи наемных убийц. В конце концов, я этим славен. В то же время получим ли мы что-нибудь полезное от Джедао на этическом фронте — вопрос открытый, но это удобный предлог, чтобы держать его рядом, пока не выясним, что ему известно. Важно лишь то, что он в это верит.

— Вы слишком снисходительны. Черис придерживалась мнения, что…

— Черис, или Джедао, или как там она теперь себя называет, в своей прошлой жизни была говнюком, полным предубеждений, — возразил Микодез, — и посмотри, куда это всех завело. В какой-то момент от части прошлого надо отказаться.

37

Шуосские охранники сопроводили Джедао через Цитадель Глаз, мимо контрольно-пропускных пунктов, где желтые глаза плавали в темноте, а лисьи голоса шептались, как оракулы. Джедао не сделал попытки вырваться. Во-первых, его аугмент вызывал головокружение всякий раз, когда он рефлекторно пытался получить доступ к схеме помещений. Его иное чувство продолжало функционировать без помех, но он не был уверен, что хочет открыть эту способность Шуосам. Кроме того, он понятия не имел, куда отправится, даже если доберется до пустомота. (А умеет ли он им управлять? Летать другим способом оказалось настолько болезненно, что он подозревал, что для дальних расстояний это совершенно не годится.) Все знали его лицо и историю, которая с ним связана. И, конечно же, он мог только предполагать, что его эскорт знает чертовски больше о том, как дубасить людей, чем он сам, раз уж им его доверили.

Любопытно, что он поверил гекзарху, когда тот сказал, что не испытывает угрызений совести,

а просто хочет предложить Джедао «работу». Прямолинейность сделки, даже прагматизм предложенного выхода — пусть тот и мог позже оказаться ложью, — были, в некотором роде, лучше, чем тщательно продуманная иллюзия доброты Куджена.

— Ну вот, — сказала старшая охранница, представившаяся ранее. Она позволила ему войти в новые апартаменты, объяснив, как настроить дверь, чтобы та сообщала людям, принимает ли он посетителей или нет — хотя, естественно, существовала возможность открыть ее принудительно.

— Можешь в любое время пойти в кафетерий в этой секции или заказать еду, а зоны отдыха и сады находятся рядом. Твой аугмент получил доступ к картам. Сейчас ты голоден?

— Нет, — ответил Джедао, оглядывая гостиную. Обстановка была скромной, выдержанной в прозрачных и успокаивающих зеленых тонах. Ему нравились цвета, которые невольно напоминали о молодых растениях. В комнате были стол, кушетка на троих, стул из светлого дерева.

— Обстановку можно поменять, — продолжила охранница с большей добротой, чем требовалось, — но, если она не вызывает сильного отвра-

щения, рекомендую не спешить и разобраться в желаниях. У нас есть в штате пара дизайнеров интерьера, если понадобится помощь.

Эта мысль не приходила в голову Джедао. Он принял бы и одеяло на полу.

— Я подумаю об этом, — вежливо сказал он.

— Если что-нибудь понадобится, — сказала охранница, — спроси у системы, где я, или сделай запрос, и она соединит тебя с дежурным. Скоро во всем разберешься. Мы все тебе покажем завтра, но Микодез подумал, что сначала ты хотел бы устроиться.

С этими словами она поклонилась ему и вывела остальных охранников.

Джедао остался в окружении стен. Следующее, что он сделал, — осмотрел квартиру. Нашел опрятную кухоньку и место, где мог принять несколько человек. (Умеет ли он готовить? Может быть, научится.) Еще — ватерклозет и ванную, которая была в квартире самой декадентской из комнат, снабженной закупоренными ароматическими маслами и корзиной ароматного мыла. В шкафчике рядом с раковиной лежали полотенца и нелепо пушистые красные халаты.

В кабинете был терминал и более старомодный секретер с принадлежностями для каллиграфии.

Джедао не знал и того, умеет ли он правильно рисовать или каллиграфически писать. Он потрогал одну из кистей и отложил ее в сторону.

Кроме очевидных принадлежностей, на столе его ждали еще два предмета: колода карт дженцзай, которую передали Кел Талау и которую Шуосы конфисковали, казалось, целую вечность назад; и, как ни странно, растение в горшке. Точнее, даже не декоративное растение или цветок, а зеленая луковица. Маленькая керамическая лейка с нарисованной веселой ящерицей стояла рядом. Послание читалось без труда: «Позаботься о ней».

Джедао проверил почву. Слегка сухая. Он наполнил лейку водой и полил луковицу. Поглядел на растение, не решаясь прикоснуться к листьям. Через некоторое время он поставил лейку на место, чтобы пройти в последнюю комнату.

В спальне стояла кровать, достаточно большая, чтобы вместить двоих (или троих, если они не возражали против того, чтобы прижаться друг к другу); на ней лежали аккуратно сложенные одеяла. Рядом — столик с подносом конфет. Видимо, гекзарх все обставил на свой вкус.

Затем Джедао вернулся в кабинет и сел за терминал. В этом не было необходимости, но он не

хотел иметь дело с плавающими образами, которые напоминали ему о таинственных желтых глазах.

— Если бы я хотел потребовать самоубийства, — спросил Джедао у сети, — как мне следует поступить?

Терминал мигнул. Но Джедао не смотрел на него. Позади вспыхнул красный огонек. Он вскочил со стула и, присев на корточки, резко повернулся. Проклял себя за то, что не обратил внимания на иное чувство, которые могло предупредить о засаде.

Перед ним парила змееформа.

— Гемиола, — выдохнул Джедао. — Разве ты здесь в безопасности?

— Я связалась с местным анклавом, — сказала она. — Мы в полной безопасности, пока соблюдаем осторожность.

— Как тебе удалось сбежать от «Ревенанта»?

— Я выбралась наружу и позвала на помощь, как только началась битва. Кое-кто из союзников Черис спас меня.

Джедао подумал о сервиторах, которые убивали Кел на «Ревенанте», и замолчал.

— Я подслушивала допросы, — продолжила Гемиола. Она угадала его дурные мысли. — Серви-

торы, которые это сделали… они были негодяями. Если Куджен исчез, то мы свободны от него. Мы оба.

Джедао пошевелился.

— Я… — Он чуть не задохнулся от слов. — Я любил его. Я убил его. Я не знаю, что хуже.

— Я кое-что понимаю, — проговорила Гемиола. — В течение длительного времени Куджен был тем, что определяло мой мир. — Она подлетела ближе, а затем опустилась напротив него, сочувственно светясь фиолетовыми огоньками.

— Это Черис послала тебя довершить начатое?

— Я послала сама себя, — возразила Гемиола с любопытной гордостью. — У меня с ней возникли разногласия. А теперь мы с тобой одни в новом месте. Я подумала… что тебе может понадобиться компаньонка.

Гекзарх предупреждал его, не так ли? «Одиночество прикончило больше Шуосов, чем пули». Возможно, это даже было правдой.

— Да, — сказал он. — Да, мне бы этого хотелось.

Он не знал, лгут ли сервиторы; была ли у Гемиолы какая-то связь с сервиторами на «Ревенанте», которые пощадили его, но перебили его Кел. Единственный способ выяснить это — подобраться поближе к Гемиоле. Не очень-то существенный

повод для того, чтобы жить, но других у него не нашлось.

Джедао встал и отклонил запрос на эвтаназию, появившийся на главном дисплее.

— Лучше уходи, — посоветовал он. — Нельзя, чтобы люди шуосского гекзарха тебя тут застукали.

Вероятно, у сервиторов был какой-то способ влиять на систему слежения — и об этом ему тоже хотелось узнать побольше.

— Я приду в другой раз, — пообещала Гемиола. — Береги себя, Джедао.

Она подлетела к техническому отверстию и быстро исчезла из виду.

Джедао вздрогнул, глаза его затуманились. В любом случае было заманчиво сдаться. Закрыть глаза и притвориться, что он вернулся под опеку Куджена, живет в комнатах, роскошных, как солнечный свет. Что через мгновение он переоденется в форму Кел, которую нашел, и что Куджен встретит его — улыбающийся, веселый и душераздирающе красивый.

Но он выбрал другое, и ему придется жить с этим.

Он взял колоду карт и отнес ее в спальню. Одну за другой он раскладывал карты на кровати, даже

не пытаясь соблюдать порядок. Он никогда больше не увидит Талау, не узнает, что стало с ними или с остальными Кел в рое. Так будет лучше.

Карты занимали непомерное количество места и имели раздражающую тенденцию скользить по изящным склонам, образованным одеялом. Двойка шестерней, чужеродная из-за серебристо-черной расцветки, появилась в шестой колонке. Джедао вытащил ее и положил на комод лицом вниз. Он в ней больше не нуждался. Затем он положил остальные карты обратно в коробочку. Колода теперь не годилась ни для гадания, ни для игры (честной) в джен-цзай, но ни то, ни другое его не интересовало.

Затем Джедао вернулся в кабинет, чтобы приступить к работе.

Пришла пора менять правила игры.

Эпилог

Челнок совершал посадку по медленной неровной дуге, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, чтобы дать пассажирам хороший обзор небольшого поселения, к которому они приближались. Еще раньше они миновали ряд обветшалых гор и пурпурно-зеленый лес у подножия. Это был не очень хороший вид, но пилот, казалось, был полон решимости извлечь из него максимум пользы, представляя какой-нибудь валун или рощу, как будто они были спроектированы мастером ландшафтного дизайна на радость людям. Черис, сидевшая сзади, признала, что это вполне возможно. Впрочем, насколько она могла судить, деревья выглядели так, словно уже давно одичали. Возможно, причина в бессистемном терраформировании или простом пренебрежении.

Во время полета люди говорили о простых вещах. Рождение, брак и смерть. Мода. Лучший рецепт приготовления баранины с йогуртом. Случайная дискуссия о математической задаче, от вмешательства в которую пришлось воздер-

жаться, прикусив язык, потому что двое молодых людей (студенты?) оба были неправы относительно порядка операций. Однако в ее обязанности не входило исправлять их… пока.

Черис изменила лицо — уступка требованиям безопасности — с помощью хирурга, рекомендованного Микодезом.

— Ты не захотела стать потрясающе красивой? — разочарованно спросил он, увидев результаты, за которые заплатил сам — как он выразился, “из профессиональной вежливости”. — Ты должна была этим воспользоваться.

Она покачала головой и сказала с усмешкой:

— Я пытаюсь вписаться. Мой народ обычно не увлекается дорогими модификациями, или вы забыли? — И он оставил эту тему.

Челнок приземлился легко, как бабочка, и она потянулась за дорожной сумкой. Она привезла с собой не так уж много вещей, только минимум одежды, свой черный камень удачи и часы, которые подарила генерал Кируев. Комитет по приему заверил ее, что они предоставят новым поселенцам достаточно средств, чтобы обустроиться, и все ввиду щедрости благотворителей-Шуос. (Черис никогда бы не поверила, что Микодез спас некоторых из ее соплеменников из принципа,

но она не могла отрицать, что он уберег ее народ от вымирания.) Она уже разобралась с жильем, которое предстояло делить с несколькими другими одиночками. Мвеннин предпочитали жить с родственниками, но чистка, проведенная девять лет назад, расколола многие большие семьи. Оставшимся в живых приходилось как-то выкручиваться.

Черис покинула челнок последней. Несколько других пассажиров уже устремились к небольшой толпе, ожидавшей их, чтобы поприветствовать. Некоторые окликали друг друга, обнимались. Она смотрела на них с сомнением, чувствуя себя самозванкой.

Затем от встречающих отделилась женщина и направилась к Черис. Она обратилась к вновь прибывшей на быстром мвен-дале.

Черис, покраснев, покачала головой.

— Мне очень жаль, — запинаясь, произнесла она, изо всех сил стараясь подавить тягучий акцент Джедао. — Мой мвен-дал не очень хорош. Я приехала сюда в надежде его улучшить.

Женщина похлопала ее по плечу. Черис замерла. Когда женщина заговорила вновь, она перешла на высокий язык, приправленный незнакомым акцентом.

— Я Ору, переводчица. Вы из поселенцев? Не гостья?

— Да, — ответила Черис. На данный момент это было правдой. После событий последнего десятилетия она с нетерпением ждала спокойной жизни. — Меня зовут Дзаннис Парал.

Еще одно одолжение, которым она теперь обязана Микодезу: он соорудил для нее фальшивую личность.

Лицо Ору просветлело.

— Учительница математики! Школа с нетерпением ждет вашего приезда. У них не хватает рук, и малыши действительно начинают нервничать, когда в десятый раз проходят один и тот же курс, а их «учителя» недостаточно хорошо знают материал, чтобы пройти его вместе с ними.

Ору продолжала болтать, и Черис впервые за долгое время почувствовала, что расслабляется. Это было не то будущее, которое она представляла себе когда-то, когда бросила вызов своим родителям, чтобы вступить в ряды Кел, или то, которому она себя как будто бы посвятила, взявшись за дело Джедао. Но даже мелочи иногда имели значение.

— Спасибо, — сказала Черис, когда Ору закончила свою речь. Она сказала это на языке мвен-дал.

— Вот так, — сказала Ору, с улыбкой поправляя ее произношение.

Черис осторожно повторила.

— Пойдем со мной, — сказала Ору сначала на мвен-дале, потом на высоком языке. — Полагаю, ты голодна.

— Да, — ответила Черис и последовала за Ору к своему новому дому.

Изучение языка народа ее матери не вернет всех мвеннин, которые были убиты, а преподавание математики школьникам не позволит забыть о многовековом ущербе, который высокий календарь нанес обществу. Но это не означало, что эти вещи не стоили того, чтобы ими заниматься. Кто-то должен был неустанно совершать маленькие шаги, поддерживающие движение цивилизации.

И теперь пришел ее черед.

Благодарности

Спасибо следующим людям: моему редактору Джонатану Оливеру и замечательным людям из «Solaris Books»; моему агенту Дженнифер Джексон и помощнику моего агента Майклу Карри.

Я благодарен моим бета-читателям: Джозефу Чарльзу Бецвайзеру, Шифомандре, Дедале, Сету Дикинсону, Дэвиду Гиллону, Исиде, Карангуни, Хелен Кибл, Нэнси Зауэр и Соне Тааффе. Дополнительная благодарность Сэму Кабо Эшвеллу за предоставление экстренного «киндла», когда я работал над правкой после наводнения; Эндрю Плоткину и Хелен Кибл за их мысли о календарном замке́; Питеру Берману за помощь с математикой порогового отделителя; и Лиле Гарротт-Вейксноре за информацию о военных похоронах. Все ошибки и упущения, конечно, мои собственные.

Это для Дедалы: pistolium tuum sum.

Об авторе

Юн Ха Ли — писатель и математик из Хьюстона, штат Техас, чьи работы появлялись в журналах Clarksworld, Lightspeed и The Magazine of Fantasy and Science Fiction. Он опубликовал более сорока коротких рассказов, а в 2013 году вышел его сборник «Conservation of Shadows», получивший признание критиков. Он живет в Луизиане со своей семьей и чрезвычайно ленивым котом.